

Совершенно изумительная книга.
Хоть она и связана с сюжетом игры «Dead Space», но это
вполне самостоятельная вещь в жанре НФ-хоррор.

Из отзывов читателей на сайте amazon.com

DEAD SPACE

Книга 1

МУЧЕНИК

Б. К. ЭВЕНСОН

Dead Space

Брайан Эвенсон

Dead Space. Мученик

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Эвенсон Б. К.

Dead Space. Мученик / Б. К. Эвенсон — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Dead Space)

ISBN 978-5-389-13000-5

Род человеческий не ведал о том, что еще в час своего рождения он был проклят на многие века вперед. Что его будущее – это мир, в котором мертвецы вернутся к жизни. Все началось у берегов полуострова Юкатан. Чтобы изучить лежащую в кратере подводного вулкана океана археологическую находку, была организована дорогостоящая экспедиция. Но исследователей, пытавшихся приблизиться к загадочному Черному Обелиску, ожидала страшная судьба... Впервые на русском языке – роман-приквел к знаменитой компьютерной игре!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-13000-5

© Эвенсон Б. К., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Часть 1	8
1	8
2	10
3	12
4	13
5	15
6	17
7	18
8	20
9	24
10	25
Часть 2	28
11	28
12	31
13	34
14	38
15	44
16	48
17	50
18	52
19	53
20	55
21	57
Часть 3	60
22	60
23	62
24	65
25	67
26	74
27	77
28	83
29	87
30	94
31	96
Часть 4	98
32	98
33	104
34	113
35	116
36	119
37	124
38	127
39	129
40	131
Часть 5	134
41	134

42	137
43	139
44	145
45	147
46	153
47	155
48	159
49	162
50	164
51	166
Часть 6	167
52	167
53	170
54	178
55	180
56	185
57	187
58	191
59	193
60	200
61	204
Часть 7	206
62	206
63	210
64	216
65	219
Эпилог	225
1	225
2	228
3	232
Благодарности	233

Б. К. Эвенсон

Dead Space

Книга 1

Мученик

Brian Evenson

DEAD SPACE™: MARTYR

Copyright © 2010 by Electronic Arts, Inc.

All rights reserved

Published by arrangement with Tom Doherty Associates, LLC

© Т. Матюхин, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Тварь прыгнула, и он юркнул в сторону. Чудовище с громким треском врезалось в стену круглой камеры. Удар оказался таким сильным, что образовалась вмятина. Он остановился; болела, казалось, каждая косточка, но он все же похромал на другую сторону камеры.

Тварь была вдвое крупнее обычного человека. Передвигалась она, попеременно поднимая шипастые хитиновые передние и задние конечности, с невероятной скоростью.

Вот она развернулась, сориентировалась и снова бросилась в атаку. Пол заходил ходунгом.

Он выжидал до последнего мгновения, а потом опять отскочил в сторону, но теперь кошмарный шип распорол руку. Раздосадованное чудовище заревело от ярости и закрутилось на месте, пытаясь отыскать жертву. Когда ему это удалось, человек уже стоял у противоположной стены, как можно дальше от твари.

«Ну что ж, – подумал он, держась за раненую руку, – моя очередь».

Тварь снова напала, однако мужчина, вместо того чтобы отпрыгнуть в сторону, нырнул под передние лапы и в одно мгновение оказался под мягким брюхом монстра. Он выхватил ложку и что было силы полоснул вялую плоть. В следующую секунду он уже выбрался из-под твари и, спотыкаясь, кинулся к дальней стенке.

Но далеко уйти не успел. Тварь ухватила человека за ногу, легко, как куклу, подняла в воздух и бросила. Он впечатался в стену, попытался подняться, но не сумел даже пошевелиться. Он едва мог дышать – таким сильным оказался удар. Но это было еще не самое худшее, – похоже, у него был сломан позвоночник.

Он предполагал, что чудовище снова атакует, но ошибся. Оно приближалось неторопливо и с любопытством разглядывало человека. Тот, в свою очередь, с нарастающим ужасом ожидал неизбежного.

Жуткая тварь нависла над ним, а потом заехала лапой. Жестоко ударила, так что человек снова врезался в стену. Он подумал, что сейчас потеряет сознание, но внезапно камера ярко и четко высветилась.

Чудовище схватило его и, подняв с пола, вновь издало дикий рев, потом грубо встряхнуло и отправило прямоком в пасть.

В следующий миг оно перекусило тело пополам, а еще через секунду человек был мертв.

Часть 1

Пуэрто-Чиксулуб

1

В тот день Чава проснулся раньше обычного, перед самым восходом солнца. Мать и сестренка еще спали. Отец отсутствовал – снова отправился путешествовать. Когда мальчик спрашивал, где он бывает, отец всегда уклонялся от ответа, и Чава научился воздерживаться от дальнейших расспросов. Он зачерпнул из ведра ковшик воды и утолил жажду, стараясь при этом не шуметь, чтобы не разбудить сестру. Еще один ковшик он вылил в миску, умыл лицо и руки, а остатки выплеснул на земляной пол.

Впрочем, до конца Чава еще не проснулся. Он увидел, как сестренка беспокойно зашевелилась и негромко застонала. Почему же он встал так рано? Да, ему как раз снился ужасный сон. Его преследовала неведомая тварь, необычного вида существо, и передвигалось оно странно, какими-то неуверенными рывками. Оно казалось живым и мертвым одновременно. Мальчик покачал головой, недоумевая, как это существо может быть живым и в то же время неживым.

Он быстро оделся и выскочил из лачуги, придерживая за собой заменявший дверь алюминиевый лист, чтобы тот не хлопнул. Оказавшись на улице, Чава полной грудью вдохнул соленый воздух. В нескольких стах метров по поверхности моря неспешно перекатывались синевато-серые волны. Настало время отлива, и шума волн на таком расстоянии практически не было слышно.

Мальчика преследовали непонятные звуки, почти шепот. Казалось, он раздаётся прямо в голове. Чей-то голос произносил слова на неизвестном языке, причем настолько тихо, что Чава не смог бы даже определить, где заканчивается одно слово и начинается другое. Он попытался прогнать странные звуки прочь, но они, хотя и зазвучали тише, не собирались исчезать. Они как будто затаились глубоко внутри черепной коробки, продолжая его донимать.

Внезапно на мальчика нахлынули воспоминания о ночном кошмаре. Тварь из сна была крупной, чуть больше взрослого мужчины. Чава смотрел на нее сзади и поначалу даже принял за человека, но потом она повернулась, и мальчик увидел, что у нее недостает важной части лица – челюсти. Было что-то неправильное у твари и с передними конечностями, но сновидение оставалось нечетким, и он не смог разобраться, что же именно его смущало. Тварь наблюдала за ним пустыми глазами, похожими на рыбы. А потом она зашипела и одним прыжком набросилась на мальчика, приблизила слюнявую пасть и попыталась погрузить сломанные зубы в его горло.

Он брел куда-то в полубессознательном состоянии, сам не зная куда, и пытался избавиться от фрагментов ночного кошмара, которые неотвязно преследовали его. Чава очень удивился, когда обнаружил, что оказался у самой воды. Слева на берегу никого не было видно; справа вдалеке двое или трое рыболовов стояли по колено в воде и вытаскивали улов из пенных вод. Мальчик знал: что бы это ни было, оно почти наверняка окажется малосъедобным и будет иметь привкус нефти. Такой «дар моря» не каждый сможет съесть. Здесь воды перестали быть пригодными для рыбы. Море заражено и постепенно умирает, а вместе с ним начинает гибнуть и окружающая суша.

Чава слышал, как отец с гневом в голосе говорил об этом. Еще несколько лет назад урожаи были обильными и не опасными для здоровья, а теперь их не хватало на прокорм –

если они вообще созревали. Единственные продукты, которые вроде бы считались безвредными, выращивались на своих полях с особым микроклиматом крупными корпорациями. Вот только позволить себе эту еду могли немногие. Выбор, как говорил отец, был небольшой: есть пищу, которая тебя медленно убивает, или же разориться на продуктах по заоблачным ценам, пока все и каждый вокруг продолжают уничтожать этот мир.

Мальчик направился к рыболовам, но что-то его удерживало. Вот он наконец остановился, развернулся и зашагал в противоположном направлении – туда, где побережье было пустынным.

Впрочем, не совсем пустынным. Впереди что-то виднелось. Какая-то штукавина качалась на волнах.

Сперва Чава решил: может быть, это рыба, но когда подошел ближе, увидел, что для рыбы неизвестный объект слишком велик. Да и форму он имел неправильную. Возможно, труп, утопленник? Однако, разглядев как следует колыхавшийся на воде предмет, мальчик понял, что ошибается. Это было нечто невообразимое.

Чава почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Однако он продолжал идти к непонятной находке и изо всех сил старался игнорировать усиливающуюся какофонию голосов в голове.

2

Майкл Олтмэн потерял глаза и оторвался от головизора. Олтмэну недавно пошел пятый десяток, он был высокого роста, черные волосы на висках чуть тронула седина, на лице выделялись живые зелено-голубые глаза. Взгляд у него обычно был умный, цепкий, но сегодня лицо немного осунулось, и вид Олтмэн имел слегка изможденный. Этой ночью он плохо спал. Ему снились дурные сны: смерть и кровь. Много крови. Вспоминать подробности Олтмэну не хотелось.

– Странно, – произнес Джеймс Филд, геофизик, с которым он делил лабораторию. Филд провел толстыми, похожими на сардельки пальцами по своим редющим седым волосам и, откинувшись назад, так что стул под ним заскрипел, посмотрел через всю комнату на Олтмэна. – Ты получил те же самые показания?

– Какие показания? – переспросил Олтмэн.

Филд развернул головизор к коллеге. На экран была выведена гравитационная карта Бугера – Сальво, изображающая Чиксулубский кратер – сто десять миль диаметром. Впадина образовалась шестьдесят пять миллионов лет назад в результате падения на Землю десятикилометрового метеорита.

Джеймс Филд, которому было уже под шестьдесят, провел большую часть жизни за составлением подробнейшей карты кратера для государственной Центральноамериканской ресурсной корпорации (ЦАРК). Основной упор в своих исследованиях он делал на изучение внутренней поверхности гигантской воронки, где можно было найти и быстро извлечь немного важнейших минералов. Поскольку подобными исследованиями люди занимались уже не одну сотню лет, работа Филда сводилась в основном к обнаружению совсем незначительных запасов; прошлые экспедиции – еще до ресурсного кризиса – просто сочли их разработку невыгодной. Занятие это было скучное и однообразное и больше подходило бы счетоводу, однако Филд все же оставался геофизиком. Впрочем, тот факт, что Филд, похоже, получал от работы настоящее удовольствие, говорил Олтмэну о коллеге больше, чем он хотел знать.

Сам же Олтмэн оказался в Чиксулубе всего год назад. Его подруга, антрополог Ада Чавес, добилась финансирования исследований, предметом которых выступила роль фольклора и мифов майя в современном мире. Олтмэн смог потянуть за нужные ниточки и заручиться необходимой поддержкой, чтобы получить небольшой грант и, соответственно, возможность последовать за Адой в Мексику. Целью его работы здесь было составление схемы разреза подводной части кратера и создание карты потенциально значимых геологических структур, скрытых под слоем грязи толщиной в полмили. Для этого Олтмэн использовал данные как со спутников, так и полученные при отборе проб под водой. В теории это был исключительно научный проект, но Олтмэн хорошо понимал, что любую собранную им информацию университет продаст добывающей компании. Он старался об этом не думать. Работа продвигалась медленно, особых дивидендов не приносила, однако Олтмэн убеждал себя, что она не настолько бессмысленная, как занятия Филда.

Олтмэн внимательно посмотрел на головизор коллеги. Ничего необычного он не заметил, показания были в норме.

– И что я должен увидеть?

Филд наморщил лоб:

– Я забыл, что ты новичок. Сейчас приближу изображение по центру.

Центральная часть кратера находилась глубоко под водой, примерно в шести милях от лаборатории. Олтмэн склонился к монитору и прищурился. Судя по темному пятну в самом сердце воронки, там имела место гравитационная аномалия.

– А вот как это выглядело месяц назад, – заметил Филд. – Видите?

Он вывел на экран другой разрез. На нем Олзмэн не обнаружил ничего похожего. Он снова обратился к первому изображению. Все верно: в центре было непонятное черное пятно.

– Как такое возможно? – спросил он.

– Бессмысленно, согласись. Таких изменений просто не может быть.

– Вероятно, приборы барахлят, – предположил Олзмэн.

Филд помотал головой:

– Я уже давно здесь работаю и, если столкнусь с неисправностью оборудования, разберусь, что к чему. Это не наш случай. Аномалия видна и на снимках из космоса, и при подводном сканировании, так что техника тут ни при чем.

– Но как такое могло случиться? Может, в результате извержения вулкана?

Филд снова покачал головой:

– Нет, такой аномалии не возникло бы. Кроме того, извержение зарегистрировали бы другие приборы. У меня нет приемлемого объяснения. Что-то здесь не так.

И он потянулся к телефону.

3

Чем ближе мальчик подходил к непонятному существу, тем больше нервничал. Это не могла быть ни одна из известных рыб. Это была не морская черепаха, не собака и не ягуар. Чава подумал, что, возможно, это обезьяна, но для обезьяны оно слишком велико. Он осенил себя крестом, потом скрестил два пальца, чтобы защититься от злых сил, и продолжил идти вперед.

Еще до того, как мальчик толком рассмотрел существо, он услышал его дыхание. Тварь издавала странные звуки – будто пыталась оторваться что-то, чем подавилась. Нахлынула волна, и ненадолго тяжелое дыхание смолкло; существо оказалось скрыто под водой и пеной. Потом волна ушла, а задыхающаяся тварь осталась на мокром песке. Она неуклюже перевернулась и потянулась к мальчику подобием головы.

Она напоминала кошмарное создание из сна, но только много хуже. Она не являлась человеком, но, возможно, была им раньше. Шея выглядела так, будто с нее содрали кожу; видневшийся под ней спинной мозг покрывали белые пятна, из них сочилась жидкость. На том месте, где должны были располагаться глаза, у существа виднелись лишь пустые впадины, покрытые испещренной венами непрозрачной пленкой. Челюстная кость, похоже, отсутствовала вовсе; остался только лоскут болтающейся кожи и дыра на месте рта. Из этого отверстия доносилось шумное дыхание, а также неприятный запах, такой резкий, что Чава закашлялся.

Существо было горбатым, пальцы соединялись перепонками; от локтя до бедра шла тонкая кожаная пленка, напоминавшая крыло летучей мыши. Оно попыталось подняться, но не удержалось и упало обратно на мокрый песок. На спине у твари набухали две большие красные шишки размером с кулак взрослого мужчины.

«Мать Божья!» – воскликнул про себя мальчик.

Существо издало звук, напомнивший стон, опухоли на спине запульсировали. Хрустнули кости в передних конечностях (едва ли их можно было назвать руками), а сами конечности изогнулись и еще меньше стали похожи на человеческие. Тварь выплюнула молочно-белую жидкость, и она повисла нитями по краям кошмарного подобия рта. С громким треском спина разошлась на две части, из образовавшейся щели брызнула кровь, и показались серые губчатые мешки; они раздувались и опадали, опять раздувались и вновь опадали.

Чава стоял, не в силах пошевелиться. Внезапно тварь повернула голову и уставилась на мальчика незрячими глазами. Лицевые мышцы напряглись, и зияющая щель на месте рта растянулась в жалком подобии ухмылки.

Тут уже Чава не выдержал, развернулся на пятках и кинулся бежать.

4

Через несколько минут Филд переговорил с двумя другими работавшими в Чиксулубе геофизиками, Рамиресом и Шоултером, и оба сообщили, что получают такие же показания, как и он. Теперь уже не оставалось сомнений: речь идет не об ошибках приборов, в сердце-вине кратера действительно что-то изменилось.

– Но почему? – спросил Олтмэн.

Филд только покачал головой:

– Кто же знает? Шоултер считает, это может быть связано с сейсмической активностью, которая сфокусировалась на одном из датчиков, но он и сам не верит в эту гипотезу. Рамирес недоумевает не меньше нас. Он разговаривал с несколькими специалистами, и никто из них, похоже, не знает, что происходит. Что-то изменилось, стало не так, но никто не берется ответить, почему это произошло и что вообще стряслось. Никто никогда не стал-кивался ни с чем подобным.

– И что нам делать?

Филд пожал плечами и призадумался.

– Не знаю, – медленно произнес он, продолжая теребить свои редющие волосы. Взгляд его был устремлен в пустоту. – Сами мы тут практически ничего не можем сделать. Я отправлю отчет в ЦАРК – посмотрим, что они посоветуют. Ну а пока не придет ответ, я, пожалуй, продолжу снимать показания.

Он тяжело вздохнул и снова повернулся к экрану. Олтмэн с отвращением уставился на коллегу.

– Да что с тобой такое? – спросил он. – Тебе хоть чуть-чуть любопытно?

– Что? – переспросил Филд. – Ну конечно любопытно. Только я не знаю, что с этим делать. Мы попытались разобраться, но все, с кем мы общались, точно так же ни черта не понимают.

– И все? Ты хочешь просто отмахнуться от этой истории?

– Не совсем так, – возразил, повышая голос, Филд. – Я же сказал: отправлю доклад в ЦАРК. Там сидят умные люди. Полагаю, это будет наилучший вариант.

– Ага, и что дальше? Будешь сидеть несколько недель и ждать, пока кто-нибудь не соизволит прочитать твой доклад, а потом еще несколько недель дожидаться ответа? И что ты собираешься делать в это время? Продолжать снимать показания, как преданный служака?

– А что плохого в том, чтобы следовать протоколу? Я просто выполняю свои обязанности. – Филд помрачнел.

– Но эта аномалия может оказаться огромной! – разгорячился Олтмэн. – Ты сам сказал, что ни с чем похожим прежде не встречался. Нужно попробовать выяснить, что же это!

Трясущимся пальцем Филд ткнул в сторону коллеги.

– Делай что хочешь, – тихим дрожащим голосом произнес Филд. – Ищи себе на задницу приключений. Посмотрим, к чему это приведет. Дело очень серьезное, и разбираться с ним нужно основательно. Я буду работать так, как считаю необходимым.

Олтмэн плотно сжал губы и отвернулся.

«Я разберусь, что здесь происходит, – поклялся он себе. – Даже ценой собственной жизни».

Прошло несколько часов, а Олтмэн в своем расследовании продвинулся не дальше Филда. Он обзвонил ученых, работавших в самом Чиксулубе или поблизости, связался с теми, кто проявлял хоть какой-то интерес к исследованию кратера. Каждый раз получая отрицательный ответ, он просил собеседника подсказать, с кем, по его мнению, стоило бы переговорить еще, и после звонил по указанному номеру.

Было без четверти пять, и Олтмэн опросил уже всех, кого только возможно, но результат оставался нулевым. Он пробежался по показаниям приборов и сопоставил их с информацией, которую смог выудить у коллег. Да, в кратере определенно наблюдалась гравитационная аномалия. Изменилось и напряжение магнитного поля, но этим сведения Олтмэна ограничивались.

Филд, который, как и всякий порядочный бюрократ, неизменно покидал рабочее место ровно в пять, уже начал пересылать материалы и засобирался домой.

– Уходишь? – спросил Олтмэн.

Филд улыбнулся и поднял свое грушевидное тело со стула.

– Сегодня здесь больше нечего делать, и мне не платят за сверхурочную работу, – пояснил он и вышел.

Олтмэн задержался еще на несколько часов. Он заново внимательно изучил всю имевшуюся информацию, а также карты. Он искал сведения о похожих изменениях в базе данных по самому кратеру и по другим подобным объектам начиная с двадцатого столетия. Но все было безрезультатно.

Когда Олтмэн уже направлялся к выходу, у него вдруг зазвонил телефон.

– Доктор Олтмэн? – раздался в трубке учтивый и очень тихий голос, практически шепот.

– Да, это Олтмэн.

– Говорят, вы всех расспрашиваете о кратере, – прошептал неизвестный.

– Совершенно верно, – подтвердил Олтмэн. – Это все из-за необычной анома...

– Не по телефону. Вы уже сказали слишком много. В восемь часов в баре у причала. Знаете, где это?

– Знаю, конечно. А кто это говорит?

Но звонивший уже отключился.

5

К тому времени, когда Чава вернулся и буквально приволок за собой мать и еще нескольких человек из ближайшего бидонвиля, существо опять изменилось. Влажные серые мешки на спине стали еще больше – каждый, когда полностью раздувался, почти достигал размеров взрослого человека. «Руки» и «ноги» соединились, они как будто слились друг с другом. Шея с содранной кожей также претерпела изменения: она вся шевелилась, словно под ней копошились термиты.

Воздух вокруг лежащей твари наполнился ядовитой желтизной. Мельчайшие частицы висели густым облаком, и людям стало трудно дышать, когда они подошли совсем близко. Один мужчина – невысокий, но с достоинством державшийся пожилой пьянчужка – смело вступил в облако, но тут же закашлялся, зашатался и рухнул на песок. Двое его товарищей вытащили бедолагу за ноги и стали усиленно хлопать по щекам.

Чава посмотрел, как пьянчужка постепенно приходит в себя и снова тянется за бутылкой, потом повернулся и уставился на неведомую тварь.

– Что это такое? – спросил мальчик у матери.

Мать, не отрывая взгляда от существа на песке, зашептала с соседями. Чава с трудом слышал, о чем они говорят, но одно повторявшееся раз за разом слово уловил: «Икстаб, Икстаб». Наконец женщина повернулась к сыну.

– Кто такой Икстаб? – нетерпеливо спросил он.

– Беги и приведи старую бруху¹, – велела мать. – Она скажет, что делать.

Когда Чава нашел бруху, та уже сама ковыляла к берегу. Передвигалась она медленно и опиралась при ходьбе на палку. Бруха была старой и слабой, волос на голове почти не осталось, а все лицо изрезали морщины. Мать уверяла Чаву, что старуха помнит времена, когда испанцы убивали людей народа майя, а было это тысячу лет назад.

«Она как утерянная книга, – говаривала мать. – Ей известно все, о чем другие давно позабыли».

На плече у старухи висела сума. Мальчик начал рассказывать про существо на берегу, но бруха жестом заставила его замолчать.

– Я уже знаю. Думала, ты найдешь меня раньше.

Он взял женщину за руку и помог ей идти. Другие обитатели хибар и лачуг также направлялись к побережью. Одни двигались словно загипнотизированные, другие бежали. Некоторые плакали.

– Кто это – Икстаб? – спросил Чава.

– Икстаб, – повторила бруха. Она остановилась и посмотрела в лицо мальчику. – Это богиня. Женщина, которую повесили. Она висит на дереве, с веревкой на шее. Глаза ее закрыты в смерти, а тело уже тронута разложением. Но тем не менее она богиня.

– Но она мертвая?

– Богиня самоубийц, – задумчиво произнесла старуха. – Она повешенная богиня, повелительница смерти. И она собирает к себе тех, кто умер по неизвестным причинам. – Бруха пристально посмотрела на мальчика и добавила: – Она очень суровая госпожа.

Чава кивнул.

– Скажи мне, – попросила бруха, – сегодня ночью ты видел сны?

Чава снова кивнул.

– Расскажи мне свой сон, – велела старая колдунья и внимательно выслушала сбивчивый, неуверенный рассказ парнишки.

¹ Бруха (исп. bruja) – ведьма, колдунья, знахарка. (Здесь и далее примеч. перев.)

Потом она указала рукой на бегущих впереди людей, на толпу, собравшуюся вокруг странного существа на берегу:

– Им всем тоже снился этот сон.

– И что это значит? – спросил мальчик.

– Что это значит? – переспросила старуха и ткнула дрожащим пальцем в сторону страшной богини. Серые мешки на спине уже стали размером почти как два взрослых человека; облако ядовитого газа разрасталось вокруг. – Ты видишь, что это значит.

– Мы все видели ее во сне и она стала реальной? – спросил пораженный Чава.

Бруха раскрыла беззубый рот и захихикала:

– Думаешь, ты такой могущественный? – Она снова заковыляла к берегу. – Думаешь, мы все обладаем такой силой? Нет. Это не мы создали ее. Наш сон был предупреждением.

– Предупреждением?

– Сон говорит нам: что-то здесь не так, – объяснила старуха. – Мы должны это исправить.

Некоторое время они шли по песчаному берегу молча. Старая колдунья тяжело дышала. Чава уже слышал шипение, которое издавало существо, – оно перекрывало даже шум прибоя.

– Ты там гредишь наяву, что ли? – спросила вдруг бруха.

– О чем ты? – испугался мальчик.

– Ага! Я по твоему голосу слышу, что гредишь. Будь осторожен. Ты первый, кого она нашла. Она хочет тебя забрать. Чиксулуб. Знаешь, что это за слово?

Чава помотал головой.

– А ведь ты прожил здесь всю свою жизнь, – проворчала старуха. – В месте, названия которого не знаешь.

Он немного помолчал и спросил:

– Это плохое слово?

Бруха только фыркнула и ничего не сказала. Очевидно, вопрос попросту не заслуживал ответа.

– Что значит «Чиксулуб»? – продолжал допытываться мальчик.

Старуха резко остановилась и кончиком палки начертила на песке фигуру, состоявшую из двух переплетенных линий.

Мальчик скрестил пальцы – этому знаку, защищающему от злых чар, он научился еще ребенком – и повторил начерченную фигуру.

Колдунья молча кивнула.

– Что это такое? – спросил Чава.

Старуха по-прежнему ничего не отвечала. Она широко раскрыла рот, который на мгновение точь-в-точь напомнил лишенную челюсти пасть кошмарного существа.

– Хвост дьявола, – нарушила наконец молчание бруха. – Дьявол уже просыпается и молотит хвостом. Если мы не уговорим его снова заснуть, нам всем придет конец.

6

Олзмэн решил, что идти на встречу нет никакого смысла. Это, скорее всего, была просто дурацкая шутка. Слишком много он задавал сегодня вопросов, и неудивительно, что кто-то решил его подколоть. Всевозможные мысли о заговорах и прочих шпионских играх Олзмэн отверг с ходу. Он был обязан рассуждать рационально, как подобает настоящему ученому. Поэтому, вместо того чтобы идти в бар, Олзмэн отправился домой.

Войдя в комнату, он увидел Аду: она сидела перед столом, откинувшись на спинку стула, и спала. Длинные черные волосы были заправлены за уши и водопадом рассыпались по плечам. Олзмэн поцеловал девушку в шею, и она проснулась.

Ада улыбнулась, ее темные глаза засверкали.

– Что-то ты припозднился, Майкл. Ты же не изменял мне?

– Эй, я не из тех, кто устает на работе.

– Я плохо спала ночью, – пожаловалась Ада. – Видела нехорошие сны.

– Я тоже. – Олзмэн сел и тяжело вздохнул. – Происходит нечто странное.

И он рассказал подруге о том, что обнаружили они с Филдом, о вопросах, которые он задавал по телефону. Поделится также своими ощущениями – их, похоже, разделяли многие, – что здесь было неладно.

– Забавно, – молвила Ада. – Но ничего хорошего в этом нет. Со мной сегодня было то же самое.

– Хм, ты тоже обнаружила гравитационную аномалию?

– Вроде того. Ну или, скажем, ее антропологический эквивалент. – Она помолчала. – Меняются предания.

– Какие предания?

– Народные предания, сказки. Они претерпевают изменения – и тоже очень быстро.

Майкл, так не бывает. Это просто невозможно.

Олзмэн внезапно сделался серьезным:

– Невозможно?

– Абсолютно.

– Ерунда.

– Местные повторяют истории о хвосте дьявола, – пояснила Ада. – Такая изогнутая заостренная штука. Говоря о ней, они скрещивают пальцы, вот так. – Она скрестила указательный и средний пальцы. – Но когда я пытаюсь расспросить подробнее, они сразу же замолкают. Странно, ведь раньше они были со мной откровенны. Впечатление такое, будто мне больше не доверяют. – Она положила руку на столешницу. – А хочешь знать, что во всей этой истории самое странное?

– Что же?

– Знаешь, как будет на языке юкатанских майя «хвост дьявола»? Точно так же, как и название кратера, – Чиксулуб.

У Олзмэна пересохло в горле. Он взглянул на часы: без четверти восемь. Что ж, он еще вполне успевает в бар на встречу с незнакомцем.

7

Некоторое время все молчали. Просто стояли и смотрели на бруху. Та, опершись на плечо Чавы, в свою очередь рассматривала кошмарную тварь.

– Вы видите? – прошептала она наконец, и ее голос почти не был слышен за тяжелым дыханием существа. – Оно растет.

Старуха засунула руку в сумку, покопалась в ней и, вытащив щепотку порошка, задвигалась в медленном танце. Она обходила тварь кругом, по самой границе зловонного облака, и рассыпала впереди порошок. Мальчика старуха тащила за собой. Это был странный, хаотичный танец, напоминавший походку пьяного. Собравшиеся на берегу люди сперва просто наблюдали за ритуальными движениями колдуньи, но вот пара человек присоединилась к необычному танцу, а следом и еще несколько. Другие стояли и трясли головой, словно прогоняли наваждение.

Когда бруха оказалась прямо напротив головы твари, она остановилась и принялась кружиться на месте. Затем все повторяли за ней движения; каждый занял свое место, и постепенно люди образовали полный круг. Они танцевали возле существа, некоторые при этом находились по колено в воде.

Вот колдунья взмахнула посохом, отошла назад и снова шагнула вперед. Люди повторили за ней движения. Чава зашел слишком далеко и закашлялся, когда вдохнул выпускаемый тварью ядовитый газ. Глаза зажгло огнем, в горле нестерпимо зашипало.

Бруха подняла руки со скрещенными указательным и средним пальцами. «Чиксулуб», – пробормотала она и снова повернулась. Исковерканное множеством языков слово пронеслось по толпе, будто стон.

Колдунья медленно повернулась и отошла в сторону. Спина ее была теперь более прямой, а походка увереннее, чем когда они с Чавой шли к берегу. Вот она отступила на несколько ярдов и, покопавшись в песке, извлекла из него принесенную морем дощечку. Затем старуха возвратилась в круг. Она кивнула мальчику и показала жестами, чтобы он сделал то же самое. Когда Чава вернулся с плавником, остальные один за другим тоже принялись выходить из круга и потом медленно возвращаться.

Кожа, из которой состояли серые мешки на спине существа, становилась все тоньше по мере того, как последние увеличивались в размерах. Теперь она была уже практически прозрачной. Мешки медленно раздувались, туго натягивая кожу, потом опадали, уменьшались почти вдвое и снова набухали. Зрелище было ужасное. Чава каждую секунду ожидал, что вот сейчас мешки лопнут.

Бруха снова пустилась в странный танец. Она высоко воздела подобранную деревяшку, улыбнулась беззубым ртом и швырнула плавник в существо.

«Снаряд» несильно ударил тварь в морду и упал рядом на песок. Страшилище как будто ничего и не заметило.

– А теперь ты, – велела колдунья мальчику. – Поднимай выше и кидай сильнее.

Он вложил в бросок всю свою силу, деревяшка попала в левый мешок у основания и слегка его надорвала. Из прорехи со свистом пошел воздух. Бруха подняла руки к небу, а потом опустила, и люди из круга, повинаясь ее жесту, тоже бросили деревянные. Конечно, кто-то промахнулся, пара «снарядов» срикошетила, не причинив особого вреда, но большинство пропороло мешки – некоторые достаточно глубоко. Воздух с шумом вырывался из дыр, а окружавшее существо ядовитое облако постепенно рассеивалось.

– А теперь твоя очередь, – хрипло сказала Чаве колдунья. – Видишь вон того пьянчугу? Как обычно, еле на ногах стоит. Пойди заведи у него бутылку и принеси мне.

Мальчик бегом бросился вокруг стоящих людей к тому самому невысокому, но исполненному достоинства темноволосому пьянице, который слишком близко подошел к желтому облаку и едва не лишился жизни. Мужчина повернулся и одарил мальчика улыбкой, но тот, не дав взрослому опомниться, схватил стоявшую между его ног бутылку и помчался назад к брухе.

Колдунья взяла ее и вытащила пробку. Позади пьянчужка пытался протестовать, но его крепко схватили за руки.

– Задержи дыхание, – велела бруха мальчику и передала ему сосуд. – Нужно вылить на древесину и на саму тварь.

Сердце Чавы учащенно забилося. Он набрал полные легкие воздуха и бросился вперед. Дыры в мешках на спине существа затягивались прямо на глазах. Сами мешки были еще небольшие по размеру, но уже раздувались снова. Мальчик быстро перевернул бутылку, облил существо и раскиданные вокруг деревяшки и бегом вернулся к колдунье. Глаза его распухли – их жгло словно огнем.

Бруха тем временем подпалила кончик посоха, осторожно приблизилась к твари и дотронулась палкой до ее головы.

И существо, и сухой плавник занялись мгновенно. Старуха выпустила из рук посох, и тот упал в горящий костер. Тварь шипела и бешено билась на песке, но даже не пыталась вырваться из языков пламени. Серые мешки на спине быстро обуглились, а затем взорвались. Наконец существо затихло.

Покачиваясь, бруха снова повела людей за собой в медленном и будто неуверенном танце. Чава обнаружил, что ноги – будто принадлежат не ему, а кому-то другому – сами несут его вперед, подстраиваются под общий ритм этой странной пляски.

«Интересно, – подумал он, – многие ли испытывают такое же чувство?»

Он заметил, что пьянчужка не двигается вместе с остальными; стоя в отдалении и глядя на костер, он медленно покачивался из стороны в сторону. Лоб его испещрили морщины. Другие же продолжали танец, совершая медленные движения руками в воздухе, до тех пор, пока от кошмарной твари не остался только вонючий обугленный скелет. Лишенная плоти черная головешка выглядела точь-в-точь как человеческие останки.

8

Олтмэн заказал бутылку пива и убедился, что крышку до него не открывали. В ожидании сдачи он осматривал небольшое помещение бара, пытаясь вычислить, кто же ему звонил. Единственными посетителями заведения в этот час были несколько ученых из Северо-американского сектора. Звонить мог любой из них.

Олтмэн сел за столик, открыл пиво и едва успел немного отхлебнуть, как к нему приблизился мужчина. Подошедший был худощав, с бледной кожей и коротко постриженными волосами, одет в рабочий комбинезон.

«Должно быть, техник или кто-то в этом роде», – предположил Олтмэн.

– Вы Олтмэн. – Это был не вопрос, а утверждение.

– Верно. А вы...

– Я сообщаю свое имя только друзьям, – заявил незнакомец. – Вы друг?

Олтмэн молча уставился на мужчину.

– Понятно. Видать, вы не из тех, кто обзаводится друзьями через минуту после знакомства. Ну хорошо, давайте договоримся: можете думать о моих словах все, что угодно, но если кто-нибудь спросит, я вам ничего не рассказывал.

Олтмэн колебался недолго:

– Договорились.

– Пожмем друг другу руки? – предложил незнакомец и первым протянул свою.

Олтмэн пожал ее.

– Хэммонд, – представился мужчина. – Чарльз Хэммонд.

Он выдвинул стул и тоже сел.

– Рад с вами познакомиться, – сказал Олтмэн. – Ну а теперь расскажете мне, что происходит?

Хэммонд наклонился к собеседнику:

– Вы кое-что заметили. И вы не один такой.

– Не один? – холодно переспросил Олтмэн.

– Я занимаюсь связью. Работаю по найму, в основном на промышленные компании. – Он легонько ткнул Олтмэна пальцем в грудь. – Я тоже кое-что замечаю.

– Это хорошо...

– Импульс, – перебил его Хэммонд. – Медленный, нерегулярный и очень слабый, но все же достаточный, чтобы чуть заглушать другие сигналы. Я педант и, когда ставлю перед собой задачу, люблю, чтобы все было кристально ясно. Меня волнуют вещи, на которые другие люди и внимания не обратят. Вот почему я это заметил.

Он замолчал. Олтмэн не дождался продолжения, отхлебнул пива и спросил:

– Что заметили?

– Сначала я подумал, что дело в терминале связи, который я как раз устанавливал для «Дреджер корпорейшн».

– Я и не знал, что «Дреджер корпорейшн» работает здесь, – удивленно заметил Олтмэн.

Это само по себе уже служило признаком того, что происходит нечто странное. «Дреджер корпорейшн» слыла одной из самых темных и сомнительных фирм по добыче природных ресурсов. Подобные корпорации обычно стремительно проникали на территорию государства без ведома местных властей, устраивали карьеры или прокладывали шахты, извлекали столько полезных ископаемых, сколько могли, пока их хищническую деятельность не замечало правительство, и быстро убирались восвояси.

– Официально они и не работают. Просто оказались здесь. Только тсс! – предупредил Хэммонд. – Считается, что я ничего о них не знаю. Так или иначе, сперва я решил: причина

в плохом контакте, какая-то деталь вышла из строя и дает незначительный электрический разряд, который и вызывает в линии периодические посторонние шумы. Тогда я разобрал все на части, но никаких неполадок не обнаружил и собрал заново. Шумы не прекратились. Они возникали раз или два в минуту и длились несколько секунд, а бывало, что и меньше. «Может, ты чего-то не заметил» – так я себе сказал и хотел уже снова разобрать эту хреновину, но тут вдруг подумал, а не проверить ли другой терминал в той же системе. Проверил и обнаружил сходную проблему. Я готов был разобрать по винтикам всю чертову связь «Дреджер корпорейшн», и тут меня осенило: возможно, причина не только в ней, но и в чем-то еще.

– И?..

Хэммонд кивнул:

– Сигнал ловят все, но никто не обращает внимания. Проблема вовсе не в системе. Это электромагнитный импульс, слабенький и нерегулярный, и распространяется он из неизвестного источника.

– И что же это такое?

– Я занялся исследованиями, – проигнорировал Хэммонд прямой вопрос Олтмэна, – установил несколько приемников и методом триангуляции определил местоположение источника. Так как импульс нерегулярный, работа отняла у меня некоторое время. Когда же я получил результат, то решил, что где-то ошибся. Я переставил приемники, снова определил источник, и у меня не осталось никаких сомнений по поводу того, где он находится.

– Где же?

Хэммонд наклонился еще ближе, обнял Олтмэна за плечи и приблизил губы к его уху.

– Помните, – прошептал Хэммонд, – я вам ничего не рассказывал.

Олтмэн кивнул.

– Источник находится в самом центре Чиксулубского кратера, погребенный под километром или двумя камней и грязи. Там же, где вы обнаружили вашу аномалию.

– Боже, – только и смог произнести Олтмэн. Потом он пересказал Хэммонду то, что услышал сегодня от Ады. – Три различные истории, и все они ведут в Чиксулубский кратер.

Хэммонд откинулся на стуле и кивнул:

– Я думаю точно так же. Возможно, этот импульс был там всегда, но до сих пор его просто никто не замечал. Может быть, мы зафиксировали его только сейчас, потому что у нас появилась более чувствительная аппаратура. Хотя, думаю, я бы его и раньше обнаружил – таких вещей я не пропускаю. А к вам у меня будет вопрос: это просто импульс или некий сигнал?

– Сигнал?

– Он несколько хаотичный, но все же имеет определенную структуру. Не могу утверждать наверняка, однако мне кажется, это явление носит не природный характер. Что-то или кто-то, находящийся под миллионами тонн камня и воды, подает сигнал.

– Но это просто невозможно, – заметил Олтмэн.

– Невозможно, – согласился Хэммонд, – и потому еще более загадочно. – Он снова наклонился к собеседнику, и на этот раз Олтмэн заметил у него в глазах испуг. – Я рассказал людям из «Дреджера» об импульсе – решил, что это моя обязанность. Не хотелось, чтобы они обвиняли меня; я собирался объяснить, что все это испытывают, пусть даже никто и не обращает внимания. И знаете, что мне сказали?

– Что?

– Спросили, не рассказал ли я еще кому-нибудь. Именно так. Я не успел и глазом моргнуть, как с меня взяли подписку о неразглашении. В обмен на некоторую денежную компенсацию мне было запрещено говорить об импульсе. С кем бы то ни было. Ну, я и не говорил... до сегодняшнего вечера.

– И что это все, по-вашему, означает?

– А что это означает по-вашему? – ответил Хэммонд вопросом на вопрос. – Разрешите кое о чем спросить. От кого бывает не защищена даже самая надежная система связи?

– От кого же? – поинтересовался Олтмэн.

– От того, кто ее монтировал. То есть от меня. Если вы устанавливали систему, вы всегда сможете в нее проникнуть десятком различных способов, так что никто и не узнает. Что я и делаю время от времени – это в порядке вещей, просто хобби, чтобы руки не теряли навыков. – Голос его упал до едва различимого шепота. – Я влезал и в связь «Дреджер корпорейшн».

– И?..

– И продлилось это недолго, – ответил Хэммонд. – Через десять дней после того, как я установил систему, ее демонтировали. Причем вызвали какого-то спеца из Североамериканского сектора, на этот раз своего человека.

– Должно быть, они обнаружили, что система не такая уж и защищенная?

– Это было невозможно обнаружить, – горячо заявил Хэммонд. – Они не могли знать наверняка. Но они что-то нашли. Там, на дне кратера, что-то есть – ценное, быть может, даже уникальное. В тех передачах, что мне удалось перехватить, много рассуждений на эту тему. Но дня через три все сообщения стали шифроваться. – Он сунул руку в карман и достал эйчпод, портативный голографический компьютер. – Вот, взгляните. Только поближе – никто не должен увидеть.

– Что это?

– Вот вы мне и скажите.

Олтмэн взял эйчпод, прикрыл экран от чужих взглядов и посмотрел на возникшее и медленно закрутившееся между ладоней изображение – обычную цифровую картинку. Невозможно было догадаться, из чего сделан объект, или четко определить его внешний вид, но кое-какие версии Олтмэн мог выдвинуть. Это была мерцающая трехмерная фигура, состоявшая как бы из двух частей, широкая в основании и с двумя остриями вверх. Не приходилось сомневаться, что это не творение природы, а искусственное образование. Или же на такую мысль его просто навело цифровое изображение? Объект что-то напоминал Олтмэну, но что? Это было похоже на две соединяющиеся внизу и обвивающиеся друг вокруг дружки ленты; хотя могло быть и цельным сужающимся кверху образованием с отверстием посередине.

Он долго смотрел не отрываясь на медленно вращавшийся объект, а потом наконец вспомнил. Подобную фигуру сложила из двух скрещенных пальцев Ада и еще рассказала, что такой знак сейчас делают многие местные жители.

– Хвост дьявола, – прошептал Олтмэн и, только когда увидел на лице Хэммонда испуганное выражение, понял, что произнес слова вслух.

Он выключил эйчпод и вернул его Хэммонду.

– Я скопировал это изображение незадолго до того, как систему отключили. К нему было прикреплено сообщение о том, что картинка создана путем компиляции всех имеющихся у них данных. Они изучали импульс, исследовали аномалию и, вероятно, использовали еще какие-то источники, о которых пока ни мне, ни вам не известно. И в конце концов получили этот объект. Вот что находится в самом сердце кратера.

Некоторое время мужчины сидели молча, уставившись на стаканы.

– Итак, из центра кратера пошел импульс, – произнес наконец Олтмэн. – Быть может, это сигнал. Там что-то скрывается, и, похоже, это не образовавшееся естественным путем геологическое тело, а творение человеческих рук.

– Да, это искусственный объект, но кто сказал, что он создан человеком?

– Но если не человеком, тогда... – Олзмэн не договорил. Внезапно он все понял. – О черт! Вы считаете, его сделали не люди, а пришельцы?

– Я не знаю, что и думать, – признался Хэммонд. – Но... так действительно считают некоторые в «Дреджере».

Олзмэн только покачал головой.

– Не знаю, – задумчиво протянул он и нервно оглядел бар. – Но с какой стати вы это рассказываете? Почему мне?

Хэммонд снова ткнул собеседника пальцем в грудь:

– Потому что вы задавали вопросы. История началась не вчера, и другие тоже могли что-то заметить. Но вы единственный, кто связался со всеми, с кем только мог, в поисках ответов. Знаете, о чем это говорит? Что вы ни на кого не работаете. Что вы хотите разузнать все лично для себя.

– Но другие тоже обеспокоены, я уверен.

– Вот что я вам скажу, – заявил Хэммонд. – Кто-то пытается утаить правду о происходящем. Может быть, люди из «Дреджер корпорейшн», а может, и кто-то покруче. Многим известно, что здесь происходит, но никто об этом не говорит. А почему? Потому что их купили. С чего я беседую с вами? С того, что я не думаю, что вас тоже купили. – Он осушил бутылку и пристально посмотрел на Олзмэна. – По крайней мере, пока.

9

Когда мальчик провожал бруху до ее лачуги, произошло нечто противоречившее здравому смыслу. Буквально только что она шла рядом, негромко разговаривала с ним, а уже в следующее мгновение пропала. Притом исчезла не только сама колдунья. Когда Чава оглянулся, он увидел на песке лишь одну цепочку следов – своих собственных.

Он продолжал идти вперед, к жилищу брухи. Возможно, она бросила его и направилась домой. Быть может, он просто не обратил на это внимания.

Мальчик подошел к лачуге и негромко постучал по искореженному листу жести, заменявшему дверь. Ответа не было. Он постучал снова, уже сильнее. Внутри по-прежнему стояла тишина.

Он постучал еще раз. И еще. Никто не отвечал.

В конце концов любопытство пересилило страх. Чава сделал глубокий вдох и осторожно отодвинул лист ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь.

В лачуге было темно, и мальчику потребовалась пара секунд, чтобы освоиться.

Поначалу он не видел ничего, кроме проникавшего в дверной проем луча света. Но он чувствовал запах – резкий, словно металлический, – только никак не мог определить, чем пахнет. Постепенно Чава различал силуэты: стол, заставленный непонятными предметами; перевернутый вверх дном тазик на утоптанном земляном полу. Потом в дальнем конце комнаты он увидел убогое ложе из травы и соломы и на нем под рваным одеялом рассмотрел очертания тела.

– Бруха! – позвал мальчик.

Фигура на ложе не пошевелилась.

Он медленно пересек комнату и остановился прямо перед кроватью. Чава осторожно протянул руку и, дотронувшись до неподвижно лежащей колдуньи, тихонько потряс ее за плечо:

– Это я, Чава.

Старуха лежала на боку. Мальчик потянул ее на себя и перевернул на спину. Одеяло соскользнуло, и на Чаву уставились широко раскрытые глаза колдуньи. Горло ее было перерезано.

Чава нашел коробок спичек и трясущимися руками зажег стоявшую на полу возле кровати лампу. Ставив одеяло, он обнаружил нож – мертвая бруха крепко сжимала его в кулаке. Лезвие было коричневым от крови. Мальчик осторожно высвободил нож и положил на кровать рядом с телом. Он заметил, что другая рука колдуньи вся изрезана, на каждом пальце виднелись глубокие раны.

«Икстаб», – подумал Чава.

Он взял лампу и поднес к лицу мертвой женщины. Рана была рваная, но неглубокая, из нее торчала бледно-синяя трахея. Бруха была мертва уже давно, по крайней мере несколько часов, а то и дней. Пахло в лачуге, теперь догадался Чава, кровью колдуньи. Но как такое вообще возможно? Ведь он минуту назад шел с ней рядом. Или только думал, что шел?

Мальчик покачал головой и направился к выходу, но внезапно остановился. В свете лампы он увидел кое-что еще. Стены были покрыты грубо начертанными знаками. Ничего подобного он прежде не встречал: странные извивающиеся фигуры, выведенные кровью.

Ошеломленный Чава уставился на них. В голове зазвучали монотонные голоса, и в числе прочих голос брухи. Мальчик повернулся и побежал вон из лачуги.

10

Олтмэн покинул бар, а Хэммонд продолжал сидеть и пить. Голова раскалывалась от боли. Правильно ли он поступил, доверившись Олтмэну? Не ошибся ли в геофизике? Может быть, он ни на кого и не работает, но если допустить, что в действительности он охотится за информацией, цель как раз и должна бы заключаться в том, чтобы заставить Хэммонда поверить, будто он разговаривает с надежным человеком. Но как можно быть в ком-то уверенным? Тут ведь даже не знаешь наверняка: а вдруг за тобой наблюдают прямо сейчас? Они всегда высматривают, постоянно следят, и, вероятно, в ту самую минуту, когда ты почувствовал себя в полной безопасности, они как раз подобрались вплотную и изучают со всей тщательностью; быть может, сию секунду они придумали наконец, как проникнуть в твой мозг. Точно! Именно это они, похоже, и сделали: внедрили внутрь черепа записывающее устройство. У него болит голова, болит уже несколько дней. Почему же он раньше этого не замечал? Они регистрируют излучение его мозга, потом передают данные в сверхсекретную, сверхнавороченную нейрофизиологическую лабораторию, там их помещают в чью-то черепушку и получают свободный доступ ко всем его мыслям. Единственное, что можно сделать, – не думать. Если он перестанет размышлять – быть может, тогда удастся опережать их хоть на шаг.

Кто-то направлялся к нему через бар. Это был крупный мужчина с густыми усами и морщинистым, покрытым коричневыми пятнами лицом. Должно быть, один из них. Хэммонд весь напрягся, но продолжал сидеть неподвижно. Хватит ли времени сунуть руку в карман, вытащить нож, раскрыть лезвие и прирезать незнакомца? Пожалуй, нет. Но он держит в руке бутылку пива. Вдруг удастся бросить ее в голову? Если он вложит в бросок всю силу и удачно попадет, можно будет вырубить мужчину. Стоп-стоп, надо поступить иначе: взять бутылку за горлышко и хрястнуть о стол – тогда у него в руках окажется серьезное оружие. Живым его не возьмут.

– Сеньор, – с обеспокоенным видом обратился к Хэммонду мужчина, – с вами все в порядке?

Что это за голос? Он был знакомым: принадлежал владельцу бара. Как его зовут? Мендес или что-то вроде. Хэммонд расслабился. Что же происходит? Это ведь просто хозяин бара! Он потряс головой. Откуда эта паранойя? Раньше с ним такого не бывало. Разве нет?

– Все хорошо, – ответил Хэммонд. – Просто хочу еще пива.

– Прошу прощения, но мы закрываемся.

Действительно, когда Хэммонд оглянулся, он обнаружил, что в баре, кроме него, практически никого не осталось. Все разошлись, за исключением одного местного неприятного на вид пьяницы, который сидел в уголке, укутавшись в темный платок, и смотрел на него.

Хэммонд кивнул, потом встал и пошел к двери. Пьяница провожал его взглядом.

«Не обращай на него внимания, – мысленно приказал себе Хэммонд. – Он не из них. Это самый обычный алкоголик. До него еще не добрались. Сделай глубокий вдох и расслабься. Все будет в порядке».

Без приключений он выбрался на пыльную улицу. С побережья доносился шум прибоя, а также соленый запах моря.

«И что же теперь? – задумался Хэммонд. – Куда идти?»

Ответ пришел почти моментально: домой.

По пустынной улице он прошагал примерно полпути к своему жилому комплексу, когда что-то услышал. Поначалу он, правда, вообще не был уверен, стоит ли обращать на это внимание. Подобные звуки могло издавать животное. Как только Хэммонд остановился, они прекратились. Но когда он снова пошел, звуки возобновились – где-то на пределе слы-

шимости, словно голоса, невнятно бормотавшие в голове. Он прошел еще полквартиры и окончательно уверился: его преследуют.

Хэммонд обернулся, но никого не увидел. Тогда он чуть ускорил шаг. Из сгустившихся впереди теней, казалось, раздавался шепот, но когда Хэммонд подошел ближе, тот стих и потом возобновился уже в некотором отдалении. Хэммонд потряс головой.

«Это какое-то безумие, – подумал он. – У меня едет крыша».

Он снова услышал шум за спиной, резко повернулся на каблуках и на этот раз увидел, совсем неподалеку, темный силуэт.

Хэммонд стоял и всматривался в едва различимую фигуру. Насколько внезапным было ее появление, настолько же неожиданно она исчезла: отступила на шаг и скрылась в тени.

– Эй! – не удержался от возгласа Хэммонд. – Есть там кто-нибудь?

Сердце подскочило до самого горла. Он полез в карман, достал нож и раскрыл лезвие. В его руке оно казалось смехотворно маленьким, практически бесполезным. Хэммонд направился обратно, туда, где исчез неизвестный, но вдруг его осенило: а что, если именно этого они и добиваются? Он быстро повернулся, чтобы двинуться к дому.

И обнаружил, что дорогу ему преградили трое мужчин – двое из них весьма внушительных габаритов. Все были знакомы Хэммонду: они работали в «Дреджер корпорейшн».

– Хэммонд? – спросил самый subtilный из троих. Он также был единственным, кто носил очки. – Чарльз Хэммонд?

– А кто спрашивает? – в свою очередь поинтересовался Хэммонд.

– Кое-кто желает с вами поговорить. Пройдемте с нами.

– Кто?

– Этого я сказать не могу.

– Рабочий день давно закончился, – заявил Хэммонд. – Имею право на отдых.

– Закончился, но не для этого дела, – вступил в разговор один из двух здоровяков.

Хэммонд согласно кивнул, сделал вид, что подчиняется, и направился к мужчинам, но вдруг резко развернулся и со всей прытью, на какую был способен, помчался в противоположном направлении.

За спиной слышались крики. Хэммонд нырнул в боковой переулок и побежал по нему, преследуемый по пятам лающей лохматой собакой. Он перепрыгнул через импровизированную изгородь и свалился прямо на кучу мусора. Поднявшись, снова бросился бежать и вскоре уже оставил позади собственно городские улицы и оказался среди лачуг бидонвиля.

Пульс бешено стучал в висках. Хэммонд оглянулся. Преследователи постепенно нагоняли его. Заколело в боку, но он продолжал бежать, хотя теперь уже медленнее, чем раньше.

К тому времени как Хэммонд оказался на окраине бидонвиля, преследователи были настолько близко, что он слышал их учащенное дыхание. Он отчетливо понял, что ничего не может поделать и его вот-вот схватят. Тогда Хэммонд резко остановился, развернулся на сто восемьдесят градусов и выставил перед собой ножик.

Мужчины споро окружили жертву, расположившись вокруг треугольником. Хэммонд, тяжело дыша, вертел головой по сторонам и переключал нож из одной руки в другую. Преследователи стояли с поднятыми руками и ближе подходить не собирались.

– Не нужно так горячиться, – увещающим тоном проговорил человек в очках. – С вами просто хотят побеседовать.

– Кто?

– Пойдемте. Будьте паинькой и опустите нож.

– Том, что с ним такое? – спросил один из амбалов.

– Он напуган, Тим, – ответил тот.

– Я бы на его месте тоже напугался, – заметил Тим. – Никто не любит воров.

– Воров? Ты действительно можешь украсть секретную информацию? – удивился Том.

– Эй, парни, – прервал их диалог мужчина в очках, – вы только все испортите.

И тут они снова появились – голоса в голове. Но зачем им понадобилось посылать голоса, если они и так сейчас стоят прямо перед ним? И Хэммонда как громом поразило: что, если за ним охотятся две разные группировки? Люди из «Дреджер корпорейшн» и кто-то еще. А может быть, их больше чем две? Три? Четыре? Чего они от него хотят? Будут ли его бить? Или убьют? А вдруг все окажется намного хуже?

– Вы просто успокойтесь, – сказал мужчина в очках.

Он немного нервничал.

Хэммонд понял, что уже некоторое время слышит шум – точнее, пронзительный крик. От него закладывало уши, и Хэммонд не сразу понял, что кричит он сам.

– Говорил я тебе, с ним что-то не так, – произнес за его спиной Тим.

– Да, Тим, ты прав, – согласился Том.

Они по-прежнему стояли вокруг, все трое, расположились таким образом, что Хэммонд никак не мог видеть их одновременно. Как он ни вертелся, в поле зрения попадали максимум двое. А кроме того, были еще и другие, в мозгу, и они медленно высасывали его мысли. Господи, как же у него болит голова! Он должен их остановить, прогнать прочь.

– Эй, приятель, опустите нож, – дружелюбно произнес мужчина в очках.

Но как раз этого Хэммонд делать ни в коем случае не собирался. Напротив, он ринулся вперед и замахнулся ножом на человека в очках. Тот проворно отпрыгнул. Но все же недостаточно резко – на руке повыше запястья появился глубокий порез. Здоровой рукой он зажал рану, однако не смог остановить обильное кровотечение, и лицо в тусклом свете стало совсем белым.

Но Хэммонд позабыл о двоих других. Он повернулся и увидел, что они еще находятся на приличном расстоянии, но постепенно приближаются. Поняв, что захватить Хэммонда врасплох не удалось, амбалы быстро отступили.

Тем не менее он по-прежнему был окружен – они находились и снаружи, и внутри. И деться он никуда не мог. От них ни за что не избавиться.

Сердце едва не выскочило из груди, когда Хэммонд осознал, что попал в безнадежное положение. И тогда он нашел единственный, как ему показалось, выход.

– Тим, я и представить себе такого не мог, – вымолвил Том.

– Да и я тоже, – отозвался Тим. – Вот уж удивил так удивил. А зачем его вообще хотели видеть? – обратился он к мужчине в очках.

– Надеялись задать несколько вопросов. Ничего особенного, только спросить. – Он обмотал раненое запястье подолом рубашки, и она быстро пропиталась кровью.

– Никогда ничего подобного не видал, – изрек Том. – И надеюсь, что никогда не увижу.

– Та же хрень, – качая головой, поддержал его Тим.

Он вынужден был отойти на шаг назад, чтобы не запачкать ноги в луже крови, вытекавшей из перерезанного горла Хэммонда. Ему в жизни не приходилось видеть, чтобы кто-то едва не отделил собственную голову от туловища, да еще так проворно. Кровищи было просто море, и ее все прибавлялось. Тим отступил еще на шаг.

«Как человек может сделать с собой такое? – недоумевал он. – Должно быть, здорово перетрусил. Или он просто псих. Или и то и другое».

Тим зажмурился и помассировал виски.

– Эй, ты как себя чувствуешь? – спросил его Том.

– Всяко лучше, чем он. Голова разболелась.

– У меня тоже, – сказал Том. – Терри?

– И у меня башка болит, – ответил человек в очках. – Та ночь опять повторилась. Ладно, парни, сматываемся отсюда, да пошустрее, пока не пожаловала полиция.

Часть 2

Замкнутое пространство

11

– Он покончил с собой именно так, – скорее утвердительно, чем вопросительно, произнес мужчина с экрана.

Говоривший имел квадратную челюсть и седые волосы, зачесанные назад и напomaженные. Даже на небольшом экране видно было, что это представительный мужчина. Он носил военную форму, но видео настроили таким образом, что знаки различия расплывались, и определить, к какому роду войск относится и в каком звании находится неизвестный, не представлялось возможным.

– Так мне сообщили, сэр, – ответил Таннер.

Уильям Таннер возглавлял полусекретное Чиксулубское отделение «Дреджер корпорейшн». Оно было спешно организовано, едва обнаружились первые признаки того, что в центре кратера что-то происходит.

Таннер, в прошлом военный офицер, был специалистом по подготовке и проведению тайных операций через фиктивные компании. В настоящем предприятии он выступал под кодовым именем Экодин. Достаточно будет в нужный момент ввести в систему соответствующую команду, и из компьютеров компании мигом улетучится вся информация, по которой можно установить его связь с «Дреджер корпорейшн». А следом исчезнет и сам Таннер, чтобы появиться вновь уже под другим именем. До сих пор операция проходила гладко – отчасти оттого, что ему сопутствовала удача, отчасти оттого, что он очень хорошо знал свое дело. По этой причине, собственно, он и работал с «Дреджер корпорейшн» вот уже десять лет.

Он понятия не имел, как зовут человека с квадратной челюстью. Известно Таннеру было только то, что сообщил ему три дня назад во время видеоконференции президент «Дреджер корпорейшн» Ленни Смолл. Президент сказал, что в корпорации принято решение привлечь человека со стороны. Когда Таннер поинтересовался, кто он такой, Смолл только улыбнулся:

– Таннер, не надо никаких имен. – Президент перекинул ему фотографию. – Вот этот человек. Вы будете сообщать ему любую информацию, какую он попросит, и делать все, что он скажет.

Едва Смолл отключился, Таннер недовольно покачал головой. Зачем привлекать к делу постороннего человека? От этого только возрастает вероятность накладок. И ему, Таннеру, придется решать после окончания операции на одну проблему больше. Смолл на старости лет становится слаб – возможно, выпивает лишнего, делается сентиментален. А в результате под угрозой оказываются все. Под угрозой оказывается он сам. Этого Таннер не любил.

Но когда он в первый раз увидел этого человека на экране, поговорил с ним, услышал металл в его голосе, он понял, что недооценил проницательность босса. Тот сделал отнюдь не случайный выбор. Незнакомец был военным, явно многое в своей жизни повидал и лучше, чем кто-либо в корпорации, знал, что происходит. Про себя Таннер стал называть его Полковником, хотя на самом деле не имел ни малейшего представления, какое тот носит звание и к какому роду войск относится. Он не мог даже предположить, где Полковник находится – фон на заднем плане был умышленно размыт, так что фигуру окружало неясное мерцание. Именно Полковник собрал воедино всю информацию, которую они перехва-

тили из сообщений разных ученых, и сгенерировал модель, дававшую представление о том, что может их ожидать в центре кратера. Именно Полковник моментально принял решение сменить систему безопасности. Он разглядел крошечную лазейку, которую оставил техник, устанавливавший систему, чтобы иметь возможность самому проникать в нее. А когда молодой геофизик Олтмэн начал расспрашивать всех об аномалиях в кратере, Полковник немедленно организовал прослушивание его телефона.

И уже через несколько минут на экране снова появилось изображение Полковника, и он сообщил Таннеру, что Олтмэну звонили – тот самый техник по фамилии Бекон. Или нет, не совсем так. Хотя фамилия у него тоже имела «мясное» происхождение².

– Проследить за ними уже не удастся, слишком поздно, – сказал Полковник, – но вы потом найдите этого Хэммонда. Нам нужно с ним поговорить.

Таннер отвлекся от воспоминаний о прошлом и вернулся в настоящее. Он сидел пораженный тем, насколько суровым и бесстрастным осталось лицо Полковника, после того как тот узнал новость о самоубийстве Хэммонда.

– Возможно ли, что они лгут? – спросил Полковник.

– Я собственными глазами видел тело, – ответил Таннер. – Он мертв, в этом нет сомнений. Они просто хотели привести его к нам, пытались с ним поговорить, но он взял и перерезал себе горло.

– Он что сделал?

– Перерезал собственное горло. Едва не отделил голову от тела.

– Просто пытались с ним поговорить? – задумчиво сказал Полковник. – Что бы это значило? Люди, когда с ними просто хотят поговорить, не режут себе глотку.

Таннер сглотнул слюну. Беседа с Полковником действовала ему на нервы.

– Возможно, они были слишком настойчивы? – предположил Полковник.

Таннер помотал головой:

– Я не первый раз работаю с этими парнями. Им можно полностью доверять. Они имели совершенно четкие инструкции. Поверьте, они были удивлены не меньше нас с вами.

Полковник сдержанно кивнул.

– По-вашему, этот Олтмэн представляет угрозу?

Таннер пожал плечами:

– Я рассчитывал узнать это из беседы с Хэммондом.

– Логично, – хмыкнул Полковник. – И все же стоит его опасаться или нет?

Таннер быстро пролистал на головизоре несколько файлов. Их копии в ту же секунду появлялись на противоположном конце провода, так что Полковник тоже мог их видеть.

– Не думаю, что нам нужно сильно беспокоиться из-за Олтмэна, – сказал Таннер. – Он не представляет собой ничего выдающегося. Самый заурядный ученый. Не Эйнштейн и вообще ничем не выделяется из массы.

– Исходя из собственного опыта, могу сказать, что никто не выделяется из общей массы до тех пор, пока у него не появляются на то причины, – заметил Полковник. – Только тогда можно будет сказать, поплывет человек по течению или же встанет поперек.

– Я тоже так считаю. По моему опыту, это дано очень немногим.

Полковник кивнул, но губы у него были крепко сжаты.

– Но если Олтмэн относится к этим немногим...

Таннер обдумал мысль.

– Не знаю. Он не производит впечатления героя. Непохоже, что он занимается промышленным шпионажем в пользу другой корпорации, и вряд ли встанет на этот путь. Кажется, он

² Ham – по-английски «окорок».

получил здесь работу исключительно для того, чтобы отправиться вслед за своей подружкой в Чиксулуб.

– Хорошее прикрытие, – сказал Полковник.

– Возможно. Но в любом случае, будь это так, вы бы наверняка знали. Я не думаю, что это прикрытие.

Полковник быстро просмотрел файлы и, закончив, вынес вердикт:

– Я тоже.

На пару секунд он замолчал и застыл, глядя прямо в экран. Таннеру показалось, что загадочный собеседник смотрит сквозь него и даже не замечает.

– Ладно, – произнес наконец Полковник, – давайте-ка быстро обсудим наши дальнейшие планы.

Он открыл базу голографических изображений и отправил файл Таннеру. Это была трехмерная картинка судна. С первого взгляда Таннеру показалось, что он видит перед собой космический корабль, и его ненадолго захлестнула волна ужаса. В свое время ему довелось быть членом штурмового отряда и принимать участие в кровопролитных боях на Луне против конкурентов из других стран за право пользоваться полезными ископаемыми спутника Земли. У Таннера заканчивался кислород, и он провел несколько мучительных часов, глотая животворящий газ из баллонов мертвых и умирающих, друзей и врагов. Меньше всего на свете ему хотелось снова оказаться в космосе. Но потом Таннер заметил винтовые двигатели и понял: перед ним вовсе не космический корабль, а что-то вроде субмарины – судя по внешнему виду, глубоководной.

– Что это, сэр? – спросил он.

– «Эф-семь». Опытный образец совершенно нового подводного аппарата. Он еще даже не попал к нам на вооружение. Я отправляю его вам. Найдите двух человек – из тех, кому стопроцентно доверяете, – которые будут им управлять. И побыстрее. Мы должны первыми оказаться на месте.

12

Он выбрал Дантека, бывшего офицера своего подразделения, вместе с которым начинал послеармейскую карьеру десять лет назад. Дантеку он доверял безоговорочно; кроме того, это был человек, который знал, как разрешить практически любую проблему. Он все схватывал на лету и решения принимал молниеносно, действовал без раздумий, в том числе и в непростых ситуациях, когда Таннер проявлял мнительность. Если же дела шли не так, Дантек легко (даже чересчур легко) прибегал к насилию. Что-то произошло с ним во время столкновений на Луне – что именно, Таннер точно не знал, – из-за чего взгляд его был твердым, но каким-то безжизненным. Порой создавалось впечатление, что у Дантека не все дома.

Он вовсе не плохой парень, убеждал себя Таннер в случаях, когда Дантек поступал так, что даже Таннеру с его весьма условными понятиями о морали трудно было это принять. Он просто смотрит на вещи по-другому, иначе, чем я. И часто к нему приходила запоздалая мысль: а я ведь тоже неплохой парень.

Таннер вздохнул. Хорошие или нет, и он, и Дантек всегда поступали так, как считали нужным, – правда, каждый по-своему.

Со вторым участником было посложнее – пришлось потрудиться, чтобы вытащить его из Североамериканского отделения «Дреджер корпорейшн». Парня звали Хеннеси, он был морским геологом и, кроме того, имел некоторый опыт хождения на подводных лодках. Несмотря на относительную молодость (лет тридцать пять), он уже был лыс. Хеннеси считался авторитетным специалистом, и его сотрудничество с «Дреджер корпорейшн», вероятно, свидетельствовало: он не станет сильно возражать, если придется немного преступить закон. Но все же Таннеру не давал покоя вопрос, который Полковник задал в отношении Олтмэна. Если дела зайдут слишком далеко и Хеннеси осознает, во что на самом деле вляпался, прогнется он или будет сопротивляться? Пока Таннер не мог сказать этого наверняка, однако полагал, что Хеннеси скорее поплывет по течению, чем попытается встать поперек.

Таннер переговорил с президентом Смоллом, и в результате Хеннеси вылетел в Мексику ближайшим же рейсом. Когда он оказался в Пуэрто-Чиксулубе, туда же прибыл и «Ф-7». До поры до времени он скрывался под брезентом на палубе грузового судна без опознавательных знаков, стоявшего в пятнадцати милях от центра кратера. Неуклюжее и обшарпанное на вид, судно было напичкано ультрасовременными приборами. Команда состояла из военных или бывших военных. Точно сказать было нельзя – форму они не носили, но в скупых движениях чувствовалась армейская выучка, волосы были аккуратно пострижены, а все приказы выполнялись беспрекословно.

– Мы не должны говорить ничего лишнего при команде? – спросил Таннер Полковника по видеосвязи.

– Лишнего говорить не следует нигде и никогда, – бросил Полковник и обнажил зубы, что, как предположил Таннер, должно было означать улыбку. «Настоящий хищник», – подумал он. Через мгновение губы Полковника вернулись в обычное положение, и тот закончил мысль: – Говорите ровно столько, сколько надо, – и не более того.

Аппарат «Ф-7» оказался батискафом. Это была экспериментальная модель с буром, предназначенная для того, чтобы опуститься на значительную глубину, а затем быстро пробуриться через скальный массив. Хеннеси отреагировал на батискаф с энтузиазмом ребенка, проснувшегося рождественским утром и обнаружившего под елкой вожаделенную лошадку. Он ходил кругами вокруг аппарата в сопровождении Таннера и Дантека и бормотал что-то об уникальном буре из титанового сплава и молекулярных измельчителях, предназначенных для удаления породы из колонковой трубы. Таннер и Дантек делали вид, будто внимательно его слушают.

– Только не говорите мне, что мы отправляемся вниз, на дно кратера! – возбужденно выпалил Хеннесси. – Я всегда мечтал туда спуститься. Что мы ищем?

«Очень скоро ты это узнаешь», – мрачно подумал Таннер, а вслух как можно небрежнее произнес:

– Вы совершите несколько погружений. Надо просто проверить «Эф-семь» в деле. Обычная рутина.

В течение следующих дней они этим и занимались: испытывали ход аппарата на разных скоростях, проверяли маневренность сперва в надводном положении, затем на глубине и наконец протестировали титановый бур и молекулярные измельчители. «Ф-7» оказался не самым маневренным судном, какое доводилось встречать Хеннесси, но от батискафа этого и не требуется. Он прежде всего должен быть прочным и успешно противостоять чудовищному давлению на больших глубинах. В надводном положении он рыскал, точно пьяный, и далеко не сразу откликался на повороты руля; под водой же двигался куда более послушно. И наилучшим образом «Ф-7» проявил себя, когда потребовалось пробуриться через слой грязи в породу. Даже после того, как бур включили на полную мощность и он вгрызся в камень, батискаф практически не испытывал тряски. Размещенные сзади двигатели удерживали его в вертикальном положении, а бур фактически сам тащил аппарат за собой – было бы куда врезаться. Тем временем измельчители превращали куски камня в мелкую крошку и отбрасывали ее в сторону двигателей. Те, в свою очередь, отшвыривали ее прочь, а частью она буквально испарялась. Хеннесси громогласно утверждал, что ничего подобного прежде не видел.

«Ф-7» совершил семь или восемь погружений и подвергался все новым тестам. Дантек поначалу просто следил за тем, что делает Хеннесси, прислушивался к его объяснениям, а в один прекрасный день вдруг сообщил, что настала его очередь.

– Но это очень деликатная техника, – предупредил Хеннесси. – Нужно тренироваться много месяцев, прежде чем...

– Не дави мне на мозг, а освободи лучше место, – только и сказал Дантек.

Хеннесси отвернулся от приборной панели, наверное впервые за все время, пригляделся к напарнику и, увидев застывшее в мертвой неподвижности лицо и решительный взгляд, безропотно подчинился.

Вечером, едва только Таннер сел на кровать и принялся снимать туфли, в дверь постучали.

– Войдите. – Он продолжал развязывать шнурки, пока в поле зрения не попала пара знакомых ботинок.

Таннер поднял глаза и в который уже раз задался вопросом: почему Дантек всегда выглядит словно разгуливающий на свободе хищник?

– А, это ты. Все продвигается успешно?

Дантек кивнул:

– Я во всем разобрался.

– Ты сможешь управлять аппаратом, если понадобится?

– В сравнении с лунным посадочным модулем это проще пареной репы, – заявил Дантек. – У меня не будет никаких проблем.

– А что с буром?

Дантек пожал плечами:

– Да там ничего сложного. Я знаю, как пробить тоннель щитовым способом, и, если будет нужно, разберусь, как это сделать по-другому. В Хеннесси больше нет острой необходимости. Если он сдрейфит или что-то пойдет не так, я смогу его заменить.

– Что ты подразумеваешь под «не так»?

Дантек снова пожал плечами:

– Ничего. Просто я готов ко всему.

– Если что-то все же пойдет не так, – медленно произнес Таннер, – я бы не хотел, чтобы ты его убивал.

Дантек на секунду задумался, потом кивнул:

– Учту твоё пожелание.

На следующее утро Таннер докладывал Полковнику по видеофону:

– Мы готовы. В любую минуту, когда прикажете, мы можем отправить корабль к центру кратера и спустить «Эф-семь». Оба пилота достаточно потренировались, они легко управляют с аппаратом. Обоим не терпится приступить к делу.

– Очень хорошо. – (У Таннера снова создалось впечатление, что Полковник смотрит сквозь него, как будто не видит.) – Пусть корабль выдвигается сегодня вечером.

– Сегодня?

– Якоря бросить перед закатом. Я хочу, чтобы вы вышли на позицию к двадцати одному часу, а к двадцати двум все было готово. Пилотам ничего сообщать не нужно, и постарайтесь, чтобы они раньше времени даже случайно ни о чем не догадались. Все, что мы сейчас обсуждаем, должно остаться исключительно между нами. Просто поднимите пилотов и доставьте их на борт так, чтобы «Эф-семь» погрузился еще до полуночи.

– Хорошо, сэр.

Полковник уже собрался разъединиться, но вдруг сказал:

– Таннер, у вас усталый вид. Все в порядке?

– У меня все хорошо, сэр. Просто немного болит голова. Плохо спал ночью. Но беспокоиться совершенно не о чем.

– Завтра может настать исторический момент, – задумчиво произнес Полковник.

– Да, сэр.

– Как по-вашему, что там, внизу?

Таннеру и самому вот уже несколько дней не давал покоя этот вопрос. Как на дне кратера, под милями камня, могло оказаться творение рук человеческих?

– Не знаю, – ответил он. – Возможно, естественное образование, которое почему-то выглядит как искусственное. Или это изготовлено людьми, но как туда попало – одному Богу известно. А возможно... – начал Таннер, но не смог договорить. Объяснение было слишком невероятным, и мозг отказывался его принимать.

– Возможно что? – не дождавшись продолжения, спросил Полковник.

Таннер потряс головой, прогоняя назойливые мысли, но добился лишь того, что виски сдавило еще сильнее.

– Сэр, я на самом деле не знаю.

– Ну так я скажу, что вы думаете, поскольку у вас у самого не хватает мужества. Вы думаете: «Да, это может быть искусственный объект, но создан он не нами, не людьми».

Таннер промолчал.

– Верите вы или нет, но такое предположение вполне допустимо. Собственно, мы на это и надеемся: на первый контакт с иным разумом.

У Таннера закружилась голова, когда он подумал об этом. Ему даже стало немного страшно. Если окажется, что Полковник прав, это может изменить все представления людей об окружающем мире.

– Если нам немного повезет, мы довольно скоро узнаем наверняка, – сказал наконец Таннер, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Я держу пальцы скрещенными, сэр, – прибавил он и прервал связь.

13

Он пытался бежать, но не мог сдвинуться с места. Он молотил по воздуху руками и ногами, но ничего не происходило. Он даже не чувствовал земли под ногами. И воздух был какой-то странный. Всякий раз, когда хотел мучительно вдохнуть, он в итоге кашлял и давился. Он чувствовал, что постепенно задыхается; лихорадочно огляделся вокруг, но всюду на глаза попадалось одно и то же: бесконечная серая даль, где не было ничего материального и определенного; только он один, сам по себе, парит в пустоте. И умирает.

Он знал, что умер, но все же почему-то был жив. Он парил с открытыми глазами, но ничего не видел. Тело медленно вращалось вокруг своей оси. Там не было ничего – только он сам, но и он пребывал там и в то же время в другом месте. Он что-то слышал. Звук был тихий, словно насекомое гудело неподалеку, но постепенно усиливался и вот уже перерос в громкий шепот. Это был человеческий голос, и он обращался к нему.

«Хеннесси».

Голос казался знакомым. Очень хотелось, чтобы неизвестный говорил погромче – тогда он сможет узнать, кто же это.

«Хеннесси».

Теперь шепот раздался возле другого уха, а потом – одновременно в двух разных местах. Он вдруг понял, что голос принадлежит не одному человеку, но целому сонму, и все они шепчут, все повторяют раз за разом его имя:

«Хеннесси, Хеннесси, Хеннесси».

И вдруг вращавшаяся серая муть перестала казаться такой уж однотонной. Она менялась. Трансформировалась. Претворялась во что-то иное.

Он знал, что мертв и не может пошевелиться. Все, что ему оставалось, – это парить в невесомости, медленно кружиться и слушать голоса. А сплошная серая мгла вокруг тем временем стремительно обретала плотность. На мгновение она вся покрылась полосами и бороздами, но вот они стали двигаться, морщиться, и у него сразу же возникла ассоциация с человеческим мозгом. А потом они снова сместились, сжались и начали приобретать какие-то смутные очертания. Он вдруг понял, что окружает его вовсе не пустота, а плотно сбита в кучу масса тел; они были прижаты одно к другому, незаметно переходили одно в другое. И все это были тела мертвых людей.

Он хотел закрыть глаза, но не смог. Здесь были тысячи тел, многие тысячи, и по мере того, как лица обретали отчетливость, он понимал, что знает этих людей: все они уже умерли. Здесь была его жена со сломанной шеей (несчастный случай), были отец и мать, дряхлые и слабые – такими он их и запомнил, когда обоих поразил рак. Были также многие другие. Он никого не забыл, но, глядя на них, понимал: все они мертвы.

«Хеннесси».

Голос раздался из раскрытого окоченелого рта, он был подобен эху в глубокой пещере. Но чей это рот?

«Хеннесси».

Вот уже другой голос. Вскоре все мертвые рты повторяли его имя. Трупы приближались к нему, а он ничего не мог сделать, чтобы их остановить. Наконец пальцы мертвецов дотронулись до его кожи, они проникали под нее, протискивались между костей, забирались все глубже в его тело.

– Хеннесси! – услышал он громкий голос. – Хеннесси!

Чьи-то руки схватили его за плечо и затрясли. Кто-то закричал, и Хеннесси не сразу сообразил, что вопит он сам.

Он с силой лягнул и отдернулся назад, подальше от неизвестно чьей хватки. Больно ударившись о стену, Хеннесси наконец пришел в себя, перестал кричать и сообразил, где находится. Это была обычная комната в жилом комплексе «Дреджер корпорейшн», его комната в Чиксулубе, и он лежал в своей постели. Все в порядке. Он вернулся в реальный мир.

Возле кровати стоял наклонившись ничем не примечательный с виду мужчина в очках.

– Господи! – произнес неизвестный. Одной рукой он прикрывал нос. Кровь сочилась сквозь пальцы и капала на пол. – Зачем вы это сделали?

За его спиной Хеннесси увидел двоих мужчин покрупнее. Они были похожи друг на друга – братья, а может, даже близнецы. Всех троих он неоднократно встречал в жилом комплексе, но чем конкретно они занимаются, не знал.

– Может, его чуток проучить? – предложил один из здоровяков.

– Чтобы соображал, что делает, – подхватил второй и ударил кулаком по ладони.

– Вы же знаете, что мы не можем, – возразил человек в очках. – Надо просто доставить его куда следует.

– Прошу прощения, – обратился Хеннесси к мужчине в очках. Его совершенно сбили с толку слова неизвестных. – У меня был плохой сон.

– Похоже, в последнее время здесь многие видят плохие сны. Но в вашем случае, похоже, это настоящий кошмар. – Мужчина в очках запрокинул голову и убрал руку от лица. Кровотечение вроде остановилось. Он осторожно втянул носом воздух.

– Что вы здесь делаете? – спросил Хеннесси.

– Нас прислали за вами. Одевайтесь.

«Может, я еще сплю?» – подумал Хеннесси, а вслух спросил:

– За мной? Зачем?

– Вас ждут, – туманно пояснил человек в очках. – Одевайтесь – и пойдете. И не задавайте лишних вопросов, а то видите же: Тим и Том слишком нервничают.

Хеннесси привели на пристань. Тим и Том всю дорогу шли по бокам, а незнакомец с разбитым носом возглавлял шествие. На воде уже покачивался большой быстроходный катер. В нем восседал с прямой спиной и скрещенными на груди руками Дантек, казавшийся совершенно спокойным. В отличие от Хеннесси, Дантек был без сопровождающих. То ли военный, то ли бывший военный со знакомого грузового судна стоял одной ногой на причале, а второй – на палубе катера, готовый отдать швартовы.

– Куда вы меня ведете? – спросил Хеннесси человека в очках.

– Нам было сказано доставить вас на катер. Больше я ничего не знаю, – ответил тот, все еще потирая переносицу.

– Залезай! – приказал стоящий сзади Тим.

– Или тебя подтолкнуть? – добавил Том.

Хеннесси перебрался на борт катера и занял место рядом с Дантеком. Военный (или бывший военный) отвязал катер, оттолкнул его от причала и сел за штурвал. Через мгновение взревел двигатель, и они, набирая скорость, помчались в темноту.

– Вы знаете, что происходит? – перекрикивая рев мотора, спросил Хеннесси напарника.

Дантек одарил его тяжелым, безразличным взглядом:

– Нас поставили в строй.

«Поставили в строй? – недоуменно подумал Хеннесси. – Что это может означать?»

Дул холодный ветер, через борт брызгала вода, и Хеннесси скоро замерз. У него зуб на зуб не попадал, когда они подошли к стоящему на якоре грузовому судну. Они с Дантеком взобрались по веревочной лестнице и на палубе увидели поджидающего Таннера.

– Молодец, сынок, – похвалил Таннер рулевого. – Быстро домчались.

– Спасибо, сэр.

Потом Таннер повернулся к Хеннесси и Дантеку:

– Уверен, парни, вам обоим не терпится узнать, что, черт возьми, происходит. Пойдемте на мостик и там обо всем поговорим.

Таннер закончил объяснения, но у Хеннесси осталось ощущение, будто он услышал не все. Да, конечно, его взволновала мысль о предстоящем спуске в центр кратера и возможности узнать, что там находится и откуда оно взялось. По словам Таннера, это могло оказаться чем-то поразительным – возможно даже, они столкнутся с первыми доказательствами существования внеземной разумной жизни. А может быть, там ничего и нет, просто аномалия. В общем, ему следовало относиться к предстоящей экспедиции более взвешенно.

Но кое-что в этой истории не сходилось. Конечно, представители «Дреджер корпорейшн» были не единственными, кто хотел добраться до загадочного объекта. Однако, даже если и так, разве представители корпорации не должны были открыто заявить о своих намерениях? Разве им не следовало действовать по общепринятым законам, проконсультироваться предварительно с мексиканским правительством? Наверное, должен был получиться совместный проект, с безусловным участием «Дреджер корпорейшн», но под контролем местных властей, а не внезапная поспешная операция под покровом ночи?

Нет, они определенно замыслили нехорошее, причем такое, что могло иметь серьезные последствия. Возможно, он и был чуточку наивен, пожалуй, в прошлом иногда отводил глаза в сторону в сомнительных ситуациях. Но сейчас было ясно: если дела пойдут не так, виновными окажутся не Таннер и тем паче не «Дреджер корпорейшн», а они с Дантеком. Корпорация открестится от них в один момент.

Он посмотрел на Дантека, тот повернулся и встретил его взгляд. Дантек казался таким же спокойным, как и всегда; в глазах застыло хищническое выражение.

«Ему на все наплевать, – понял Хеннесси. – Он сделает все, что прикажут».

Хеннесси глубоко вздохнул и повернулся к Таннеру:

– Почему мы стартуем ночью?

– А почему бы и нет? – задал встречный вопрос Таннер. – У «Эф-семь» имеются фары. Вам в любом случае придется ими воспользоваться, когда вы опуститесь на большую глубину. Не говоря уже о том, когда начнете погружаться в скалу.

– Да он не об этом спрашивал, – холодно бросил Дантек.

– Да? – переспросил Таннер. – И о чем же он спрашивал?

– Законно ли это?

– Он прав? – Таннер повернулся к Хеннесси. – Вас именно это интересует?

Хеннесси на мгновение заколебался, потом решительно кивнул.

– Немного странно: разве кратер не принадлежит Мексике? Вроде как его должна была бы взять в аренду местная добывающая компания. И потом – команда этого судна. Я не понимаю: они военные или нет? Если военные, то почему не носят форму? И на чьей стороне они выступают? А если нет – что, черт возьми, здесь происходит?

– Вам не нужно об этом думать, – ответил Таннер. – Я на то и поставлен, чтобы заниматься рутинной. Беспокоиться совершенно не о чем.

– Да, но если что-то случится, все шишки ведь посыплются на нас?

Таннер ничего не ответил.

– Я разве не прав? – обратился Хеннесси уже к Дантеку. – Нам что, не нужно ни о чем беспокоиться? Вас это не волнует?

Дантек также промолчал.

Хеннесси снова обернулся к Таннеру:

– То есть мне не нужно беспокоиться?

– Я ведь уже ответил.

Хеннеси вздохнул.

– Послушайте, – произнес Таннер, – вы что, не хотите участвовать в проекте? Его результаты могут оказаться необычайно важными, но никто ведь не говорил, что будет легко. В общем, Хеннеси, думайте сами. Не хотите туда идти – не надо. Но решать нужно прямо сейчас.

Хеннеси всерьез призадумался. Законно то, что они собираются сделать, или нет – само предприятие действительно невероятно важно. Таннеру доверять нельзя, но, в конце концов, он не доверяет никому из «Дреджер корпорейшн». Он все понимал, когда подписывался на эти игры. Однако до сих пор ему удавалось удачно избегать неприятностей. Не важно, законна ли операция, убеждал себя Хеннеси, – в любом случае его роль не заключала в себе никакого криминала. Кроме того, если придется совсем худо, он всегда успеет уйти в сторону. Он пока что останется в деле, но Таннеру не будет доверять ни на йоту.

Наконец Хеннеси кивнул.

– Отлично, – сказал Таннер. – Тогда – вперед. Вы оба.

14

Никогда еще ему не доводилось опускаться в батискафе ночью. Находясь в ярко освещенном флуоресцентными лампами аппарате и глядя на царящий снаружи мрак, он чувствовал себя так, будто попал в кабинет сумасшедшего дантиста. Холодный свет выхватывал из темноты резкие контуры лиц.

Они заняли свои места и пристегнулись: Хеннесси впереди за рычагами управления, Дантек за его спиной и чуть справа, рядом с механизмом для сброса балласта. При помощи лебедки батискаф взвился в воздух и на мгновение завис над водой, а потом внезапно полетел вниз.

Когда они стрелой вонзились в воду, темнота вокруг стала абсолютно непроницаемой. Дантек включил внешние огни, и внутреннее освещение сразу потускнело. Хеннесси проверил рычаги управления, затем вставил в ухо каплю наушника и приладил микрофон так, чтобы тот не бился о щеку. Следующим делом он бросил «Ф-7» вперед, потом назад, включил бур и понаблюдал, как тот вращается. Протестировал работу сонара и эхолота и наконец попросил Дантека проверить заглушки на иллюминаторах. Все, кажется, в норме.

– Говорит Плоткин, – назвал Хеннесси в микрофон свое кодовое имя. – Корабль, как меня слышите? Отзовитесь.

В ухе, потрескивая, зазвучал голос Таннера. Одновременно его четкое изображение возникло на голографическом экране.

– Слышу и вижу хорошо. У вас все в порядке?

– Вас понял. Все в норме, – сообщил Хеннесси.

Дантек кивнул.

– Плоткин, когда будете готовы, стартуйте, – сказал Таннер.

Хеннесси помедлил мгновение, держа руки на рычагах, потом прервал видеосвязь и направил «Ф-7» вниз.

«Теперь остается только ждать, – подумал Хеннесси. – Часа четыре. Или пять».

Он откинулся в кресле и распрямил конечности. Поначалу спуск шел медленно, но постепенно скорость увеличилась. Хеннесси не торопился, он приноравливался к ходу батискафа. Внутри заметно потеплело, дышать стало труднее. Хеннесси велел Дантеку проверить установку кислородной рециркуляции, хотя знал, что это просто включилась система климат-контроля: за бортом было чертовски холодно.

Время от времени наружные огни батискафа выхватывали из темноты сверкающую спину рыбы, но чем глубже они погружались, тем реже и реже становились такие встречи. Практически единственными живыми существами здесь были лишь они двое в тесной, словно консервная банка, посудине. Они дышали спертым воздухом и ждали.

У него болела голова. Черт, было такое ощущение, что в последние дни она болит постоянно. Хеннесси чуть повернулся в кресле и кинул взгляд на Дантека. Напарник не отрываясь смотрел на него.

– Что такое? – спросил Хеннесси.

– Такое что? – уточнил Дантек.

«Да, этот парень кого угодно отошьет», – подумал Хеннесси и отвернулся.

В батискафе, казалось, стало еще жарче. Воздух сделался ощутимо тяжелым, и каждый вдох давался с трудом.

Они погрузились еще на сто метров. Он прежде не замечал, как же тесно внутри этого «Ф-7». Сейчас же, когда они просто опускались и не было нужды уделять особое внимание приборам, Хеннесси не мог думать ни о чем другом. Пот сочился буквально изо всех

пор. Казалось, он потерял уже не один литр жидкости. Ощущение было такое, что он может запросто утонуть в собственном поту.

Хеннеси рассмеялся.

– В чем дело? – поинтересовался Дантек.

Он снова засмеялся. Он просто не мог сдержаться. Конечно, сама мысль о том, что можно утонуть в собственном поту, была абсурдной, но если это все же случится? Нелепой была не только мысль, бессмысленным казалось все происходящее.

– Подыши поглубже и возьми себя в руки, – холодно произнес Дантек.

Хеннеси понимал, что напарник прав. Хуже не придумаешь – закатить истерику внутри этой скорлупки размером чуть больше чемодана, в нескольких милях от ближайших людей. Нет, этого ни в коем случае нельзя допустить. Но он не сдержался и снова захихикал.

Он услышал, как Дантек расстегнул ремень безопасности, а в следующее мгновение угрюмый напарник уже оказался рядом. Он оперся на приборную панель, и батискаф чуть накренило набок, но через секунду он снова лег на прежний курс.

Хеннеси опять захихикал, и Дантек могучей лапицей обхватил его за горло. Сразу же стало нечем дышать.

– Слушай меня, – прошипел Дантек. – Есть два варианта. Либо мы выполняем задачу с тобой живым и здоровым, либо с тобой, но в качестве трупа. Мне лично все равно.

Хеннеси попробовал сопротивляться, но Дантек оказался чересчур силен. Хеннеси еще ни разу не попадал в подобные переделки, и никогда ему не было так страшно. Он чувствовал, что теряет сознание, перед глазами заплясали разноцветные точки. Он пытался плотнуть воздуха, но ничего не получалось.

Наконец, когда Хеннеси уже готов был отключиться, Дантек убрал руку, окинул напарника долгим, тяжелым взглядом и медленно вернулся в свое кресло, будто ровным счетом ничего не произошло. Задышавшись и хрипя, Хеннеси в итоге сумел сделать вдох и принялся массировать горло.

– Теперь все в порядке? – как ни в чем не бывало спросил Дантек.

Впрочем, прозвучало это скорее как приказ, а не как вопрос.

– Да, – проговорил Хеннеси и с удивлением обнаружил, что в самом деле полегчало и он себя контролирует.

Голова, правда, теперь болела сильнее.

Хеннеси посмотрел на приборы. Батискаф по-прежнему двигался нужным курсом.

Так ли уж были необходимы крайние меры, на которые пошел Дантек? Ведь Хеннеси просто немного похихикал – стоило ли из-за этого распускать руки? Дантек, очевидно, считал иначе; пожалуй, он перегнул палку. Кто-то из них мог пострадать. Интересно, о чем думал Таннер, когда засунул его в этот плавучий гроб вместе с ненормальным? Да, наверное, Дантек сильнее – возможно, Хеннеси сейчас не в силах ничего сделать, но вот когда они снова окажутся на твердой земле, он отыщет управу на этого психа. Он подаст на него официальную жалобу. Он отправится к Таннеру, расскажет о поведении Дантека и потребует, чтобы того уволили. Ну а если Таннер не пожелает ничего предпринимать, он обратится к вышестоящему начальству. Будет писать и писать жалобы, пока не доберется до самого верха, до самого Ленни Смолла. Президент Смолл, конечно же, здравомыслящий человек. А если и мистер Смолл не захочет его слушать... что ж, тогда он им всем покажет. Он возьмет винтовку и...

– Тысяча метров, – сообщил Дантек.

Хеннеси виновато дернулся, и все посторонние мысли враз улетучились.

– Тысяча метров, – повторил он и обнаружил, что голос предательски дрожит.

Не очень сильно, так что Таннер может ничего и не заметить. Хеннеси включил видеосвязь.

– Вызываю базу, – произнес он в микрофон. – База, ответьте.

В треске помех, уже не так ясно, как прежде, послышался голос Таннера. Изображение на экране тоже было менее четким, с размытыми краями.

– «Эф-семь», база на связи. Вижу и слышу вас хорошо.

– Глубина – тысяча метров, – доложил Хеннесси. – Заглушки в порядке, приборы работают исправно, проблем никаких.

– Очень хорошо, – откликнулся Таннер. – Действуйте по плану.

Батискаф продолжал погружение. Теперь казалось, что они опускаются медленнее, чем раньше.

– У тебя все в норме? – спросил Хеннесси.

– Без проблем. А у тебя?

Хеннесси кивнул. Даже это простое движение отдалось болью в голове – ощущение было, словно мозг ударился о внутренние стенки черепа.

– Кислород в норме? – спросил он.

– Ты только что спросил, все ли в норме, и я ответил утвердительно, – холодно произнес Дантек. – Это значит, все в норме, включая и кислород.

– Да-да. Я понял.

Хеннесси некоторое время молча сидел и смотрел в иллюминатор. В свете бортовых огней батискафа больше не было видно ни малейших признаков жизни. Если здесь и водилось что-то живое, оно предпочитало не показываться. Вокруг царил неизменный мрачный пейзаж. Хеннесси вдруг сообразил, что обстановка напоминает его давешний сон, и от этой мысли ему стало нехорошо.

– У меня голова болит, – сказал он наконец – просто для того, чтобы услышать человеческий голос.

Дантек промолчал.

– А у тебя не болит голова? – спросил Хеннесси.

– Вообще-то, болит, – повернувшись к нему, соизволил ответить Дантек. – Уже несколько дней.

– Вот и у меня.

Дантек ограничился кивком, а потом сказал:

– Завязываем с болтовней.

Хеннесси согласно кивнул. Он сидел, уставившись в окружающую батискаф непроглядную черноту, и прислушивался к растущему вместе с давлением скрипу корпуса. Но помимо этого, он слышал и другой звук. Только вот что именно? Вроде бы ничего особенного, но звук не давал ему покоя. Недостаточно громкий, чтобы распознать его, он все же был совершенно отчетливым. Что же это?

– Ничего не слышишь? – спросил Хеннесси Дантека.

– Я же попросил тебя заткнуться.

И как прикажете понимать: слышал он что-нибудь или нет? Черт, почему этот Дантек не может нормально ответить на простой вопрос? Он ведь задан вполне вежливо.

– Пожалуйста, – умоляюще произнес Хеннесси, – просто скажи, ты слышал или...

Дантек нагнулся и дал ему пощечину.

«Он ничего не слышит, – возникла догадка. – Иначе бы тоже захотел узнать, что это. Следовательно, либо источник звука находится рядом со мной, где-то возле приборной панели, либо...»

Хеннесси не захотел развивать мысль – слишком ужасной она казалась. Он склонился к панели и, поочередно приближая ухо к каждому прибору, прислушался. Он все ждал, что Дантек поинтересуется, чем он занят, но напарник не проронил ни слова. Может, просто

не смотрел на Хеннесси, а может, ему было наплевать. Так или иначе, Хеннесси ничего не обнаружил. Непонятный звук не исчез, но и громче он не становился.

А это значит, заключил Хеннесси, что звук раздается у него в голове.

Как только он пришел к такому выводу, звук распался на несколько и в черепе зашептали голоса. Что они хотели ему сказать? Он боялся, что знает ответ. Хеннесси пытался не обращать на них внимания, старался не вслушиваться...

– Две тысячи метров, – подал голос Дантек.

«Да, – подумал Хеннесси, – занимайся лучше работой. Не обращай внимания на голоса, а просто делай свое дело. Соберись, чувак, меньше всего тебе сейчас нужно...»

– Хеннесси, слышал, что я сказал? – нарушил ход его мыслей Дантек.

– Да-да, слышал. – Хеннесси помотал головой. – Две тысячи метров. Я сейчас свяжусь с Таннером.

Он включил связь, и на экране возникло очень нечеткое изображение руководителя операции.

– Глубина – две тысячи метров, – доложил Хеннесси.

Ответ пришел спустя примерно три секунды.

– Повторите, – попросил Таннер.

Точнее сказать, сквозь треск статических разрядов его фраза прозвучала как «повт... те».

– Глубина – две тысячи метров, – уже медленнее сказал Хеннесси.

– Вас понял, – опять не сразу ответил Таннер. – Продолжайте.

«Еще тысяча метров», – подумал Хеннесси.

Возможно, на самом деле они прошли чуть меньше, но добрая половина пути уже осталась позади. Как только они достигнут скальных пород, он сможет полностью сосредоточиться на управлении буром. Ему крайне необходимо на что-то отвлечься. Все будет в порядке, а пока нужно спокойно сидеть и подождать окончания спуска. Тогда они со всей возможной скоростью пробурятся напрямик к неизвестному объекту, возьмут, как и просил Таннер, маленький фрагмент для исследования и не мешкая отправятся обратно. А в дальнейшем Хеннесси уже не будет участвовать в операции – если, конечно, объект окажется достойным внимания. Он вернется в Североамериканский сектор, к обычной жизни, и выбросит воспоминания из головы. А если Таннеру или корпорации захочется собрать большую команду, чтобы извлечь объект, пока о нем не проводили конкуренты, это уже их дело; он, Хеннесси, будет далеко отсюда. Когда он дошел в своих размышлениях до этого места, жизнь представилась не такой уж и скверной.

Возможно, если дышать реже, станет легче. Так он, по крайней мере, будет экономнее расходовать кислород. Он по-прежнему вовсю потел, но больше не смеялся по этому поводу. Ему было очень не по себе. Он страшился окружающей неизвестности, и еще он боялся Дантека.

«Хеннесси, да возьми же себя в руки!» – приказал он себе. Вернее сказать, распорядилась только часть его. Другая часть не переставая кричала в мозгу. Вторая половина пыталась загнать первую в трюм и наглухо задраить люки. А были еще и голоса, которые что-то говорили, точнее, нашептывали; шепот раздавался прямо в голове, хотя он не был уверен, принадлежит ли эта голова ему или уже кому-то другому.

«Хеннесси, – шептали голоса. – Хеннесси».

Они будто пытались привлечь его внимание. Казалось, они звучат одновременно и внутри черепа, и снаружи.

Внезапно голову пронзила острая боль. Хеннесси зарычал и с силой надавил пальцами на виски. Потом он обернулся к Дантеку – посмотреть, не заметил ли тот, и обнаружил, что

напарник также сжимает голову, а искаженное в гримасе лицо побледнело и усеялось каплями пота. Но уже через мгновение на физиономию вернулась маска полнейшего безразличия ко всему, Дантек выпрямился и впился взглядом в Хеннесси.

– На что ты уставился? – прорычал он.

Не говоря ни слова, Хеннесси повернулся к приборной панели. Он отчаянно надеялся, что прошло уже довольно много времени, хотя могло стать, что миновало лишь несколько секунд. Возможно, им все еще предстояло преодолеть девять сотен метров.

– Какая глубина? – Хеннесси постарался, чтобы вопрос прозвучал спокойно, буднично.

В обзорном иллюминаторе он разглядел отражение бледного перекошенного лица Дантека. Ощущение было, словно заглянул в глаза безумца.

– Я скажу, когда будет нужно. – Если только Хеннесси не почудилось, теперь голос Дантека слегка дрожал.

«Что, если ему так же хреново, как и мне?»

С одной стороны, подобная мысль успокаивала. В то же время Хеннесси вдруг осознал, что ситуация может быть гораздо серьезнее, чем он предполагал.

Он продолжал глядеть в иллюминатор – то наблюдал за мрачными водами, то смотрел на неясное отражение Дантека. Сколько же еще осталось ждать? Сколько? Хеннесси помотал головой.

«Хеннесси, – повторяли голоса в голове. – Хеннесси».

Голоса были хорошо знакомы. Правда, поначалу Хеннесси не мог понять откуда, но внезапно сообразил: именно их он слышал в недавнем ночном кошмаре. Один показался более знакомым, чем остальные. Хеннесси не сомневался, что знает его обладателя, но никак не мог вызвать в памяти лицо. Интересно, разве можно слышать голос, понимать, что он тебе знаком, но при этом не догадываться, кому он принадлежит?

«Они проникли ко мне в голову, – подумал Хеннесси. – Должно быть, я нечаянно их впустил. Со мной определенно что-то не так. О Господи, Господи, прошу Тебя, помоги».

Если он снова поведет себя неадекватно, Дантек его просто прибьет. Напарник недвусмысленно дал это понять.

Вдруг что-то промелькнуло за бортом батискафа, внизу, под ними.

Стоп-стоп, это всего лишь отражение Дантека. Ничего особенного. Но вот оно показалось снова – более светлое и плотное на темном фоне. Они достигли дна.

Хеннесси замедлял ход, пока аппарат не пополз как черепаха.

– Три тысячи метров, – сообщил Дантек.

– Мы почти добрались, – обернулся к напарнику Хеннесси. В его голосе снова звучала уверенность. – Мы практически у самого дна.

Он смотрел, как приближается дно. Оно было пустынным, будто лунная поверхность, и представляло собой простирающийся во всех направлениях слой грязи. «Ф-7» опустился очень аккуратно и практически не взбаламутил осадок. Какая-то рыба – похоже, камбала, – лежавшая в иле, взмахнула хвостом и, отплыв подальше от слепящего света наружных огней, снова окунулась в грязь. Из опыта тренировочных погружений Хеннесси знал: аппарат может перевернуться в ходе приземления и тогда придется затратить массу усилий, чтобы вернуть его в нужное положение. Однако опасения оказались беспочвенными: все прошло гладко.

– Мы сделали это! – сообщил Хеннесси напарнику. – Дальше будет проще.

Дантек ограничился внимательным взглядом.

Хеннесси связался с Таннером. К его удивлению, сигнал здесь был чище, чем тысячу метрами выше, – вероятно, из-за другого угла наклона батискафа. Правда, несколько раз случались кратковременные всплески энергии, которые прерывали соединение.

– Мы на месте, – доложил Хеннесси, едва на экране появилось изображение Таннера.

- На что это похоже?
 - Ровная однородная поверхность. Через верхний слой пробиться будет нетрудно.
 - Похоже на край света, – пробормотал за спиной Хеннесси Дантек.
- Таннер кивнул.
- ...сказал? – долетел до них обрывок фразы Таннера.
 - Простите, сэр, я не расслышал вопроса, – сказал Хеннесси.
 - Не важно. Когда будете готовы, начинайте. Удачи вам.

Хеннесси выпустил стойки, чтобы стабилизировать батискаф и одновременно приподнять его верхнюю часть. Бур медленно пошел вниз и достиг дна. Хеннесси взялся за рычаги управления.

15

И дернулся, когда на плечо легла чужая рука. Он повернулся и увидел Дантека. Напарник стоял, покачиваясь из стороны в сторону, взгляд его помутился.

– Я буду управлять буром, – заявил он.

– Но я должен...

Дантек сжал пальцы, и мгновенно плечо и шею Хеннесси пронзила резкая боль; рука моментально онемела.

– Я буду управлять буром, – не терпящим возражений тоном повторил Дантек. – Пошевеливайся!

Расстегнуть ремень безопасности, пока Дантек сжимал плечо, оказалось нелегкой задачей, но Хеннесси наконец с ней справился и встал на ноги. Дантек по-прежнему держал его, однако он все же смог пробраться к соседнему креслу. И только когда он сел и пристегнулся, ненормальный напарник его отпустил.

Хеннесси с облегчением вздохнул и помассировал плечо. Рука постепенно обретала чувствительность. Он возмущенно уставился на Дантека.

– Ты просто не понимаешь, что творишь, – громко заявил Хеннесси. – Ты убьешь нас обоих.

– Заткнись, – процедил Дантек, не соизволив даже повернуться, чтобы посмотреть Хеннесси в глаза.

Он включил бур, и тот с ревом завертелся. Батискаф затрясло, он дернулся и медленно погрузился в слой ила.

«Ф-7» превзошел все ожидания: он опускался медленно, но верно. Бур неуклонно прокладывал дорогу, а измельчители крошили материал, через который они пробивались. Поначалу это были в основном илистые отложения, что накапливались в течение многих лет. Погружаться сквозь них было легко, но в то же время здесь было слишком мало работы для бура, и продвигался батискаф медленно.

«Сейчас самый главный вопрос, насколько легким окажется обратный путь», – думал Хеннесси, глядя назад в обзорный иллюминатор, пока образовывавшийся тоннель заполнялся водой и мелкодисперсной взвесью. Конечно, измельчители справлялись с частью породы, но лишь с частью, и «Ф-7» запросто может застрять в нагромождении камней, если возвращаться тем же путем. Им придется бурить в скале петлю, пробуя вернуться в исходный тоннель, либо сразу же пробивать новый проход к поверхности. Пока Дантек внимательно управляется с приборами, все будет в порядке.

– База, слышите меня? – произнес Дантек. – База, ответьте.

В наушниках Хеннесси раздавался только шум статических разрядов. Поскольку Дантек замолчал, Хеннесси предположил, что напарник слышит то же, что и он. Значит, они здесь совсем одни, оторваны от остального мира. По крайней мере, в данный момент.

«И еще есть я», – произнес голос в голове Хеннесси и тут же затих.

Он застонал.

«Ф-7» покачнулся. Издаваемый буром звук, до того монотонный, изменился. Это означало, что они наткнулись на более твердое вещество – мергель, предположил Хеннесси, припомнив изученные геологические карты. Смесь карбоната кальция и затвердевшего ила. Если бы он сейчас находился в предназначавшемся ему кресле, то смог бы на основании показаний приборов определить точный состав породы.

Через плечо Дантека Хеннесси взглянул на приборную панель. Похоже, они по-прежнему идут верным курсом, так что беспокоиться пока не о чем.

«Послушайся меня, – произнес голос в голове. – Пока не поздно, послушайся меня».
– Я занят, – сказал Хеннесси вслух и помотал головой.

Потом он бил себя по губам, пока не ощутил вкус крови. Он надеялся, что это отвлечет от навязчивого голоса. Помогло, но ненадолго.

– Что такое? – спросил Дантек.

– В смысле?

– Что ты сказал?

– А, это... Извини, я говорил не с тобой.

Хеннесси сидел не шевелясь, слегка ошарашенный. Он прислушивался к гудению бура и чувствовал, как трясется от вибрации батискафа.

«Я не здесь, – начал он мысленно убеждать себя. – Это все сон. Просто сон, и больше ничего».

Хеннесси вернулся к реальности, когда «Ф-7» резко нырнул в сторону и звук работающего бура снова изменился. Аппарат значительно замедлил ход. Хеннесси обернулся и, прильнув к заднему обзорному иллюминатору, попытался разглядеть стенки тоннеля. Слагавшая ее порода стала темнее – это была вулканическая брекчия, составленная обломками андезитового стекла. Здесь и там виднелись вкрапления ударно-метаморфизированного кварца.

– Похоже, мы уже близко, – заметил Хеннесси.

– До верхушки объекта осталось метров пятьдесят, – пробурчал Дантек, – так что тебе придется потерпеть – мы еще не добрались.

Потерпеть... Хеннесси не может ничего обещать, но он попытается. Все, что от него сейчас требовалось, – это немного терпения.

Внезапно бур замер, и вместе с ним прекратила работу установка кислородной рециркуляции. Лампочки замигали и погасли, все индикаторы на приборной панели отображали ровные линии. Даже аварийное освещение не работало. На мгновение в эфир прорвался голос Таннера. Хеннесси удалось расслышать лишь обрывок фразы: «...вы видите, по...», а потом в наушниках вновь воцарилась мертвая тишина.

Единственным звуком внутри батискафа было щелканье кнопок – это Дантек пытался вернуть к жизни заглушенные приборы. Безрезультатно. Хеннесси вдруг обнаружил, что его руки непроизвольно делают то же самое.

– Что случилось? – спросил он, едва не срываясь на крик.

– Не знаю. Ничего не работает!

Хеннесси на ощупь нашел иллюминатор и заколотил по нему руками.

– Прекрати! – крикнул Дантек. – Не знаю, что ты задумал, но перестань!

Мрак вокруг казался осязаемым и с каждой секундой сгущался все сильнее. Хеннесси почувствовал, как горло сжимают пальцы тьмы. Воздух в батискафе был уже не просто теплым, он стал горячим. Хеннесси понимал, что долго не протянет.

Но худшее было еще впереди. Внезапно Хеннесси увидел, как по ту сторону иллюминатора мелькнуло лицо. Сперва он подумал, что лицо его собственное, но нет – стекло иллюминатора было чернильно-черным. Как это могло оказаться его лицом? Может, рядом с батискафом проплыла глубоководная рыба – некоторые из них светятся в темноте. Нет же, никакая это не рыба! Это было человеческое лицо, и оно совершенно точно не принадлежало Хеннесси. Оно находилось по ту сторону иллюминатора, между батискафом и стенкой только что проделанного в скале тоннеля, висело там и слегка светилось. И Хеннесси его узнал – одутловатое и немного полнощекое, со слабовольным ртом и кривыми зубами; обрамлявшие его кудрявые волосы медленно колыхались в воде. А глаза... они были точь-в-точь как у самого Хеннесси: глаза отца. Это был Шейн, его единокровный брат.

Шейн уже много лет (он тогда еще учился в колледже) как умер, погиб в дурацком дорожном происшествии. Он ехал по шоссе, когда вдруг у шедшей впереди фуры, перевозившей автомобили, сломалось фиксирующее устройство, легковушка слетела с верхнего яруса и рухнула прямо на машину Шейна. Хеннесси не сомневался, что брат погиб. Он лично видел тело, а когда сотрудник похоронного бюро смотрел в другую сторону, быстро откинул голову Шейна назад и заметил прямо под воротником огромную бескровную рану. Нет, это было просто невозможно!

И тем не менее – вот он, здесь и сейчас.

– Привет, Джим.

Шейн беззвучно шевелил губами, а слова раздавались у Хеннесси прямо в голове.

– Привет, Шейн. Что ты там делаешь?

– Заткнись! – рявкнул Дантек. – Что с тобой такое? Замолчи!

– Рад тебя видеть, Джим, – продолжил Шейн.

Хеннесси прижался лицом к стеклу и прошептал:

– Мне нужно успокоиться, иначе Дантек совсем рассвирепеет.

Шейн кивнул, улыбнулся, а потом сделал жест, такой знакомый по их общему далекому детству: будто застегивал рот на молнию.

– Буду с тобой откровенен, – прошептал Хеннесси. Он не мог видеть отражения своего лица, но догадывался, что лоб испещрили озабоченные морщинки. Впрочем, их должен был увидеть Шейн и понять, что на самом деле сейчас творится у брата в душе. – Я думал, ты мертв.

– Конечно думал, – откликнулся Шейн. – На это они и рассчитывали.

Хеннесси мрачно кивнул:

– Скоты.

– Ну, они не такие уж и плохие, – заметил Шейн. – Просто по-другому не умеют. Но ты-то, Джим, знаешь, как по-другому?

– Теперь – да, – еле слышно произнес Хеннесси. – Господи, Шейн, действительно так здорово тебя видеть. Но ответь мне еще на один вопрос.

– Валяй. Можешь спрашивать о чем угодно.

– Что ты там делаешь?

– Ну, – робко посмотрел на брата Шейн, – если честно, я надеялся, что ты пригласишь меня к себе.

Хеннесси осмотрелся в полной темноте, пытаясь мысленно представить, как выглядит батискаф изнутри.

– Послушай, Шейн, здесь уже и так довольно тесно. Не знаю, найдется ли еще место.

– Поверь, там гораздо больше места, чем ты полагаешь. Разреши мне войти, и ты все увидишь.

– Но что подумает Дантек?

– Хватит там шептать! – заорал Дантек. – Немедленно прекрати!

– Джим, он здесь не босс, – лениво ухмыльнулся Шейн. – Я-то знаю, как обстоят дела. Ты – босс. Дантек просто здоровый бычара, он давно заслужил, чтобы его проучили. Я буду вести себя тихо-тихо. Держу пари, он меня даже не заметит.

– Все верно, Шейн, – прошептал Хеннесси. – Он лишь здоровый бычара. – Несколько секунд он сидел молча, уткнувшись лицом в толстое стекло иллюминатора. – А тогда что нам мешает? Давай, брат, заходи!

И в эту секунду внезапно вспыхнули все лампочки, погасли и тут же снова зажглись, уже в полную силу. Ожили датчики приборов на панели. В наушниках Хеннесси послышался треск, а на экране видеофона мелькнуло изображение Таннера, но тут же снова исчезло, уступив место бегущим зигзагообразным линиям.

Заработали установки кислородной рециркуляции, а через мгновение снова зажужжал бур.

– Все в порядке! – воскликнул Дантек, бросив быстрый взгляд через плечо.

Хеннесси заметил, что лицо напарника блестит от пота. – Мы прорвемся.

Но Хеннесси и без него знал, что у них все получится. Его брат, старина Шейн, сидел рядом на стуле, хотя Хеннесси и не припоминал, чтобы стул был там раньше, – вероятно, Шейн принес его с собой. Брат улыбался и держал руку Хеннесси в своей. Да, теперь, когда они вместе, у них все получится.

16

Хеннеси осторожно высвободил руку и посмотрел на хронометр. Он показывал тридцать восемь минут седьмого, но, судя по тому, как вспыхнули и потом медленно погасли цифры, часы остановились. Интересно, почему они не работают? Хеннеси показал их Шейну, но тот лишь кивнул.

– Не стоит волноваться, братец, – так же беззвучно сказал Шейн. – На самом деле это не важно.

Конечно, брат был прав: это не имело никакого значения, но Хеннеси все же хотел узнать, который час.

– Сколько времени? – спросил он Дантека.

– Отстань! – бросил тот. – Мы приближаемся. Мне нельзя отвлекаться.

Хеннеси чуть подождал и повторил вопрос.

Дантек бросил рассеянный взгляд на запястье, а потом поднес хронометр к уху:

– Остановился.

– И мой тоже.

Тогда Дантек повернулся и посмотрел на напарника. Похоже, он не обратил никакого внимания на Шейна, хотя тот сидел совсем рядом с Хеннеси.

«Люди видят только то, что хотят увидеть», – подумал Хеннеси.

– По-твоему, это странно? – спросил Дантек.

Хеннеси пожал плечами и сказал:

– Не стоит волноваться. На самом деле это не важно.

– И еще один вопрос, – прищурившись, произнес Дантек. – С чего это вдруг ты стал такой, на хрен, спокойный?

Хеннеси обернулся за помощью к брату, потом осознал ошибку и быстро перевел взгляд обратно на Дантека. Тот, в свою очередь, проследил за взглядом Хеннеси, посмотрел сквозь Шейна, как будто его там и не было, и снова уставился на напарника.

– Да как-то вот так, – смущенно сказал Хеннеси. – Просто чувствую себя лучше. Не знаю почему.

Бешено вращая глазами, Дантек повернулся к панели управления.

– Слушай, Джим, только между нами – он что, действительно должен это делать?

– Не знаю, – ответил Хеннеси. – Не должен?

– С некоторыми вещами лучше не шутить.

Хеннеси кивнул. Вероятно, Шейн прав, но только если он скажет об этом Дантеку, тот просто не станет его слушать. Что же делать? Быть может, с самого начала это была плохая идея, но если и так, он не представлял, как ему остановить напарника.

Прошло несколько минут – точнее сказать было невозможно, – и Дантек уменьшил скорость вращения бура. Батискаф медленно пробивался вглубь, пока не наткнулся на какое-то препятствие, так что бур пронзительно взвизгнул. Дантек вытащил его, подал аппарат чуть назад и, приблизившись к преграде чуть под другим углом, принялся пробивать стенку тоннеля. Хеннеси с улыбкой на устах просто сидел и ждал, периодически кидая взгляды на брата.

– Ты уверен, что это хорошая идея? – снова спросил Шейн.

Хеннеси пожал плечами.

Дантек опять подал батискаф чуть назад и попытался пробуриться через стену. Потом еще раз. И еще.

– Думаю, это была ошибка.

Тут Хеннесси увидел очертания странного предмета, пока еще наполовину погруженного в толщу скалы. Разглядеть его как следует за завесой из вращающейся в воде каменной крошки и ила было невозможно. Дантек сдал назад и выключил бур.

– Что там такое? – спросил его Хеннесси.

– Мне-то откуда знать? – буркнул Дантек. – Никогда раньше не видел такой чертовщины.

– Это Черный Обелиск, – подсказал Шейн.

«Черный Обелиск», – подумал Хеннесси.

Когда вода успокоилась и муть частично осела, таинственный предмет стал виден более отчетливо. Это, похоже, был каменный монолит, сделанный из обсидиана. К вершине он сужался и по форме напоминал пирамиду. Колышущаяся вода причудливым образом преломляла его очертания. Монолит был по горизонтали опоясан тысячами символов, подобных которым Хеннесси не встречал никогда в жизни. Они то ли светились сами, то ли это была иллюзия, вызванная игрой света и тени. Хеннесси не смог бы сказать наверняка. Видимая часть пирамиды, торчавшая из скалы, имела в высоту, по его прикидкам, около трех метров.

– Господи всемогущий! – пробормотал Дантек, даже не пытаясь скрыть охвативший его ужас. – Кто поставил здесь эту штуковину?

– Вот таким вопросом задаваться не стоит, – сказал Шейн. – Лучше этого не знать.

Внезапно Хеннесси вспомнил схематическое изображение объекта, которое показывал им Таннер, и вывел его на экран головизора. Верхушку венчала пара торчащих в разные стороны «рогов», и Хеннесси прикинул, что Обелиск должен продолжаться еще далеко в глубь кратера, метров на двадцать, а то и больше.

– Каких же он размеров? – вымолвил Хеннесси.

Дантек что-то растерянно пробормотал, но вопрос был адресован не ему.

– Большой, – коротко ответил Шейн. Он взял руку Хеннесси и поднес ее к стеклу иллюминатора. Вместе они уставились на Обелиск. – С ним шутки плохи. Ты в опасности, брат.

– Сейчас подойдем поближе, – сказал пришедший в себя Дантек.

– Ты уверен? – спросил Хеннесси, не отрывая взгляда от черной пирамиды. – Может, не стоит с ним связываться? – Краем глаза он увидел, как Шейн одобрительно кивнул.

– Попытайся вызвать Таннера, – решил Дантек. – Посмотрим, что он скажет.

Хеннесси попробовал выйти на связь, но расслышать среди громкого треска помех, что говорит Таннер, не удалось.

– Не знаю, – сказал Хеннесси, – что здесь происходит, но мне это очень не нравится. Лучше нам отсюда убраться.

– После того, как проделан такой путь? – воскликнул Дантек. – Мы несколько часов провели в этом гробу, и раз уж добрались досюда, нужно все как следует осмотреть.

В течение нескольких секунд Хеннесси продолжал изучать Обелиск, а потом кивнул:

– Думаю, если мы подойдем ближе, ничего не случится. Главное – соблюдать осторожность.

Он оглянулся на брата, который покачал головой:

– Все не так просто.

Дантек чуть продвинул батискаф вперед и заглушил двигатели, позволив аппарату по инерции преодолеть последние метры. И вот они оказались прямо перед Обелиском; «Ф-7» мягко ткнулся в его грань.

– Он чудесен, – прошептал Дантек.

– Он не чудесен, – беззвучно сказал Шейн, и его лицо приобрело странное выражение. – Он ужасен. Брат, Дантек становится одним из них. Боюсь, нам придется от него избавиться.

«Пока все складывается хорошо, — думал Дантек. — По крайней мере, неплохо».

Похоже, ему удастся выбраться из этой переделки.

Голова болела с той самой минуты, когда он забрался в эту чертову калошу. Хотя, если быть честным с собой, боль он испытывал уже несколько недель. Таблетки ничуть не помогали. Чем бы он ни занимался, боль всегда была с ним — не чудовищная, нет, она просто постоянно тихо пульсировала внутри черепа, мешала сосредоточиться и не давала спать. Никогда еще со времени боев на Луне он не чувствовал себя таким измотанным. Собственно, и подобные ощущения — будто пойман в ловушку и не в силах выбраться — он испытывал последний раз тогда, на Луне. Дантек даже и представить не мог, насколько погружение в батискаф окажется похожим на полет в аварийном космическом модуле. Его захватили воспоминания о тех давних событиях, о той странной войне, которая официально вроде бы и не велась; о том, как достаточно было получить лишь маленькую прореху в скафандре, чтобы стать покойником; о том, как в конце концов, если хотел выжить, ты вынужден был воткнуть нож в спину товарищу и забрать у него остатки драгоценного кислорода. Сколько же народу ему пришлось убить ради спасения собственной жизни? Те события изменили его, ожесточили. Поначалу Дантек думал, что благодаря им поднялся над суетным миром, что не будет теперь испытывать страх, не поддастся эмоциям, как подавляющее большинство людей. Но сейчас он осознавал, что на деле все обстояло не совсем так. Что правда, то правда — долгое время Дантеку удавалось избегать этих слабостей, но полностью от них освободиться он не смог. И теперь, когда батискаф находился совсем рядом с артефактом, чувства и эмоции охватили Дантека со всей беспощадностью.

А еще и эта скотина Хеннесси. Вот уж повезло с напарником! Самый натуральный клоун, так его растак! Сперва он вел себя точно ребенок в игрушечном магазине — просто не мог сдерживать щенячьего восторга при виде «Ф-7». А потом, когда Дантек немного его успокоил, стал изображать Джекила и, мать его, Хайда: капризничал, истерил и вообще вел себя так, словно медленно съезжает с катушек. А это последнее дело, когда находишься с кем-то в замкнутом пространстве. На Луне Дантек убивал людей и по менее значительному поводу.

Подобная мысль приходила ему в голову, но Таннер сказал, что будет против. А Таннер все эти годы был к нему очень добр. Хотя если бы он понял, что в действительности произошло тогда на Луне, то относился бы к нему совсем иначе.

Таннеру и в голову не приходило, что Дантек больше был озабочен тем, как бы отнять у него драгоценный запас воздуха, нежели тем, чтобы спасти ему жизнь. Дантек планировал прикончить его и забрать баллон с кислородом, и непременно бы это сделал, если бы не случай. Пока искал подходящее место, чтобы убить Таннера, он вдруг наткнулся на работающий передатчик, за который продолжала держаться мертвой хваткой замерзшая оторванная рука радиста. Поэтому он не убил товарища, а вышел на связь с десантным шлюпом и попросил их забрать. Таннер и не догадывался, что потерял сознание и находился буквально в шаге от гибели, когда уже прибыл корабль, из-за того что Дантек незаметно повернул на его скафандре вентиль и уменьшил подачу воздуха. Он сделал это на случай, если помощь вдруг задержится и ему все же придется воспользоваться кислородным баллоном товарища.

Но преданность Таннеру и чувство вины перед ним не были единственными причинами, почему Дантек не убил Хеннесси. Ему просто не улыбалось совершать убийство в замкнутом пространстве, где не было никакой возможности избавиться от тела. Он не мог себе представить, как будет сидеть рядом с трупом и ощущать на спине взгляд его мертвых глаз. К этому соображению прибавлялся еще и тот факт, что в последние шесть с небольшим

часов Дантек, как ни странно, побаивался напарника. Первое время тот вел себя как истеричная баба, потом зашептался то ли сам с собой, то ли с переборкой, будто рядом с ним в натуре кто-то сидел. У парня однозначно поехала крыша, и Дантек не хотел его лишней раз провоцировать. По собственному опыту он знал, что, когда люди сходят с ума, они становятся абсолютно непредсказуемыми, могут совершать неожиданные поступки и демонстрировать при этом силу, которой в них не заподозишь.

А Дантек просто хотел выйти из этой переделки живым. Пока что они сделали только полдела и сейчас зависли прямо перед чертовым монолитом, который, надо признаться, тоже напугал его до дрожи в коленках. Но, кроме страха, Дантек испытывал еще и благоговейный трепет. Если верить геологии, эта штуковина находилась здесь больше пятидесяти миллионов лет, то есть появилась задолго до возникновения человечества. Однако было очевидно, что монолит создан людьми. Или представителями иной разумной жизни. Последняя мысль казалась невероятной.

Хеннесси сидел, прижавшись лицом к стеклу иллюминатора и с головой уйдя в созерцание артефакта. Вид у него был отсутствующий.

Дантек приготовил устройство для отбора проб, закрепленное снаружи на манипуляторе, проверил молекулярные резак, которые проходили сквозь камень, словно через масло. Очень осторожно он протянул манипулятор вперед, пока тот не уткнулся в стенку монолита, и включил резак.

Почти в то же мгновение голову пронзила боль – такая чудовищная, что он едва не потерял сознание. Перед глазами возникла кроваво-красная завеса, а после Дантек вообще перестал видеть – вокруг была лишь молочно-белая пустота. Он судорожно ухватился руками за приборную панель и попытался вдохнуть. За спиной что-то кричал Хеннесси.

Медленно-медленно боль отступала. Постепенно возвращалось зрение. Сзади громко стонал Хеннесси – он явно находился на грани обморока. Тем временем пробоотборник продолжал вгрызаться в монолит – очень медленно, но он делал свое дело. Нужно заполучить совсем немного, всего лишь маленький кусочек, а потом Дантек развернет «Ф-7», чтобы убраться отсюда ко всем чертям.

18

Только что Хеннесси сидел и смотрел на брата и все было в порядке, а в следующую секунду раздался пронзительный визг, и у него появилось ощущение, что мозг сейчас взорвется. Шейн затрясся всем телом. Голова его запрокинулась назад, а на шее появилась зияющая рана – в том самом месте, где она и была после того дорожного инцидента. Он затрясся еще сильнее, и вдруг тело Шейна буквально разлетелось на кусочки, забрызгав все вокруг кровью. Хеннесси пронзительно закричал, но внезапно почувствовал, что не может дышать. В следующее мгновение батискаф закружился в безумной пляске, а потом Хеннесси погрузился в темноту.

Когда он очнулся, Шейн снова был здесь. Выглядел он точно так же, как и перед своим исчезновением в кровавой вспышке; на лице застыло все то же странное выражение. Правда, теперь он переместился, оказавшись рядом с Дантеком, и глядел назад, на Хеннесси. Точнее сказать, не то чтобы он сидел рядом с Дантеком – впечатление создавалось такое, что он частично сидит на Дантеке. Но когда Хеннесси выпрямился, он увидел, как все обстояло на самом деле. Шейн наполовину находился в Дантеке, бедра их словно срослись, а ступни брата странным образом торчали из спинки командирского кресла.

– Ты в порядке? – спросил Хеннесси.

– Да, – ответил Дантек. – Вот только голова раскалывается. А ты как?

– Он не должен этого делать. – Рот Шейна по-прежнему открывался беззвучно, будто у выброшенной на берег рыбы. – Это опасно. На него не стоит даже смотреть, не говоря уже о том, чтобы прикасаться. Не следовало вам этого делать. Эх, Джим, я был о тебе лучшего мнения.

– Делать что? – спросил Хеннесси.

– Отбирать образцы, разумеется, – раздраженно бросил Дантек. – Чем я еще, по-твоему, должен заниматься?

– Его нельзя изучать, нельзя пытаться понять. Его не следует трогать, а следует оставить в покое там, где он провел многие миллионы лет. Неужели ты думаешь, его спрятали бы на такой глубине, если бы рассчитывали, что его обнаружат?

– Для чего он предназначен? – спросил Хеннесси.

– Это молекулярный резец, позади него находится титановый цилиндр, – ответил Дантек, по-прежнему не глядя на напарника. – Резец в форме диска делает круглое отверстие и постепенно в него углубляется. Как только цилиндр проникает достаточно далеко, начинают вращаться меньшие резцы. Они-то и отбирают керн для анализа. Я думал, тебе это известно. Не волнуйся, мы почти закончили.

– Ты не захочешь знать, для чего он предназначен. Не стоит даже пытаться его уничтожить. Не нужно слушать этого человека. Надо просто оставить все, как оно есть. Джим, ты должен противостоять Слиянию.

– Слияние?

– Что? – обернувшись вполоборота, переспросил Дантек.

– Ни в коем случае не упоминай про Слияние! – беззвучно воскликнул Шейн. – Не хватало еще ему способствовать.

И он нескладно вытянулся в кресле.

– Двигайся осторожнее, – сказал Хеннесси Дантеку. – Ты же не хочешь разорвать Шейна на части?

19

«Вот дерьмо», – подумал Дантек. Он развернулся на сто восемьдесят градусов, чтобы видеть Хеннесси, и в ту же секунду напарник заорал благим матом:

– Шейн! Шейн! Кровь! Кровь! Она здесь повсюду! Он тебя всего забрызгал!

Икая, словно его сейчас вырвет, Хеннесси принялся отчаянно тереть руками грудь Дантека. На его лице застыло выражение глубочайшего ужаса.

– Нужно от него очиститься! – кричал Хеннесси в панике. – Неужели ты не видишь? Неужели не видишь кровь?

Мощным ударом Дантек едва не отправил Хеннесси в нокдаун.

– Успокойся, – весь трясаясь, сказал Дантек. – Тебе надо просто успокоиться.

– Легко тебе говорить, – пробормотал Хеннесси, – ведь не твоего брата только что разорвало на куски.

– Хеннесси, здесь не было твоего брата. В батискафе мы с тобой вдвоем.

Но Хеннесси только покачал головой:

– Я его видел. Видел. – Его голос приобрел истерические ноты. – Он здесь был, клянусь тебе, вот прямо здесь. На том месте, где ты сидишь.

– Но здесь же я. – Дантеку стало по-настоящему страшно. – Как бы он мог сидеть на моем месте, если я все время был тут и никуда не уходил?

– Но он был! Он был наполовину в тебе. Ты его разорвал, и Шейн погиб.

«Ну и дерьмо», – снова подумал Дантек.

– Хеннесси, постарайся взять себя в руки, – произнес он как можно спокойнее. – Тебе все это только кажется.

– Мы должны прекратить работу. Так мне сказал Шейн: мы должны оставить его в покое. Нам нужно забыть про него и убираться отсюда к чертовой матери. Выключи проботборник! – Хеннесси сорвался на крик. – Останови его немедленно!

– Послушай, все в порядке, – мирно сказал Дантек. – Сейчас выключу. Вот, уже выключаю.

Он протянул руку к панели управления, но в последний момент заколебался. Резцы практически закончили работу. Еще несколько секунд, и образец у них в кармане. И тогда можно будет уносить отсюда ноги.

– Да останови же его! – словно безумец, ревел Хеннесси. – Выруби!

– Останавливаю, – солгал Дантек. – Не кричи, ты мне мешаешь. Уже почти готово, клянусь тебе.

И вот все готово. Молекулярные резцы закончили работу, а проботборник потянулся обратно в корпус батискафа, держа в титановом цилиндре образец материала таинственной пирамиды.

– Ну, теперь ты видишь? – воскликнул Дантек. – Все в порядке.

Улыбаясь, он обернулся – как раз вовремя, чтобы заметить промелькнувшую в воздухе металлическую пластину, которая в то же мгновение сломала ему челюсть. Дантек поднял руку, и следующий удар пришелся по ней. Задыхаясь от боли, он наполовину сполз, наполовину выпал из командирского кресла, и тут же Хеннесси сокрушил подлокотник прямо над его головой. Дантек разглядел, что обезумевший напарник использует в качестве оружия металлический кронштейн, на котором была закреплена установка рециркуляции, и успел мимоходом подивиться, как легко удалось его сорвать. А потом он нанес удар ногой. Хеннесси скрючился и отлетел на переборку. Дантек попытался подняться, но сломанная рука не слушалась. Из искалеченного рта лилась на грудь кровь. С трудом ему все же удалось встать на ноги, но Хеннесси уже оправился от удара. Он приблизился и опустил кронштейн.

Защищаясь, Дантек поднял сломанную руку – боль на этот раз была такой сильной, что перед глазами все поплыло. Дантек поскользнулся в собственной крови и снова упал. В следующую секунду Хеннеси ударил его по голове.

Дантек лежал на полу, жизнь медленно покидала растерзанное тело, и вдруг он почувствовал, что его окружают люди. Это было невозможно. Хотя Дантек и умирал, он все же находился в сознании и понимал, что такое невозможно; он знал, что в батискафе, кроме него и Хеннеси, никого нет. Но даже если бы здесь и могли оказаться люди, их слишком много. И хотя Дантек точно знал, что происходящее невероятно, выносить это было невозможно – в особенности когда он различил лица окружающих. Все это были люди, знакомые ему по боям на Луне; они не просто погибли, а пали от его, Дантека, руки, чтобы он смог забрать у них драгоценный кислород и выжить за их счет. Один за другим они выступали вперед, а Хеннеси в это время, стоя на коленях, продолжал молотить его железякой. Потом он склонился над неподвижным телом Дантека и впился в губы поверженного напарника, чтобы высосать последние капли жизни. Дантек попытался напоследок судорожно вдохнуть и умер.

20

Обессиленный, он выронил железную пластину и с трудом доковылял до своего кресла. Усевшись, рукавом утер с лица кровь и прикрыл глаза.

Хеннесси просидел в неподвижности несколько минут, постепенно восстановил дыхание и только тогда начал осознавать, что же натворил.

Он открыл глаза, увидел кровавое месиво на полу, и его чуть не вырвало. То, что осталось от Дантека, с трудом можно было назвать человеческим телом. Руки и ноги вывернулись под причудливыми углами, голова сплющилась, а череп на макушке треснул. Выглядела картина намного хуже, чем когда взорвался Шейн. Хеннесси затравленно огляделся. Это что, его рук дело? Но как такое возможно? Дантек был закаленным, прошедшим огонь и воду бойцом, намного более сильным, чем Хеннесси, – когда Дантек схватил плечо, его парализовало болью. Нет же, он просто не мог этого сделать, ни за что в жизни не смог бы!

Но если Дантека убил не он, то кто?

И куда подевался брат? Все происходит в действительности или же ему только внушают это?

– Шейн? – позвал Хеннесси.

Внезапно в наушниках захрипел прерывистый голос Таннера (или кого-то, притворявшегося Таннером):

– ...меня. Пожа... ветьте. Хеннес...

Хеннесси подошел к забрызганному кровью экрану.

– Таннер? Я потерял Шейна.

– ...за... – прохрипел Таннер.

Сквозь волны помех Хеннесси разглядел мрачную физиономию Таннера. Потом по лицу его скользнуло испуганное выражение, и все пропало в белесой мутной пелене.

Хеннесси отвернулся от приборной панели и совсем рядом увидел брата.

– Шейн, – улыбнулся он, – с тобой все в порядке.

– Ну конечно. Джим, неужели ты подумал, что такая ерунда могла причинить мне вред? «Должно быть, это какой-то фокус», – подумал Хеннесси.

Шейн оперся на приборную панель:

– Джим, мне нужно с тобой серьезно поговорить.

– Какие проблемы? – удивился Хеннесси. – Знаешь же, что можешь говорить со мной о чем угодно.

Покойный брат задумчиво на него уставился; точно так же он часто смотрел на Хеннесси раньше, когда оба были мальчишками.

– Ты хорошо сделал, брат, что остановил его. Но опасность еще не миновала – ты подошел слишком близко. Чересчур близко, чтобы услышать. Эти голоса... Они могут тебя увести. Джим, ты не должен к ним прислушиваться. Ничего не слушай, никому не поддавайся, оставайся самим собой. Иначе тебя больше не будет. И расскажи об этом всем остальным.

– Но... я не... – с сомнением пробормотал Хеннесси, пытаясь подобрать нужные слова. – Скажу тебе честно, Шейн. Не уверен, что понимаю, о чем ты, собственно, толкуешь.

– Расскажи им. Обелиск – это прошлое, а прошлое лучше не тревожить, если мы хотим остаться собой. Вы его уже пробудили, и даже в эту самую минуту он тебя зовет. Но ты не должен подчиняться. Ты не должен слушать. Расскажи это всем.

– И кому нужно рассказать?

– Всем, – просто ответил Шейн. – Передай это всем.

– Шейн, но почему ты сам не расскажешь? – воскликнул Хеннесси. – Тебе ведь известно гораздо больше, чем мне.

Но Шейн только грустно покачал головой.

– Началось, – произнес он, потом протянул руку и коснулся большим пальцем середины лба брата.

Прикосновение обожгло как лед. Через несколько мгновений на глазах изумленного Хеннеси мертвый брат медленно испарился, будто его никогда и не было.

21

Он чувствовал себя одиноким и опустошенным. Направился к обзорному иллюминатору, поскользнулся на окровавленных останках и едва не упал. «Тело должны убрать», – мелькнула в голове мысль. Внутри батискафа воняло кровью.

«Может быть, Шейн снаружи, как и в тот раз», – подумал Хеннесси, но в иллюминатор видна была только чуть подсвеченная черная вода и край Обелиска. Несомненно, артефакт теперь испускал свет, который слегка пульсировал в темноте.

Хеннесси уставился на Обелиск. Тот явно пытался ему что-то сообщить. А что говорил Шейн? Артефакт нужно оставить в покое и не пытаться его понять. Но почему, спрашивается, у него такое чувство, что он хочет его понять, желает выведать его тайны? А если брат ошибался?

Хеннесси не отрываясь смотрел в иллюминатор. На мгновение ему показалось, что он снова слышит голос – возможно, тот принадлежал Шейну? – но постепенно он становился все тише и наконец совсем пропал. А потом внезапно свечение усилилось, и Хеннесси почувствовалось, будто голова раскололась пополам и наполнилась ярким светом. Он завертелся на месте, глаза бешено вращались в глазницах. Он должен все сохранить. Нужно записать то, о чем говорит ему Обелиск. Можно, конечно, набрать текст на компьютере, но это не очень надежно: вдруг возникнут перебои с питанием и тогда вся информация окажется утеряна. Нет – только записать. Но у Хеннесси не было ни ручки или карандаша, ни бумаги. Собственно говоря, бумагой он не пользовался с самого детства. Что ж, придется садиться за компьютер.

Пробираясь назад, Хеннесси снова поскользнулся и на этот раз вымазал в крови колено и руку. Он проследил взглядом, как с пальцев медленно капает кровь и рисует на бедре причудливые узоры, – тогда стало ясно, что нужно делать.

Хеннесси окунул пальцы в останки Дантека и медленно приблизился к стене, чтобы ждать, когда снова распахнет мозг. Едва это произошло, в голове Хеннесси вспыхнули символы. Он отчетливо видел, как они мерцают, будто прямо перед глазами. Весь трясаясь от возбуждения, он принялся быстро записывать их на стене, прерываясь только для того, чтобы обмакнуть пальцы в лужу крови. Первым был знак, напоминавший букву N, но в зеркальном отражении и с шариком внизу вертикальной палочки. Следующей шла буква L «вверх ногами» и с изогнутой горизонтальной палочкой. Потом появилась фигура, похожая на нос корабля, движущегося слева направо, с едва виднеющимся иллюминатором, а за ней – круг в круге. После этого Хеннесси, пытаясь успеть за проносящимися перед мысленным взором образами, наносил знаки с такой бешеной скоростью, что уже не следил за тем, что пишет, а лишь все быстрее и быстрее шевелил пальцами.

Добравшись до иллюминатора, он не прекратил работу, а просто продолжил писать прямо поверх него. Он записывал все, что видел перед собой. Спустя некоторое время Хеннесси обнаружил, что места остается совсем немного, и принял решение рисовать значки помельче. Когда же все стены были покрыты кровавыми символами, он перешел сперва на приборную панель, а потом и под нее. Вскоре стала заканчиваться и кровь. Тогда Хеннесси попрыгал на том, что осталось от груди Дантека, пытаясь выдавить еще немного драгоценной жидкости. Но и этого хватило ненадолго. Хеннесси с силой наступил на руку покойника, и из сосудов заструилась кровь. Прошло немного времени, и тело несчастного Дантека оказалось буквально разорвано на куски, оно теперь еще меньше напоминало человеческие останки, чем в тот момент, когда Хеннесси начинал свои «кровавые записки».

Внезапно ожила связь, и сквозь яростный треск помех раздался голос Таннера:

– ...те, по... «Эф-семь»... другой ко...

– Таннер, не сейчас, – отозвался Хеннесси.

– ...тьте, прика... ы слышите?

– Не сейчас! – заорал Хеннесси.

К этому моменту стены и потолок уже были полностью испещрены символами, из незанятых поверхностей оставался только пол. Отдельные куски того, что было телом Дантека, он сложил в командирском кресле. Хотел пристегнуть их ремнями, но быстро понял, что в этом нет никакого смысла. Все в порядке, убеждал себя Хеннесси, батискаф никуда не поплывет. Они стоят на месте и не двигаются.

Кровь почти вся иссякла, а та, что еще оставалась на полу, начала свертываться. Но он все равно макал в нее пальцы и продолжал записывать символы тонкими экономными штрихами, чтобы зря не расходовать «чернила». Совсем скоро на полу также не осталось свободного места.

Как же Хеннесси хотел, чтобы рядом сейчас был брат, чтобы он подсказал, как поступить дальше. Правильно ли он сделал? Не предал ли Шейна? Хеннесси стоял на коленях и смотрел невидящим взглядом.

В батискафе было жарко, как в нагретой духовке. Черт, откуда здесь такая жара? Хеннесси поднялся, стащил рубашку и швырнул на свободное кресло. Это помогло, но мало. Ему по-прежнему было ужасно жарко. Он снял ботинки и водрузил их поверх рубашки, потом стянул штаны и нижнее белье. И вот Хеннесси уже стоял обнаженный и рассматривал свое тело.

«Бледное, – думал он. – Словно простыня. Нет, не простыня. Белое, как лист бумаги».

И тут его осенило – он понял, что делать дальше.

Вот только крови больше не было ни капли. Дантека он использовал всего, без остатка, и не сохранил даже самой малости, чтобы записать окончание.

Хеннесси огляделся по сторонам. Где-то здесь наверняка найдется кровь. Разве на батискафе не должен быть солидный запас? Вдруг возникнет необходимость сделать переливание прямо на борту? Как вообще можно отправляться куда-либо без крови?

Взгляд его блуждал по рубке и вдруг наткнулся на собственную руку. Под кожей пульсировала синяя жилка.

– Ага, – широко улыбнулся Хеннесси, – вот где вы ее прячете.

Заставить кровь течь оказалось не так-то просто, но в конце концов Хеннесси удалось вспороть руку острым краем того самого кронштейна, которым он проучил Дантека. Вначале жидкость весело струилась из раны, так что Хеннесси оставалось только окунать в нее палец и выводить символы на своем обнаженном теле. Однако вскоре поток ослаб, и кровь начала сворачиваться. Хеннесси пришлось расширить рану – один раз, потом другой.

К тому времени, когда Хеннесси закончил, он сам будто бы стал отображением Обелиска. Он был прекрасен: с головы до пят покрыт многочисленными символами; на коже запечатлелось все знание Вселенной. Он выпрямился, вытянул руки по швам и замер в неподвижности. Он – Обелиск. Он чувствовал, как сила Обелиска струится в жилах.

Сколько времени он так простоял, Хеннесси сказать не мог. Из полумедитативного состояния его вывели резкий звук и сильная головная боль. Он покачнулся и, сжимая виски, повалился на пол. Когда неприятный звук стих, Хеннесси поднялся на ноги и едва не упал снова. Он вспомнил в замешательстве, что еще многое предстоит сделать. Он обязан все рассказать, должен предупредить.

Хеннесси включил экран, встал прямо перед ним и настроил таким образом, чтобы одновременно шли запись и трансляция в эфир на всех частотах. Послание предназначалось всем и каждому – Шейн недвусмысленно высказался на сей счет. Он должен будет рассказать всем, если, конечно, передача сможет пробиться через толщу скалы и грязи.

– Привет, – начал он, глядя на экран. – Говорит офицер Джеймс Хеннесси, временно исполняющий обязанности командира дивизии СС «Обелиск». Если верить тому, что мне сообщил мой брат Шейн, все мы должны кое-что узнать.

Голову пронзила острая боль, будто кто-то тыкал в зрительный нерв кончиком тупого ножа. Хеннесси сжал виски и вынужден был опереться на панель. После того как боль утихла, он некоторое время стоял и не мог вспомнить, где находится. Потом открыл глаза и огляделся, пытаясь хоть что-нибудь понять. И тут внезапно до Хеннесси дошло: да его же показывают по телевизору!

Он выпрямился и сверкнул в камеру самой обворожительной улыбкой, на которую был способен. Так, а что он, собственно, сейчас делает? Ну конечно же! Спасает человечество!

– Мы слышали враждебный шепот, – начал свою речь Хеннесси. – Времени осталось мало, и мы слушаем, что они говорят. Но Шейн утверждает, мы не вправе им подчиняться. Голоса нас обманывают. Мы должны противостоять прошлому, пока еще не слишком поздно. Пока не наступило Слияние.

Он взглянул прямо в камеру и вновь одарил зрителей обаятельной улыбкой. Все, кто смотрит сейчас трансляцию, поймут, что Хеннесси обращается непосредственно к ним. Они должны осознать, насколько это важно.

– Я нарисовал карту, – продолжил он, указывая на свое тело. – Не знаю, этого ли хочет Шейн, но я смотрел и смотрел на Обелиск, а потом почувствовал, что должен рисовать. Нам нужно переменить нашу жизнь и научиться понимать его. – Хеннесси сделал паузу и смущенно покачал головой. Он что, потерял нить рассуждения? – Или не понимать, – неуверенно произнес он.

Ощущение было такое, словно внутри борются две силы и пытаются им завладеть, а сам Хеннесси уже не мог сказать наверняка, какая из них какая и к которой нужно прислушиваться.

И тут его взгляд упал на Обелиск. Хеннесси долго стоял и наблюдал за пульсацией. Потом он посмотрел на левую руку, на правую и медленно свел их вместе на уровне груди.

– Слияние, – произнес Хеннесси и показал на Обелиск, а затем на символы, начертанные на теле. – Нам нужно его понять. – И хотя какая-то часть Хеннесси буквально вопила и просила прекратить, он продолжил: – Это единственное, что сейчас важно: приобщиться к его знаниям. Так должно быть. Нам предстоит понять его, а не уничтожить.

Он отошел от иллюминатора и выключил камеру. Он чертовски устал, болела голова. Ему требовался отдых. Да, он сейчас отдохнет – минутку, не больше, – и отправится домой.

Хеннесси улегся прямо на пол. Его бросало то в жар, то в холод. Обнаженному телу было очень некомфортно на гладком полу рубки. Он стал подтягивать ближе руки и ноги, пока наконец не свернулся в комочек и не задрожал.

Уже в самом конце у Хеннесси на короткое время прояснилось сознание. Он догадался, что чувствует себя таким усталым из-за нехватки кислорода; он понял, что кто-то (или что-то) контролировал все его действия и все слова. Но только к тому моменту, когда Хеннесси это осознал, было уже слишком поздно.

«Еще секундочка – и я встану, – убеждал он себя. – Поднимусь и буду выбираться на поверхность. А когда выберусь, то и разрешу все проблемы».

Через мгновение он потерял сознание.

Еще через пару минут Хеннесси был мертв.

Часть 3

Петля затягивается

22

– Сколько времени прошло? – спросил Полковник.

– Слишком много, – хриплым голосом ответил Таннер. Мышцы лица словно одеревенели. – Уже почти сорок восемь часов.

Сам Таннер бодрствовал без малого двое с половиной суток. Большую часть времени он пытался связаться с «Ф-7». Несколько раз, буквально на пару секунд, сигнал все же пробивался через толщу камня и воды, и, вероятно, иногда разведчики в батискафе видели Таннера. Так или иначе, доложить обстановку они не смогли. А когда он уже почти потерял надежду, вдруг пришел сигнал, причем сразу во всех доступных диапазонах. Принять удалось опять же далеко не все, но люди Таннера провели огромную работу и собрали по крупицам те кусочки, что смогли выловить на разных частотах. Сейчас специалисты пытались из обрывков сложить общую картину. Таннер надеялся, что к этому времени они уже получают результаты, – потому и связался с Полковником, – но дело еще не было закончено.

– Они могут быть живы? – спросил Полковник.

– Нам уже известно, что один мертв.

– Хеннеси?

– Нет, Дантек. – Таннер яростно потер глаза. У него уже несколько дней – а может, и недель – раскалывалась голова. Ему даже казалось теперь, что она болела всегда.

– Неожиданно, – протянул Полковник.

Таннер согласно кивнул.

– Мы еще не знаем, что именно у них произошло, но Дантек точно мертв. – Он отправил Полковнику файл и убедился, что тот его получил и открыл. Таннера передернуло – он был знаком с содержимым файла: кошмарный снимок расчлененного тела, засунутого в командирское кресло; конечности аккуратно сложены на соседнем. Голова была разбита и сильно деформирована, так что едва ли напоминала человеческую. – Нам удалось сделать этот кадр во время одной из передач. Собственно говоря, это последний снимок, который у нас есть.

– Откуда вы знаете, что это Дантек? – спросил Полковник.

Таннер в душе восхитился хладнокровием собеседника – голос Полковника оставался почти таким же ровным, как и до того, словно он разглядывал свадебный снимок приятеля, а не изображение трупа.

Таннер увеличил картинку на мониторе.

– Вот здесь и здесь можно разглядеть немного волос. Там все перепачкано в крови, но мы совершенно уверены: это волосы.

– Да-да, теперь я вижу.

– Хеннеси был лысым, – пояснил Таннер.

Полковник с задумчивым видом откинулся на спинку кресла:

– Что там стряслось?

Таннер пожал плечами:

– Что-то у них пошло не так. Точнее я сказать не могу.

– И все-таки выскажите свои соображения.

Таннер тяжело вздохнул:

– Должно быть, Хеннесси обезумел и застал Дантека врасплох. Может, возникли проблемы с подачей кислорода и это подействовало на его мозг; может, сыграло роль то, что он слишком долго находился в тесном, замкнутом пространстве. Или он уже был психом, только мы об этом не знали.

– Вам это не кажется странным?

– Конечно кажется, – резковато ответил Таннер. – Это нельзя назвать нормальным поведением.

– Ну разумеется, – согласился Полковник, – все это необычно. И странно вдвойне, поскольку происходит именно сейчас, когда они направляются к объекту, которого не может быть, и расположенному там, где его быть не должно.

– Вы думаете, это саботаж?

– Не исключено. Но это, Таннер, еще далеко не самое странное. Проявите чуть больше воображения. – Полковник снова наклонился к экрану. – Свяжитесь со мной, как только у вас появится что показать. – С этими словами он отключился.

23

Проверив показания приборов, Олтмэн понял, что мощность сигнала за ночь выросла. Импульс закончился, и стрелка установленного им индикатора опустилась, но тем не менее покоилась на самой высокой отметке, какую он когда-либо видел; выше, чем в предыдущий период между импульсами.

Он кинул взгляд на Филда, но тот, казалось, с головой ушел в собственные расчеты. Чтобы спокойно заниматься исследованиями, Олтмэн развернул экран головизора, и теперь Филд никак не смог бы увидеть, что на нем изображено. Просмотрев лог-файл, Олтмэн обнаружил момент, когда изменилась мощность. Судя по всему, произошло это в шесть-семь часов утра, но, чтобы сказать точно, придется внимательно сопоставить полученные результаты. Сигнал усилился не постепенно, а скачком, как будто где-то повернули рукоятку.

От Хэммонда после той встречи в баре никаких известий не было. Впрочем, если Олтмэн и беспокоился по этому поводу, то не очень сильно. Вероятно, техник залег на дно и предпочитает лишний раз не высовываться, а на связь выйдет, когда сочтет нужным. Пока же Олтмэну предстояло самому разобраться в том, что происходит.

Он занес результаты измерений в защищенную базу данных, а потом решил посмотреть, как они сочетаются с результатами исследований, проведенных другими. «Другие» в данном случае – это трое ученых (Шоултер, Рамирес и Скуд), которых, как и Олтмэна, заинтриговало появление необычной гравитационной аномалии и импульса и которые хотели во всем разобраться.

Шоултер, способный похвастаться более серьезным оборудованием по сравнению с простеньким сенсором Олтмэна, получил точно такой же результат. В шесть тридцать восемь утра приборы зафиксировали необычайно сильный импульс, после чего изменилась структура сигнала. Мощность его теперь непрерывно возрастала. Частота по-прежнему варьировалась в широких пределах, но в целом он стал сильнее и ослабевать уже не собирался. Рамирес тем временем, изучая снимки со спутника, чтобы понять, не произошли ли изменения в самом кратере, обнаружил кое-что любопытное. Примерно в пятнадцати милях к юго-востоку от центра кратера на якоре стояло грузовое судно.

«Сперва я не обратил на него особого внимания, – сообщал Рамирес в прикрепленном видеофайле, – но потом просмотрел материалы за предыдущие сутки – и оно стоит все там же. Я взглянул на снимки за следующие сутки – и опять оно. Если это и в самом деле грузовое судно, то с чего бы ему стоять на одном месте?»

И тогда вчера утром я решил поближе на него посмотреть. Нанял одного местного – он называет себя капитан Иисус, – чтобы он отвез меня туда на своей древней моторке. Для видимости я прихватил рыболовные снасти. Когда мы подошли к судну метров на двести, я велел капитану Иисусу остановить катер, а сам забросил удочку.

Капитан сказал, что я ничего здесь не поймаю. Когда я поинтересовался почему, он долго и внимательно меня рассматривал, а потом заметил, что я даже не удосужился насадить приманку на крючок.

Я не знал, что ответить, поэтому решил промолчать. Капитан Иисус посмотрел на меня, на судно, снова на меня и наконец заявил, что, по его мнению, я нанял его вовсе не ради рыбной ловли и, что бы я ни хотел здесь поймать, это будет стоить дополнительных денег.

В конце концов пришлось пообещать доброму капитану заплатить цену вдвое больше его обычной расценки за то, чтобы мы остались там и я мог как следует рассмотреть судно. На нем не было никаких опознавательных знаков. В общем-то, оно выглядело как обычный грузовой корабль, если не считать наличия новехонького мощного подъемника для глубоководных аппаратов.

Это все, что мне удалось установить. Мы провели там от силы пять минут, две из которых я препирался с капитаном Иисусом, когда с противоположной стороны судна показался катер. Через несколько секунд он остановился вплотную к нашей моторке. В катере сидело четверо перекачанных парней с короткой военной стрижкой, но никакой формы на них не было.

«Двигайте отсюда», – заявил один из них.

«Но я тут ловлю рыбу», – возразил я.

«Поищи другое место», – сказал он.

Я уже хотел было дать волю праведному гневу, но тут капитан Иисус завел мотор, и мы поплыли прочь. Я потом спросил, почему он так поступил, на что капитан пожал плечами и сказал только: «Это плохие люди».

«Таким образом, – подытожил рассказ Рамирес, – у меня осталось целых три вопроса. Первый: зачем на обычном грузовом судне (если, конечно, оно является таковым) нужен подъемник для глубоководных аппаратов? Второй: почему экипаж не хочет, чтобы приближались другие суда? И третий: что, черт возьми, на самом деле происходит?»

«А действительно, что?» – подумал Олтмэн.

Последнее сообщение, от немногословного шведа Скуда, пришло только через час. Это оказался обычный текстовый документ, а не видеофайл.

«Прошу извинить, – гласило сообщение, – мне нужно еще раз все перепроверить».

Ниже находилось несколько схем с подписями на шведском, которые Олтмэн прочесть не смог. Еще ниже Скуд пояснял:

«Чтобы можно было утверждать наверняка, информации недостаточно».

«Утверждать что?» – задумался Олтмэн.

Он хотел прокрутить документ дальше, но в нем больше ничего не оказалось.

Олтмэн проверил, кто из пользователей находится в сети, и обнаружил среди прочих Скуда.

«Скуд, – быстро напечатал он, – пожалуйста, разъясните последнюю строчку вашего сообщения».

«Я имел в виду, что данных пока недостаточно. А пока их мало, мы не можем быть уверены».

Олтмэн тяжело вздохнул. Скуд был хорошим ученым, но вот коммуникабельности ему явно не хватало.

«О какого рода информации вы говорите?»

«Данные сейсмографических исследований».

«И что вы пытались доказать?»

«Что сейсмическая активность была вызвана скорее не естественными процессами, а воздействием механизма».

«Какого механизма?»

«Как я указал в записке... – После этой незаконченной фразы на экране долгое время ничего не появлялось. Наконец Скуд продолжил: – Прошу прощения, но я вижу, что не включил эти факты в записку. Речь идет о буре. У меня недостаточно доказательств. Возможно, это и проявление обычной сейсмической активности. Но я склонен полагать, что кто-то бурил скальную породу. Может быть, в центре кратера».

Олтмэн немедленно вышел из сети и покинул лабораторию, чтобы позвонить Скуду. Шведский ученый поначалу казался смущенным и слегка испуганным, но через некоторое время освоился и рассказал про свои исследования подробнее, так что Олтмэн смог кое-что понять. Скуд получал информацию от нескольких десятков сейсмографов – одни находились на суше, другие под водой; часть была установлена в непосредственной близости от центра кратера. Правда, последние как раз ничего и не зафиксировали. По словам Скуда, кто-нибудь

другой вряд ли вообще обратил бы внимание на столь незначительное проявление сейсмической активности. Однако он отметил, что подобную картину могло вызвать применение мощного промышленного бура. Колебания были слишком регулярными, что вовсе не характерно для естественных сейсмических процессов.

– Но вы не уверены, что это происходило именно в центре кратера?

– Нет, – признал Скуд. – В этом-то и заключается проблема.

– А где оно еще могло быть, если не в центре?

– Возможно, на расстоянии пятидесяти метров от центра. Я тут провел некоторые расчеты, но, боюсь, они недостаточные.

– Но это же почти что центр! – раздраженно бросил Олзмэн.

– Вы не совсем правы, – терпеливо произнес Скуд. – Как я сказал, это могло происходить метрах в пятидесяти от центра. Совсем другое дело.

Олзмэн взялся было спорить, потом успокоился, поблагодарил ученого и разъединился. Он постоял некоторое время, глядя на водную гладь, затем заглянул через окно в лабораторию. Филд по-прежнему находился на своей половине и разговаривал по телефону. Казалось, он весь погружен в собственную работу и на соседа не обращает внимания. Олзмэн снова повернулся к окну, выходящему на океан.

Постепенно в голове складывалась общая картина происходящего. Хоть бы поскорее получить весточку от Хэммонда, с надеждой подумал Олзмэн. Все-таки техник узнал о происхождении задолго до остальных. У него уже может быть какая-то версия, до которой ни Олзмэн, ни кто другой еще не додумались. А пока нужно продолжать исследования.

Сейчас не было оснований утверждать, что импульс, загадочное грузовое судно и данные сейсмографии связаны между собой. В то же время ничто не мешало предположить наличие такой связи. И все три фактора так или иначе имели отношение к центру кратера. Что-то происходило внизу. Либо там что-то нашли, либо проводятся испытания нового оружия, а может статься, это чрезвычайно редкий, уникальный, но природный феномен. В общем, там происходит что-то таинственное. И есть люди, которые не хотят оповещать об этом широкую общественность.

Олзмэн дал себе клятву докопаться до истины. Пусть даже придется ради этого погибнуть.

24

– Фильм готов, – сообщил Таннер.

Его глаза были красны от недосыпания и отчетливо выделялись на мертвенно-бледном лице. Последнее время он держался на ногах исключительно благодаря сильнодействующим препаратам, но уже чувствовал, что максимум через час либо свалится, либо вся эта химия примется серьезно влиять на организм.

– Давайте посмотрим, – предложил Полковник.

– Должен предупредить вас... – начал Таннер, но Полковник не дал договорить.

– Мне не требуются никакие предупреждения. Запускайте.

Таннер нашел файл. На экране пошла видеозапись.

Таннер прикрыл веки, но, как только появился звук, приглушенное шипение статических разрядов, перед глазами понеслась череда непрошенных зрительных образов. Долгое время без сна, а также воображение сделали их еще кошмарнее, чем они были на самом деле. Он открыл глаза и посмотрел на экран.

Запись получилась так себе. Передача шла через огромную толщу скалы, и было удивительно, что вообще хоть что-то получилось. Таннер очень желал, чтобы сигнал вообще застрял по дороге.

Поначалу на экране кружилась снежная метель, сопровождавшаяся потрескиванием статического электричества. Затем постепенно проступили кусочки мозаики. Впечатление было такое, как если бы снег принимал упорядоченную структуру. Вот появилось размытое человеческое лицо и тут же снова исчезло; вот мелькнула вроде бы рука; вот, кажется, труба, зажата в кулаке. А потом – опять метель. Потрескивание сменилось шепотом, затем раздались звуки, которые мог бы издавать человек с живыми пчелами во рту. Послышался (правда, смутно) леденящий душу вопль, за ним монотонное гудение – возможно, кто-то говорил. Следом донеслось бессвязное пение – исполняли, похоже, колыбельную.

И вдруг на экране совершенно отчетливо появилось странным образом освещенное сзади лицо мужчины, на котором застыла маска ужаса. Кожа была испещрена рисунками. Лицо тут же исчезло.

– Остановите! – скомандовал Полковник.

Таннер остановил запись и прокрутил назад. В глазах мужчины плескалась пустота. Черты были причудливо искажены, как будто он кричал. Само лицо покрывали непонятные отметины, своего рода символы; они продолжались на шее и дальше – на груди и руках.

– Хеннесси? Что он с собой сделал? – спросил изумленный Полковник. – Чем он это написал?

– Мы думаем, что кровью, – ответил Таннер. – Если приглядеться, слева на экране можно увидеть, как она капает у него с руки. Кроме того, запястье, похоже, разрезано. Возможно, кровь его собственная, возможно – Дантека. Если вы посмотрите ему за спину, то увидите цепочку похожих символов и на стене. Они, предположительно, тоже нанесены кровью.

Полковник нахмурился:

– И что означают эти символы?

– Мы не знаем, – развел руками Таннер. – Никто прежде не встречался ни с чем даже отдаленно похожим. – Не дождавшись ответной реплики, он спросил: – Можно продолжать?

Полковник кивнул:

– Да, давайте.

Снова шипение, треск разрядов, череда искаженных, размытых изображений. В какой-то момент на экране промелькнула оторванная рука; скрюченные безжизненные пальцы

напоминали огромное мертвое насекомое. Показалось забрызганное красным командирское кресло. А потом снова возник исписанный кровавыми знаками Хеннеси. Он что-то бубнил себе под нос и слегка раскачивался из стороны в сторону.

– Привет, – сказал Хеннеси и исчез.

Изображение то пропадало, то вновь появлялось; его сопровождали обрывки слов, но сложить это в цельную картину не получалось. Довольно отчетливо прозвучало «позор» – хотя, возможно, это было и другое слово; затем – еще часть фразы: «...всем... что узнать».

Хеннеси обхватил голову руками, и изображение опять пропало, уступив место метели – на этот раз цветной. Через некоторое время он вновь появился, с восторженной улыбкой на лице.

– ...след, – закончил он фразу.

Последовала длительная тишина.

– ...просто не де... – Голос снова пропал за шумом разрядов. – Не важно ... останется... ра».

«Да, много из этого бреда не извлечешь, – подумал Таннер. – Однако, что бы это ни было, ничего хорошего в нем нет».

Хеннеси возник снова, все с той же напряженной улыбкой. Он приблизился к камере и заполнил собой почти весь экран.

– ...девственники, – произнес он и махнул рукой в сторону.

Он продолжал что-то говорить, но разобрать слова за треском помех не удавалось. Изображение тоже практически пропало, и только в самом конце Хеннеси отчетливо проявился на экране.

– ...понять, – прохрипел он. Снова треск помех, и потом: – ...уничтожить.

Изображение исчезло и вновь появилось, мелькнуло лицо Хеннеси, лежавшие рядом с ним в командирском кресле останки Дантека, а потом запись закончилась.

– И многие уже видели это? – спросил Полковник.

– Непосредственно эту версию – три или четыре техника. Но передача шла в открытую на всех частотах, так что отдельные фрагменты могло видеть множество народу. Точно сказать никак нельзя.

– Значит, убивать техников смысла нет?

– Простите? – не поверил своим ушам Таннер.

– Ставки в этой игре колоссальные, – пояснил Полковник. – Вы, Таннер, даже не можете вообразить, насколько они велики. Жизнь пары человек здесь ничего не значит. Население Земли – несколько миллиардов, и люди не представляют особой ценности. Ими можно жертвовать. Но эта штукавина, чем бы ни являлась, она единственная в своем роде.

– Вы хотите сказать, что и мной можно пожертвовать? – с трудом выговорил Таннер.

Полковник окинул его пронзительным взглядом:

– Только не поймите меня неправильно. На данный момент вы, наверное, один из самых значимых людей на планете. Но если обстоятельства сложатся неудачно, вы окажетесь наравне со всеми. Вас это беспокоит?

– Да, – признался Таннер.

– Тогда не допускайте, чтобы обстоятельства сложились неудачно. – Полковник посмотрел на хронометр. – Даю вам время до утра. Узнайте, сколько человек посмотрели запись и как много из нее они увидели. Направьте надежных людей, пусть позадают нужные вопросы, но так, чтобы не вызвать подозрений. Когда мы поймем текущую обстановку, станет ясно, что делать дальше.

25

Звонок раздался около часу ночи. Олзмэн лежал в постели и слушал, как телефон на столе недовольно зудит, словно пойманное насекомое. Он пожужжал несколько секунд и перестал. Олзмэн проверил дисплей – номер не определился, и голографическое изображение звонившего также отсутствовало. В эту секунду телефон снова загудел.

«Может, Хэммонд? – подумал Олзмэн. – Надо бы ответить. Или кто-то из троицы: Шоуолтер, Рамирес, Скуд».

Однако он не стал отвечать, а просто подождал, пока телефон не затихнет.

Когда тот затрезвонил в третий раз, проснулась Ада. Она зевнула и потянулась, изящно выгнув спину.

– Который час? – спросила она сонным голосом, потом села в постели и заправила волосы за ухо. – Майкл, может, ты все-таки ответишь?

Олзмэн будто со стороны наблюдал, как его рука протянулась к столу, откинула крышку телефона и поднесла аппарат к уху.

– Алло! – Олзмэн с удивлением обнаружил, что голос у него грубый и хриплый, словно он не говорил несколько лет.

– Это Майкл Олзмэн? – услышал он в трубке после короткой паузы.

– Кто говорит?

Звонивший не ответил.

– Мне нужно задать один простой вопрос. За последнее время вам не удалось обнаружить ничего необычного? Может, перехватили что-то?

– Вы о чем?

– Я вижу, что нет, – быстро произнес неизвестный. – Прошу прощения, что отнял ваше время.

– Вы имеете в виду сигнал или что-то вроде того? – спросил Олзмэн, подумав об импульсе.

Трубка молчала.

– Своего рода передача?

– Возможно, – медленно произнес собеседник. – У вас есть какие-нибудь соображения?

– Кто вы? – снова спросил Олзмэн.

– Это не имеет значения.

– О какой передаче вы говорите? Это похоже на импульс?

– Мистер Олзмэн, вам следует быть осторожнее. – В голосе вдруг появилась угрожающая нотка.

– Подождите. Предлагаю сделку. Если вы мне откроете, что именно ищете, я скажу, не обнаружил ли это.

Неизвестный отключился.

– И какого черта все это значит? – спросила Ада.

– Понятия не имею. Хотелось бы самому знать. Но кто-то пытается что-то у меня выпытать.

– Похожее на что?

– Я не представляю, – признался Олзмэн.

Он выбрался из постели, прошлепал в ванную и умыл лицо. Посмотрев на отражение в зеркале, Олзмэн только покачал головой. Он с трудом себя узнал. Под глазами образовались темные круги, веки опухли. В последнее время он плохо спал: снились дурные сны, а кроме того, сказывались возбуждение и страх, вызванные непонятными явлениями в кратере. Плюс ко всему Олзмэна мучила усиливающаяся головная боль.

А вдруг с Хэммондом случилась беда? Что, если его убили, а теперь охотятся и за ним? Нет-нет, это безумие. Не нужно поддаваться паранойе из-за одного телефонного звонка.

Олтмэн прошел в комнату, включил компьютер и соединился с защищенным сервером. Новых сообщений от коллег-ученых со времени последнего входа в систему не появилось.

– Что ты там делаешь? – спросила Ада.

Она снова села в постели, волосы частично закрывали заспанное лицо.

– Мне нужно кое-что проверить. Это недолго.

– Майкл! – решительным тоном сказала Ада. – Я хочу знать, что именно происходит. От меня у тебя не должно быть никаких тайн.

– Угу, – хмыкнул Олтмэн.

– Ведь ты бы сказал, будь у тебя неприятности?

– Хотелось бы думать, – пробормотал Олтмэн.

– Что значит «хотелось бы думать»? Что это, черт возьми, за ответ?

– Я имею в виду, что да, конечно, сказал бы.

– Вот так-то лучше.

Ада провела рукой по волосам, потом откинула их на спину, встала с кровати и направилась в ванную комнату. Олтмэн повернулся к экрану и быстро напечатал следующий текст:

«Сегодня ночью был странный телефонный звонок. Спрашивали, ничего ли я не перехватил. Решил, что речь идет о сигнале из центра кратера, но когда намекнул на это, звонивший сразу же разъединился. Возможно, это была передача, но какого именно рода, не понимаю. Кому-нибудь еще звонили?»

Он подождал, не спуская глаз с экрана, минуту, пока Ада не вернулась из ванной и не забралась обратно под одеяло. Тогда Олтмэн разорвал соединение с сервером, выключил компьютер и лег к подруге под бочок.

«Видимо, пока ничего», – подумал он.

– Обещаешь мне все рассказать? – уже засыпая, спросила Ада.

– Обещаю.

Через несколько минут она спала. Олтмэн же лежал на спине с открытыми глазами, уставившись в темный потолок. Заснуть ему удалось еще очень не скоро.

Наутро, зайдя в систему, Олтмэн узнал, что всем трем его коллегам также звонили, уже после него. Первым побеспокоили Рамиреса, затем Скуда и последним Шоултера – отсюда можно было предположить, что звонивший просто следовал алфавитному порядку. Все трое пребывали в таком же недоумении, что и сам Олтмэн.

«Поспрашивайте людей, – набрал он текст на клавиатуре. – Выясните, может быть, звонили и другим. И что об этом думают».

К полудню пришел ответ. Оказалось, всем ученым, работавшим в Чиксулубе (с кем связались Олтмэн и компания), прошлой ночью звонили. Большинство понятия не имело, что происходит, и потому посчитало это дурацкой шуткой или же делом рук ненормального. Однако Рамиресу все же удалось пообщаться с человеком, который, похоже, что-то знал.

– Он говорил о видеопередаче, – сообщил геолог и по совместительству радиолубитель Беннетт. – Я сразу же его раскусил. Он позвонил, весь такой из себя таинственный, все чего-то пытался выведать, но не хотел говорить, что именно. Я ему: «Вы имеете в виду видеопередачу?» Он прикинулся, будто не понимает, о чем я толкую, заставил пояснить, а потом очень вежливо поблагодарил и отключился.

У Беннетта была только часть видео – всего десяток секунд. Он поймал передачу одновременно сразу на нескольких частотах, заинтересовался этим обстоятельством и решил ее записать. Около трех секунд не было ничего, кроме помех, потом пять секунд невнятного бормотания, а затем еще восемь секунд треска статики. По словам Беннетта, он знал несколь-

ких человек, которые перехватили другие фрагменты, а в «Дреджер корпорейшн» вроде бы собирали воедино все части. Зачем – он не представлял. Сам Беннетт почти не сомневался, что все это не более чем чья-то шутка, хитрый розыгрыш. Но каким образом неизвестный шутник устроил все так, будто передача ведется напрямую из центра Чиксулубского кратера, этого Беннетт объяснить не мог. Вероятно, передатчик был установлен на лодке...

– Так откуда шел сигнал?

– Ну, примерно из центра Чиксулубского кратера, – повторил Беннетт. – Только я думаю, все это розыгрыш.

– Я могу получить копию?

– А почему нет? Чем больше, тем веселее. – С этими словами Беннетт переслал файл.

Содержание его было весьма странным: обнаженный мужчина, чье тело покрывали непонятные символы, начертанные, похоже, кровью, с загадочной ухмылкой глядел прямо в камеру и говорил. Сквозь шум помех долетали только обрывки фраз: «...понять его... уничтожить...»

И все пропало в треске помех.

Олтмэн прокрутил запись еще раз. Она была совсем короткой – лишь несколько секунд. Возможно, Беннетт прав и это просто мистификация, но что-то в выражении лица обнаженного человека, в том, как были напряжены все его черты, в мертвой и безумной пустоте взгляда заставило Олтмэна почувствовать: все несколько серьезнее. Откуда же велась передача? Он еще раз включил запись. Мужчина находился в небольшом замкнутом помещении, стены покрывали такие же символы, что и на его теле, и намалеваны они были тем же веществом. В какой-то момент, когда мужчина качнулся вперед, подбородок его озарило красное свечение. Свет был резким, неприятным и... подчеркнуто искусственным.

«Понять его... уничтожить...»

«Понять бы, о чем он говорит, – подумал Олтмэн. – Черт, я даже приблизительно не представляю, что это может значить».

Он откинулся на спинку кресла, локти водрузил на подлокотники, а кисти сложил домиком перед собой.

«Возможно, это и розыгрыш, но может быть, и нет. Допустим, мы отнесемся к этой истории серьезно. Попытаемся свести все фрагменты воедино. И что мы в итоге получим?»

Импульс или сигнал из центра кратера – ничего подобного прежде не фиксировалось.

Гравитационная аномалия – также доселе невиданная.

Подозрительное грузовое судно – стоящее на якоре не то что прямо над центром кратера, но недалеко от него.

На борту самого обычного старенького судна установлен новейший мощный подъемник для глубоководных аппаратов. Да, а команда состоит из военных или бывших военных.

Получены данные о сейсмической активности то ли природного характера, то ли инициированной работой бура не то в самом центре подводного кратера, не то совсем рядом.

Наконец, видеопередача, шедшая одновременно на многих частотах, очевидно, из центра кратера. На записи обнаженный мужчина – похоже, психически ненормальный, – весь расписанный странными знаками, находящийся в замкнутом помещении, произносит слова: «...понять его... уничтожить...»

Все эти факты, казалось, были связаны между собой, и все ниточки тянулись к центру Чиксулубского кратера. Что-то происходило в самом сердце впадины, нечто сильно интересующее определенный круг лиц – вероятно, из «Дреджер корпорейшн», поскольку именно эта компания проявляла активность в сборе информации, но, возможно, за ней стояли и другие. Причем интересовало настолько, что было предпринято бурение скальных пород – не исключено, без ведома местных властей, – с целью добраться до источника импульса и, быть может, попытаться его извлечь.

Олтмэна осенило: в этом случае есть объяснение отрывку видеозаписи. Что, если передача транслировалась с борта подводной лодки? От этой мысли он вздрогнул.

Вся проблема заключалась в том, что данная гипотеза порождала новые и новые вопросы.

Олтмэн вздохнул. Насколько проще было бы отнестись к этой истории как к изощренному розыгрышу и не забивать себе голову. Но он не мог принять точку зрения Беннетта. Чем дольше он размышлял и взвешивал факты, тем сильнее ему казалось, что никакими шутками здесь и не пахнет.

Олтмэн сидел и не знал, что предпринять.

«Твой ход, Майкл», – подбодрил он себя.

Но что же сделать, чтобы прояснить череду загадок?

К середине дня у него наконец-то созрела идея – не самая лучшая, но вся ее прелесть заключалась в простоте. Кроме того, это было единственное, что могло дать быстрые результаты.

Олтмэн скопировал полученную от Беннетта запись на эйчпод и сунул его в карман.

– На сегодня достаточно, – кивнул он Филду.

Сосед поднял голову и посмотрел на него ничего не выражающими рыбьими глазами.

– Еще только половина третьего.

Олтмэн пожал плечами:

– Мне нужно кое-что проверить.

– Ну, дело твое, – бросил Филд и вернулся к своим занятиям.

Пятнадцать минут спустя Олтмэн, низко надвинув шляпу, так что еле видны были глаза, сидел в холле городского молодежного хостела за единственным здешним компьютером – реликтом доголографической эпохи. Администратор сперва лениво косился на Олтмэна, а потом оставил это занятие – ему платили не настолько много, чтобы еще следить за каждым, кто пользуется компьютером.

Олтмэн перебрал видеозапись с эйчпода на жесткий диск и в течение нескольких минут внимательно проверял, не оставил ли следов. Потом он зашел на сайт FreeSpace и создал «левую» учетную запись. Конечно, ее смогут проследить до данного компьютера, но тут уж ничего не поделаешь. Так или иначе, связать ее с ним не будет никакой возможности.

В окошке «Тема сообщения» Олтмэн быстро набрал следующий текст: «„Дреджер корпорейшн“ занимается незаконной деятельностью в Чиксулубе» – и присоединил видеофайл, сопроводив его следующим комментарием: «Последняя весточка с субмарины, проникшей в самое сердце Чиксулубского кратера». На минуту он задумался, а потом допечатал: «Поисковая миссия завершилась неудачей». После этого Олтмэн отправил видеозапись всем ученым, работавшим в Чиксулубе (о ком вспомнил, включая и самого себя), а также несколькими из внешнего мира.

Это должно было привлечь всеобщее внимание.

Вечером Олтмэн рассказал обо всем Аде, объяснил, что им удалось обнаружить и что он сам об этом думает. Он втайне рассчитывал, что Ада посмеется над ним, мол, он делает из мухи слона и просто мается от скуки. Однако девушка повела себя совсем иначе. Она сложила руки на груди и серьезно сказала:

– Ты порой ведешь себя будто полный идиот. Неужели не понимаешь, как это может быть опасно?

– Опасно? – переспросил Олтмэн. – Ты всерьез думаешь, что меня попытаются прикончить за то, что я раскопал какие-то промышленные секреты? Ада, это не шпионский детектив.

– Может, и нет, но ведешь ты себя, словно попал именно в фильм про шпионов. Закрытая компьютерная сеть, шайки ученых, таинственные подводные лодки, сигналы, которых

не может быть... А потом еще это видео. – Аду передернуло. – Безумец, чье тело покрыто с ног до головы кровавыми символами. Неужели сам не понимаешь, что все это может быть опасно?

– Что?

– Да откуда мне знать? – размахивая руками перед его лицом, спросила Ада. – Этот объект в центре кратера. Или же люди, которые пытаются до него добраться. Или и то и другое.

– Но...

– Это просто... – начала Ада и внезапно замолчала. Она наклонила голову и уставилась на стол, потом обхватила себя за плечи, как будто ей было холодно, и тихо произнесла: – Я совсем не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Наступило долгое молчание, и Олзмэн, решив, что беседа окончена, уже собирался встать и сходить за пивом, как вдруг Ада снова заговорила, спокойным и уверенным голосом:

– Итак, ты собрал все имеющиеся данные воедино и на их основе сделал определенные выводы.

– Я могу и ошибаться.

– Майкл, я вовсе не это имела в виду. Просто успокойся и немного послушай. Твои ученые смотрят на происходящее под одним углом. У меня тоже есть кое-какая информация, и она довольно тревожная.

Ада принялась раскладывать все по полочкам, и из отдельных фрагментов постепенно собиралась целая история. С определенного момента, сказала она, после того как был зарегистрирован импульс, все переменилось. Впрочем, Олзмэн и сам это прекрасно знал.

– Ты помнишь, когда у тебя начались плохие сны? – спросила Ада.

– Мне всегда снились плохие сны.

– Но не такие, как сейчас, – уточнила она. – Когда каждую ночь снятся кровавые апокалиптические картины, видения конца света.

– Действительно, – согласился Олзмэн, – это что-то новенькое.

– Майкл, сейчас все видят плохие сны. Все, включая и меня. А я, в общем-то, не predisposed к кошмарам.

Некоторое время назад Ада обратила внимание, какими рассеянными и усталыми кажутся окружающие – начиная от местных жителей и заканчивая ее коллегами. Ее специально учили замечать подобные вещи, поэтому она незамедлительно приступила к расспросам. Вы хорошо спали прошлой ночью? Вам что-нибудь снилось? И выяснилось, что все спят плохо, всем снятся исключительно кошмары. А когда Ада просила вспомнить, с какого момента они начались, люди единодушно указывали время, когда был впервые замечен импульс.

– И это только начало, – продолжила Ада. – Знаешь, сколько раз за последнюю неделю ты жаловался мне на головную боль? С десяток. А сколько сжимал руками голову и морщился, хотя ничего мне и не говорил? Еще чаще. И ты не единственный. На боли в голове жалуются абсолютно все. До того как появился импульс, таких людей практически не было. А сейчас голова болит у всех. Совпадение? Возможно. Но согласись: это по меньшей мере странно.

– Да-да, я с тобой согласен.

– Майкл, не строй из себя умника. Дело очень серьезное. Я уже несколько месяцев изучаю легенды и обряды местного населения, а перед этим годами знакомилась с материалами других специалистов. Как правило, для всех легенд характерно то, что они остаются неизменными на протяжении столетий.

– И?..

Ада протянула руку и легонько ударила Олзмэна по щеке.

– Я, кажется, просила не строить из себя умника, – сказала она, сверкая темными глазами. – Местные легенды стали другими. Они изменились, и коренным образом, после того как возник этот чертов импульс.

– Чушь, – произнес Олзмэн.

– Майкл, деревенским жителям снятся кошмары – так же, как и нам. Но если наши сны похожи только в общих чертах, они все видят практически одно и то же. Они наблюдают во сне «хвост дьявола» – а я говорила тебе третьего дня, что так переводится название кратера – Чиксулуб. Совпадение?

Олзмэн только покачал головой:

– Не понимаю.

– Я в разных местах замечала то просто выведенный в пыли, то свежий, вырезанный на коре дерева примитивный символ, напоминающий два переплетенных между собой рога. Когда я спрашивала, что он означает, местные меня просто игнорировали. Но я продолжала расспросы, и наконец один человек бросил мне сквозь зубы: «Чиксулуб».

Ада встала, подошла к холодильнику и налила себе чашку очищенной воды. Выпила ее залпом, налила еще и вернулась на место. Потом она протянула руку и вложила в ладонь Олзмэна. Тот ее крепко сжал.

– Я не знаю, как все стыкуется, и не понимаю, какое это имеет отношение к той информации, что получил ты. Может быть, это просто невероятное совпадение. Но когда я свожу все факты воедино, я чувствую: что бы ни находилось на дне кратера, оно желает нам зла.

– Ты говоришь будто о живом существе, – недоверчиво произнес Олзмэн.

– Знаю, звучит не очень научно. – Ада потерла рукой висок. – Черт, опять голова заболела, – добавила она с кривой усмешкой.

Через пару секунд Ада продолжила:

– У местных жителей, похоже, имеется целый набор мифов, связанных с этим «хвостом дьявола». Правда, я не знаю, всегда ли существовали эти мифы, или же они распространились уже в последнее время. Собственно, я только начинаю разбираться.

Единственный человек, которого я смогла разговорить, – это местный пьяница. И чтобы он согласился, пришлось поставить ему выпивку. Он утверждает на смеси испанского и языка юкатанских майя, что в этих краях из поколения в поколение передаются истории о находящемся где-то под водой огромном вилообразном объекте. По его словам, это все, что осталось от гигантского дьявола, который решил покинуть свое земное царство и зарылся глубоко под землю, чтобы стать правителем в аду. Хвост его застрял и с тех пор торчит здесь – возможно, еще живой. Некоторые верят, что и сам дьявол находится поблизости.

Люди говорят: если дотронешься до хвоста, тем самым дашь дьяволу знать о себе. А стоит ему о тебе проведать, как он попытается тебя утащить. Если ты в жизни разрушаешь больше, чем созидает, то извещаешь дьявола о себе. «Ты и другие, – сказал он мне, уже изрядно набравшись, – дьявол все знает про вас». А потом он сотворил в мою сторону тот странный знак, вроде как проклятие, – скрестив указательный и средний пальцы.

Ада замолчала, допила воду и поставила чашку на стол.

– Рассказывать дальше он отказался. Я упрашивала, обещала купить еще выпивку, но он только качал головой. Наконец признался, что боится, как бы дьявол его не услышал.

Несколько секунд Олзмэн и Ада сидели молча и смотрели друг на друга.

– Может быть, есть и разумное объяснение, – сказал наконец Олзмэн.

– Чему? Историям о дьяволе?

– Всему.

– Возможно, – признала Ада, – но я не уверена. Думаю, я могла бы доказать, что эти истории представляют собой сложную мешанину из туземных и христианских верований. Наверно, если основательнее покопаться и хорошенько поразмыслить, я бы предложила тео-

рию о том, как они возникли. Но есть и кое-что еще – неподдельная тревога и чувство страха, и сердце мне подсказывает, что мы должны прислушиваться к своим ощущениям. Майкл, я тебя люблю и... Обещай мне, что, по крайней мере, постарайся прислушаться.

26

– Мы обнаружили с дюжину человек, которые посмотрели передачу, – докладывал Таннер. Ему все же удалось перехватить несколько часов сна, однако голова по-прежнему раскалывалась, а глаза словно натерли наждачкой. – Из них примерно половина наблюдала в основном помехи. Но вот другие увидели больше. Из них половина записала увиденное. Впрочем, об этом нам уже было известно – мы использовали их записи, когда дополняли нашу.

– Кроме вас и техников «Дреджер корпорейшн» кто-нибудь еще видел ту версию, которую вы показывали мне? – спросил Полковник.

– Никто. Я в этом уверен.

Полковник нахмурился:

– Тогда взгляните на это.

Он переслал Таннеру файл. Это оказалось сообщение, отправленное человеком, скрывшимся под псевдонимом «Сторожевой пес». Заголовок гласил: «„Дреджер корпорейшн“ занимается незаконной деятельностью в Чиксулубе». Послание состояло из короткого текста – «Последняя весточка с субмарины, проникшей в самое сердце Чиксулубского кратера. Поисковая миссия завершилась неудачей» – и файла с видеозаписью.

Таннер открыл файл, увидел с ног до головы перемазанного кровью Хеннесси, его загадочную улыбку, услышал обрывочную речь и с горечью подумал: «Вот дерьмо! Худшее все же произошло».

– Кто его отправил? – спросил он вслух.

– Эту копию получил Ленни Смолл. Список остальных адресатов занимает несколько страниц – в основном все это ученые, которые работают в Чиксулубе, но есть и из других мест.

– Это видео изначально принял Зигмунд Беннетт, – сообщил Таннер. – Он его записал.

– Вы думаете, запись разослал Беннетт?

Таннер помотал головой:

– Он бы не стал этого делать. Мой человек с ним разговаривал – Беннетт почти не сомневается, что все это чей-то розыгрыш. Я полагаю, он даже не задумывался о смысле увиденного, а просто отправил кому-то запись, посчитав, что она может представлять определенный интерес. Я pošлю своих людей еще раз побеседовать с ним и выяснить, кому он показывал видео.

– Не утруждайтесь, – сказал Полковник.

– Не утруждаться? Но вы же сами говорили...

– Запись видели уже слишком многие. Теперь нет смысла никого убивать – это скорее навредит, чем поможет.

Таннер не сдержал вздоха облегчения. Он обрадовался тому, что его не попросят совершить убийство.

– И что мы теперь будем делать?

– Раскроем карты, – ответил Полковник.

– Раскроем карты? – не поверил ушам Таннер. – Но «Дреджер корпорейшн» так не поступает. Надо, наверное, обсудить это со Смоллом?

– Смолл здесь не принимает решения. Их принимаю я.

– Но это катастрофа! Я не буду от вас ничего скрывать. – Лицо Таннера пошло красными пятнами. – Я не собираюсь идти вместе с кораблем на дно. Я не желаю, чтобы на меня свалились все шишки. Я буду держаться до конца.

– Успокойтесь, Таннер. На самом деле мы ничего не раскрываем. Мы просто делаем вид. Раз мы сами дадим материал в прессу, мы сами и решим, в каком виде его представить. Если правильно разыграть эту карту, мы окажемся в еще более выигрышном положении, чем раньше.

– Но как мы это сделаем?

– Все просто, – сказал Полковник. – Созовите пресс-конференцию. Сообщите, что посмотрели запись, о которой сейчас все говорят, что слышали разные толки и решили: настало время поведать миру правду. Вы передадите журналистам все ваши записи и попросите пустить их в эфир. Многого вы от этого не потеряете, поскольку масса народу уже видела отдельные фрагменты. Найдется какой-нибудь любопытный тип, и он сможет свести все куски воедино и понять общую картину – так же, как это удалось сделать вам.

– И чем нам это поможет?

– Здесь важно, как преподнести эту историю, – назидательно произнес Полковник. – Прикрываться розыгрышем нельзя – это только распалит воображение придурков, которым всюду мерещатся заговоры. Поэтому нужно будет скормить им версию, максимально близкую к правде, но так, чтобы не повредить нашему делу.

– Но как много можно открыть?

Полковник нахмурился:

– Вы что, хотите, чтобы я все сказал за вас? Таннер, где же ваше воображение? Итак, сперва вы сообщите, что Хеннесси сошел с ума. Те, кто видел запись, без труда поверят. Вы скажете, что пригласили его в Чиксулуб для испытания экспериментальной модели батискафа, оснащенной буром. Этот аппарат способен, по крайней мере в теории, находясь под водой, проникнуть вглубь скальных пород. Вы уверены, что новый батискаф произведет настоящую революцию в деле разработки подводных месторождений полезных ископаемых – конечно, если удастся выявить и устранить все неполадки. Пока улавливаете ход моих мыслей?

– Да, – покорно кивнул Таннер.

– Так или иначе, вы остановили выбор на Хеннесси из-за его большого опыта управления подводными аппаратами, а также потому, что он свой человек для корпорации и умеет держать язык за зубами. Безусловно, когда речь идет о подобных технологиях, самое главное – хранить всю информацию в тайне. Для проведения испытаний батискафа вы прибыли в Чиксулуб... Почему?

Перед тем как ответить, Таннер немного подумал.

– Потому что Чиксулуб находится в относительной глуши. Здесь проще, чем в каком-либо другом месте, сохранить конфиденциальность. Кроме того, здешние условия позволяют проверить аппарат в деле на различных геологических слоях.

– Ну что же, неплохо для начала, – одобрил Полковник. – Потом еще отшлифуете как следует свою речь. Я же, чтобы прикрыть нас, организую задним числом несколько официальных разрешений на проведение испытаний. Итак, вы совершили ряд погружений на мелководье недалеко от берега. Управляли батискафом Хеннесси и еще один опытный пилот, Дантек. Все шло нормально, без каких-либо проблем. Тогда вы приняли решение – после консультаций с президентом Смоллом, – что настало время перенести испытания на большие глубины.

Что произошло потом, вы точно не знаете. Когда вы распорядились приготовить аппарат к погружению, члены команды доложили, что батискафа нигде нет. Вы попытались найти Хеннесси с Дантеком, и выяснилось, что они тоже пропали. Вы пришли к выводу, что эти двое самовольно забрали аппарат – вероятно, с целью похитить. Были организованы поиски, вы непрерывно пытались выйти на связь с батискафом, но ответа так и не получили. То ли они находились вне пределов досягаемости гидролокаторов, то ли выключили двигатели.

Губы Полковника растянулись в ухмылке, так что обнажились зубы.

– Далее вы скажете журналистам, что в конце концов получили информацию о пропавшем аппарате – это была та самая передача, которую вам удалось перехватить. Что произошло на борту, неизвестно, но очевидно одно: Хеннесси слетел с катушек. Вы смогли определить координаты места, где находится аппарат – он застрял глубоко в скале в подводном кратере, – и теперь обратились за помощью к военным, чтобы они достали батискаф. Вы скажете, что, если военным удастся его вытащить, вы сочтете своим долгом информировать журналистов обо всем, что произошло на борту в те последние роковые часы.

– Военные? – с сомнением протянул Таннер. – Мне кажется, это неразумно.

– Неразумно? Да это просто блестящая идея! Это даст возможность изменить масштаб операции. Больше не придется работать тайком.

– Но к кому обращаться? – все еще недоверчиво спросил Таннер. – Не случится ли так, что они перехватят у нас объект?

Полковник снова улыбнулся «милой» крокодильей улыбкой:

– Вы уже к ним обратились. – И он ткнул обоими большими пальцами себе в грудь. – Вы уже работаете с ними.

27

Едва Олзмэн уселся за стол, как раздался стук в дверь.

– Кого-нибудь ждешь? – спросил он Филда.

Тот покачал головой:

– По крайней мере, я об этом не знаю. Мне открыть или ты сам?

– Все равно, – сказал Олзмэн.

Он направился к двери, но на полпути вернулся и закрыл зашифрованный сайт. Стук повторился.

– Минутку! – крикнул Олзмэн и снова пошел к двери, но не успел дойти, как постучали еще раз – теперь громче и настойчивее.

На пороге стояли двое незнакомых мужчин. Олзмэн предположил, что это местные. Оба были в галстуках и начищенных до блеска темных туфлях. Один был высокого роста, худощавый, со смуглой кожей и колючими черными усами, второй – менее загорелый и чисто выбритый. Между большим и указательным пальцами (так обычно держат косячок) он сжимал дымящуюся сигарету. Когда Олзмэн открыл дверь, мужчина как раз жадно затягивался.

– Что вам угодно? – спросил Олзмэн.

– Мы ищем одного человека, – сказал высокий прищелец по-испански. – Мигеля Олзмэна.

– Майкла, – поправил Олзмэн. – Могу я спросить зачем?

– Так это вы, что ли? – спросил высокий.

– А кто его спрашивает? Кто вы, собственно, такие?

Безусый снова сделал затяжку, при этом щеки его так втянулись, что он на мгновение напомнил покойника.

– Здесь спрашиваем мы. – Он сунул руку в карман и достал жетон. – Полиция.

– С Адой что-то случилось? – спросил Олзмэн, и сердце у него подскочило к горлу.

– Можно нам войти? – поинтересовался высокий.

Олзмэн открыл дверь пошире, и полицейские, проскользнув мимо, проникли в комнату. Филд с любопытством наблюдал за ними.

– Привет, Филд, – сказал курильщик.

– И вам привет, офицер Рамос. У вас дело ко мне?

– К твоему другу. Может, оставишь нас ненадолго?

– Он мне не друг. Мы просто вместе работаем. – Филд встал и медленно заковылял из лаборатории.

Высокий полицейский пододвинул к себе стул Филда и уселся на него. Рамос прислонился к стене возле стола Олзмэна.

– Что случилось? – нервно спросил Олзмэн. Его беспокойство за Аду выросло до предела. – С ней все в порядке?

– Вашей подруги это никак не касается. Вы знаете Чарльза Хэммонда? – спросил высокий ровным, невыразительным тоном. Имя Чарльз он произнес так, будто это были два разных слова: Чар-леза.

– Техника? Да, я с ним встречался.

– Галло, он говорит, что встречался с ним, – заметил Рамос. – И что бы это значило?

Высокий полицейский, Галло, проигнорировал реплику коллеги.

– Насколько хорошо вы его знали? – спросил он Олзмэна.

– Не особенно. Мы встречались всего один раз.

– Галло, он говорит, что они встречались всего раз, – снова встрял Рамос и затянулся сигаретой.

- К чему все эти вопросы? – поинтересовался Олзмэн.
- Действительно, к чему? – протянул Рамос.
- Где вы встречались? – продолжил допрос Галло.
- В баре.
- С какой целью?
- Олзмэн задумался.
- Он хотел мне кое-что рассказать.
- Галло, мне это кажется подозрительным, – сообщил Рамос. – В каком баре?
- Сколько времени вы там провели? – Это уже Галло спросил.
- Послушайте, кто из вас задает вопросы? Вы сбиваете меня с толку.
- Просто ответьте на мой вопрос, – по-прежнему ровным тоном сказал Галло.
- И на мой, – тут же добавил Рамос.
- Подождите! – взмолился Олзмэн. – Да, я был в баре. Это на пляже, недалеко отсюда, и я...
- Вы хотите сказать: в кантине³. Между баром и кантиной, знаете ли, есть разница, – заметил Рамос.
- Хорошо, пусть будет кантина.
- Сколько времени вы там провели? – повторил вопрос Галло.
- Я как раз подхожу к этому, – сказал Олзмэн, чуть повысив голос. – Он позвонил мне и попросил о встрече. Мы пробывали там... не скажу наверняка, но, должно быть, несколько часов.
- Несколько – это сколько? – уточнил Рамос.
- Не знаю. Думаю, что два.
- Хозяин бара сказал, что три, – заметил Галло.
- Да, вероятно, он прав, – согласился Олзмэн. – Наверное, мы там просидели три часа.
- Однако вы сказали: два, – ввернул Рамос.
- Я просто предположил. Интересно, как я могу точно помнить время? И вообще, к чему все эти расспросы? Может, вы уже перейдете к делу?
- Мы не можем, – заявил Рамос.
- А дело заключается в том, – сообщил Галло, – что вы были последним, кто видел Хэммонда живым.
- Он мертв? – спросил Олзмэн.
- Мертв, – подтвердил Галло.
- Что случилось?
- Это мы как раз и пытаемся выяснить.
- Но вы же не думаете, что это сделал я? – забеспокоился Олзмэн. – Вы же не думаете, что я его убил?
- Откуда вам известно, что его убили? – спросил Рамос.
- Ниоткуда, но я начинаю подозревать.
- Он мог умереть в результате несчастного случая или вообще естественной смертью, но вы сразу заключили, что Хэммонд был убит, – продолжал допытываться Рамос.
- Куда вы с Хэммондом направились после бара? – спросил Галло.
- Кантины, – уточнил Рамос.
- Хорошо, после кантины.

³ В Мексике кантиной (*cantina*) называют бар, в который, как правило, пускают только взрослых мужчин. Вход для женщин и детей (а в отдельных случаях также для мужчин в полицейской и военной форме) запрещен.

– Никуда мы не направились. Вышли на улицу, пожали друг другу руки на прощание, и я пошел домой. Куда подался Хэммонд, я не знаю. – Олтмэн заметил, как полицейские обменялись многозначительными взглядами. – Что произошло? Как его убили?

– Вы с Хэммондом были любовниками?

– Что? Нет, конечно нет! Вы с ума сошли?

– Почему вы говорите «конечно нет»? – заинтересовался Галло.

– У меня есть девушка.

– И что это доказывает? – спросил Рамос.

– Послушайте, – устало произнес Олтмэн, – почему вы не расскажете мне, что с ним случилось?

Полицейские снова переглянулись.

– В поведении Хэммонда не было ничего необычного? – спросил Галло.

– Черт бы вас побрал! Откуда мне знать, обычное у него было поведение или необычное, – не сдержался Олтмэн, – если мы никогда прежде не встречались? Мне не с чем сравнивать.

– Не надо так расстраиваться, – успокоил его Рамос. – Не надо волноваться.

– Горло, – загадочно произнес Галло и провел пальцем по шее.

– Что? – не понял Олтмэн.

– Вы спросили, как он умер. Так он перерезал себе горло.

– У него с собой был нож, – прибавил Рамос. – Как вы думаете, чьи отпечатки нашли на рукоятке?

– Чьи?

– Ничьих не нашли, – заявил Галло. – Нож тщательно обтерли.

– И вы полагаете, что это сделал я. Но зачем?

– Откуда нам знать зачем? – холодно произнес Рамос. – Мы даже не знаем, о чем вы с Хэммондом разговаривали.

– О чем вы разговаривали? – спросил Галло.

– Дурдом какой-то! – в сердцах бросил Олтмэн. – Вы думаете, его могли убить из-за того, о чем мы беседовали?

– Да как мы можем знать, если вы нам пока ничего не сообщили? – заметил Рамос.

И Олтмэн решил. Он сделал глубокий вдох и начал подробно, насколько позволяла память, излагать содержание разговора с Хэммондом. Когда он упомянул название «Дреджер корпорейшн», то снова заметил, как полицейские обменялись взглядами. По ходу рассказа Олтмэн обратил внимание, что сперва Рамос, а потом и Галло скрестили руки на груди.

Когда он закончил, Галло встал со стула и произнес:

– Благодарю вас, сеньор Олтмэн. Вы нам очень помогли.

Рамос в это время уже направился к выходу.

– Постойте. Это все?

– А чего вы ожидали? – удивился Рамос. – Что мы вас арестуем?

– Если потребуется, мы с вами еще свяжемся, – заверил Галло, и оба полицейских скрылись за дверью.

Олтмэн набрал номер Ады, чтобы рассказать о случившемся, но она не снимала трубку. Он все еще чувствовал себя выбитым из колеи. Руки предательски тряслись.

Через некоторое время в лаборатории, прихрамывая, появился Филд.

– Ну как, все в порядке? – спросил он, приподняв брови.

– Убили человека, которого я знал.

– М-да, это ужасно.

«Интересно, а мне угрожает опасность?» – задумался Олтмэн.

– Слышал новость? – спросил Филд.

– Какую?

– Заявление «Дреджер корпорейшн». Я сам только что узнал, пока болтал в коридоре и дожидался, когда эти парни закончат тебя обрабатывать.

– И о чем оно?

– Можешь найти его на новостном сервере, – объяснил Филд. – Подключись и посмотри сам.

Олтмэн так и сделал и обнаружил заголовок: «Пресс-конференция „Дреджер корпорейшн“». Он кликнул по ссылке.

Ведущего пресс-конференции звали Уильям Таннер. Олтмэн не мог припомнить, чтобы видел его раньше.

– Об этой загадочной видеозаписи распространилось уже множество слухов, – объявил Таннер и дальше продемонстрировал более полную запись по сравнению с той, которую передал Олтмэну Беннетт. – Я бы и хотел сказать, что это чья-то шутка, но, боюсь, это не так. В любом случае, господа, цель моего сегодняшнего выступления заключается в том, чтобы попытаться прояснить некоторые моменты.

И дальше Таннер поведал историю об оснащенном буровым механизмом экспериментальном подводном аппарате, который был угнан, а после погрузился в скалу на дне Чиксулубского кратера. Представители корпорации обратились к военным с просьбой помочь им достать аппарат. Тон речи Таннера менялся от самоуверенного до нервного. В конце выступления он подчеркнул:

– «Дреджер корпорейшн» считает своим долгом выяснить, что же произошло на подводном судне, и принять все меры, чтобы не допустить повторения подобного.

И Таннер, не обращая внимания на попытки репортеров задать вопросы, быстро покинул свое место.

Олтмэн досмотрел запись до конца и включил ее сначала. Просмотрев полный видеофрагмент передачи, он пришел к заключению, что субстанция, которая покрывала тело человека, действительно являлась кровью. Олтмэн должен был признать, что рассказ Таннера прозвучал весьма убедительно и давал ответы практически на все вопросы. Единственное, что оставалось непонятно: зачем вдруг пилоту понадобилось тайно брать аппарат и угонять черт знает куда? Хотя, возможно, все дело действительно заключалось в безумии того парня.

Так или иначе, рассказ казался правдоподобным.

Даже, пожалуй, слишком правдоподобным, чтобы быть правдой.

«Или это я просто делаю из мухи слона?» – усомнился Олтмэн.

Может быть, стоило забыть обо всем и позволить событиям развиваться своим чередом? Один человек уже погиб, и он тоже может плохо кончить, если не будет вести себя осмотрительно. Хотя, с другой стороны, Хэммонда могли просто убить при попытке ограбления, и это происшествие не имело никакого отношения к событиям вокруг Чиксулубского кратера.

Олтмэн все обдумал и решил еще раз просмотреть запись пресс-конференции. На одной чаше весов лежали уверенные заявления Таннера, на другой – загадочный импульс из центра кратера. Не важно, каково его происхождение, но не вызывает сомнений, что начался импульс задолго до происшествия с подводным аппаратом. Его вызвало не погружение батискафа, но, возможно, случившееся на борту послужило причиной усиления сигнала. Конечно, все это может оказаться совпадением; не исключено, что он серьезно ошибается, но все же Олтмэн не был готов бросить расследование.

Когда Олзмэн пришел домой, Ады еще не было. Накатила паника. Он уже испытал подобное днем, когда подумал, что с подругой что-то стряслось. Олзмэн попробовал еще раз до нее дозвониться, но Ада по-прежнему не отвечала.

Нервничая все сильнее, он прождал час, потом другой. Периодически набирал ее номер, но Ада не откликалась.

«А если с ней что-то случилось?» – Мысль эта не давала Олзмэну покоя.

В то же время другая половина сознания говорила: волноваться совершенно незачем, Ада частенько работает допоздна, и пока нет никаких серьезных причин полагать, будто произошла беда.

Тем не менее, когда дверь наконец открылась, Олзмэн находился в состоянии, близком к истерике. Он рванулся в прихожую и готов был уже наброситься на девушку с упреками, когда заметил, что она пришла не одна. С ней кто-то был. Юноша.

Он осторожно держал Аду за руку. Олзмэн спросил подругу, где ее носило, но она взглядом заставила его замолчать, а потом произнесла:

– Майкл, хочу вас познакомить. Это Чава.

Олзмэн посмотрел на паренька. Тот оказался совсем еще юным – лет тринадцати или чуть больше – и худеньким. На нем были поношенная, но чистая футболка и не по размеру большие шорты. Ноги были босы. Глубоко посаженные карие глаза смотрели настороженно, в них затаился страх.

– Чава, – произнес Олзмэн. – Что это за имя?

– Это уменьшительное от «Сальвадора», – быстро ответила Ада. Олзмэн посмотрел с недоверием, и она кивнула. – Да, я знаю, звучит совсем не похоже, но это так.

– Правда, что ли? – спросил Олзмэн и повернулся к мальчику.

Чава кивнул, но ничего не сказал.

Олзмэн, по-прежнему ничего не понимая, посмотрел на Аду, ожидая разъяснений по поводу происходящего.

– Я подумала, что, может, ты захочешь с ним поговорить.

– Давай ты присядешь, – обратился Олзмэн к Чаве.

Мальчик чуть поколебался, потом кивнул, и Олзмэн придвинул ему стул.

– Не хочешь перекусить?

Чава снова кивнул. Олзмэн открыл холодильник и принялся изучать его содержимое, но затем передумал и сказал мальчику:

– Иди сюда. Посмотри сам и возьми все, что хочешь.

Чава бочком подошел к холодильнику, будто опасался, что это ловушка, осторожно засунул голову внутрь, потом посмотрел на Олзмэна и уточнил:

– Все, что хочу?

– Все, – подтвердил Олзмэн.

Через несколько минут перед Чавой на столе высилась груда самой разнообразной еды. Мальчик взялся перепробовать почти все, что нашлось в холодильнике. Он отламывал маленький кусочек яства, перекатывал его во рту, смакуя, потом глотал и переходил к следующему блюду.

– Так о чем ты хотел бы поговорить? – спросил Олзмэн, когда мальчик наелся.

Чава покачал пальцем:

– Леди. Она сказала, что это вы хотите со мной поговорить.

– Может, ты расскажешь ему ту же историю, которую поведал мне?

– Это не история, – нахмурился Чава. – Все произошло на самом деле.

– Да, Чава, конечно, – быстро согласилась Ада. – Я это и имела в виду.

– Хорошо, расскажу. Рано-рано утром я шел по берегу. В тот день я думал: «Пойду-ка я сегодня к морю, там поверну и двину в город, а потом поищу – может, кому-нибудь надо

доставить письмо». Вы, ученые, иногда мне поручаете письма разносить за денежку. В иной день это два-три письма, и мне хватает, чтобы купить в кондитерской польворон⁴ или другие сласти. Но в тот день мои ноги не захотели идти в город и понесли меня в другую сторону. Я не мог их остановить. Вот так мы и не пошли в город, а двинулись дальше по пустынному берегу. И там я кое-что обнаружил.

– Что ты обнаружил? – спросил Олзмэн.

– Не знаю.

– Что значит «не знаю»?

– Это значит: для того, что я обнаружил, не существует имени. Оно было похоже на человека, но не человек. И еще было похоже на воздушный шар, но это был не воздушный шар.

– Как это оно могло быть одновременно и человеком, и воздушным шаром? – не понял Олзмэн.

– Ага, – улыбнулся Чава, – точно так же и я себя спросил. Я вижу, вы меня понимаете. Леди правильно сделала, что привела меня к вам, чтоб я рассказал мою историю. Еще оно издавало звуки. Вот такие.

Мальчик склонился над столом и как-то странно не то зашипел, не то захрипел.

– Бруха велела мне сжечь его. Она сказала, что это вроде как блоха с хвоста дьявола. Чиксулуб. – С этими словами он скрестил указательный и средний пальцы и поднял руку так, чтобы взрослые увидели знак. – Но потом... Я обнаружил, что бруха мертва.

– Как же она могла тебе что-то сказать, если была мертва? – поинтересовался Олзмэн.

– Вы как будто сидите у меня в голове и видите, какие вопросы я тогда сам себе задавал! – радостно воскликнул Чава.

Олзмэн подождал продолжения, но мальчик молчал.

– Вы сожгли находку?

– Да, – ответил Чава. – Она так здорово горела.

– Какая ее часть была похожа на воздушный шар? – продолжил расспросы Олзмэн.

– Спина, – без колебаний сказал Чава. – Там были серые мешки. – Он несмело взял огурец и откусил кусочек. – Можно забрать с собой?

– Возьми, – кивнул Олзмэн.

Огурец исчез под одеждой мальчика. Он взял луковицу и скривился.

– Разреши кое о чем тебя попросить.

Чава кивнул.

– Отведешь нас на то место, где нашел это существо?

Мальчик задумчиво посмотрел на Олзмэна:

– А вы обещаете, что, если вдруг увидите меня и вам нужно будет доставить письмо, вы попросите об этом?

– Что? – вздрогнул Олзмэн. Потом спохватился и сказал: – Да, конечно.

– Это хорошо, – обрадовался мальчик. – А можно я возьму еще три вещи со стола, но только не луковицу?

Олзмэн кивнул, пряча улыбку. Чава так быстро схватил и сунул под одежду какую-то еду, что Олзмэн даже не заметил, что именно он взял.

– А теперь я отведу вас, – сказал Чава совсем другим, решительным голосом.

⁴ *Польворон* – андалусское рассыпчатое песочное печенье.

28

Таннер налил себе стаканчик виски и откинулся обратно на подушки. Наконец-то у него будет возможность как следует поспать на мягкой, удобной кровати. За всеми этими хлопотами и заботами – организация офиса в Чиксулубе; приготовления, связанные с доставкой в Мексику батискафа, а также Дантека с Хеннесси; время, проведенное на борту грузового судна; ужасные часы, когда он отчаянно пытался понять, что происходит в направившемся к центру кратера аппарате, и не менее ужасные часы, последовавшие за трагедией, – казалось, прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он имел возможность нормально поспать ночью.

Он отхлебнул из стакана. Самое главное сейчас, убеждал себя Таннер, – не думать об этом. Необходимо расслабиться. Все осталось позади. Пресс-конференция закончилась. Следующий этап операции еще не начался.

Зазвонил его личный телефон. Таннер взглянул на дисплей. Если жена, ее имя должно появиться на экранчике. Но имя не высветилось. Тогда это мог быть президент Смолл или же кто-то из троицы: Терри, Тим, Том. Кроме них, никто не знал этого номера. Знал Дантек, но тот был мертв.

– Слушаю вас.

– Уильям Таннер? – раздался в трубке приятный мужской голос. – Я хочу задать несколько вопросов насчет гибели мистера Хеннесси.

– Откуда у вас этот номер? – резко спросил Таннер. – Я его никому не даю.

Звонивший проигнорировал вопрос.

– Скажите, неужели перед спуском не было никаких тревожных признаков? Неужто в этот раз стандартная процедура проверки безопасности «Дреджер корпорейшн» вас подвела? Или, точнее будет сказать, подвела Хеннесси и Дантека?

Таннер сбросил вызов. Через несколько секунд телефон зазвонил снова.

– Слушаю!

– Прошу вас, мистер Таннер, не прерывайте разговор. Есть ряд важных этических моментов, которые...

Таннер снова нажал кнопку сброса, а потом и вовсе выключил телефон и положил на столик возле кровати. Если Смолл или Полковник захотят выйти с ним на связь, им придется воспользоваться видео.

Он сделал большой глоток из стакана и ощутил, как виски приятно обжег горло. Таннер попытался расслабиться, выкинуть из головы все лишние мысли и просто отдохнуть. Он убеждал себя, что беспокоиться ни к чему – телефон выключен, дверь заперта. Теперь можно прилечь.

Но он не лег. В голове пульсировала боль, и, кроме того, что-то его беспокоило.

Таннер встал, проглотил три таблетки снотворного и запил доброй порцией виски. Потом он долго всматривался в отражение в зеркале и наконец залез обратно в постель.

Все дело заключалось в том, что Таннер был согласен со звонившим журналистом. Хотя за годы работы в «Дреджер корпорейшн» ему и приходилось принимать участие во многих деликатных операциях, в этой истории был ряд моментов, воспоминания о которых будут отравлять ему дальнейшую жизнь.

Таннер не раз участвовал в предприятиях, заканчивавшихся гибелью людей. Бывало и так, что их смерть являлась прямым следствием решений, которые он принимал. Это не говоря уже о безумии лунных боев, когда все и каждый творили жуткие вещи, и сам Таннер не единожды опускался до поведения, едва ли подходящего цивилизованному человеку. Но здесь было другое. Погибли двое, а он по-прежнему не понимал почему. Может быть,

все дело в том, что пока ему удалось посмотреть лишь обрывочную нечеткую видеозапись? Если бы он своими глазами увидел трупы, было бы легче прийти к какому-то заключению. Наверное, нужна просто бóльшая определенность. Или же тут другое?

С Хеннеси перед погружением определенно все было в порядке. Таннер быстренько прокрутил в голове предшествовавшие спуску батискафа события. Нет, если от кого и можно было ожидать, что его психика не выдержит, то скорее от Дантека. Возможно ли, что у того первого поехала крыша, а следом впал в безумие и Хеннеси?

В конце концов виски и снотворное подействовали. Перед глазами у Таннера все поплыло. Может быть, подумал он рассеянно, ответы на волнующие его вопросы появятся, как только батискаф поднимут на поверхность. Может быть, тогда все и прояснится.

Разбудил его телефонный звонок. Таннер схватил трубку и посмотрел на дисплей.

На экранчике высветилось имя: «Дантек».

Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, и Таннер тут же окончательно проснулся. Дантек был мертв! Он не мог звонить. Таннер снова взглянул на дисплей. Нет, никакой ошибки, звонил действительно Дантек.

Таннер сел на кровати и опустил ноги на пол.

– Алло! – произнес он, глядя в стену перед собой. – Кто это?

Но в трубке слышалось только шипение помех.

Таннер молча сидел и чувствовал, что может в любую секунду грохнуться в обморок. Наконец он нерешительно вымолвил:

– Дантек, ты жив?

Прижав трубку к уху, Таннер ждал ответа. В какой-то момент он понял, что не слышит и помех. Телефон даже не был включен.

Он положил трубку обратно на прикроватную тумбочку, и в ту же секунду телефон – хотя он был и выключен – опять зазвонил. На дисплее высветилось имя Дантека.

– Слушаю вас.

И – полная тишина в ответ.

Таннер снова вернул телефон на тумбочку. И тот опять зазвонил, но на этот раз Таннер решил не реагировать. Он просто смотрел на аппарат и мысленно пытался себя убедить: «Он выключен. Он не может звонить».

Но чертов телефон продолжал надрываться.

– Ты собираешься отвечать? – раздался за спиной знакомый голос.

Волосы на затылке у Таннера встали дыбом. Очень медленно он обернулся. Рядом с ним в кровати маячила неясная тень. Таннер присмотрелся, и та стала обретать человеческие очертания. Поначалу грубые и угловатые, они делались все более четкими, пока наконец возле Таннера не материализовался... Дантек. Кожа у него была белая-белая, как будто в теле не осталось ни кровинки. Губы казались синими.

– Ты настоящий, – заявил Таннер.

– Правда, что ли? – удивился Дантек. – Тогда почему ты меня видишь?

– Но ты же умер! Там, в батискафе.

– А ты убежден, что это был я? Уверен, что я вообще находился в батискафе?

Таннер замялся.

– Так ты жив?

– Но я же здесь, разве нет?

Таннер помотал головой.

– Ну же, дотронься до меня, – приободрил его Дантек. – Если я настоящий, ты не сможешь меня коснуться.

Таннер закрыл глаза и вытянул руку. Он нащупал постель, одеяло. Потом продвинул руку чуть дальше и наткнулся на что-то другое. Живое, мягкое. Оно шевелилось.

– Это действительно ты, – выдохнул Таннер и улыбнулся. – Не могу поверить. Как тебе удалось выжить? И что ты здесь делаешь?

– Пришел повидаться с тобой. Может ведь человек заглянуть в гости к своему старому другу?

– Конечно, – пробормотал Таннер.

– И еще...

– Что такое, Дантек? Говори смело.

– Ненавижу просить, но нужна твоя помощь. Таннер, я хочу, чтобы ты мне кое-что отдал.

– Все, что угодно! – воскликнул Таннер. – Что мое – то твое.

– Мне трудно дышать, – сообщил Дантек. – Раздели со мной свой кислородный баллон.

– Но как я это сделаю?

– Просто сделай разрез в дыхательном шланге. Я укорочу свой на пару футов, подсоединю к твоему, и тогда мы сможем дышать вместе.

– Но у меня... – Таннер хотел сказать, что у него нет никакого шланга, но, подняв руку, обнаружил, что тот на месте.

– Я долго не протяну, – просипел Дантек.

Действительно, губы у него, казалось, стали еще синее, чем считанные секунды назад.

– Нужно найти что-нибудь острое, – сказал Таннер. – Где мне взять что-нибудь острое?

– В ящике в тумбочке есть перочинный нож.

– Откуда ты знаешь, что есть и чего нет в моей тумбочке?

– Я вообще полон сюрпризов, – поведаль Дантек и растянул в улыбке свои синие губы так, что они побелели.

Таннер достал из ящика перочинный нож и раскрыл самое большое лезвие.

– Где резать? – спросил он Дантека.

– Да где угодно. Главное, чтобы разрез был достаточно длинным. Помни: достаточно длинным.

Таннер кивнул.

– Готов?

– Готов, – подтвердил Дантек.

Таннер сделал длинный горизонтальный надрез, едва не разделив шланг на две половинки.

– Давай его быстро сюда.

Только вот голос прозвучал странно – что-то случилось со связками. Таннер закашлялся, и изо рта брызнула кровь. Одеяло словно покрылось розовой росой. Таннер опустил голову и увидел, что по груди стекают ручейки крови.

– Надо было оставить его там, где он находился в безопасности, – сказал Дантек. Голос теперь доносился будто издалека. – Не стоило пытаться его понять.

– Быстрее, – протягивая руку, прохрипел Таннер. Потом – Дантек? Понять что?

Но Дантек уже пропал.

Воздух со свистом утекал из дыхательного шланга в открытый космос. Таннер попытался было прижать разрез рукой, но тот оказался слишком глубоким. Руки сделались липкими, грудь тоже; даже волосы на ней и те сбились в колтун.

Таннер хотел еще раз окликнуть Дантека, но обнаружил, что горло не слушается. Он мог издавать только булькающие звуки. Таннер сделал попытку выбраться из постели, но движения были замедленными, словно он вдруг оказался под водой.

Наконец, очень медленно, ему удалось подвинуть одну ногу, перекинуть ее через край кровати и опустить на пол. Теперь осталось лишь позаботиться о другой ноге, а потом он

встанет, подойдет к зеркалу, посмотрит на себя как следует и постарается понять, где допустил ошибку.

29

Несмотря на темноту, мальчик уверенно шел вперед. Несколько раз он вынужден был останавливаться и нетерпеливо дожидаться, когда Олзмэн и Ада его нагонят.

Они приближались к месту, и Чава заговорил, но смысл сказанного оставался для Олзмэна туманным.

– Бруха. Она хотя и была мертвая, но все же помогла нам. Я отправился за ней, и она пошла со мной, и говорила со мной, и научила, как поступить. А ведь если бы она не пошла, как бы я понял, что нам делать?

Он посмотрел на Олзмэна, явно ожидая ответа.

– Я не знаю, – ответил тот, чуть задыхаясь после долгой прогулки по песку в непригодной обуви.

Такой ответ, казалось, удовлетворил Чаву.

– Но она пошла. И она показала нам, что нужно делать. Круг. – И мальчик покосился на Олзмэна.

– Э, что ты хочешь этим сказать? Какой еще круг?

Мальчик глянул на него, потом остановился и начертил что-то на песке. Олзмэн посветил фонариком и увидел круг.

– Вот что я хочу сказать, – пояснил Чава и зашагал дальше.

Олзмэн покачал головой. Ход мыслей мальчика был настолько необычным, что создавалось впечатление, будто общаешься с жителем другой планеты.

Внезапно юный проводник остановился. Он соорудил из скрещенных пальцев «хвост дьявола» и указал вперед.

Олзмэн направил в ту сторону луч фонаря и увидел частично погребенные под песком остатки костра. Он ждал, когда Чава пойдет дальше, но мальчик замер и сходить с места явно не собирался. Тогда Олзмэн обошел его и приблизился к кострищу, чтобы взглянуть самому.

Осторожно отгреб песок ногой в сторону. Взору предстало большое количество полусгоревшего плавника, совсем черных головешек и пепла. Потом вдруг он сообразил, что некоторые куски дерева на самом деле никакое не дерево, а кости. Они были человеческими или, по крайней мере, размером с человеческие. Но что-то в них было не так – они выглядели странным образом деформированными и перекрученными. Среди костей также попадались кусочки чего-то напоминавшего кожу или, возможно, морские водоросли. Так Олзмэн подумал вначале, но, приглядевшись получше, засомневался – структура их казалась очень странной.

– Как ты думаешь, огонь мог так изуродовать кости? – спросил он Аду.

– Не знаю.

Олзмэн покачал головой. Почему так получается, что он вечно сталкивается с вещами, которые выше его понимания? В нем ли самом заключена проблема, или же что-то неладно со всем миром?

Олзмэн ковырялся носком ботинка среди пепла, обгоревшего плавника и костей, пока не выкопал череп. Он весь почернел, и у него отсутствовала нижняя челюсть. Не сохранилось ни одного зуба – причем впечатление создавалось такое, будто зубы не выпали, а их там никогда и не было. Нижняя сторона верхней челюсти выглядела ровной, без единого углубления.

– Значит, оно напоминало нечто среднее между воздушным шаром и человеком? – спросила Ада.

Чава кивнул.

– В какой позе оно сидело?

Мальчик на мгновение задумался, затем опустился на колени и прижатыми к туловищу руками уперся в песок.

– Руки у него становились ногами, – объяснил он.

– Что это значит?

– Кожа была та же самая, и плоть тоже.

«Возможно, это был просто ужасно изуродованный человек», – подумал Олзмэн. Наверняка существовало логическое объяснение. Да, но тогда встает вопрос: как такой калека сумел прожить столь долго?

Внезапно ему пришла в голову мысль.

– А где находился «воздушный шар»?

Чава, так и продолжавший сидеть на песке, поднял руки к тыльной стороне шеи и покрутил ладонями.

– Каких он был размеров? – спросила Ада.

– Очень большой.

– Больше моей руки? – уточнил Олзмэн.

Чава кивнул.

– Больше моего туловища?

Снова кивок.

– Размером с дом?

На этот раз Чава заколебался, но все же согласно опустил голову.

– Порой он становился меньше, но в конце... да, пожалуй, он действительно был размером с дом.

– Ты хоть что-нибудь поняла? – спросил Олзмэн Аду, когда они, проводив мальчика до окраины бидонвилья, возвращались домой.

– Не больше тебя.

– Думаешь, это произошло на самом деле?

– Думаю, что-то действительно произошло, – ответила Ада. – Но было ли все так, как рассказывает Чава, можно только гадать. Звучит невероятно. Но с другой стороны, в последнее время вообще случилось множество загадочных событий. Я уже не знаю, что и думать.

– Ну а другие? Они тебе поведали ту же самую историю?

– Они по-прежнему не желают со мной разговаривать. Не понимаю почему.

– Я так за тебя беспокоился, – признался Олзмэн.

– Когда мальчик начал рассказывать, – объяснила Ада, – мне пришлось выслушать до конца. Попытайся я его прервать, он мог бы испугаться и замолчать совсем.

Олзмэн кивнул. Некоторое время они шли молча, неслышно ступая по дорожной пыли.

– Знаешь, этот парень, с которым я разговаривал... Ну, в баре.

– Да. Что с ним?

– Мертв.

Ада остановилась:

– Мертв? Что случилось?

– Перерезано горло.

Она схватила Олзмэна за руку и трясла до тех пор, пока он не повернулся к девушке лицом.

– Вот видишь? Говорила же я тебе, что это опасно! И вот кто-то уже умер.

– Да, может быть, это все ерунда, – отмахнулся Олзмэн. – Скорее всего, просто грабители.

Он увидел, как во взгляде Ады промелькнула искорка надежды, но тут же исчезла.

– А что, если нет? – спросила она. – Ты должен бросить это дело. Хватит уже играть в шпионов, займись лучше работой, ради которой тебя сюда послали.

Олтмэн молчал и только пытался освободить руку.

– Майкл, обещай мне. Пожалуйста!

– Я не могу.

– Но почему? – удивилась Ада.

– Послушай... – произнес Олтмэн и обнял девушку за плечи. – Это ведь ты привела ко мне Чаву. Я тебя об этом не просил. И чем больше подробностей я узнаю, тем более странной кажется эта история. Мне необходимо понять, что здесь происходит.

Аду его ответ рассердил. Она ускорила шаг и ушла вперед, демонстративно не оглядываясь. Олтмэн шел следом и периодически окликал девушку по имени. Постепенно шаги ее замедлились, и наконец Ада позволила взять себя за руку, однако смотреть на Олтмэна по-прежнему избегала. Он притянул подругу ближе к себе и сжал в объятиях; девушка сперва пыталась его отпихнуть, но через несколько секунд сдалась.

– Ты меня не любишь, раз не хочешь выполнить мою просьбу, – обиженно заявила Ада.

– Да нет же, люблю. Но тут совсем другое.

Дулась Ада недолго и в конце концов обвила руками шею любимого:

– Майкл, я не хочу тебя потерять.

– Ты меня не потеряешь. Обещаю.

Они медленно шли по улице. Позади осталась открытая дверь, самодельная деревянная вывеска над которой гласила: «Первоклассный бар». Чуть ниже болталась картонка со словами: «Напитки. Очень дешево».

Они удалились от бара уже футов на двадцать, когда Олтмэн вдруг остановился и зашагал назад.

– Эй, и куда ты? – окликнула его Ада.

– Мне нужно выпить, – объяснил Олтмэн. – Надо помянуть Хэммонда.

Он толкнул дверь заведения. В ту же секунду завсегдатаи – исключительно местные жители – подняли глаза на вошедших и замолкли. Олтмэн прошел к стойке, которая представляла собой просто штабель старых ящиков, и заказал два пива – себе и Аде.

Бармен протянул бутылки, и Олтмэн огляделся по сторонам, выискивая свободное место. Но все столики оказались заняты, а несколько человек даже подпирали спиной стену. Олтмэн расплатился и вышел с двумя бутылками в руках на улицу.

Они уселись прямо на пыльную обочину возле «первоклассного бара», прислонились к хлипкой стене и принялись пить пиво. Темноту разгонял лишь неверный свет, проникавший через полуоткрытую дверь.

– Я беспокоюсь, – произнес Олтмэн и поставил бутылку на землю.

– Из-за чего?

– Из-за всего. Из-за того, что происходит в Чиксулубе. Этот импульс, подводный аппарат, рассказы, которые ты слышала, сны, которые всем снятся в последнее время. А теперь еще и это существо на берегу. Мне кажется, у нас серьезные проблемы.

– У нас с тобой?

– У всех. Может, конечно, я просто становлюсь параноиком.

– Тем более лучше бросить эту затею, – пробурчала Ада.

Олтмэн оставил ее реплику без внимания. Он потянулся за пивом, но вдруг обнаружил, что бутылки на прежнем месте нет. Он повернулся, искал ее, но не нашел.

Тогда Олтмэн зажег фонарик и посветил вдоль стены здания, туда, где сгущались тени. Луч выхватил из темноты мужчину в донельзя грязной одежде, по всему видно изрядно набравшегося. Оборванец стоял, запрокинув голову, и жадно поглощал содержимое бутылки.

– Этот пьяница забрал мое пиво, – сказал Аде обескураженный Олтмэн.

Тем временем мужчина допил, причмокнул и выкинул пустую посуду в темноту. Затем, прищурившись от бьющего в лицо света, посмотрел на Олзмэна и Аду.

Олзмэн опустил фонарик немного ниже. Пьяница протянул руку и щелкнул пальцами.

– Кажется, он просит еще и твое пиво, – усмехнулся Олзмэн.

Ада что-то тихонько сказала мужчине по-испански, и тот кивнул в ответ. Она протянула свою бутылку, оборванец быстро ее схватил, поднес ко рту и в несколько глотков выхлебал содержимое. Эту пустую бутылку он также отбросил в сторону и, довольный, привалился к стене.

– Привет, – сказал Олзмэн.

Мужчина тщательно разгладил свою грязную рубашку и ответил:

– Mucho gusto⁵.

Произношение и манера речи пьяницы никак не вязались с его затрапезным внешним видом. Он перевел взгляд на Аду и, чуть наклонив голову, произнес:

– Encantado⁶.

– Мы с вами уже встречались, – обратилась к нему Ада. – Вы мне рассказывали разные истории. Не помните?

Мужчина взглянул на нее слезящимися глазами, но ничего не ответил. Затем прижался затылком к стене и прикрыл веки. В этой позе он стоял так долго, что Олзмэн даже подумал, а не заснул ли их загадочный собеседник.

Неожиданно оборванец подал голос.

– Как вас зовут? – спросил он по-испански.

– Я Майкл Олзмэн, а это моя подруга, Ада Кортес. Ну а вас?

Мужчина не обратил внимания на вопрос Олзмэна.

– Премного благодарствую за выпивку, – продолжил он – пожалуй, излишне вежливо. Потом повернулся к Аде. – Кортес... Славная, именитая испанская фамилия – правда, не из тех, к которым питает любовь мой народ. Причины вам должны быть известны. У моего народа очень долгая память. И не стоит нас за это винить.

Ада молча кивнула.

– «Ада» в переводе с древнееврейского означает «украшение». Замечательное имя для такой красивой женщины, как вы. Несколько веков назад это имя носила дочь знаменитого красавца-поэта – увы, хромоногого. А еще столетие или около того спустя так назвал свою книгу один известный писатель.

– Откуда вы все это знаете? – не сдержала удивления Ада.

– Имена и названия были моим хобби... пока единственным увлечением не стала выпивка, и только выпивка.

Станный оборванец повернулся к Олзмэну:

– Майкл – так зовут архангела, стоящего по правую руку от Господа Бога. Вы религиозный человек, Майкл?

– Нет.

– Тогда будем обращаться к вам не Майкл, а Олзмэн. Олзмэн – это ведь немецкая фамилия?⁷

– Да, – сказал Олзмэн. – Но я из Североамериканского сектора.

– У вас не немецкий тип лица, – заявил пьяница. – Надеюсь, вы не обидитесь на мои слова. Но чья кровь в вас течет?

– Я полукровка, – уклончиво ответил Олзмэн. – Во мне много всего намешано.

⁵ Очень вкусно (*исп.*).

⁶ Я рад (*исп.*).

⁷ «Олзмэн» – так звучит фамилия Altman по-английски, на немецком же это будет «Альтман».

– По вашему лицу я вижу, что и с нами вы тоже имеете родство. Дьявол думает, что знает вас. Но вы известны ему только отчасти.

– В жилах моей матери текла индейская кровь, – подтвердил Олтмэн. – Не ведаю только, какого племени.

– Сдается мне, нашего она была племени.

– Понятия не имею.

– Что? – удивилась Ада. – Твоя мать была частично индианкой? Ты мне никогда не рассказывал.

– Она не любила это обсуждать. Не знаю почему. Я редко об этом задумываюсь.

– Вы здесь с какой-то целью, – заявил пьяница.

– Я приехал сюда с Адой.

– Очень может быть, что и так, но это не причина.

– И в чем же, по-вашему, причина?

Мужчина улыбнулся:

– Ваша фамилия. Альтман. «Альт» означает «старый», «манн», с двумя «н», – «человек». Но вы не старый человек, вы молодой. Как вы это объясните?

– Это просто фамилия.

– Важность имени становится понятна только тогда, когда его потеряешь. Как потерял я, – с горечью в голосе произнес оборванец, снова прижался затылком к стене и прикрыл глаза. – Возможно и другое значение, – продолжил он через некоторое время. – «Альт» можно перевести и как «древний», но это почти то же самое, что «старый». «Альтман» можно понимать как «старый человек», или «старый слуга», или – если это не будет слишком большой вольностью с моей стороны – «мудрый человек». – Мужчина наконец оторвался от стены и внимательно посмотрел на Олтмэна. Глаза его сверкали в свете фонаря. – Какое же значение подходит вам?

Некоторое время все сидели молча. Олтмэн снова решил, что странный собеседник заснул.

– Идем? – спросил он Аду.

– Если еще угостите, – тихо сказал оборванец, – я выложу, что мне известно.

– О чем? – поинтересовался Олтмэн.

– О чем вы расспрашивали всех в округе. – Мужчина скрестил пальцы. – О «хвосте дьявола».

Вот мы живем здесь, – прихлебывая из бутылки, начал рассказ оборванец, – рядом с тем местом, где дьявол ушел под землю в самый ад и оставил только свой хвост. Вы, наверное, не поверите, но все это чистая правда. Я вижу: вы, Альтман, не верите. И тем не менее я здесь для того, чтобы сказать вам: это нас – меня, вас и других юкатанских майя – призвали стеречь дьявола и загнать его обратно в ад, когда он появится на земле.

То существо, что было сожжено на берегу, – оно не единственное. Отец рассказывал мне и о других. Сам он их не встречал, да и дед его тоже, и прадед не наблюдал, но, быть может, прапрапрадед и видел. Ну а если не он, то уж кто-то из наших предков с ним точно сталкивался. В «хвосте дьявола» тикают часы, они особенным образом отмеряют время и судят нас соответственно этому. Когда приходит назначенный час, «хвост дьявола» просыпается, и с его пробуждением мертвецы возвращаются к нам; они приходят на наши берега, они проникают к нам в голову. Мы уничтожаем вестников на берегу и умоляем тех, что говорят с нами в нашем сознании, заставить «хвост» снова погрузиться в сон, ибо мы не готовы его слушать.

Мы не обсуждаем эти темы с чужаками. Но вы чужак лишь отчасти, и, думаю, с вами можно говорить. Да и кроме того, я сам теперь человек без имени, поэтому не так уж важно, что я делаю или с кем разговариваю. Ведь разве можно наказать человека, который стал

безымянным? Когда я услышал, как вас зовут, и из вашей фамилии понял – вы мудрый человек, то решил, что с вами я буду говорить.

Я своими собственными глазами видел эту тварь. Если бы у меня было имя и были дети, я бы назвался им и заставил их запомнить – как то сделал мой отец, – чтобы они могли передать мое имя дальше своим потомкам, а те – своим. Таким образом мы узнаём вещи и постигаем их. Так мы их запоминаем.

Я своими собственными глазами видел эту тварь. Она напоминала человека, но это был не человек. У людей есть отдельно ноги и руки, а у этого руки соединялись с ногами, и невозможно было сказать, где заканчивается одно и начинается другое. У человека есть лицо, а у этого на месте лица зияла дыра. У человека есть скелет, который и формирует тело, у этого все ребра на спине торчали наружу и переплелись друг с другом в спираль. У человека есть легкие, которые выполняют определенную функцию и сохраняют форму, а легкие твари все раздувались и раздувались и поднимались у нее над спиной, точно шар, который накачивают газом.

Как такое возможно? И это была не та же самая тварь, о которой говорил отец и велел мне запомнить его рассказ, а другая. Тварь эта своим видом не была похожа ни на одно живое существо. А когда она выдыхала воздух, он был уже иной, чем тот, что она вдыхала. Из него уходила вся жизнь, он становился нездоровым, он вонял, и людей от него душил кашель.

У нас есть специальные ритуалы, чтобы гнать прочь дьявола или его приспешников. Есть забытые языки, которые мы вспоминаем и на которых говорим во времена, когда мертвые возвращаются и нашептывают нам в уши. На этот раз нас вел за собой мальчик; ребенок, едва ли понимавший хоть малую толику из того, что делал. Существуют танцы и определенная последовательность шагов, при помощи которых можно сдерживать тьму. Каждая фаза танца отражает один из этапов развития жизни; мы танцуем, а тварь попадает в ловушку и делается уязвимой. Когда она уже не может выбраться, мы ее уничтожаем.

Но я заметил в этом отродье нечто такое, о чем никогда бы не стал вспоминать, чего ни за что не рассказал бы своим детям, если бы они у меня были. Из-за этого-то я и не смог танцевать вместе с остальными. То, что я увидел, никак не вяжется с историями, которые мне довелось слышать, и единственный способ облегчить бремя – это поделиться с вами. На одной конечности твари – будь она человеком, я бы сказал, что на руке, – имелась татуировка. И я уже видел такую прежде: несколько недель назад в баре на руке одного матроса – он сидел рядом со мной. Он был изрядно навеселе и хвастался своей татуировкой – она изображала женщину, оседлавшую волну, и в ладонях она держала солнце. Я еще отметил, с каким мастерством сделан рисунок. На следующий день матроса и след простыл, он ушел в море. А потом его татуировка обнаружилась у той твари, которую мы сожгли на берегу.

А теперь, Альтман, скажите вот что. Объясните мне одну вещь, если вы, конечно, «мудрый человек», а не «старый слуга». Откуда взялась татуировка: эта мерзость каким-то, только ей ведомым способом похитила ее? Или же причина в том, что тварь не всегда была монстром и татуировка сохранилась с того времени, когда она была человеческим существом?

Когда они направились к дому, Олзмэн инстинктивно, словно желая защитить, обнял Аду за плечи. По дороге оба не проронили ни слова. Самые разнообразные мысли переполняли голову Олзмэна, и он не в силах был справиться с их бесконечным потоком. Он пытался убедить себя, что не верит рассказу старого пьяницы, что все это не более чем фантазия, – но он собственными глазами видел останки на берегу. Он был не в силах поверить и в то же время не мог не верить. От такой раздвоенности возникало чувство, будто в голове беспокойно бурлит огромная непознаваемая вселенная. Необходимо было что-то предпринимать. Или позабыть обо всем – или что-то делать.

Дома, подготовившись ко сну и дожидаясь в постели, когда придет из ванной Ада, Олзмэн включил новости. Ничего интересного не происходило. Продолжаются торговые переговоры между Скандинавским и Российским секторами. Корпорация ДАМ объявила о том, что ею выведен и запатентован новый сорт генетически модифицированной пшеницы, каковой даже лучше ранее разработанного сорта, и уже скоро эта пшеница появится в продаже. В сотне миль на побережье случилась стычка с наркоторговцами – была показана короткая видеозапись: дрейфующая по волнам пустая лодка и вся палуба блестит от пролитой крови. Умер Уильям Таннер, руководитель Чиксулубского отделения «Дреджер корпорейшн», ранее известный как Экодин.

– Назад! – скомандовал Олзмэн.

Голографический проигрыватель послушно отмотал запись к сообщению о торговцах наркотиками, но Олзмэн уточнил:

– Нет, следующий сюжет.

«Уильям Таннер, руководитель Чиксулубского отделения „Дреджер корпорейшн“, ранее известный как Экодин, был найден мертвым сегодня утром. Предположительно, он совершил самоубийство. Согласно информации, полученной от местной полиции, тело Таннера с перерезанным горлом было обнаружено сегодня в девять тридцать утра, после того как Таннер не явился в обычное время на работу в контору „Дреджер корпорейшн“. В правой руке его был зажат нож. Полиции пока не удалось установить, этим ли самым ножом Таннер покончил с собой. Хотя такой способ свести счеты с жизнью довольно необычен, прецеденты все же известны. Вот как это прокомментировал сержант Рамос: „Хотя все свидетельства и указывают на то, что мистер Таннер покончил с собой, тем не менее мы не можем пока исключить вероятности убийства“. Нужно упомянуть, что в последние несколько недель в Чиксулубе и окрестностях отмечен значительный рост количества самоубийств, в том числе...»

– Выключай! – приказал Олзмэн.

Запись остановилась. Олзмэн тяжело уселся на постели. Будто мало уже имеющих, на него свалилась еще одна нерешенная загадка: то ли убийство, то ли самоубийство. И он не мог ничего рассказать Аде – по крайней мере, сейчас, когда прошло совсем немного времени после гибели Хэммонда. Это лишь даст Аде еще один повод к попытке его остановить.

«И это не значит, что я обманываю, – убеждал сам себя Олзмэн. – Я просто стараюсь ее защитить».

Пришла Ада и пристроилась рядом. Олзмэн поцеловал любимую, ощущая себя бесконечно виноватым перед ней. Потом он погасил свет и приготовился увидеть новые кошмарные сны.

30

Ленни Смолл, президент «Дреджер корпорейшн», еще спал, когда включилась видеосвязь. Сигнал он услышал, вероятно, не сразу и поначалу подумал, что это горничная болтает по телефону. Рассердившись, он заорал:

– Ради всего святого, заткнись, на хрен, и выметайся отсюда к чертовой матери!

Он зарылся головой в подушку.

– Смолл, просыпайся, – раздался низкий, скрипучий и слегка раздраженный голос.

Определенно, он принадлежал не горничной.

Заинтересованный, Смолл высунулся из-под подушки. Голос доносился из головизора.

– Маркофф, это вы, – пробормотал Смолл.

– Да, черт возьми, это я, – сообщило изображение на экране.

У Крэйга Маркоффа были седые волосы – чуть более длинные, чем обычно носят военные, – аккуратно зачесанные назад и уложенные при помощи геля. Приковывали внимание внушительная квадратная челюсть и твердый взгляд льдисто-голубых глаз. Одет Маркофф был в парадную форму, знаки отличия выдавали его принадлежность к разведке. Определить воинское звание по форме (как это всегда бывает с разведчиками) было невозможно.

Смолл потянулся, придвинулся к краю кровати, встал – как и был, обнаженный – и быстро скользнул в халат. Тот был не синтетический, а из настоящего шелка. Из-за налагаемых экологическим законодательством запретов Смоллу пришлось тайком провозить его в Североамериканский сектор. Чертов халат стоил целое состояние, но Смолл не смог бы сказать, в чем заключается его отличие от синтетического.

Президент выглянул из окна пентхауса, вздохнул и спросил:

– Может ваше дело подождать, пока я выпью кофе?

– У нас проблемы. Таннер мертв.

Смолл мгновенно подобрался, взгляд сделался настороженным, мозг включился в работу.

– Как он умер?

– Покончил с собой.

– Почему?

– Не знаю. Возможно, из-за чувства вины.

– Это невозможно, – уверенно заявил Смолл. – Я знаю каналью уже двадцать лет. Он не моргнув глазом справлялся с куда более серьезными проблемами, чем эта. Вы уверены, что его не убили?

– Абсолютно. Я установил камеру в его комнате и все видел своими глазами. Он бормотал о чем-то сам с собой, а потом взял и перерезал себе горло. Если хотите, можете посмотреть сами.

Смолл поморщился:

– Нет, спасибо.

– Ну, дело ваше, – пожал плечами Маркофф. – Я набросал для вас сценарий. Что можно и чего нельзя говорить касательно смерти Таннера. Я хочу, чтобы вы это запомнили.

– Надо обязательно слово в слово? У меня память всегда была так себе. Звучать будет слишком неестественно.

– Главное – выучить основные моменты. Можете передать их своими словами.

– Работать с вами – все равно что заключить сделку с самим дьяволом, – заметил Смолл. – Сразу ясно, кто здесь командует. – Он подождал немного, но Маркофф ничего не сказал, и тогда Смолл закончил: – Ну хорошо, посылайте ваш сценарий.

Маркофф переправил Смоллу текст, но президент не спешил его открывать. Это дело может и подождать – сначала утренний кофе.

– Что-нибудь еще? – спросил Смолл. – Или я уже могу попить кофе?

– Да, есть еще кое-что. Импульс прекратился.

– Прекратился? И что это означает? Что нам делать?

– Гравитационная аномалия никуда не делась, объект тоже остается на месте. Он просто больше не испускает сигнал.

– Вы думаете, с ним что-то случилось? Не могли два этих урода повредить объект, когда спустились к нему?

– Нет, – спокойно ответил Маркофф, – я так не считаю. Если бы дело было в этом, объект замолчал бы еще несколько дней назад. Думаю, причина в другом. Что-то случилось, но вот что? Или же он сам принял решение замолчать.

– Вы так говорите, будто он разумный, – удивился Смолл.

– Не исключено. Я уверен, он преподнесет нам еще не один сюрприз.

– Вы действительно считаете, что сможете его контролировать?

– Пока я еще не сталкивался ни с чем, чего не смог бы контролировать, – холодно заметил Маркофф. – Нынешняя ситуация не исключение, и я не вижу, что бы могло мне помешать.

– Значит, есть сигнал или нет, продолжаем действовать согласно плану?

– Продолжаем, – подтвердил Маркофф. – Сейчас туда идет специально оборудованное судно. Двигается оно медленно, но в любом случае скоро мы сможем начать операцию по подъему аппарата и между делом будем готовить объект к извлечению.

– Прибыль по-прежнему пополам? – уточнил Смолл.

– Ровно пополам. Но вряд ли прибыль здесь главное. Через шесть месяцев мы с вами, вполне возможно, станем самыми влиятельными людьми на планете. – Маркофф холодно улыбнулся и закончил: – Подумайте об этом, пока будете пить свой кофе.

31

Они заказали пиво у стойки и прошли к столику, расположенному у дальней стены. Их было четверо: Шоуолтер, Рамирес, Скуд и Олтмэн. Место, которое они выбрали, было достаточно уединенным, и вряд ли кто-то смог бы их здесь подслушать. Они расположились за столиком так, что Шоуолтер и Рамирес имели возможность наблюдать за главным входом, а Скуд и Олтмэн – за дверью черного хода.

– Итак, сигнал исчез, – констатировал Олтмэн. – Импульс прекратился.

– Я бы не сказал, что он прекратился, – поморщившись, уточнил Скуд. – Я бы сформулировал так: не исключено, что он прекратился. А возможно, просто до того ослаб, что наши приборы больше не могут его фиксировать.

– Ну, это все равно как если бы прекратился, – заметил Рамирес. – Результат тот же самый.

– Да, но это совсем не одно и то же, – возразил Скуд.

– Хорошо, Скуд, – сказал Олтмэн, – ваша позиция понятна. Теперь вопрос номер один: что бы это значило? Почему мы больше не можем принимать сигнал?

Никто не ответил.

– Аномалия не исчезла, – продолжил Олтмэн. – По крайней мере, она была там, когда я проверял в последний раз.

– Да, – подтвердил Шоуолтер, – она осталась.

– Короче говоря, в настоящее время сигнал отсутствует. Но он может быть лишь частью большей картины, о которой нам пока ничего не известно.

– Хорошо сказано, Скуд, – заметил Олтмэн. – Итак, импульс прекратился, а мы даже не знаем, навсегда или же это временное явление. Также мы не знаем, почему он прекратился.

– Возможно, и не узнаем никогда, – бросил Рамирес.

Шоуолтер и Скуд немедленно принялись возражать ему приглушенным шепотом, и Олтмэну пришлось помахать рукой, чтобы прекратить спор.

– На самом деле вопрос заключается в следующем: теперь, когда импульса нет, мы будем предпринимать дальнейшие шаги?

Коллеги недоуменно воззрились на Олтмэна.

– Какие еще «дальнейшие шаги»? – спросил Шоуолтер.

– До сих пор мы проводили расследование тайком и всячески скрывали наши действия. Сейчас «Дреджер корпорейшн» в открытую заявляет о своих планах добраться до центра кратера под тем предлогом, что необходимо поднять потерянный глубоководный аппарат. Несомненно, параллельно с этим она займется изучением того, что лежит на дне кратера.

Скуд промычал под нос что-то неразборчивое.

– То есть «Дреджер корпорейшн» решила играть в открытую. Или, точнее будет сказать, она сделала такой вид. Не нужно ли и нам последовать ее примеру?

– Как именно? – воскликнул Рамирес. – Что вы хотите сказать? Что мы должны прийти и заявить: «Дорогие господа из „Дреджер корпорейшн“, простите, но мы за вами наблюдали и теперь пришли к выводу: вы были не до конца откровенны»? По-моему, это все равно что самим сунуть голову в петлю.

– Я вовсе не это имел в виду, – пояснил Олтмэн. – Я хочу сказать, что нам не нужно больше таиться. Мы все вчетвером пишем подробное и хорошо аргументированное письмо в адрес Научного фонда Североамериканского сектора с предложением провести изучение кратера. В письме мы сошлемся на гравитационную аномалию, на сигнал непонятной природы – может быть, даже скажем пару слов по поводу передачи с подводного аппарата. Мы

потребуем публичных, при участии государственных организаций, раскопок в центре кратера Чиксулуб.

Некоторое время все сидели молча и неспешно потягивали пиво. Исключение составлял лишь Скуд, который управился со своей порцией почти сразу же.

– А если откажут? – спросил Шоуолтер.

– Тогда будем обращаться в другие организации, которые могут предоставить спонсорскую поддержку. Мы направим свое предложение в максимальное число мест и постараемся подстрелить сразу двух зайцев: получить деньги и добиться того, чтобы как можно больше людей узнало о здешних делах, об импульсе и аномалии. Кто-нибудь да и заинтересуется причинами такой активности «Дреджер корпорейшн». Даже при самом худшем раскладе ей придется действовать более осторожно.

– Это все равно что разворошить осиное гнездо, – проворчал Рамирес.

– Не исключено, – кивнул Олмэн. – Мы поймем это, только когда ввяжемся в драку. Возможно, ничего и не произойдет. Возможно, не дай бог, тем самым мы поставим под угрозу свои жизни. А то еще случится и так: мы поймем, что же находится на дне этого треклятого кратера. – Он отхлебнул пива и спросил: – Кто со мной?

Трое ученых переглянулись. Скуд первым поднял руку:

– Я.

Рамирес присоединился к коллегам. Шоуолтер довольно долго колебался, но в конце концов кивком выразил согласие.

– Отлично, господа, – провозгласил Олмэн. – Давайте начнем.

Часть 4 Спуск

32

Он спал и снова видел кошмары. Одетый в странного вида герметичный костюм, он бежал через узкие, мрачные залы. Причем поначалу было даже понятно, что все происходящее – не более чем кошмарный сон, но от этого было не легче, и постепенно он перестал сознавать, что все вокруг нереально. Его преследовала тварь с причудливыми клыками (или бивнями) вместо рук и рогами, которые росли прямо из суставов. Туловище выглядело так, будто с него содрали кожу. Или того хуже – словно кто-то взял человеческий скелет и прилепил поверх него сырой гамбургер. Нижняя половина физиономии твари разваливалась на части, желтые глаза ярко сверкали в темноте.

У него, как оказалось, было оружие: винтовка, стрелявшая сверкающими в луче света дисками с острыми краями. Он крутился влево и вправо и раз за разом выпускал в тварь смертоносные диски. Они с резким звуком врезались в ноги существа, забрызгивая все вокруг кровью. Вот уже от ног ничего не осталось, но все же проклятый монстр продолжал приближаться – он опирался на землю клыками и подтягивал вперед тело, издавая при этом громкие стоны. Только после того, как он отрезал передние конечности твари, а затем и голову, та наконец остановилась.

«Слава богу», – подумал он и утер с лица пот пополам с кровью.

Он уже собирался отвернуться, как его внимание привлекли звуки за спиной. Тварь продолжала в муках корчиться на полу. Она билась из стороны в сторону и... изменялась. С противным мокрым хлопком из туловища проросли новые конечности. Тварь встала на лапы, зарычала и снова бросилась в погоню.

С громким воплем он развернулся и помчался прочь.

– Плохой сон приснился? – спросил стоявший у кровати мужчина.

Он имел крепкое телосложение, квадратную челюсть и седые волосы; одет был в темную форму с наградами, выдававшими его принадлежность к военной разведке. Мужчина изучал Олзмэна пристальным холодным взглядом. По обеим сторонам от него стояли два даже более крупных субъекта – похоже, близнецы. На обоих была ничем не примечательная одежда. Чуть поодаль расположился еще один тип. Этот был субтильным и носил очки. Олзмэну человек показался смутно знакомым, но он не мог припомнить, при каких обстоятельствах его видел.

– Где я? – подал голос Олзмэн.

– Вы в своем доме, – ответил человек в форме, – в Чиксулубе.

– Где Ада?

– Ваша подруга? Ее здесь нет. Она в безопасности.

– Что это значит: «в безопасности»? – спросил Олзмэн и стал выбираться из постели.

Мужчина поднял палец. Аккуратно, но не давая повода усомниться в их силе, близнецы взяли Олзмэна каждый за руку и заставили лечь обратно. Им пришлось держать его какое-то время, пока он не перестал сопротивляться.

Олзмэн настороженно уставился на пришельцев.

– Что вы здесь делаете? – спросил он военного.

Тот махнул рукой, и близнецы, отпустив Олзмэна, отошли на пару шагов от кровати.

– Пришел повидаться с вами.

– А кто вы такой?

– Маркофф. Крэйг Маркофф.

– Мне это ни о чем не говорит, – бросил Олтмэн.

– Не говорит, – согласился военный.

– А это кто? – кивнул Олтмэн на остальных.

Маркофф поглядел по сторонам:

– Это? Мои новые партнеры. – При этих словах человек в очках усмехнулся. – Тим, Том и Терри.

– И кто из них кто?

– Это имеет значение? – поднял бровь Маркофф.

– Послушайте, – Олтмэн начал выходить из себя, – вы не можете вот так запросто взять и вломиться в мой дом. Вы не имеете права здесь находиться. Я вызываю полицию.

Маркофф в ответ только улыбнулся. Когда Олтмэн потянулся за телефоном, он негромко произнес:

– Том. Тим.

Близнецы не спеша выдвинулись к кровати. Один схватил своей лапищей запястье Олтмэна и сжимал до тех пор, пока тот не выронил телефон. Второй ударил Олтмэна кулаком в бок – несильно, едва ли не ласково.

Олтмэн, хватая ртом воздух, повалился на постель. Тим и Том встали за спиной Маркоффа, наблюдая, как несчастный отчаянно пытается восстановить дыхание.

Когда он немного пришел в себя, Маркофф спросил:

– Ну как, мы чувствуем себя лучше? Не хотите глотнуть воды?

Олтмэн помотал головой. Маркофф щелкнул пальцами, и мужчина в очках швырнул Олтмэну рубашку и штаны.

– Вот теперь вы в норме, – сказал Маркофф. – Одевайтесь. Нам нужно поговорить.

Несколько минут спустя Олтмэн и Маркофф сидели друг против друга за кухонным столом. Трое спутников военного разведчика расположились у дверей, ведущих на улицу и вглубь дома.

– Дело очень простое, – начал Маркофф. – Вы подали заявку на грант с целью изучения Чиксулубского кратера.

– И что в этом противозаконного? – возмутился Олтмэн. – Это обычное дело для ученых.

– Я уже переговорил с вашими друзьями. Вернее будет сказать, мои партнеры с ними переговорили. Мы установили, что инициатива подачи заявки на грант исходила именно от вас.

– И?..

Маркофф окинул собеседника ледяным взглядом:

– Вы слишком в себе уверены. Если будет нужно, я попрошу Тима – и он сломает вам руку.

– Или Тома! – воскликнул один из близнецов на своем посту у двери.

– Или Тома, – согласился Маркофф. Он посмотрел на близнецов. – Ты не волнуйся, Том, у него две руки. Хватит вам обоим. – Потом он снова повернулся к Олтмэну и, приподняв бровь, посмотрел на него.

– Понятно, – пробормотал Олтмэн.

– Так-то лучше. Ваша заявка на грант для изучения кратера была удалена из базы данных, и сейчас она засекречена. Все исследования в Чиксулубском кратере переходят в руки военных.

– Значит, я был прав, – произнес Олтмэн.

– В чем?

– Вы не просто пытаетесь достать свой аппарат. Вы хотите добраться до того, что находится на дне кратера.

– А вы умный мальчик, – протянул Маркофф. – Возможно даже, слишком умный. Цель моего визита: выяснить, как много вам известно, и, соответственно, определить, достойны ли вы войти в нашу команду. Если да, то я разрешу вам присоединиться к ней – с рядом ограничений, конечно же. В противном случае мне придется думать, как же с вами поступить.

– И что вы можете со мной сделать?

Маркофф пожал плечами:

– Может быть, отправлю вас назад, в ваш сектор. Может, упрячу за решетку, пока мы не закончим проект. А возможно, придется принять несколько более серьезные меры. – (За его спиной близнецы переглянулись и довольно заулыбались.) – Я думаю, мистер Олзмэн, решать это вам. – Маркофф выпрямился на стуле и положил руки на стол ладонями вниз. – Итак, начнем?

И Маркофф приступил к неспешному допросу:

– Каким образом вы догадались, что в кратере происходит нечто необычное?

– Я зафиксировал гравитационную аномалию.

– Не сигнал?

Олзмэн покачал головой:

– Нет, сигнал появился позже.

– Кто сообщил вам о нем?

Олзмэн заколебался. Хотелось соврать, но он сообразил, что это не имеет никакого значения, ведь Хэммонд мертв.

И тут внезапно у Олзмэна словно щелкнул в мозгу переключатель: он вспомнил, где видел человека в очках.

– Мне рассказал Чарльз Хэммонд. Полагаю, ваши партнеры его знали.

Маркофф обернулся к Терри. Тот на мгновение замер в нерешительности, но потом кивнул.

– Но мы его не убивали! – выпалил Тим.

– Нет, мы его не убивали... – повторил Том.

– Мальчики, здесь не трибуна, – прервал их Маркофф. – Терри, давай ты забереешь Тима с Томом и подождешь меня снаружи.

Троица потихоньку покинула кухню.

– Откуда мне знать, что вы именно тот, за кого себя выдаете? – прямо спросил Олзмэн.

Маркофф пристально посмотрел на собеседника.

– Я все ждал, когда вы доберетесь до этого вопроса, – сообщил он. – Варианта два: или я говорю правду, или нет. В первом случае имеет смысл быть со мной откровенным – это поможет вам принять участие в экспедиции. Если же нет, вам все равно некуда деваться. Скажете вы мне всю правду или не скажете, в любом случае заработаете кучу неприятностей. Итак... как по-вашему, что вам известно?

«Пожалуй, все выглядит правдоподобно, – подумал Олзмэн. – Мне известно, что „Дреджер корпорейшн“ сотрудничает с военными, чтобы вытащить свою подводную лодку, поэтому вполне вероятно, что этот Маркофф именно тот, за кого себя выдает. Весь фокус теперь будет в том, как бы сказать ему достаточно, чтобы он взял меня в экспедицию, и в то же время не слишком много – иначе он решит, что уже вытащил из меня все возможное и я ему больше не нужен».

Он сделал глубокий вдох и сказал:

– Я полагаю, в центре кратера что-то есть. И это не природный феномен, а нечто иное.

– Продолжайте.

– Если судить по месту его расположения, объект должен находиться там очень-очень давно.

– Насколько давно?

– Вероятно, несколько тысяч лет. Как минимум.

– Почему вы так считаете?

– Юкатанские майя сложили вокруг него целую мифологию. Они называют его «хвостом дьявола».

Во взгляде Маркоффа появилось новое, непонятное выражение.

– Вы сообщили интересную новость. Как вам удалось это узнать?

– Я расскажу больше, если возьмете меня в свой проект.

Маркофф, поджав губы, кивнул:

– Хорошо, пока вам это сойдет с рук. Но все-таки что это такое, по вашему мнению?

– Да хрен его знает.

– В моей команде нет места для людей, у которых нет воображения. Чем, по-вашему, это может быть?

Олтмэн опустил взгляд на стол, на свои сжимающие столешницу руки, потом посмотрел на сидящего напротив Маркоффа; его руки по-прежнему спокойно лежали ладонями вниз.

– Я сперва решил, что это может быть артефакт, оставшийся от какой-то древней цивилизации, но... Я много размышлял об этом, и единственное иное объяснение, которое приходит на ум, меня пугает. – Олтмэн поднял голову и посмотрел в глаза военному разведчику. – Мы имеем объект, который посылает упорядоченный сигнал из центра гигантского кратера, объект, который покоится там, возможно, с момента образования впадины – тысячи или сотни тысяч лет. Быть может, даже миллионы. Что, если кратер возник в результате падения не астероида, а этого самого объекта?

Маркофф покивал.

– А это говорит о том, – продолжил Олтмэн, – что объект прибыл к нам из глубин космоса. В свою очередь, этот факт наводит на мысль, что он был послан на Землю представителями разумной жизни из другой галактики.

– А отсюда встает вопрос: почему он начал передавать сигнал? – подхватил Маркофф.

– И кому он его передавал? И что именно?

Некоторое время они сидели молча.

– Если все действительно так, – нарушил тишину Олтмэн, – это кардинальным образом изменит все наши привычные представления о жизни.

Маркофф опять закивал, убрал руки под стол, а когда они снова появились в поле зрения, в одной из них был зажат пистолет.

– Эх, Олтмэн, Олтмэн, – вздохнул он, – Что же мне с вами делать?

– Вы мне угрожаете? – повысив голос, спросил Олтмэн.

Он очень надеялся, что вопрос прозвучал достаточно жестко и гневно и Маркофф не различил тщательно скрываемого страха.

– Должен признать, вы зашли в своих догадках слишком далеко, чтобы я мог взять вас и отпустить. Слишком даже далеко, чтобы просто засунуть за решетку. Теперь я должен выбрать: то ли убить вас, то ли взять с собой.

Олтмэн медленно поднял руки и, уже не скрывая дрожи в голосе, произнес:

– Лучше бы вы взяли меня с собой.

– Неудивительный выбор, если принять во внимание все обстоятельства. Итак, взять в экспедицию или убить? – размышлял вслух Маркофф. – Нужно оценить преимущества обоих вариантов. Есть у вас что добавить, чтобы склонить чашу весов в свою пользу? Может, вы забыли мне что-нибудь рассказать?

Олтмэн скрестил руки на груди и старался ими не шевелить из опасения, что Маркофф заметит, как его трясет от страха. Во рту пересохло. Голос Олтмэна, когда он заговорил, дрожал:

– Есть еще одна вещь.

– Слушаю вас, – произнес Маркофф и между делом взвел курок.

– Местные кое-что обнаружили. Странное существо, гуманоидное, но не человек. Они убеждены, что оно связано с происходящим в кратере. Они сожгли его, но на берегу еще сохранились останки, и вы можете их изучить. Я отведу вас туда.

– Это все?

Олтмэн сглотнул и с трудом выговорил:

– Да, все.

– Прощайте, мистер Олтмэн. – С этими словами Маркофф поднял пистолет и, прицелившись в голову, медленно потянул за спусковой крючок.

Олтмэн закрыл глаза и заскрежетал зубами. Он услышал, как щелкнул курок, но выстрела не последовало.

Он открыл глаза. Маркофф пристально его разглядывал.

– Я просто пошутил. Пистолет не был заряжен. Я вовсе не собирался вас убивать. Добро пожаловать в команду.

Он встал и протянул руку. Однако Олтмэн еще не пришел в себя и даже не пошевелился. Маркофф едва ли не силой развел его руки в стороны и пожал правую.

– За вами будут тщательно наблюдать. Вы не сможете самовольно покидать базу, но должны быть всегда наготове, если вдруг мне понадобится. – Он придвинулся вплотную к Олтмэну и негромко добавил: – А если вы меня предадите, я вас убью. Ясно? Кивните, если поняли.

Олтмэн кивнул.

– Отлично, – сказал Маркофф и направился к двери. – Я пришлю Терри, чтобы он помог вам собраться.

– Хорошо, – еле слышно произнес Олтмэн.

Взявшись за дверную ручку, Маркофф остановился, секунду-другую помедлил и, не оборачиваясь, сказал:

– Да, остается ваша подружка, так?

«Вот дерьмо!» – подумал Олтмэн.

Маркофф повернулся и уставился на Олтмэна испытующим взглядом:

– Что же нам с ней делать?

– Вам нет нужды беспокоиться из-за Ады, – быстро проговорил Олтмэн.

Он постарался при этом сохранить хладнокровие и ни единым мускулом лица не выдать тревогу. Однако голос предательски дрожал.

– Но я беспокоюсь, – заявил Маркофф. – Считайте, мистер Олтмэн, что это моя прихоть.

– Послушайте, – с отчаянием произнес Олтмэн, – я могу понять, зачем вам брать с собой меня, но Ада – совсем другое дело. Она никак не связана с этой историей. Она даже пыталась убедить меня не лезть в нее. Оставьте ее в покое.

Маркофф улыбнулся:

– Знаете, Олтмэн, вы сию секунду продемонстрировали, что весьма равнодушны к своей подружке, и я положительно не могу оставить ее в покое. Я думаю, она имеет шансы оказаться нам полезной.

– Что вы собираетесь с ней делать?

– Мистер Олтмэн, мистер Олтмэн, – протянул Маркофф, – вы задаете слишком много вопросов.

Он открыл дверь и вышел.

33

Пока Олзмэн собирал вещи, Терри с близнецами стояли рядом, не спуская с него глаз, и ежеминутно поторапливали. У него конфисковали телефон, эйчпод, а также стационарный компьютер. Близнецы уложили вещи в контейнер, запечатали и вынесли из комнаты.

– Вы получите все обратно – после того, как Маркофф посмотрит, – сообщил Терри. – Кроме, правда, телефона.

– Могу я хотя бы позвонить Филду и сказать, что не появлюсь на работе?

– Нет.

– Мне нужно некоторое время, чтобы закончить дела...

– Нет.

– А как же моя семья? Они будут беспокоиться...

– Вы нас задерживаете. Все это несущественные мелочи. Единственное, что важно, – это делать свою работу, и делать ее хорошо. Если будете упорствовать, я позвоню мистеру Маркоффу, и тогда посмотрим, вправду ли он так сильно желает взять вас с собой.

– И что тогда? – поинтересовался Олзмэн. – Убьете меня, как убили Хэммонда?

Терри поморщился:

– Вы меня обижаете. Да, действительно, я видел, как он умирает, но лично я не имел к этому никакого отношения.

– Значит, это сделали Тим или Том.

– Они тоже ни при чем.

Олзмэн посмотрел на Терри и с удивлением обнаружил, что тот по-настоящему смущен и, более того, выглядит на удивление беззащитным.

– Что произошло? – спросил Олзмэн.

– Мы просто собирались задать ему несколько вопросов, а он возьми и выйди из себя. Только что убегал, а уже в следующее мгновение попытался нас убить. – Терри показал неровный красный шрам на руке. – Мы даже не имели при себе оружия. Таннер послал нас просто поговорить с ним. – Он потер глаза костяшками пальцев и продолжил: – А потом он вдруг выхватил нож и мигом перерезал себе горло. Никогда не видел, чтобы человек с такой скоростью едва не отчекрыжил себе голову. Мне эта картина с тех пор по ночам снится. – Терри резко выпрямился, и лицо его снова приняло бесстрастное выражение. – Мне по барабану, если меня обвиняют в том, что я действительно сделал, но не надо обвинять меня в том, чего я не делал. Давайте пошевеливайтесь.

Они быстро шли по улицам в направлении офиса «Дреджер корпорейшн». Терри держал Олзмэна за руку и постоянно подгонял. Несколько человек с любопытством проводили их взглядами, но большинство делало вид, что не замечает, или демонстративно смотрело в противоположную сторону. Вокруг штаб-квартиры корпорации появилась защитная ограда из сварной проволоочной сетки. Здания как такового за оградой не было – старое снесли, а на его месте возводили конструкцию из бетона и стальных панелей, больше похожую на мощную крепость, а не на офисное здание.

– Я смотрю, тут кое-что поменялось, – заметил Олзмэн.

Терри кивнул:

– Вы еще многого не знаете.

Он провел Олзмэна вокруг строящегося сооружения, за которым оказалась бетонная площадка. На ней стоял вертолет с вращающимися лопастями. Терри подтолкнул Олзмэна в спину, и он забрался внутрь.

В салоне уже сидела Ада. Лицо ее осунулось, мышцы были напряжены. Олзмэн занял место рядом, и девушка сразу же прильнула к любимому.

«Как это на нее не похоже, – с тревогой подумал Олзмэн. – Она, должно быть, чертовски напугана».

Практически в ту же секунду вертолет поднялся в воздух.

– Я так о тебе беспокоился. – Олзмэн вынужден был кричать, чтобы Ада услышала его за ревом двигателя. – Боялся, они могли с тобой что-нибудь сделать.

– И я о тебе беспокоилась. Ты в порядке?

Он изобразил улыбку:

– Необратимых повреждений нет.

– Майкл, ты знаешь, куда нас везут?

– Боюсь, что нет, – признался Олзмэн.

– А я тебе говорила! Все это добром не кончится – так я сказала. Просила же не вмешиваться в эту историю. Но разве ты слушаешь? – с горечью в голосе произнесла Ада.

– Ну, еще не конец.

Олзмэн посмотрел в иллюминатор. Вертолет сменил курс и теперь летел над водой, уже достаточно далеко от берега. Олзмэн перевел взгляд на других пассажиров. Терри в салоне не оказалось: либо он остался на земле, либо находился в кабине вместе с пилотом. Олзмэн насчитал восьмерых. Он их узнал – все это были ученые, хотя с некоторыми он вообще не был знаком и видел лишь мельком. Среди них оказался и Филд. Вид у соседа Олзмэна по лаборатории был такой, будто его сейчас стошнит.

Находились в вертолете и Скуд с Шоултером. Олзмэн встал и, держась за висевшие под потолком ремни, подошел к товарищам.

– Где Рамирес? – крикнул он.

– Он не поддался на уговоры, – ответил Шоултер.

– И что с ним сделали?

Шоултер только пожал плечами.

– Вам предоставили выбор? – спросил Олзмэн.

– Что? – не понял Скуд. – Почему нас всех собрали?

– Я говорю: у вас был выбор?

– Нет! – прокричал Шоултер. – Мы были вынуждены согласиться.

– Вы знаете, куда нас везут? – спросил Скуд.

– Я сам хотел вас спросить, – покачал головой Олзмэн и прошел обратно на свое место.

– Они ничего не знают, – сообщил он Аде. – Никто не в курсе, куда мы направляемся.

Летели они часа три. По положению солнца на небе Олзмэн прикинул, что двигался вертолет на северо-запад или запад-северо-запад, хотя сказать наверняка было затруднительно. В какой-то момент ему даже показалось, что они повернули на юг. Интересно, сколько быстро может перемещаться вертолет? Семьдесят пять миль в час? Или все сто? Так или иначе, похоже, они удалились на значительное расстояние от берега.

«Может быть, нас собираются убить? – невесело размышлял Олзмэн. – Посадили всех в один вертолет, а потом устроят аварию».

Если он прав, сделать ровным счетом ничего нельзя. Все они уже практически покойники.

Смирившись с неизбежным, Олзмэн сидел на скамейке, наполовину оглохший от шума лопастей, и обнимал Аду. В том, что она оказалась здесь, была исключительно его вина, и Олзмэн просто не находил себе места.

Напротив сгорбилась усталый и осунувшийся Скуд.

Время, казалось, замедлило ход.

Шум лопастей стал немного тише, и вертолет заметно сбавил скорость. Все находившиеся в салоне прильнули к иллюминаторам. Внизу, над водой, простиралось почти идеально симметричное облако тумана. Вертолет начал опускаться.

В тумане Олтмэн различал вспышки. Вот сверкнуло в одном месте, потом в другом. Что-то металлическое: балка или опора. Вертолет медленно снижался, и вращающиеся лопасти разрывали сплошное облако на отдельные клочья. Олтмэн увидел верхнюю часть огромного купола. Голубоватое стекло было влажным; подсвеченное изнутри, оно переливалось всеми цветами радуги. Вертолет опустил почти к самому куполу и завис, наверное, метрах в десяти над ним. Олтмэну показалось, что внутри мелькают лица. Металлические опоры и сегменты из стекла были усеяны тысячами крошечных форсунок, и все они выбрасывали небольшие струйки тумана.

Внезапно форсунки прекратили работу. Туман несколько секунд повисел вокруг куполообразного сооружения, а потом начал медленно рассеиваться. Теперь Олтмэн смог наконец разглядеть целиком купол и то, что находилось под ним.

Это была настоящая гигантская плавучая база нескольких сот футов в диаметре. Она состояла из целого ряда стеклянных или пластиковых куполов, соединенных между собой, и напоминала лягушачью икру. Большая ее часть уходила под воду на приличную глубину. Собственно говоря, ниже поверхности располагалась примерно такая же часть, как и выше, а то и больше.

На верхушке центрального купола, к которому сходились металлические подпорки, имелась ровная площадка. К ней пилот и направил, очень медленно и аккуратно, свою машину. Вот она опустилась на площадку, но одно колесо зависло в воздухе, и вертолет накренился. Пилот снова поднял его и предпринял вторую попытку. На этот раз он опускался еще медленнее и смог посадить вертолет точно.

Дверь открыли снаружи. Двое мужчин в темной военной форме жестами приказали вылезать.

Олтмэн ожидал, что плавучее сооружение будет качаться вверх-вниз на волнах, но из-за огромных размеров качка практически не ощущалась. Он спрыгнул на палубу, повернулся и помог спуститься Аде. За ней из вертолета потянулись и остальные. Один за другим они проследовали к люку и, спустившись по короткой лесенке, оказались на горизонтальной платформе под самой крышей купола. Посередине платформы находилась сделанная из того же прозрачного материала шахта, одна сторона ее была открыта. В то же мгновение в шахте появился лифт.

Конвоиры молча указали на него и загнали ученых в кабину. После этого лифт пошел вниз.

Только теперь, когда они покинули платформу и с малой скоростью двинулись в недра базы, Олтмэн смог в полной мере оценить, насколько же огромен этот уникальный объект. Сейчас они находились на высоте около сорока-пятидесяти футов внутри гигантского прозрачного и практически пустого купола. Неровный свет озарял стеклянные стены и отбрасывал причудливые тени. Собственно, это скорее была полусфера, а не купол; нижняя ее часть представляла собой сплошной пол. Вероятно, внизу находилась подобная же, но только перевернутая полусфера, однако судить об этом наверняка Олтмэн не мог.

По всему полу были в беспорядке расставлены штабеля коробок и ящиков с частично собранными (или, возможно, частично разобранными) механизмами. На каждом шагу встречались люди в мундирах. Некоторые из них застыли по стойке смирно – очевидно, будучи на посту, другие ходили с деловитым видом, выполняя какие-то поручения, но большинство праздно шаталось или разговаривало, – вероятно, они были свободны от службы. Кое-где группы военных под командованием офицеров в белых кителях передвигали оборудование.

Когда лифт остановился, прибывших с вертолета встретили два новых охранника. Скуд хотел было задать вопрос, но его быстро прервал человек в форме:

– Разговорчики!

Охранники дождались, когда люди выйдут из лифта, а потом повели их куда-то через огромное подкупольное пространство. Собравшиеся группками военные замолкали с приближением конвоируемых ученых и долго провожали их взглядами. Над головой послышался приглушенный рев взлетающего вертолета. В ту же секунду форсунки снова начали выбрасывать струи пара, и окружающий мир сразу же растворился в облаке густого тумана.

Рассеянный свет вокруг потускнел, так что сделалось мрачно. Кто-то прокричал команду, и через мгновение вспыхнули расположенные рядами вдоль опор флуоресцентные лампы, резавшие глаз. Помещение наполнилось холодным безжизненным светом, так что кожа у всех приобрела мертвенный оттенок.

Олтмэн со товарищи добрались до стены и, пройдя раздвижную дверь, оказались в соседнем, куда меньших размеров, куполе. Дальше путь вел через шлюз, по коридору, огибавшему уже третий по счету купол и плавно уходившему вниз.

Примерно на середине коридора Олтмэн обратил внимание, что за прозрачной стеной плещется вода и с каждым шагом уровень ее все повышается. Слегка изменились и окружающие звуки – ощущение было такое, будто все здесь обернуто в тонкий слой войлока. Олтмэн постучал ногтем по стенке коридора и услышал только глухой, не дающий эха звук. Какое-то существо с бледным вытянутым глазом выскользнуло из глубины, привлеченное ударами по стеклу, развернулось и снова исчезло в темноте. Еще через несколько шагов вода поднялась над головой идущих и сомкнулась над коридором – они оказались ниже уровня моря.

Наконец коридор закончился, и ученые оказались внутри купола, где из-за окружающей со всех сторон воды все имело зеленоватый оттенок. Рыбы и прочие морские обитатели сновали вокруг плавучей базы, здесь и там к ее поверхности начинали цепляться усонogie раки. Впереди, на некотором расстоянии, виднелись несколько подводных лодок. Они были соединены тросами с базой и медленно тащили ее за собой.

– Как прекрасно! – восхитилась Ада.

– Я бы сказал: ужасно, – не согласился с ней Олтмэн.

Один из сопровождающих больно ткнул его стволом винтовки под ребра и прикрикнул:

– Не разговаривать!

Они добрались до самого низа купола, потом на очередном лифте опустились еще ниже и оказались перед анфиладой одинаковых квадратных помещений. Охранники повели ученых ровной колонной, ежесекундно покрикивая, чтобы они шевелились быстрее. Олтмэн чувствовал себя так, будто его ведут на казнь. Вода за бортом стала заметно темнее. Стены здесь были сделаны в основном из металла, а не из стекла, и все помещения залиты тем же неприятным ярким светом.

Подгоняемые охранниками, они перешли в очередной коридор, который с небольшим уклоном уходил все дальше вниз, и остановились перед шлюзом. Олтмэн прикинул, что сейчас они находятся примерно посередине плавучей базы, хотя и значительно ниже поверхности. Один из охранников открыл люк и кивком пригласил заходить.

Помещение по ту сторону люка напоминало рубку лунного крейсера. Оно имело сферическую форму, а посередине на возвышении располагалось командирское кресло. Вокруг, на расстоянии нескольких шагов, тянулись ряды приборных панелей с кнопками, рычагами, индикаторами и голографическими экранами. Верхнюю половину стен опоясывал непрерывный ряд иллюминаторов. Центральное кресло находилось достаточно высоко над приборами, чтобы обеспечивать беспрепятственный обзор на все триста шестьдесят градусов.

Кресло развернулось, и Олзмэн увидел восседавшего на нем Маркоффа. Тот сверху вниз взглянул на группу ученых и улыбнулся. Здесь, в этой рубке, со своей квадратной челюстью и сверкающими в холодном флуоресцентном свете глазами, окруженный со всех сторон темными морскими водами, Маркофф был похож на монстра, который только притворяется человеком.

– С прибытием вас, – произнес он холодным тоном. – Добро пожаловать в ваш новый дом.

Не сразу, конечно, но в конце концов они привыкли к обстановке. Такой великолепной лаборатории Олзмэн в жизни еще не видел – единственным минусом было то, что ему, как и в Чиксулубе, приходилось делить ее с Филдом. Сам Олзмэн усматривал в этом проявление садизма со стороны Маркоффа и даже гадал, не взял ли тот с собой Филда исключительно с целью позлить его, Олзмэна.

До центра Чиксулубского кратера им еще оставалось три недели пути. Плавучая база передвигалась очень медленно, а иногда, в зависимости от погодных условий, вынуждена была останавливаться. Поначалу Олзмэн думал, что командный центр находится в самой нижней части базы, но вскоре обнаружил: боковые коридоры ведут в целый ряд тесно расположенных прямо под рубкой помещений. И наконец, еще ниже размещался отсек больших размеров – возможно, самый вместительный на судне. Он имел очень высокий потолок, был тщательно загерметизирован, и в нем поддерживалось повышенное давление. Внутри была установлена лебедка и имелся выход наружу. Как рассказал Олзмэну один из ученых, эту секцию смонтировали в последнюю минуту, и предназначалась она специально для покоящегося в центре кратера таинственного объекта.

Куда бы Олзмэн ни пошел, он не переставал изумляться. Плавучая база, созданная в свое время, очевидно, для других целей, буквально на глазах оснащалась самым современным оборудованием. Едва ли не ежечасно прибывали вертолеты и катера, которые доставляли на борт не только новейшие механизмы, но даже приборы, существовавшие пока в виде опытных образцов. О расходах никто не задумывался. Что бы ни находилось в кратере, организаторы экспедиции готовы были пойти на любые затраты, лишь бы добраться до объекта.

Питались посменно в расположенной на борту столовой. Научные работники обитали в комнатах, рассчитанных в основном на шесть человек, хотя было и несколько исключений. Так, Олзмэну и Аде, единственной паре на борту, предоставили в качестве спальни – хотя и с неохотой – помещение бывшей кладовой. В нем едва-едва хватило места, чтобы поставить кровать и узкий канцелярский шкаф, который они приспособили для хранения одежды, но тем не менее Ада с Олзмэном были рады тому, что у них есть возможность уединиться.

После того как Олзмэн познакомился с коллегами, он вынужден был признать, что Маркофф собрал на борту плавучей базы первоклассную команду. Поскольку никто в точности не знал, что скрывается в кратере, руководитель экспедиции подготовился к любой мыслимой ситуации. В состав команды вошли и несколько ученых, чья область исследований находилась на переднем крае науки, так что для них даже еще не существовало определения. Среди прочих были геофизики и астрофизики, специалисты в области робототехники, геологи, морские биологи, генетики, океанологи, инженеры самых разных мастей, специалист по горному делу, океанограф, сейсмолог, вулканолог, гравитолог, философ, эксперт в области когнитивистики, несколько медиков, в их числе врач, специализировавшийся в декомпрессионной болезни и иных повреждениях, связанных с пребыванием на глубине, бесчисленные механики и техники, а также кухонные работники и прочая обслуга. Был на борту даже лингвист, а с появлением Ады добавился еще и антрополог.

Среди ученых были и достаточно известные в свое время личности, которые, однако, уже несколько лет как исчезли из поля зрения общественности. Ни один не рассказывал, чем

занимался в предыдущие годы, а если на них пытались надавить, они отделивались общими фразами, что, дескать, «решили вернуться к работе».

«Можно подумать, они ее бросали», – прошептал Шоуолтер Олзмэну после одной из таких бесед.

Олзмэн с ним согласился – раз эти люди находятся сейчас на борту плавучей базы, значит все это время они тайно работали на военную разведку. Их легко можно было отличить от остальных: они единственные, казалось, ни капли не удивлялись непомерным затратам и усилиям, связанным с экспедицией. Они просто относились к этому как к само собой разумеющемуся.

Но еще сильнее беспокоило Олзмэна присутствие на борту большого числа военных и то обстоятельство, что они постоянно и усердно тренировались. Очевидно – во всяком случае, Олзмэну так представлялось, – они, по мнению Маркоффа, должны быть готовы к ведению боевых действий.

Олзмэн видел три возможных объяснения. Одно, наиболее отрадное, состояло в том, что Маркофф просто был солдатом. Хотя он не думал, что экспедиции может понадобиться помощь военных, в силу своего опыта решил: раз уж они все равно находятся на борту, то должны постоянно пребывать в надлежащей форме. Второе, более тревожное объяснение предполагало наличие конкурентов. Вероятно, Маркофф знал, что объектом в кратере интересуются и другие силы, которые пытаются (или могут попытаться) первыми до него добраться и перехватить добычу у «Дреджер корпорейшн». Третья версия беспокоила Олзмэна больше всего: возможно, Маркофф ожидал, что объект сам способен оказать сопротивление.

Только теперь Олзмэн понял наконец то, о чем должен был уже давно догадаться. Пока у Маркоффа не имеется абсолютно четкого представления о том, чем же является загадочный объект в кратере, он рассматривает его как потенциальное оружие. Может быть, желая извлечь объект, он вовсе не печется о благополучии и совершенствовании человечества и о прогрессе науки.

Олзмэн поделился своими подозрениями с Адой.

– Тебя это удивляет? – спросила девушка. – Маркофф – бесчеловечный тип. Он все рассматривает как возможное оружие. Даже людей. Он очень опасен.

В скором времени Олзмэн обнаружил, что во многие места доступ ему запрещен. Хотя у него и была магнитная карта-пропуск, двери некоторых помещений, отдельных лабораторий – как над уровнем воды, так и ниже его – оставались закрытыми. Порой ему удавалось проникнуть в запретные помещения следом за беспечным ученым или охранником, но каждый раз его быстро обнаруживали, и Олзмэн не успевал как следует осмотреться и понять, что к чему. Были на базе и еще более тщательно охраняемые места – возле них круглосуточно дежурили военные. В одной из таких лабораторий работал Филд, однако разговоры с ним ни к чему не привели. Вряд ли Филд не доверял Олзмэну, просто он не мог охватить всю картину в целом и понять, что же на самом деле происходит на гигантской плавучей базе.

Уже через несколько дней Олзмэн заметил, что за ним следят. В первое время это было не более чем смутное ощущение, но оно все крепло. Поначалу Олзмэн решил, что у него просто разыгралась паранойя, но затем слежку обнаружил и Шоуолтер. Охранники уделяли ему куда больше внимания, чем многим другим ученым. Стоило Олзмэну уединиться в одном из коридоров – как правило, чтобы просто собраться с мыслями, – тут как тут вырисовывался охранник. Некоторые из техников, казалось, тоже испытывали к нему повышенный интерес. Один из них – парень в мятом комбинезоне – всегда оказывался за спиной у Олзмэна, куда бы тот ни пошел.

– Что мне делать? – обратился он за советом к Аде.

– А что ты можешь сделать? – ответила она. – Если они хотят за тобой следить, то и будут. А ты никак не можешь им помешать. Ты в их власти.

Олтмэн понимал, что Ада права. В самом деле, кому он мог пожаловаться? Маркоффу? Тот предоставил три альтернативы: присоединиться к его команде, загреметь за решетку или отправиться на тот свет. Похоже, Маркофф одним выстрелом убил двух зайцев: Олтмэн вошел в состав группы исследователей и в то же время оказался фактически под арестом. Плавающая база служила отличной тюрьмой. Так или иначе, все же это было лучше, чем умереть.

– Как ты думаешь, что происходит? – спросил он Аду.

Она закатила глаза:

– Майкл, я не хочу повторять все сначала. Неужели ты не понимаешь, как опасно задаваться такими вопросами? Ну нельзя нам попасть в некоторые части судна, и что из того? Мы не одиноки. Большинство ученых и исследователей из Чиксулуба находятся точно в таком же положении.

– А Филд? Он имеет доступ...

– Ограниченный доступ, – перебила его Ада. – Всего в одну лабораторию. Я понаблюдала и обнаружила, что Шоултер и Скуд его не имеют. – Она загнула два пальца. – Равно как и многие другие.

Олтмэн ничего не сказал, отвернулся и погрузился в раздумья. Если немного постараться, можно узнать. Все, что требуется, – это подделать магнитный пропуск, и потом...

Ада нарушила ход его мыслей, хлопнув по щеке.

– Даже не пытайся, – погрозила она пальцем.

– Что?

– Знаю я, о чем ты сейчас думаешь. Чтобы выполнять свою работу, тебе вовсе не обязательно иметь доступ ко всему. Так ты только наживешь себе неприятности. А ну-ка, дай мне слово: ты уgomонишься и не станешь ничего выяснять.

Олтмэн долго смотрел на девушку, потом отрицательно покачал головой:

– Я не могу.

Ада хлопнула его по второй щеке и повернулась, чтобы уйти. Олтмэн, совершенно растерянный, смог только протянуть руки и обнять Аду, прижать к себе. Девушка поначалу сопротивлялась, не желая встречаться с Олтмэном взглядом, но тот продолжал ее удерживать, так что в конце концов она расслабилась и успокоилась.

– Ты меня никогда не слушаешь, – печально произнесла Ада. – Я вечно права, а ты не слушаешь.

– Я тебя всегда слушаю, – возразил Олтмэн, – вот только не всегда поступаю, как ты говоришь.

Ада наконец посмотрела ему в глаза:

– Черт возьми, Майкл. Обещай, что на этот раз ты будешь осторожен. Поведешь себя благоразумно. Дай слово, что не станешь нарываться на неприятности.

– Хорошо, – сказал Олтмэн и отпустил Аду. – Это я могу.

И он был осторожен. В последующие дни Олтмэн больше разузнал о плавающей базе, переговорил с несколькими механиками и техниками. Он выяснил, что судно представляет собой переделанную буровую платформу; половина его при движении находилась над водой, половина – под. Окружавший судно туман, или, как говорили техники, «эффект затуманивания», создавался форсунками большой мощности. Отверстия в них имели диаметр менее ста микрон. Вода под давлением направлялась на форсунки и, проходя через мельчайшие отверстия, распылялась на крохотные капли. Последние были так малы, что большинство из них оставалось висеть в воздухе, создавая туманную завесу. Конечно, при наличии

современного оборудования ни для кого не составило бы труда определить, что скрывается в облаке, но для того, чтобы удерживать на расстоянии чрезмерно любопытствующих, этого было вполне достаточно.

На второй или третий день к Олзмэну в столовой подсел крупный мужчина с чрезвычайно курчавой рыжей бородой. Он протянул огромную кисть и представился:

– Джейсон Хендрикс. Вы ведь новичок?

Олзмэн кивнул и в свою очередь назвал себя:

– Майкл Олзмэн. Да, я здесь совсем недавно.

Хендрикс в ответ добродушно улыбнулся, чем немедленно завоевал симпатию Олзмэна:

– Все мы здесь недавно. Сам я прибыл буквально неделю назад.

Он приступил к еде, и моментально его борода оказалась полна крошек.

– Майкл, что вас привело сюда?

Олзмэн на несколько секунд задумался над ответом и наконец решился:

– Боюсь, у меня просто не было выбора.

– Ну а я пилот, – сообщил Хендрикс. Он запустил руку в бороду и принялся энергично вытряхивать крошки, после чего вытер ладонь о рубашку. – Управлял в основном подводными лодками. Прошел обучение на подлодках среднего класса в ВМФ. Также работал с глубоководными аппаратами на одну строительную фирму.

– Вы, наверное, получаете от этого удовольствие, – предположил Олзмэн.

– Да, мне нравится моя профессия. Еще я некоторое время работал в Карибском море на охотников за сокровищами. Но пришлось пересмотреть свое отношение к этим делам, когда я понял, что меня подрядили отыскать утонувший корабль, под завязку набитый героином.

– Надо полагать, это было правильное решение.

– Вероятно, – сказал Хендрикс и улыбнулся. В уголках глаз образовались дружелюбные морщинки. – Хотя, возможно, не откажись я от этой работы, сейчас был бы богачом. Или забрался бы очень-очень высоко. По-вашему, в этом деле передо мной встанет такая же этическая дилемма?

Они встретились за тем же столом на следующий день и через сутки, и вскоре Олзмэн стал относиться к Хендриксу как к другу, как к человеку, которому он может довериться. За эти дни Хендрикс подробно рассказал ему, чем занимается на судне. Он входил в команду батискафа, состоявшую всего из двух человек. Здоровяк признался, что имеет небогатый опыт работы с батискафами, но ничуть по этому поводу не волнуется – до прибытия на место оставалась еще уйма времени.

– Меня назначили вторым пилотом, а первый – какой-то исследователь подводного мира по имени Эдгар Морсби, – поведал Хендрикс. – Чуваку уже под семьдесят, а кожа у него выглядит так, будто ее пересадили. Пьет как сапожник, и, насколько я могу судить, пилот из него тот еще. Утверждает, что он потомок Роберта Морсби.

– Кого?

Хендрикс пожал плечами:

– Меня не спрашивайте. Какой-то британский гидрограф и морской офицер. Он помнит эту знаменитость при каждом удобном случае.

Морсби не выказывал ни малейшего интереса к тренировкам Хендрикса. Он заявлял, что может управлять батискафом хоть пьяный, хоть во сне и не нуждается в помощниках.

«Да, приятель, я частенько так и делал, – рассказывал он Хендриксу. – Если хочешь знать мое мнение – когда ты под градусом, работа получается лучше всего».

Тем не менее, пока у него была такая возможность, выпивать Морсби предпочитал уединенно на своей койке.

– Он ставит меня в затруднительное положение, – признался Хендрикс. – Я не могу тренироваться в батискафе один. Вдруг что-нибудь случится?

Олзмэну пришлось подождать несколько секунд, прежде чем ответить, чтобы не выдать свое нетерпение.

– Я отправлюсь с вами, – по возможности небрежным тоном предложил он.

– Правда? – переспросил Хендрикс и тепло улыбнулся. – Это было бы здорово.

Олзмэн был уверен, что Маркофф прознает о его планах и не позволит им осуществиться, но нет – то ли информация до Маркоффа не дошла, то ли ему просто не было дела до того, что Олзмэн выходит в море на батискафе. Ничего нового во время совместных с Хендриксом тренировок он не узнал, но, по крайней мере, не сидел сложа руки.

Кроме того, Олзмэн быстро обнаружил в себе талант к управлению батискафом. Он на уровне инстинктов чувствовал, какие кнопки нажать и какие рычаги потянуть, чтобы батискаф повел себя как нужно. Если требовалось опустить или поднять его на заданную глубину, он всегда знал, сколько нужно закачать воды или высвободить балласта, чтобы движение было плавным и аппарат вышел в точности на требуемую отметку. В общем, от управления батискафом – занятия, непривычного для геофизика, – Олзмэн получал настоящее удовольствие.

– Вам нужно быть пилотом вместо меня, – в один прекрасный день сообщил ему Хендрикс.

– Оно конечно, – согласился Олзмэн, – но сомневаюсь, что Маркофф даст на это добро.

Однако, к его удивлению, когда Хендрикс обратился с просьбой к Маркоффу, тот согласился. Было бы хорошо иметь запасного пилота, заявил Маркофф, на случай если что-то пойдет не так. Но это отнюдь не значило, что Олзмэна освободили от прочих обязанностей. Он по-прежнему должен был выполнять указания руководителей проектов и фиксировать данные замеров по своей тематике. Просто теперь его иногда просили снять нужные показания под водой, из кабины батискафа.

34

До центра кратера оставалось еще шесть-семь дней ходу, когда Маркофф внезапно решил подвергнуть батискаф серьезной проверке в деле. Грузовое судно должно было доставить Хендрикса и Морсби вместе с аппаратом миль на тридцать от базы. Там им следовало достичь дна океана и проверить в работе подачу воздуха, связь, сонар, освещение и прочее, а также снять показания с различных приборов. Планировалось, что исследователи проведут на максимальной глубине по крайней мере час, а потом поднимутся на поверхность. Сопровождать батискаф, на случай если понадобится помощь, должны были две подводные лодки.

Незадолго до назначенного времени отправления на пороге каюты Олтмэна возник Хендрикс. Вид здоровяк имел встревоженный.

– У меня проблемы, – объявил он. – Это все Морсби. Он со вчерашнего вечера – как только узнал, что нам предстоит погружение, – в запое.

– Он сможет управлять батискафом?

– Ну, в данную минуту он даже «кыш» сказать не может. Я попытался привести его в чувство, но нужно было следить за погрузкой батискафа. Скажите, вы могли бы...

Он умолк в ожидании ответа.

– Может, стоит поговорить с Маркоффом? – предложил Олтмэн.

– Он уже один раз предупредил Морсби, – покачал головой Хендрикс. – а мне не хочется, чтобы его вышвырнули вон. Я понимаю, что прошу слишком многого, но, может, вы заглянете к нему, посмотрите, нельзя ли что-нибудь сделать?

Олтмэн кивнул:

– Хорошо. Но я это делаю не для Морсби, а для вас.

– Спасибо, дружище, – улыбнулся Хендрикс. – Я ваш должник.

После долгого пути по коридорам и трапам Олтмэн наконец добрался до каюты, которую делили Морсби и Хендрикс, и постучал в дверь. Никто не отозвался. Олтмэн выждал несколько секунд и снова постучал. Когда же и на этот раз ему не ответили, он подергал за ручку двери и, обнаружив, что та не заперта, вошел.

Каюта представляла собой тесное помещение с двумя койками: верхнюю занимал Хендрикс, нижнюю – Морсби. В воздухе висел запах блевотины. Морсби застыл в неловкой позе: частично на койке, частично на полу, неподвижный, будто труп. Олтмэн подошел и потряс его за плечо.

Поначалу Морсби никак не реагировал, однако Олтмэн продолжал его тормошить, и через несколько минут потомок известного гидрографа тихонько застонал, продрал глаза, но тут же их закрыл.

Олтмэн затряс его с удвоенной силой, потом хлопнул по щеке.

Морсби моргнул и закашлялся.

– Подождите минутку, я приведу себя в чувство, – прохрипел он и стал искать стоявшую на полу возле койки бутылку.

– На сегодня вам хватит, – заявил Олтмэн. – Давайте уже вставайте.

– Да кто вы такой, чтобы указывать, что мне делать? – вспылil Морсби. Он попытался встать, но при этом чуть не свалился с койки. – Ей-богу, я ведь Морсби, потомок самого...

Он все еще невнятно повторял свою родословную, пока Олтмэн вытаскивал его в коридор, а потом засунул – прямо как был, одетого, – под душ и включил на полную мощность холодную воду. Морсби заорал, словно его убивали. Десять минут спустя он успокоился и переоделся в сухое. Он был бледен, от него воняло кислятиной, руки еще тряслись, но выглядел он теперь более или менее пристойно.

– Вы в порядке? – спросил Олтмэн.

– Это просто нервы. Как только мы окажемся там, я буду в норме.

Олтмэн кивнул.

– Вы ведь никому не расскажете? – пробормотал Морсби, избегая встречаться взглядом с Олтмэном.

– Хендрикс просил меня не делать этого, в противном случае я бы рассказал.

Олтмэн отвел Морсби в отсек для подводных лодок. Там Маркофф собирался провести смотр своих бойцов, перед тем как отправить их на глубину. Экипажи субмарин уже находились на месте. Так же, как и батискаф.

– Оставайтесь здесь, – сказал Олтмэн.

– А вы куда?

– Пойду искать Хендрикса.

Все могло бы случиться по-другому, если бы Олтмэн быстрее нашел Хендрикса или если бы члены экипажей подлодок проследили за Морсби. Или явись Маркофф сразу же после их появления в отсеке – пока Морсби не успел очухаться и передумать, – а не заставил бы ждать себя почти полчаса. Так или иначе, Олтмэн прибыл вместе с Хендриксом буквально за несколько секунд перед Маркоффом, и только когда руководитель экспедиции начал речь, Олтмэн с ужасом понял, что Морсби нигде не видно.

Маркофф отнесся к проверке самым серьезным образом. На нем была надета свежеевыглаженная форма, а по обеим сторонам стояли два охранника. Маркофф поблагодарил командиров и экипажи субмарин, всех техников за проделанную работу и напомнил, что лодки должны находиться в полной готовности рядом с грузовым судном на случай, если что-то произойдет и батискаф не сможет самостоятельно подняться на поверхность. Что же касается батискафа, если по какой-либо причине Хендрикс и Морсби...

Маркофф умолк на полуслове.

– Где Морсби? – произнес он ледяным тоном.

Хендрикс оглянулся по сторонам:

– Сэр, буквально минуту назад он был здесь.

Его обнаружили охранники. Морсби ухитрился найти где-то бутылку и почти управиться с ней. Будучи мертвецки пьяным, он вывалился из лифта и свернул себе шею. Олтмэн полагал, что виноват в случившемся он сам.

«Надо было внимательнее за ним следить», – упрекал он себя.

Обернувшись, он встретился взглядом с Хендриксом и понял, что у него на уме те же мысли, здоровяк также считает виноватым себя.

Маркофф, однако, как будто и не заметил трагедии. Он с ходу отверг просьбу Хендрикса перенести спуск на день из уважения к погибшему.

– Это только к лучшему, – заявил он, когда увидел тело Морсби. – Теперь мы можем быть уверены, что получим исчерпывающие данные геофизических исследований. Олтмэн, вы согласны со мной?

Ему пришлось повторить это дважды, прежде чем Олтмэн сообразил, что вопрос обращен к нему.

– Да, конечно, – вымолвил Олтмэн, изо всех сил стараясь не смотреть на тело, не думать о том, под каким ужасным, невыносимым углом вывернута голова несчастного Морсби.

Они не проронили ни слова, пока грузовое судно доставляло их к точке погружения. Батискаф тащился на буксире позади. В назначенном месте охранники помогли Олтмэну и Хендриксу забраться в глубоководный аппарат.

– Меня еще немного трясет, – признался Хендрикс. – Все-таки я жил в одной каюте с Морсби. Если вы относитесь к этому менее трепетно, то будете управлять.

Хотя Олзмэна и самого слегка потряхивало, он все же был рад возможности сосредоточиться на управлении батискафом и отвлечься от неприятных воспоминаний. В скором времени они достигли дна океана, и батискаф совершил мягкую посадку.

– На какой мы глубине? – спросил Олзмэн.

– По сравнению с той, которая ждет нас в центре кратера, это все цветочки, – отозвался Хендрикс. – Думаю, две тысячи метров.

– Вам доводилось опускаться так глубоко?

Хендрикс покачал головой:

– Еще ни разу.

«Как же здесь тихо и мирно, – подумал Олзмэн. – Будто оказался на краю света».

Он почти полностью успокоился. Ему нравилось просто сидеть и слушать негромкое жужжание установок рециркуляции кислорода, смотреть в иллюминатор на темный и практически пустынный подводный мир.

35

Прошла неделя, и они достигли наконец точки назначения. Все находившиеся на борту плавучей базы горели желанием приступить к работе. Поначалу показания снимали с приборов, установленных на катере, который покачивался на поверхности океана недалеко от базы. Филд работал вместе с Олзмэном. Он записывал собственные показания и перепроверял Олзмэна. Однако по мере приближения вечера лицо Филда становилось все более зеленым, и последний час он провел, перегнувшись через борт и исторгая в море содержимое желудка.

На следующее утро стонущего, перепачканного блевотиной Филда доставили обратно на базу, и на катере остались только Олзмэн с Хендриком. Они опустились в батискафе на тысячу метров, записали там данные приборов и стали ждать, когда Маркофф разрешит продолжить погружение. Получив добро, исследователи достигли глубины две тысячи метров и вновь сняли показания.

– Кажется, ничего сложного, – заметил Олзмэн.

Хендрик пожал плечами:

– В принципе, да. Единственная проблема: на такой глубине связь становится неустойчивой. Мы не можем быть уверены, что наши данные получают наверху.

– Мы можем оказаться отрезаны?

– Да в общем-то, все это ерунда, – отмахнулся Хендрик. – Беспокоиться абсолютно не о чем, пока все идет в штатном режиме.

Олзмэн посмотрел в передний обзорный иллюминатор, и ему показалось, что он видит далеко внизу крохотные огоньки – там трудились роботизированные землеройные машины. Однако разобрать что-либо он не мог – расстояние было слишком велико.

– Можем опуститься до отметки три тысячи метров, записать там показания и потом вернуться, – предложил Олзмэн. – Воздуха для этого более чем достаточно. Но командуете здесь вы. Что скажете?

– Вы слышали о другом батискафе?

– Я видел запись, – ответил Олзмэн.

– По-вашему, что у них случилось?

– Не знаю.

– Вас это совсем не беспокоит?

– Ну, не знаю. Я хочу узнать, что произошло, но точно не тревожусь из-за этого. А вы волнуетесь?

Хендрик кивнул.

– Ладно, давайте не будем торопить события. В то же время, если я правильно понимаю показания приборов, импульс возобновился.

– В самом деле? – воскликнул Олзмэн, с трудом скрывая возбуждение. – Вы уверены?

Хендрик задумался, потом медленно кивнул:

– Сигнал совсем слабенький – я зафиксировал его на глубине две тысячи, а на тысяче он отсутствовал, – но он все же есть.

– Но что бы это значило? Почему он возобновился? – не мог успокоиться Олзмэн. – Может, все же лучше продолжить погружение? Кто знает, сколько он еще продлится? Надо записать его, пока не поздно.

Но Хендрик, который в течение нескольких секунд сидел, прижав к уху наушник, покачал головой:

– Уже поздно. Нам приказывают подниматься.

Они довольно долго смотрели друг другу в глаза.

– Вы сами говорили: связь здесь неустойчивая, – напомнил Олзмэн. – Откуда им знать, что мы приняли команду возвращаться?

Хендрикс снова покачал головой:

– Если мы не получим разрешения погрузиться на три тысячи, мы все равно, согласно протоколу, должны возвращаться на поверхность. А если не подчинимся... как вы думаете, велики будут шансы, что нас подпустят еще раз к батискафу? Мы не можем так поступить.

В голове Олзмэна вихрем пронеслось полтора десятка контраргументов, но все они были несостоятельными. Хендрикс прав: выбора у них нет. Сигналу придется подождать.

Когда они открыли люк и выбрались из батискафа в отсек для подлодок, их уже дожидался целый отряд людей в форме. Исследователей, едва не толкая в спину, проводили в командный центр. Там находилось, помимо Маркоффа, с полдюжины ученых, особо приближенных к руководителю экспедиции, и не было ни одного человека из Чиксулуба. Вид у всех был суровый и сосредоточенный.

– Итак, импульс возобновился. – Маркофф сразу взял быка за рога. – Вы уверены?

– Черт возьми, а почему нет? – ответил Олзмэн. – Приборы лгать не умеют. – Он кивнул на присутствующих экспертов. – Но вы, наверное, хотите иметь независимую оценку. Может, спросите их?

– Сигнал сейчас намного слабее, чем раньше, – сообщил один из ученых.

– Мы это заметили, – сказал Олзмэн.

– Может быть, это вообще не тот импульс, – вступил в разговор другой специалист. – Может, просто помехи или эхо от сигналов дистанционно управляемых механизмов, которые сейчас работают внизу.

– Едва ли, – возразил Олзмэн. – Собственно, это просто невозможно. Сигнал тот же самый.

– Вы не почувствовали ничего необычного? Ничего странного? – спросил Маркофф.

– Нет, – покачал головой Олзмэн.

– А вы, Хендрикс?

– Не знаю, сэр.

– Не знаете?

– Когда мы достигли глубины две тысячи метров, я почувствовал себя немного странно. Это было что-то вроде дурного предчувствия.

– Стивенс, – позвал Маркофф, и к нему тут же подошел ученый.

Вид он имел внушительнее некуда, однако лицо было доброе-доброе.

– Проведите полное психологическое обследование Хендрикса. Если у вас возникнут хоть малейшие подозрения, разрешаю отстранить его от дальнейших погружений. Если все будет в порядке, завтра с самого утра они оба отправятся под воду.

Олзмэну снова снились сны. Он проснулся посреди ночи мокрый от пота и обнаружил, что не в силах пошевелиться. Он весь дрожал, перед глазами мелькали разноцветные пятна, и необъяснимый страх никак не хотел его покидать. Прошло немало времени, пока он наконец не сообразил, что находится не у себя дома в Чиксулубе. И сразу же стало легче – воображаемая обстановка комнаты приобрела размытые очертания и начала постепенно исчезать.

Сердце гулко бухало в груди, в висках стучала кровь. Он ничего не мог разглядеть в окружающей темноте. Ощущение было такое, будто он находится в нигде, висит подвешенный в пустоте. Он снова попытался пошевелиться, но опять безуспешно.

«Может, я еще не проснулся?» – подумал Олзмэн.

Далеко не сразу он наконец осознал, где находится. Это была плавучая база, а доносившиеся откуда-то сбоку звуки – не что иное, как дыхание спящей Ады.

Внезапно он почувствовал, что снова может шевелиться. Олзмэн встал, выпил стакан воды и вернулся в постель. Ада застонала во сне. Он как раз героически сопротивлялся попыткам уснуть, когда услышал стук в дверь.

На пороге стоял Стивенс.

– Вы ведь Олзмэн? – спросил он шепотом.

– Так точно.

– Мы можем где-нибудь поговорить?

Олзмэн быстро натянул брюки и рубашку, на цыпочках вышел из каюты и последовал за Стивенсом по коридору. Тот открыл дверь в одну из пустующих лабораторий и пригласил Олзмэна.

– В чем дело?

– Скажите, вы не замечали в Хендриксе ничего необычного? – вопросом на вопрос ответил Стивенс.

– Что-нибудь случилось?

– Результаты компьютерной томографии в норме, с тестами тоже все в порядке. Но что-то мне не дает покоя. Только я никак не могу понять, что именно. Он кажется нормальным, психически устойчивым, но как будто иным.

– Мне тоже так показалось, – признался Олзмэн.

– Может быть, все дело в повышенном давлении или виноваты нервы, но впечатление такое, будто он что-то скрывает.

Олзмэн кивнул.

– Поскольку вы будете с ним в батискафе один на один и, если вдруг что-нибудь произойдет, можете пострадать, я счел своим долгом предупредить вас.

– Даже не знаю, что и сказать, – протянул Олзмэн. – Мне он кажется вполне нормальным. У меня с ним во время погружений ни разу не было проблем, я никогда не чувствовал ничего такого. Я доверяю Хендриксу. Нет, – добавил он через мгновение, – я за него несколько не волнуюсь. Знаете, если бы моим напарником в этой консервной банке оказался практически любой из находящихся на борту людей, я беспокоился бы гораздо сильнее.

Стивенс кивнул.

– Поймите, мы пытаемся предусмотреть любую мелочь. После того, что случилось с предыдущим батискафом, согласитесь, это разумные меры предосторожности. Мы не хотим, чтобы опять что-нибудь произошло. Ну хорошо, – закончил он, – я доложу, что все в порядке и мы можем продолжать.

36

– Нет никаких причин нервничать, – заявил Хендрикс. – Сегодня такой же день, как и все остальные.

У Олзмэна было чувство, что Хендрикс говорит больше, чтобы убедить самого себя, но вслух он согласился:

– Никто и не волнуется. Все проще простого!

Они опустились до отметки тысяча метров. И так небогатая морская жизнь по мере погружения батискафа медленно сходила на нет. С приближением к отметке две тысячи океан становился еще более пустынным, однако кое-какие признаки жизни встречались и здесь: то в одном месте, то в другом мелькали фотофоры рыб-гадюк. Периодически огни батискафа выхватывали из темноты костистую рыбу-саблезуба, которая производила впечатление недоделанной. Изредка также встречались напоминавшие по форме батискаф кальмары – одна лишенная туловища голова, словно сделанная из стекла.

На глубине две тысячи семьсот метров в царящей внизу темноте стали различимы крохотные, не больше булавочного острия, огоньки. Постепенно они делались все больше. Олзмэн еще всматривался в них, когда услышал позади стон.

Он обернулся. Хендрикс сидел бледный как смерть, лицо одеревенело. Из глаз медленно текли слезы, но он их, похоже, не замечал.

«Господи, – подумал Олзмэн, – что-то случилось. Может, зря я сказал Стивенсу, чтобы он разрешил Хендриксу дальнейшие погружения?»

Впрочем, даже и теперь Олзмэн не боялся за себя. Он лишь беспокоился за Хендрикса и был убежден, что ничего плохого напарник ему не сделает.

– Что случилось? – спросил Олзмэн.

– Я не хочу умирать, – всхлиывая, произнес Хендрикс.

– Вы и не умрете. Не надо волноваться.

– Хеннесси и Дантек. Что с ними произошло? Нам нельзя здесь находиться. Олзмэн, я это чувствую.

Олзмэн притормозил батискаф, так что тот практически замер на месте.

– Если вы хотите на поверхность, можем вернуться, – произнес Олзмэн ровным, успокаивающим тоном, стараясь, чтобы Хендрикс смотрел ему прямо в глаза. – Я вовсе не собираюсь ни к чему вас принуждать. Но раз уж мы здесь, надо записать показания. Вы же не против того, чтобы записать показания?

Хендрикс закрыл глаза, глубоко вздохнул и как будто взял себя в руки.

– Да, конечно. Я в этом деле дока. Сейчас займусь. Мне просто нужно чем-то себя занять.

Олзмэн предоставил Хендриксу приборы, а сам медленно вел батискаф все глубже. Хендрикс споро справлялся со своей задачей, и Олзмэну оставалось только проверять результаты. Импульс на этой глубине был гораздо сильнее. Надо еще раз измерить его на обратном пути на отметке две тысячи, напомнил себе Олзмэн. Возможно, мощность сигнала увеличивается.

Через несколько минут Хендрикс решил снова измерить импульс, и... ничего. Он исчез. Олзмэн сам склонился над приборами, чтобы проверить коллегу. Результат был тот же. Он попробовал еще раз, и сигнал снова проявился.

Таким образом, сигнал то есть, то его нет. Возможно, причина заключается в передатчике: какой-то сбой в работе, скажем, из-за повреждения в электрической цепи. А может быть, импульс не является спонтанным и кто-то передает людям послание.

Он взглянул на Хендрикса и задался вопросом: продержится ли? Не нужно ли, не теряя времени, доставить его на поверхность?

– Вы молодец, Хендрикс, – похвалил Олтмэн. – Работа проделана отлично. А теперь давайте на время сменим подход к замерам. Мы не будем определять силу импульса синхронно, а попробуем провести диахронный анализ⁸ и посмотрим, удастся ли выявить закономерность его поведения во времени.

– А как к этому отнесется Маркофф?

– Думаю, одобрит. Полагаю, он похвалит нас за инициативу.

– И сколько это времени займет? – уточнил Хендрикс.

Олтмэн пожал плечами, стараясь, чтобы лицо оставалось бесстрастным.

– Недолго, – пообещал он.

Когда Хендрикс согласно кивнул, Олтмэн показал ему, как перенастраивать прибор и записывать данные. Сам Олтмэн вернулся к управлению батискафом. Теперь они опускались с черепашной скоростью. Внизу, возможно метрах в пятидесяти, трудились землеройные машины и дистанционно управляемые механизмы, или ДУМы. Олтмэн обратил внимание, что большинство ДУМов застыло в ожидании команды с поверхности. Сигнал от операторов с плавучей базы сюда не доходил. Олтмэн решил по возвращении предложить, чтобы управление ДУМами осуществлялось не с борта базы, а с батискафа.

Машины, которые еще продолжали работать, успели очистить большой круг на дне от иловых наслоений и разного мусора и добрались до твердых скальных пород. Они уже вгрызались и углублялись, создавая подобие тоннеля. Извлеченную породу машины отвозили в сторону. Самые нижние механизмы находились еще метров на двести дальше. Сказать точнее было затруднительно – вода стала мутной от глинистой взвеси и мелких обломков разрушаемых горных пород. Олтмэн слегка удивился, обнаружив, как далеко уже продвинулась работа по проникновению вглубь скалы. Вероятно, Маркофф распорядился начать прокладку тоннеля задолго до того, как к центру кратера прибыла плавучая база.

Олтмэн опустил батискаф еще на несколько метров, к конусу извлеченной ДУМами породы, и остановил его. Дальше продвигаться рискованно, можно попасть под одну из землеройных машин, которые так и сновали то в дыру, то из нее. Он решил не торопиться, а попробовать переключить на себя управление роботизированными машинами и ДУМами и убрать их с дороги, чтобы не мешали. Кроме того, нельзя было забывать и о Хендриксе.

Олтмэн повернулся к коллеге:

– Как у вас дела?

– Голова болит, – пожаловался тот.

– Это нормальное явление, – заявил Олтмэн, хотя сам не был так уж в этом уверен. У него голова не болела – по крайней мере, не сильнее обычного. А поскольку кабина батискафа была абсолютно герметичной, большая глубина никоим образом не могла влиять на самочувствие людей. – Все дело в давлении, – солгал он. – Скоро боль пройдет.

Хендрикс кивнул.

– Да, конечно, – пробормотал он и слабо улыбнулся. – Все в порядке.

Внезапно он, прищурившись, уставился в смотровой иллюминатор:

– Кажется, я вижу отца.

Вздрогнув от неожиданности, Олтмэн переспросил:

– Что вы сказали?

– Там мой отец, – повторил Хендрикс и помахал рукой. – Папа, привет!

Олтмэн потихоньку поднимал батискаф, ни на секунду при этом не сводя глаз с коллеги.

⁸ *Диахронный анализ* – анализ изменений структуры объекта во времени.

– Нет, Джейсон. Извините, но это невозможно.

Хендрикс некоторое время смотрел в окно, а потом коротко рассмеялся:

– Да нет же, все нормально. Отец мне объяснил. Он мертв, поэтому давление ему не страшно.

– Если он мертв, он не может здесь находиться, – заметил Олзмэн.

– Но я ведь его вижу, – несколько раздраженно произнес Хендрикс. – Я знаю, что я вижу!

– Хорошо, хорошо, мой друг, – мирным тоном сказал Олзмэн и улыбнулся. – Прошу прощения.

Хендрикс, бормоча что-то под нос, снова повернулся к смотровому иллюминатору. Олзмэн на мгновение отвлекся от него и глянул на приборы. Интенсивность сигнала возросла примерно тогда же, когда Хендрикс увидел за бортом своего мертвого отца. Олзмэн пытался убедить себя, что это нелогично, простое совпадение, но сам не верил в такое объяснение. Олзмэн перевел взгляд на напарника и заметил, что глаза Хендрикса, который не отрываясь смотрел в иллюминатор, вдруг подернулись пеленой. Он быстро щелкнул пальцами перед носом коллеги.

– Эй, Хендрикс, – позвал он, – посмотрите на меня.

Хендрикс начал было оборачиваться, но тут же его взор опять устремился к иллюминатору. Олзмэн быстро проверил показания приборов. Сигнал вновь усилился, и теперь его интенсивность стала даже выше, чем прежде.

– Он хочет войти. Ему там холодно, – сказал Хендрикс. – Ты не волнуйся, папа, мы тебе поможем.

– Не думаю, что это хорошая мысль, – покачал головой Олзмэн.

Хендрикс встал с кресла, подошел, пошатываясь, к смотровому иллюминатору, прижался к нему лицом и вдруг забился головой о прочное стекло.

– Хендрикс, – крикнул Олзмэн и схватил его за руку, – не надо!

Но безумец вырвал руку, а потом нанес сильный удар локтем в лицо, так что Олзмэн свалился с кресла.

– Папа, сюда! – закричал он. – Входи!

Олзмэн оправился от нокдауна и метнулся в дальнюю часть кабины. Во время короткой стычки с Хендриксом кто-то из них задел рычаги управления, и батискаф теперь снова медленно погружался. Олзмэн надеялся, что успеет остановить аппарат до того, как они врежутся в один из механизмов внизу. Тем временем Хендрикс бил в стекло кулаками, прерываясь ненадолго только для того, чтобы вцепиться ногтями в края иллюминатора.

Олзмэн лихорадочно озираясь в поисках оружия, но не мог найти ничего подходящего. Он быстро обшарил свои карманы, там тоже ничего не оказалось.

Сгорбившись, Олзмэн пополз вперед. Притаившись за спиной Хендрикса, он рывком перевел рычаг управления на нейтралку и был готов уже двинуть его в положение «подъем», когда Хендрикс с криком набросился на него и сильным ударом свалил с ног.

– Не трогай! – заорал он.

Ошеломленный Олзмэн устался на основание приборной панели.

«Он собирается меня убить, – внезапно пришло осознание. – Я ошибся и подписал себе смертный приговор, когда сказал Стивенсу, что с ним все в порядке».

Но умирать не хотелось. Где-то должно найтись оружие.

Медленно, стараясь не встревожить Хендрикса, Олзмэн отполз подальше от безумца. Оказавшись на относительно безопасном расстоянии, он сел спиной к перегородке и снял обувь.

У его ботинок на шнуровке была мягкая резиновая подошва фирмы «Вибрам», которая легко гнулась, и довольно твердый, тяжелый каблук. Олзмэн поднялся на ноги, ухватил

ботинки за носки и сделал руками пару рубящих движений. Да, пожалуй, этого должно быть достаточно.

– Не стоит предлагать ему войти через окно, – обратился он к Хендриксу. – Нужно открыть люк.

Хендрикс перестал биться в стекло и обернулся к Олтмэну.

– Я думал, вы не хотите его впускать, – с подозрением сказал он.

– Шутите? – удивился Олтмэн. – Я слышал, ваш отец был отличным человеком.

– Не был. Он и есть отличный человек, – улыбнулся Хендрикс.

– Хорошо. Так чего же мы ждем? Давайте его впустим.

Хендрикс потопал к люку, но вдруг остановился.

– Погодите-ка, – медленно произнес он, – а чего это вы держите в руках ботинки?

«Вот дерьмо!» – подумал Олтмэн, но постарался выглядеть спокойным.

– Это мои любимые ботинки. Я хотел подарить их вашему отцу.

Ответ, казалось, удовлетворил Хендрикса. Он коротко кивнул и повернулся к лестнице, которая вела к люку наружу.

Как только он положил руки на перила, Олтмэн подлетел сзади и, орудуя ботинками, словно дубинкой, поочередно со всей силы ударил Хендрикса по затылку тяжелыми каблукками. Хендрикс зашатался и начал поворачиваться. Олтмэн нанес новый удар. И еще один. Тогда только Хендрикс обмяк и тяжело рухнул на пол.

– Извини, приятель, – сказал Олтмэн бесчувственному коллеге, – но ничего другого мне не оставалось.

Он быстро стянул с Хендрикса рубашку и майку, порвал на ленты и скрутил из них подобие веревок. Ими он крепко связал руки Хендрикса за спиной, а потом приторочил к ним и ноги.

Затем Олтмэн сел, надел ботинки и осмотрел приборную панель. Насколько он мог судить, все было цело. Батискаф дрейфовал почти непосредственно над дырой в скале, которую проделали роботы. Вероятно, его отнесло туда подводным течением.

Олтмэн уже собирался взяться за рычаги управления и начать подъем, как его внимание привлекло движение за бортом. В лучи прожекторов попала причудливая, неуклюже передвигающаяся рыба. Вид она имела такой, словно ее освежали. Она в меньшей степени напоминала доисторических рыб, каких ему доводилось видеть во время предыдущих погружений, а больше была похожа на труп, который уже несколько дней находится в воде. Однако ее не несло течением, рыба передвигалась самостоятельно.

И кое-что еще привело Олтмэна в замешательство. Удивительное существо не было похоже ни на длинную и гибкую рыбу-гадюку, ни на толстую рыбу-фонарь. Казалось, обладающую длинным телом рыбу сложили пополам, а потом склеили две части. Голову ее венчал извилистый полупрозрачный занавес плоти, который больше всего напоминал хвост. Место плавников занимали торчащие из боков короткие костяные отростки, непрерывно совершавшие волнообразные движения. В это мгновение в свете прожекторов показался астронест, и ободранная рыба бросилась на добычу. Она схватила астронеста костными отростками. Не успел Олтмэн и глазом моргнуть, как несчастная жертва была порвана в мелкие клочья. Заинтригованный происходящим, Олтмэн схватил камеру и заснял последние мгновения расправы, а потом и саму рыбу-победительницу, когда она проплыла возле иллюминатора перед тем, как исчезнуть во тьме.

И тут Олтмэн увидел еще более странную вещь. Вокруг батискафа плавали и образовывали подобие облака бледно-розовые тонкие ленты. Поначалу Олтмэн решил, что это может быть скат, но загадочное существо не имело характерных для скатов признаков. Это были просто дрейфующие и колышущиеся в воде полотна... Может быть, необычная медуза? Или вид грибов? Олтмэн подвел батискаф ближе к непонятному объекту. В результате соприкос-

новения одна розовая полоска намоталась на корпус и порвалась, вытягиваясь в тонкие нити по мере продвижения батискафа. Однако часть субстанции прилипла к смотровому иллюминатору, зацепилась за заклепки на корпусе, да так и осталась висеть.

– Будь я проклят, – вымолвил Олзмэн.

Позади застонал Хендрикс. Хотя он и был связан, Олзмэн не знал, как долго его сдержат путы. Нужно быстрее выбираться на поверхность.

Олзмэн повернул переключатель, сбросил балласт и нажал кнопку. Батискаф начал подъем.

37

Достигнув уровня две тысячи пятьсот метров, Олзмэн стал непрерывно подавать сигнал SOS, но в ответ слышал только шум статических помех. Тем временем Хендрикс постепенно приходил в сознание. На глубине две тысячи метров он снова что-то истерично забормотал, но Олзмэн изо всех пытался не обращать внимания. В наушниках он различил далекие-далекие обрывки разговоров, надолго прерывавшиеся треском помех. На отметке тысяча семьсот метров голоса зазвучали уже более отчетливо, но теперь во всю силу легких заорал Хендрикс, пытавшийся освободиться от своих пут.

– Майкл Олзмэн, пожалуйста, ответьте, – раздался наконец голос в наушниках. – Майкл Олзмэн, слышите меня?

Он отключил сигнал о помощи и произнес в микрофон:

– Олзмэн на связи.

Неизвестный заговорил было, но внезапно его прервали, и Олзмэн услышал знакомый голос Маркоффа:

– Олзмэн, что за херня у вас происходит?

– Хендрикс рехнулся. Мне пришлось его связать. Это он там вопит на заднем плане.

– Что случилось?

– Погодите минутку, – попросил Олзмэн, поскольку Хендрикс постепенно освобождался.

Он снова снял ботинки и медленно подобрался к бушевавшему напарнику.

– Олзмэн, – услышал он в наушниках голос Маркоффа, – с вами все в порядке? Олзмэн, ответьте.

Получив два сильных удара по затылку, Хендрикс затих.

– Что это за звуки? – спросил Маркофф.

– Это я пытаюсь здесь выжить, – пояснил Олзмэн.

Он распутал ослабевшие узлы и заново накрепко связал неподвижно лежавшего Хендрикса.

– Подробнее расскажу, когда поднимемся на поверхность. – И прибавил: – Да, и было бы неплохо, если бы в отсеке для подлодок дежурило несколько охранников.

Маркофф говорил что-то еще, но Олзмэн уже отключил передатчик и предался размышлениям. Хендрикс вряд ли сумеет освободиться. Главное, не упускать его из виду, и тогда все будет в порядке. Олзмэн посмотрел в обзорный иллюминатор. Ключья бледно-розовой субстанции по-прежнему были там; они висели, зацепившись за заклепки, и медленно колыхались при движении батискафа. Он прекрасно понимал: если Маркофф их заметит, то сразу же передаст находку людям из своего ближайшего окружения и он, Олзмэн, никогда больше о ней не услышит. То же самое относится и к записи, на которой запечатлена необыкновенная рыба.

Он достал из кармана эйчпод, подключил к бортовому компьютеру и скопировал видеозапись. Исходный файл должен оставаться на жестком диске. Олзмэн не сомневался в способностях Маркоффа и его своры обнаружить, что какие-то файлы стерли, но надеялся, у них не хватит умения определить, что информация была скопирована. Он должен самостоятельно поискать ответы.

С розовой субстанцией дело обстояло сложнее, но в голове Олзмэна уже зарождался хитроумный план.

Он проверил показания индикатора, регистрировавшего импульс из центра кратера, и обнаружил, что сигнал снова пропал. Пролистав записи, пришел к выводу, что в скором времени тот должен возобновиться.

Задуманный Олзмэном план был очень рискованным. Узнай Ада, она, несомненно, велела бы ему немедленно позабыть об этих глупостях, предупредила бы, что он сам сует голову в петлю. Именно поэтому он ей ничего не расскажет. Возможно, она и права, но желание Олзмэна докопаться до истины было слишком сильным.

Невдалеке от поверхности аппарат замедлил ход. Олзмэн пытался рассчитать время таким образом, чтобы в тот самый момент, когда батискаф окажется в отсеке на плавучей базе, сигнал достиг наивысшей мощности и Хендрикс пришел в сознание.

Расчеты оправдались: аппарат уже полностью находился в отсеке, когда Хендрикс громко застонал, веки его зашевелились. Олзмэн присел рядом, распутал узлы, державшие вместе конечности, потом освободил ноги, но руки оставил связанными. Одну из импровизированных веревок он размотал, оторвал от нее кусок ткани и сунул себе в карман. Покончив с этим, он помог Хендриксу встать на колени.

Конечно, это было жестоко, но другого выхода Олзмэн не видел.

– Где ваш отец? – громко спросил он.

На мгновение взгляд Хендрикса сделался осмысленным, но тут же глаза разъехались и завращались в разные стороны.

– Хендрикс! – снова позвал Олзмэн. Нужно было спешить. Уровень воды в отсеке понизился так, что стал виден мостик. Уже недолго осталось до того момента, когда воду полностью откачают и в помещении появятся люди Маркоффа. – Где ваш отец?

На этот раз Хендриксу удалось сконцентрировать внимание, и он уставился на Олзмэна:

– Отец. Он только что был здесь.

– Мы оставили его внизу, – подсказал Олзмэн. – Бросили. Вернее, это вы его бросили.

На мгновение Хендрикс замер, а потом неожиданно издал чудовищный вопль отчаяния и с силой боднул Олзмэна в грудь. Боль была адская. Он навалился на Олзмэна сверху и, неся какую-то околесицу, попытался ударить его по лицу.

Хендрикс обнажил зубы в жуткой гримасе и мотал головой – дикий зверь, а не человек! Олзмэн поднял руки и, напрягая мышцы, попытался отпихнуть от себя безумца, но тот был слишком тяжелым, а отчаяние придало ему дополнительных сил. Он давил и давил, и зубы медленно, но неотвратимо приближались к лицу Олзмэна. Тот закричал – теперь он пришел в настоящий ужас – и снова попытался сбросить с себя огромную тушу и откатиться в сторону. Но все было безуспешно.

И когда он уже подумал, что не сможет больше сдерживать разъяренного Хендрикса, люк батискафа с шипением открылся, внутрь залетел охранник и немедленно ухватил безумца за шею. Олзмэн отполз в сторону, встал на ноги, едва уклонился от столкновения с нырнувшим внутрь вторым охранником и поспешил по лестнице к ведущему на волю люку. Наверху возле аппарата стояла группа вооруженных людей в форме, их стволы были направлены на выбиравшегося из люка Олзмэна. Он прошел мимо них, обогнул батискаф, но неожиданно поскользнулся и, вместо того чтобы ступить на мостик, полетел в воду.

У Олзмэна было в запасе всего несколько секунд. Задержав дыхание, он поплыл под водой к смотровому иллюминатору, вытащил из кармана предусмотрительно подготовленный кусок ткани и быстро собрал в него несколько фрагментов розовой субстанции. Сквозь стекло он успел увидеть, как Хендрикс отчаянно борется с двумя противниками; им уже удалось повалить здоровяка на пол. Мокрую тряпицу с драгоценной находкой он скомкал и засунул подальше в карман, а потом уже всплыл на поверхность.

И погрузился в какофонию криков и воплей. К Олзмэну моментально протянулось сразу несколько рук, ему помогли выбраться из воды на мостик. Кто-то уже заворачивал его в полотенце.

– Не убивайте Хендрикса! – услышал Олзмэн собственный крик. – Он сам не соображает, что творит!

В следующий миг его уже вытолкнули из отсека.

38

Олтмэну разрешили ненадолго заскочить в каюту и переодеться. Воспользовавшись случаем, он ухитрился незаметно вытащить из кармана сверток и засунуть в бутылку из-под воды. Бутылку он спрятал в ящике шкафа и после этого в сопровождении охранников покинул каюту.

В душевой Олтмэн разделся и забрался под теплые струи. Закончив водные процедуры, он обнаружил, что одежда исчезла. Олтмэн спросил охранников, где она, но ответа не дождался.

Чувствуя на себе безразличные взгляды, он переделся в чистое и, повинувшись указующему жесту, направился за ними следом.

– Куда мы идем?

– На доклад, – соизволил ответить один из сопровождающих.

Спустя несколько минут они оказались в командном центре. Едва Олтмэн вошел, находившиеся в помещении потянулись к выходу, так что через минуту Олтмэн оказался наедине с Маркоффом.

– Ну что же, – произнес тот, – послушаем. Рассказывайте все с начала и до конца.

Он рассказал почти все. Упомянул про странную рыбу, зная, что Маркофф так или иначе увидит запись. Сообщил о непонятных розовых полосках, но умолчал о том, что собрал несколько фрагментов субстанции. Информировал о проблемах с прекратившими работу механизмами, объяснил, что, похоже, они перестали получать команды с поверхности, хотя могли выйти из строя и по другой причине. Описал, каких успехов удалось добиться в ходе исследований. Маркофф молча его слушал и иногда кивал.

– Что случилось с Хендриком? – спросил он наконец.

– Как он?

Маркофф пожал плечами:

– Бредит. Все говорит о своем отце. Ему вкололи лошадиную дозу успокоительного.

– Да, он и внизу вел себя так же, – сообщил Олтмэн. – Возомнил, что видит отца за бортом, и захотел его впустить. – Он криво улыбнулся. – Я по вполне понятным причинам был против.

– Я думал, Стивенс признал его годным.

– Так оно и есть, – подтвердил Олтмэн. – Он не вызывал никаких подозрений. Большую часть времени он вел себя абсолютно нормально. Он был мне другом. Я очень сожалею, что все так произошло.

– Он был неуравновешенным субъектом, – заметил Маркофф.

– Нет, я думаю, здесь кроется нечто большее.

Олтмэн рассказал Маркоффу все, вот только в концовке преподнес дело так, словно Хендрикс самостоятельно избавился от пут.

– Мы провели диахронный анализ сигнала и обнаружили странную вещь: душевное состояние Хендрикса как будто находилось в зависимости от интенсивности импульса. Когда он становился сильнее, у Хендрикса начинались видения, он впадал в буйство. Когда же сигнал ослабевал, он казался абсолютно нормальным – таким, как всегда. Я думаю, этот импульс изменил его.

Маркофф долго разглядывал Олтмэна, а потом сказал:

– Звучит сомнительно.

– Согласен. Но взаимосвязь налицо. Я полагаю, что сигнал каким-то образом воздействует на мозг человека.

– Но почему же с вами ничего не произошло?

– А кто его знает? Возможно, я обладаю иммунитетом против него. А может, он и на меня подействовал, только я этого еще не заметил.

– И что же это такое, как по-вашему? – повторил Маркофф вопрос, который уже задавал, сидя на кухне в квартире Олзмэна несколько недель назад.

– Понятия не имею. Я его еще даже и не видел. Но могу вам сказать одно: я чертовски перепугался там, внизу.

Несколько минут они молчали, погруженные каждый в собственные мысли. Наконец Маркофф поднял голову:

– Вам придется снова идти под воду.

– Сейчас?

– Нет, но скоро. Нам нужно поставить дополнительное оборудование, чтобы вы могли из батискафа связаться с ДУМами.

– Забавно, – протянул Олзмэн.

– Что в этом забавного?

– Именно это я и собирался предложить – чтобы можно было давать команды ДУМам непосредственно на месте.

Маркофф недоуменно уставился на него:

– Так вы и предложили. Собственно, это были едва ли не первые ваши слова. Вы разве не помните? Олзмэн, вы в порядке?

«Да, похоже, мне досталось там сильнее, чем я считал», – подумал Олзмэн.

Он недолго раздумывал над ответом и решил, что лучше всего будет проигнорировать вопрос.

– Да, если рядом со мной нет Хендрикса. Я бы не возражал совершить спуск в одиночку.

– В одиночку не получится, – отрезал Маркофф. – Я хочу, чтобы вы совершили несколько погружений, и каждый раз мы будем подбирать вам нового напарника.

– А откуда мне знать, что они не поведут себя, как Хендрикс? Сейчас мне повезло, но где гарантии, что повезет в следующий раз?

– Вы оказались более ценным работником, чем я предполагал. Умеете управлять батискафом и проводить необходимые измерения. А это означает, что я рассчитываю на вас. Мне нужно, чтобы вы это сделали, Олзмэн.

– А взамен?

– Никаких «взамен», – глядя прямо в глаза Олзмэну, сказал Маркофф. – Вы просто это сделаете.

– Это угроза? – поинтересовался Олзмэн.

– Когда я буду угрожать, вы сразу поймете.

Олзмэн прикрыл глаза. Пусть это была и не угроза, но до нее оставалось совсем немного. Впрочем, он понимал, что на самом деле выбора у него нет.

– Хорошо, – решил Олзмэн. – Но только пусть мне дадут оружие с транквилизирующими зарядами, на всякий случай. И еще – чтобы моих будущих напарников привязывали к креслу.

– Согласен. – Маркофф встал и преувеличенно вежливо пожал Олзмэну руку. – Благодарю за сотрудничество. Я с вами свяжусь.

39

Хендрикс очнулся в странном месте, напоминавшем палату медицинского учреждения. Последнее, что он помнил, – как они с Олзмэном совершали погружение на батискафе, а потом голова у него разболелась с такой силой, что он едва мог переносить боль. Все последующее казалось нереальным, будто происходило во сне. Что-то случилось, но вот что? Он помнил, как Олзмэн негромко его увещевал, помнил, как снимал показания приборов. Но еще Хендрикс припоминал, что лежал на полу батискафа. Наверное, он упал. Возможно, они куда-то врезались.

Он чувствовал себя так, словно накануне перебрал. Тело частично онемело, а мозг будто разрезали на мелкие кусочки. Хендрикс заметил, что в предплечье воткнута игла, а от нее убегает трубочка. Может, над ним ставят эксперименты?

Он оглянулся по сторонам и понял, что находится в помещении один.

Хендрикс осторожно сел на кровати, отлепил пластырь, удерживавший иглу, и вырвал ее из руки, вызвав тем самым жгучую боль. Иглу он отпустил, позволил ей свалиться за кровать, и неуклюже потопал к двери.

Она была заперта.

Некоторое время Хендрикс стоял, уставившись на дверную ручку.

Вдруг в коридоре слышались шаги. Хендрикс кинулся обратно в постель, лег и чуть прикрыл глаза.

Отворилась дверь, и на пороге возникла одетая в белый халат женщина, в руках она несла голографический экран. Женщина прошла прямо к кровати. Мысленно Хендрикс представил, как вскакивает и выбегает прочь через дверь в дальнем конце палаты, но тело отказалось повиноваться.

– Привет. Как мы себя сегодня чувствуем?

Хендрикс притворился спящим и ничего не ответил.

– Боже, вы снова вырвали капельницу. – Женщина всплеснула руками. – Так дело не пойдет.

Она наклонилась над кроватью, чтобы достать упавшую иглу, и в этот момент рука Хендрикса сама потянулась и схватила медсестру за запястье. Нет, он по-прежнему находился в своем теле, смотрел своими глазами, но совершал действия против воли. Сейчас не Джейсон Хендрикс контролировал движения руки, а это значило: в его теле вместе с ним, вероятно, находился кто-то еще.

Не успел он об этом подумать, как внезапно почувствовал, будто проваливается глубоко внутрь себя и наблюдает за происходящим как бы со стороны. Хуже всего было ощущение, что он никогда больше не будет контролировать свое тело. Тем не менее он все чувствовал и все видел. Рука, крепко державшая женщину за запястье, с силой потащила ее к кровати, словно та была не человеком, а тряпичной куклой. Открылся рот, и челюсти сомкнулись на шее медсестры. Слышались чмокающие звуки, и струйки крови брызнули на подбородок Хендрикса и дальше – на шею. Посмотрев вниз, он обнаружил, что запястье женщины, которое он сжимал в пятерне, сломано, раздавлено, а сама рука торчит из ключицы под причудливым углом. Она еще пыталась ухватить глоток воздуха, но трахея была перекушена, и изо рта несчастной вырывалось только шипение вкупе с розовой пеной. Ее лицо находилось прямо перед Хендриксом, и он видел, как глаза наполнились смертельным ужасом, но уже в следующее мгновение они закатились, и женщина потеряла сознание.

Спустя несколько секунд после того, как руки Хендрикса еще самостоятельно «поработали» над телом, он уверился, что женщина мертва. Если бы его попросили рассказать, как именно это произошло, он не смог бы ответить; в одном он практически не сомневался:

он имел к ее смерти какое-то отношение. Или, если быть более точным, не он, а его тело. Вот жизнь в ней еще теплится – пусть и еле-еле, – а потом вдруг происходит что-то, но неотчетливо, как в тумане. А когда все закончилось, женщина была уже мертва.

Неторопливым шагом он подошел к двери и подергал за ручку. По-прежнему заперто. Но как такое возможно? Ведь сестра же оказалась в комнате!

У нее должен был быть ключ! Шаркая ногами, Хендрикс приблизился к труп и стал искать карманы, но это оказалось нелегкой задачей. Тело несчастной представляло беспорядочную мешанину из плоти и одежды. Погрузив руки в хлюпающую массу, Хендрикс после долгих поисков нащупал наконец твердый предмет. И это была не кость.

Только он выпрямился, сжимая в руке окровавленный ключ, как понял, что теперь находится в палате не один. В тени возле кровати маячил чей-то силуэт.

– Кто здесь?

– Неужели не узнаешь?

Силуэт приблизился к Хендриксу. Создавалось впечатление, что незнакомец находится в комнате, но в то же время и в другом месте. Внезапно голову Хендрикса пронзила боль. Он пошатнулся, а когда снова смог видеть, понял, кто стоит перед ним.

– Папа.

– Рад тебя видеть, Джейсон. Давай-ка присядь, мне нужно с тобой серьезно поговорить.

– О чем, папа?

Но отца уже не оказалось на прежнем месте. Повернувшись, Хендрикс обнаружил, что тот перебрался на другую кровать.

– Джейсон, мы теряем силы. Не нужно трогать эту вещь внизу. Оставь ее в покое. Слияние не единственное, что имеет значение.

– Слияние? – переспросил Хендрикс и принялся лихорадочно озираться в поисках отца. Тот опять незаметно для глаз куда-то переместился.

– Сынок, они хотят, чтобы все мы превратились в одно целое. – Он печально улыбнулся и покачал головой. – Ты можешь себе представить?

– Папа, кто «они»?

– Мы должны быть очень осторожны, а иначе можем прекратить свое существование.

Папа снова улыбнулся, добро и ласково. Отец часто так улыбался своему Джейсону, когда тот был еще совсем мал, нескольких лет от роду. Он позабыл эту улыбку, но сейчас воспоминания вновь нахлынули на него.

– Расскажи им, Джейсон, – попросил отец. – Расскажи всем.

– Хорошо, папа, – прошептал он, – я расскажу.

Вдруг за спиной раздался шум, однако Хендрикс не хотел отрывать взгляд от папиного лица. Он боялся, что если отвлечется хоть на секунду, то никогда больше его не увидит. Потом слышались крики. Он, сколько мог, старался их не замечать, но кричали слишком уж громко. Хендрикс повернулся и пошел на звуки.

Громкий вопль, вспышка света – и вот он уже лежит на полу и смотрит прямо в потолок.

«Нужно вставать и идти, нужно всем рассказать, – подумал Хендрикс, но обнаружил, что не может даже пошевелиться. – Пожалуй, просто полежу здесь немного».

– Отец, – прошептал он, но никто не ответил.

40

– Можно сделать мне копию? – попросил ихтиолог, просмотрев запись.

Олзмэн пожал плечами:

– Да, конечно. Что вы об этом думаете?

– Никогда не видел ничего подобного. И эти странные роговидные отростки... Не исключено, что вы открыли новый вид. Или, может быть, это результат мутации. Я спрашиваю знакомых, коллег, не сталкивался ли кто с похожим. Но лично я – никогда.

– Значит, существо это необычное?

– Крайне необычное.

– И?... – спросил Олзмэн.

Он пришел в лабораторию к Скуду и принес с собой бутылку. Скуд осторожно извлек оттуда розовую субстанцию и поместил в пробирку. Взяв маленький кусочек, он приступил к проведению генетического теста.

– Странно, – протянул он. – Это ткань.

– Какая именно ткань?

– Живого существа. Наподобие плоти. Когда-то она была живая. Но у нее очень необычная генетическая структура.

– То есть это кожа, которую с чего-то сорвали?

– Не думаю, – ответил Скуд. – По-моему, оно было живо еще не так давно – по крайней мере, когда вы его нашли – и, может быть, жило до тех пор, пока его не поместили в бутылку.

– Невозможно, – покачал головой Олзмэн. – Когда я это нашел, оно было точь-в-точь такое же, только в виде больших полос. Оно не могло быть живым.

– Могло. Это очень простой организм, хотя я и не знаю, какой конкретно. У него нет ни мозга, ни конечностей, и состоит он буквально из ничего, но в принципе он был жив.

Олзмэн покачал головой.

– Вижу, вы сомневаетесь, – сказал Скуд. – Давайте для убедительности я проведу небольшой эксперимент.

Он перевернул пробирку, из нее выпал кусочек розовой ткани и остался лежать свернувшись на столе. Взяв аккумуляторную батарею с двумя присоединенными проводами, Скуд дотронулся одним проводом до другого, так что между ними проскочила искра, а потом коснулся оголенными концами образца. Кусочек розовой ткани подскочил на месте.

– Вот видите, – гордо заявил Скуд, – оно живое.

– Не надо, – попросила Ада. – Это ужасно.

– Это не ужасно, – возразил Олзмэн. – Просто послушай меня и помоги. – Он поднял вверх палец. – Ты начала все это, помнишь твои встречи с людьми? Я только хочу с тобой поговорить, как ты тогда хотела, чтобы я выслушал. Почти все, с кем я общался на судне, страдают от головной боли. Даже если и не говорят этого вслух, я вижу, как они периодически хватаются за голову. Это ненормально.

– Просто набор фактов. Это не научный подход.

– Я говорил то же самое.

– Может, дело в утечке газа, – предположила Ада, – или что-то не в порядке с вентиляцией.

– Может быть. Но проблема в том, что у большинства головные боли начались задолго до того, как они оказались на судне. А именно – с того момента, когда сигнал был зафиксирован в первый раз.

Олзмэн поднял второй палец:

– Потом бессонница. О ней я тоже спрашивал. У меня у самого она периодически бывает. Шоуолтер страдает ею, и этот немецкий ученый тоже. Я слышал, как два охранника возле командного центра жаловались друг другу, что не могут спать, а потом еще трое говорили об этом в главном куполе. А у тебя нет бессонницы?

– Нет, – покачала головой Ада, – но мне снятся непонятные сны.

– И об этом ходят толки. – Олтмэн поднял еще один палец. – Странные и яркие сны. Я их тоже видел, как и многие другие на судне. А теперь переходим к не столь безобидным случаям. – Он поднял сразу два пальца. – Нападения. – Покачал одним пальцем. – И самоубийства. – Качнул другим. – Да, признаю, это ненаучно. Но мы с тобой разговариваем всего несколько минут, а у меня уже закончились пальцы. Нигде еще мне не приходилось сталкиваться с таким количеством необъяснимых происшествий.

– Я слышала, Уэнбо сошел с ума, – сообщила Ада. – Пытался задушить одного из людей Маркоффа.

– Ага, и я об этом слышал. То же самое произошло с Клербутом и Доусоном. А еще Ламли пырнул ножом Юинга, а потом собственным дерьмом написал на стенах каюты ряд непонятных символов. И одному Богу известно, сколько случаев от нас скрывают.

Ада содрогнулась:

– И бедняга Тростл. Он всегда казался таким уравновешенным.

– Да, самоубийства и суицидальные попытки. Не забывай о Прессе.

– Фрэнк Пресс? Он тоже пытался покончить с собой?

– Не просто пытался, у него это получилось. Думаю, в списке еще по крайней мере три-четыре фамилии. Разве тебе это не кажется ненормальным? Я хочу сказать: на судне всего две, ну три сотни людей, то есть количество самоубийц превышает два процента. Скажи, можно это считать нормальным?

Ада покачала головой.

– Да, звучит ненаучно, – жестикулируя, в очередной раз повторил Олтмэн, – но мне не нравится то, что из этого следует. Поспрашивай сама, проверь: может, я ошибаюсь. Клянусь Богом, хотел бы я, чтобы было так.

Через несколько часов дверь в каюту открылась, и на пороге возник Маркофф. В руке он держал нечто похожее на обычный пистолет, но с более длинным и толстым стволом, к концу которого был привинчен квадратный контейнер.

– Приходилось с таким обращаться? – спросил Маркофф.

Олтмэн качнул головой.

Маркофф открыл контейнер.

– Стрелы вылетают отсюда, – объяснил он. – Магазин автоматически открывается и закрывается. В цевье также находятся баллоны с углекислым газом, но о них даже не упоминайте, мы сами их заменим. Оттягиваете назад затвор, который находится сбоку, – он показал где, – и ставите на предохранитель. Вот так. Снимается он очень просто. Пистолет стреляет при взведенном затворе. И цельтесь в открытые участки тела.

– Через одежду стрелы не проходят?

– Я этого не говорил. Они проникают через одежду, но в этом случае больше вероятность, что вы не достигнете результата. Так что цельтесь в открытые участки. А если вы не бог весть какой стрелок, постарайтесь приставить пушку к груди, прежде чем нажать на спуск.

С этими словами он протянул пистолет Олтмэну, и тот неумело взял его в руки.

– В стрелах содержится мощное успокоительное. Эффект достигается через несколько секунд. Оно вызывает сильную боль при попадании в кровь, но, возможно, этого будет недостаточно, чтобы утихомирить маньяка. Вы уверены, что не хотите взять настоящую пушку?

Олтмэн помотал головой.

– Погружение через пятнадцать минут, – сказал на прощание Маркофф.

Олтмэн быстро отыскал Аду и сообщил о состоявшемся разговоре.

– Я не хочу, чтобы ты спускался туда.

– Со мной все будет в порядке. – Он поцеловал девушку и прибавил: – Кроме того, у меня нет выбора.

– Но после того, что произошло с Хендриком...

– Я же справился, разве нет? И мы с тобой живы-здоровы.

Ада прикрыла рот рукой:

– Ты не слышал?

– Не слышал чего?

– Хендрикс мертв. Он убил медсестру, разорвал ее на куски. Пришлось его пристрелить.

Ошеломленный известием, Олтмэн рухнул на кровать. Он боялся сказать хоть слово. В этой смерти была его вина – даже больше, чем в случае с Морсби. Возможно, если бы он направил батискаф к поверхности сразу, когда Хендрикс попросил об этом, ничего бы не произошло. Сколько еще смертей окажется на совести Олтмэна до того, как все закончится?

Ада лежала рядом и ласково гладила его по лбу.

– Прости, – сказала она. – Мне очень жаль. – Помолчала и добавила: – Майкл, не ходи туда.

Но Олтмэн покачал головой:

– Должен. Я тебе уже сказал: у меня нет выбора.

Отстранившись от Ады, он слез с кровати и тяжелой походкой направился вниз, в отсек, где ждал батискаф.

Часть 5 Кризис

41

Олтмэн совершил два погружения и один раз вынужден был применить пистолет. Во время первого он перепрограммировал ДУМы. Они теперь полностью перешли на автономное управление, и работы по прокладке тоннеля продолжились с огромной скоростью. Однако Олтмэну, до того как они поднялись на поверхность, пришлось стрелять в сопровождавшего его техника.

Напарник уже в скором времени начал проявлять признаки беспокойства, он делался все более и более раздражительным и в итоге сорвался. Олтмэн ждал до последнего, он хотел стопроцентно убедиться, что парень действительно свихнулся, и в результате промедление едва не стоило ему жизни. Руки техника все сильнее сжимались на горле Олтмэна, он чувствовал, что задыхается, когда транквилизатор наконец подействовал; смертельная хватка ослабла, и безумец кулем повалился на пол.

Во второй раз напарником Олтмэна, к его удивлению, стал Стивенс, тот самый психолог. Он прикрепил электроды к голове Олтмэна и к своей и все время, пока батискаф погружался, записывал изменения в излучении мозговых волн.

– Я смотрю, Маркофф со мной согласен. Он тоже полагает, что проблемы с психикой Хендрикса могли быть вызваны воздействием сигнала, – заметил Олтмэн.

Стивенс улыбнулся:

– Мистер Олтмэн, откуда мне знать, что на уме у Маркоффа?

Олтмэн все время оставался наготове и держал руку на пистолете, но похоже было, что Стивенс, как и он сам, не подвержен негативному влиянию таинственного сигнала. Он в течение всей операции сидел скрючившись над своим оборудованием и только время от времени кидал на Олтмэна хитрые взгляды.

– Ну как, удалось что-нибудь выяснить? – спросил Олтмэн.

– Удалось, – кивнул Стивенс. – Хотя я бы добился большего, если бы с одним из нас случился приступ помешательства. Но, подозреваю, вы вряд ли сделаете мне такое одолжение?

Олтмэн покачал головой.

– Ну, я так и не думал. Что ж, возможно, в следующий раз...

В следующий раз компанию Олтмэну составил жизнерадостный механик по имени Дэвид Кимбол, чья задача заключалась в том, чтобы поднять на поверхность тот, первый батискаф, оснащенный буром. Впрочем, о цели их миссии Олтмэн узнал, только когда они уже начали погружение.

– Дело плевое, – говорил Кимбол, поглаживая большой хромированный механизм, который специально для этого погружения был прикреплен к панели управления. – Займет буквально несколько минут. Все, что от нас требуется, – это послать на батискаф электрический импульс.

– И как он сработает?

– При помощи импульса мы откроем задвижки отсеков для хранения балласта. Таким образом, тот будет выброшен, а после этого батискаф всплывет уже сам.

– По вашим словам, это настолько просто, что справился бы и робот, – заметил Олтмэн.

– Справился бы, – не стал возражать Кимбол, – но Маркофф решил: лучше, если это сделаем мы.

– Почему?

– Понятия не имею. Он не объяснил.

«На случай, если что-то пойдет не так», – предположил про себя Олзмэн.

Они достигли дна океана и пошли дальше, в проделанный механизмами тоннель в форме перевернутого конуса. Завершив работу, роботизированные землеройные машины стояли в темноте, словно загадочные статуи. По мере продвижения батискафа стенки конуса постепенно сходились все ближе.

Олзмэн сделал поярче наружное освещение, включил видеокамеры и кинул взгляд на Кимбола. С механиком вроде все было в порядке, хотя он и казался немного взволнованным и слегка нервничал.

«Пока беспокоиться совершенно не о чем», – сказал себе Олзмэн, но для пущей уверенности все же взглянул, стоит ли пистолет на боевом взводе.

– Бывали уже здесь? – спросил Кимбол.

Олзмэн кивнул и добавил:

– Не волнуйтесь, все в порядке.

– Мне показывали видеозапись. А вы видели?

– Видел.

– Я такого и представить не мог, – покачал головой Кимбол. – Думаете, в натуре будет выглядеть так же ужасно?

– Да, – коротко ответил Олзмэн.

Они замолчали. Далеко внизу маячил неясной тенью какой-то предмет. По мере приближения он виднелся все отчетливее.

Это было огромное сооружение – две сужавшиеся к верхушкам колонны странным образом переплетались и вздымались ввысь. Они, похоже, были каменными, но Олзмэн не сомневался, что это скорее искусственный объект, нежели творение природы. Предположение подтвердилось, когда они приблизились: каменную поверхность покрывали значки, странные иероглифы, подобных которым он в жизни не встречал. Они занимали каждый квадратный дюйм, шли извиваясь по массивному основанию и дальше вверх, к двум перекрещенным «рогам». Сооружение в целом при ближайшем рассмотрении оказалось еще более громадным, оно производило впечатление немыслимой древности. Прекрасное и одновременно таившее неувловимую угрозу, оно было абсолютно чужим. Едва увидев его, Олзмэн моментально понял, что это творение не человеческих рук. Но кем и для чего оно создано? И как? На поверхности он не заметил ни единой трещины или стыка; казалось, это был гигантский цельный каменный массив. И его форма что-то напоминала Олзмэну. Вот только он не мог вспомнить что.

И вдруг он вспомнил.

– «Хвост дьявола», – прошептал Олзмэн.

– Вот это хрень, прости господи! – с благоговением в голосе вымолвил Кимбол.

Символы, покрывавшие загадочный объект, то ли сами светились, то ли каким-то особым образом отражали свет прожекторов батискафа. Олзмэн проверил показания приборов – мощность сигнала была совершенно незначительной.

«Возможно, это хороший знак», – подумал он.

– Как вы думаете, безопасно будет подойти ближе? – спросил Кимбол.

– Что это такое? – не слушая напарника, изумленно протянул Олзмэн. – Кто его создал?

Он на минимальной скорости провел батискаф вокруг сооружения, держась прямо над ним, и сделал снимки во всех возможных ракурсах. Ничего более впечатляющего Олзмэн в жизни не видел. Затем он приблизил изображение в объективе, чтобы сфотографировать

крупным планом непонятные символы. Олзмэн готов был и дальше вести исследования, но нервы Кимбола находились на пределе.

– Эта чертова штуковина выводит меня из себя, – признался он. – Давайте закончим наше дело и уберемся отсюда.

Пропавший аппарат лежал возле основания каменной громадины. Олзмэн опустил батискаф еще ниже, приблизился на максимально возможное расстояние и направил луч прожектора в смотровой иллюминатор.

Даже с такого расстояния представшая его глазам картина казалась кошмарной. Повсюду внутри была кровь – она покрывала стены и иллюминаторы, складываясь в причудливый рисунок. Олзмэн быстро отвел луч в сторону, не желая, чтобы Кимбол как следует разглядел жуткий антураж.

Он посветил вдоль борта в поисках внешних повреждений – герметичный затвор люка, похоже, цел. Теоретически аппарат должен был всплыть, хотя и медленно.

– Готовы? – спросил он Кимбола.

– Готов.

Олзмэн осторожно, чтобы случайно не задеть Обелиск, совершил ряд маневров, выбрал подходящее место и послал электрический импульс. Он пришелся точно в цель – корпус озарился сверхъестественным потрескивающим свечением, через несколько мгновений отсеки для хранения балласта открылись, и из них, вздымая со дна облака ила, посыпались свинцовые гранулы. Аппарат стал медленно подниматься. Олзмэн смотрел, как он прошел буквально в полудюжине метров от батискафа и начал исчезать в темноте. Лишенный управления «Ф-7» накренился, а рука-манипулятор бесцельно завращалась вокруг смотрового иллюминатора.

«Готов или не готов – поехали», – подумал Олзмэн, и через мгновение батискаф направился к поверхности следом за быстро удалявшимся аппаратом.

42

«Это уже входит у меня в привычку», – невесело ухмыльнулся Олтмэн, осторожно доставая из пробоотборника кусок породы. Кажется, никто ничего не заметил. Внимание всех находившихся в отсеке людей было обращено на поднятый с глубины аппарат: море крови внутри и разложившиеся изуродованные трупы. Маркофф быстро объявил отсек карантинной зоной, однако Олтмэн успел до того выскользнуть вместе со своим трофеем.

Он отнес керн в спальню и приступил к его изучению. Олтмэн не сомневался: это фрагмент артефакта. На вид он казался самым обычным камешком, но Олтмэн никак не мог его классифицировать. На обломке имелся выступ в виде зубчика, и на нем было что-то вырезано или выбито. К сожалению, образец был слишком мал, чтобы уверенно судить, что же он собой представляет.

Вечером он украдкой проскользнул в незапертую лабораторию и провел более тщательный анализ. Материал чем-то напоминал гранит, однако оказался намного тверже – почти как корунд. Одна сторона была ровной и гладкой, и Олтмэн видел, где сделан скол; попутно он задался вопросом, какой инструмент для этого мог быть использован. Местами в камне обнаружились минеральные прожилки, которые показались Олтмэну слишком правильными, чтобы образоваться естественным путем. Но в противном случае возникал вопрос: что это за вещество и каков его генезис? В конце концов, не зная, что и думать, он решил считать их природными образованиями. Олтмэн никогда не слышал о существовании технологии, позволявшей подобные манипуляции со столь твердым материалом.

Олтмэну так и не удалось узнать, что же произошло с экипажем «Ф-7» и что смог выяснить о трагедии Маркофф. После того как в отсеке был объявлен карантин, подводный аппарат исчез и больше нигде не появлялся. Несомненно, Маркофф со своими приближенными облазили батискаф снизу доверху и разобрали по винтику. Олтмэну до смерти хотелось посмотреть целиком запись, сделанную Хеннесси, но его обращенная к Маркоффу просьба осталась без ответа.

Теперь, после подъема «Ф-7» на поверхность, на плавучей базе начались лихорадочные приготовления к извлечению самого артефакта. Любой разговор рано или поздно сводился к обсуждению погребенного в глубине кратера загадочного монолита. Люди казались одновременно заинтересованными и невероятно напряженными. Чем бы ни являлся артефакт, что бы ни скрывалось там, на глубине, его обнаружение сулило нарушить весь привычный порядок вещей, и именно им, находившимся на борту, предстояло первыми вступить в контакт с Неведомым. Импульс возобновился, но теперь он был иным: сигнал шел прерывистый – то появлялся, то исчезал с относительно равными промежутками. Ряд ученых выдвинул предположение, что объект подает сигнал бедствия, однако догадок, кто или что находится в беде, ни у кого не было. Могли существовать и иные объяснения: это неполадки в оборудовании исследователей или же повреждения в самом артефакте. В конце-то концов, он имел очень солидный возраст, и многие – в их числе и Олтмэн – полагали: артефакт настолько стар, что никак не может являться делом рук человеческих. Иначе говоря, он служил недвусмысленным доказательством существования внеземной разумной жизни.

– Если бы вы сами его видели, – говорил Олтмэн Маркоффу во время доклада, – вы бы со мной согласились. В нем нет ничего человеческого.

Сигнал теперь нарушал радио- и видеопередачи, создавал помехи и делал передаваемые изображения размытыми и нечеткими. Нередко во время очередного погружения Олтмэн почти сразу же оказывался вне зоны доступа и оставался без связи большую часть времени. На глубину он ходил ежедневно, и каждый раз его сопровождал человек из бли-

жайшего окружения Маркоффа, причем никто не проявил ни малейших признаков помешательства. Олзмэн засыпал напарников вопросами в попытке выведать хоть что-то, любую деталь о происходящем. Большинство держало язык за зубами, однако время от времени то один, то другой все же проговаривались.

Однажды, когда Олзмэн проходил по коридору мимо открытой двери лаборатории, его окликнул ученый и, явно перепутав с кем-то, начал задавать вопросы о подъемном механизме. В самом ли деле он такой мощный? Сможет ли он поднять объект? Да, и что с тросом? Какой нужен трос, чтобы вытащить такую машину?

Олзмэн, сколько мог, поддерживал разговор, но в итоге признался, что не понимает ни слова из того, о чем его спрашивают.

– Вы разве не Перкинс? – удивился ученый.

Олзмэн отрицательно покачал головой.

– Ладно, пустяки. – Обознавшийся ученый быстро ретировался в лабораторию. – Забудьте все, о чем я тут говорил.

Шоуолтер почти так же, как Олзмэн, находился на обочине всеобщей суеты, но он все же лучше разбирался в геофизике, и потому с ним иногда консультировались.

– Сплошные недомолвки и полупамятки, – как-то за кофе шепнул он Олзмэну. – Они думают, что, если будут сообщать мне лишь самый минимум, я не смогу сложить мозаику целиком. Это все было бы так, общайся я только с ними. Но их коллеги тоже другой раз со мной консультируются. И мне известно больше, чем они себе представляют.

– И?..

– Думаю, поднять объект попытаются в самое ближайшее время. Практически все проблемные моменты в теории разрешены. Нужно еще провести несколько тестов, и тогда останется только ждать команды.

Ада тем временем сдружилась с судовыми медиками и даже, когда возникала необходимость, неофициально им помогала. А та возникала все чаще и чаще. Ада рассказала Олзмэну, что случаев бессонницы и галлюцинаций среди ученых и военных становится больше с каждым днем.

– По словам доктора Мерка, это просто из ряда вон. Количество инцидентов, связанных со всякого рода насилием, растет на глазах, оно буквально удвоилось за каких-то несколько месяцев. Число самоубийств выросло просто невообразимо, да и случаев нападений стало значительно больше.

– Время просто тяжелое, – предположил Олзмэн, выступая в роли адвоката дьявола, более привычной как раз для Ады. – Может, все объясняется просто.

– Да нет же, ты был прав! – воскликнула Ада. – Здесь кроется нечто большее. Даже Мерк так считает. Налицо признаки широко распространившейся паранойи: людям мерещатся их умершие родственники, и все больше и больше случаев, когда люди в состоянии, подобном трансу, говорят о каком-то «Слиянии». А придя в норму, никак не могут объяснить, что имели в виду. Буквально все находятся на грани помешательства или паники. Черт бы тебя побрал, Майкл, я уже начала думать, как ты.

Олзмэн кивнул:

– Значит, мои ненаучные изыскания меня не обманывают. Все находится на грани. Что-то происходит.

– И что, по-твоему, это значит?

– Что это значит? – переспросил Олзмэн. – Если хочешь знать мое мнение, мы в полной заднице.

43

Это произошло во время очередного спуска под воду. Компанию Олзмэну на сей раз составил некто Торквато, ученый из ближайшего окружения Маркоффа. Он взял с собой в батискаф простую черную коробочку, самоделку с одним-единственным колесиком и индикатором со стрелкой. Судя по анахроническому облику, вещь вполне могла быть сделана еще в двадцатом столетии. Чтобы скоротать время за погружением, Олзмэн попытался завести непринужденную беседу.

– А вы, насколько я понимаю, ученый? – спросил он.

Торквато пожал плечами:

– Можно сказать и так.

– И в какой области специализируетесь? Геофизика, геология, вулканология? Или что-то более теоретическое?

– Трудно объяснить, – пробурчал Торквато. – Да это и не особо интересно.

Однако Олзмэну было интересно. Он спускался в самое сердце кратера с человеком, который держался все более отчужденно. Что-то происходило.

– И с какой целью вы направляетесь на дно кратера? – не отставал от него Олзмэн.

– Провести измерения.

– А что это у вас за коробочка?

– Эта? – Торквато дотронулся до нее большим пальцем. – Да так, ничего особенного.

Еще несколько вопросов – и Олзмэн сдался. Оставшуюся часть пути они провели в молчании и, добравшись до артефакта, зависли прямо над ним. Роботы сделали подкоп под объект и теперь опутывали его сетью. Та крепилась ко множеству тросов. Впоследствии их должны были присоединить к более прочным и толстым тросам, которые спустят с буксира. Поднимать артефакт планировалось при помощи находящихся еще в стадии разработки чудес кинетической технологии. Потом через специальный шлюз его затащат внутрь плавучей базы.

Сидевший за спиной Олзмэна Торквато несколько раз повернул колесико на коробочке. Стрелка немедленно дернулась и принялась ритмично двигаться по шкале. Торквато буркнул что-то себе под нос и сделал запись на эйчподе.

– Что такое? – поинтересовался Олзмэн.

– Мм, – промычал Торквато, – вы что-то сказали?

Олзмэн начал было повторять вопрос, но Торквато резко его оборвал:

– Опустите батискаф ниже.

– Насколько ниже?

– Посередине между вершиной объекта и основанием.

Олзмэн осторожно опустил аппарат. Стрелка на коробочке, как заметил Олзмэн, продолжала покачиваться, но скорость движения и амплитуда теперь изменились.

– Вот так хорошо, – сказал Торквато. – А теперь можно медленно обогнуть объект, оставаясь точно на этом уровне?

– Попробуем, – откликнулся Олзмэн и на малой скорости повел батискаф вокруг артефакта, время от времени бросая взгляды на коробочку.

Торквато, заметив неприкрытый интерес Олзмэна к прибору, кинул на напарника испепеляющий взгляд и закрыл коробочку рукой.

– Ваша задача – управлять батискафом, – бросил он, – и только.

– Послушайте, приятель, меня не волнуют ничьи секреты. Я понятия не имею, что измеряет эта штукавина. Мне просто скучно.

Торквато не удостоил его ответом. Рассердившись, Олтмэн отвернулся и сосредоточился на управлении – необходимо было удерживать аппарат на расстоянии нескольких метров от артефакта, но при этом не задеть его. Когда он через некоторое время оглянулся, Торквато продолжал заслонять прибор.

«Ну ты и задница!» – подумал Олтмэн.

С Торквато все произошло иначе, чем с другими. Перемены наступили внезапно, практически без предупреждения. Еще мгновение назад он сидел в кресле, прикрывая рукой коробочку, а уже в следующую секунду набросился на Олтмэна.

Как Торквато ухитрился освободиться от сковывавших ноги пут, Олтмэн не понял. Лишь позднее он обнаружил, что ремни были перерезаны – то ли это сделал сам Торквато, то ли кто-то другой. Выяснить так и не удалось, ну а тогда главным образом его волновало то, что в мгновение ока обезумевший Торквато оказался на свободе. Олтмэн попытался выхватить пистолет и выпустить в маньяка заряд успокоительного, но открыл, что Торквато слишком быстр: кобура была пуста, а ствол смотрел прямо на Олтмэна. Он нырнул в сторону, но поздно. Торквато уже нажал на спусковой крючок, и через мгновение из его предплечья торчала стрела со снотворным.

Олтмэн с усилием выдернул ее. Язык моментально онемел и распух. Он вдруг сообразил, что Торквато о чем-то говорит, но разобрать слова было весьма нелегко. Олтмэн моргнул, и образ Торквато расплылся, так что ему с трудом удалось снова сфокусировать взгляд. Безумец, ежесекундно повторяясь, нес околесицу о необходимости Слияния.

Олтмэн вынужден был несколько раз ударить себя кулаком по губам – пока не пошла кровь, – и только тогда он смог ясно видеть и слышать Торквато.

– Ты ведь был здесь, и не один раз, – проводя рукой по щеке Олтмэна, говорил безумец, – но почему-то ничего не почувствовал. Разве ты не слышишь, как он тебя зовет? Неужели ты не ответишь ему?

Когда к Олтмэну вернулось сознание, он обнаружил, что лежит прижавшись к смотровому иллюминатору. Батискаф с работавшим мотором бился о бок артефакта, пока наконец не замер, накренившись. Откуда-то доносились звуки ударов, перемежаемые долгими секундами тишины.

– Заклинило, – услышал Олтмэн бормотание Торквато. – Я стараюсь. Говорю тебе: я стараюсь.

«И что же это за старания?» – со страхом подумал Олтмэн.

Удары возобновились. Олтмэн медленно поднялся на ноги и встал на иллюминаторе. В кабине было чудовищно жарко, дышалось тяжело. Он взобрался на боковую приступку пульта управления и обнаружил, что установка рециркуляции кислорода выведена из строя, а попросту говоря, представляет собой кучу плюющегося искрами металла. Олтмэн предусмотрительно отодвинулся подальше. Теперь не приходилось удивляться, почему воздух такой спертый. Интересно, сколько времени он провел в отключке? Олтмэн опустил голову и поискал глазами хронометр. Тот также не работал.

Прямо у него над головой вдоль потолка протянулась лесенка, ведущая к люку, так что он мог видеть торчавшие из прохода ноги Торквато.

Звуки ударов доносились сверху.

Когда до Олтмэна дошел смысл происходящего, он немедленно покрылся холодным потом.

«Вот дерьмо! Он же пытается открыть люк и утопить батискаф!»

Олтмэн взобрался на стоящее сбоку от пульта кресло и едва не упал, когда оно предательски повернулось. Кресло застонало, словно живое, и на мгновение Олтмэн подумал, что

вот сейчас оно сорвется с крепления, но, на его счастье, этого не случилось. Он осторожно поставил поочередно обе ноги на спинку и выпрямился.

Теперь он почти доставал до закрепленной на потолке металлической лестницы. Олтмэн встал поустойчивее, вытянул руки как можно дальше, но пальцы лишь скользнули по ступенькам. Не оставалось ничего другого, как подпрыгнуть, надеясь с первой же попытки ухватиться за лестницу. В противном случае он с грохотом упадет на пол и, несомненно, привлечет внимание Торквата.

Звуки ударов возобновились с новой силой, их сопровождали хриплые выкрики Торквата. Олтмэн подпрыгнул и вцепился в ступеньку. Следующим движением он подтянул ногу и закинул ее за боковину лестницы. Наступила тишина.

Олтмэн неподвижно висел и отчаянно надеялся, что Торквата не обернется.

– Его заклинило! – заорал непонятно кому безумец. – Я пытаюсь! Сколько тебе говорить!

Держась за ступеньки, Олтмэн запрокинул голову и увидел Торквата. Тот лежал распластавшись в проходе, в руке зажат металлический брусок – возможно, стойка или что-то еще, что он выломал из установки рециркуляции. Костяшки пальцев были в крови, и Олтмэн увидел на полу прохода написанные кровью символы, подобные тем, что покрывали поверхность артефакта.

Торквата изо всех сил навалился на штурвал люка, но, не достигнув результата, издал отчаянный вопль. Затем он поднял брусок и снова принялся методично наносить удары по петлям, на которых крепился люк. Олтмэн с облегчением сообразил, что наружное давление слишком велико. Батискафу ничто не угрожает, пока маньяк не расшатает прочные петли или не взорвет люк командой с пульта управления. Что действительно вызывало серьезное беспокойство, так это нехватка воздуха.

Торквата, тяжело дыша, сделал небольшую паузу.

– Очищение, – забормотал он себе под нос. – Да, очищение. Начать все сначала, чистыми и обновленными.

И он возобновил попытки открыть люк. Осторожно, стараясь не шуметь, Олтмэн пополз к проходу. Подобравшись ближе, он вынужден был согнуть руки и максимально подтянуть тело к лестнице, чтобы не задеть спину Торквата. Когда тот в очередной раз выдохся и перестал стучать, Олтмэн оказался прямо над ним. Их разделяло менее фута. Олтмэн чувствовал исходящий от безумного напарника кислый запах пота.

Он задержал дыхание и устоял в точку в нескольких дюймах перед собой. Мышцы начала сводить судорога. Торквата продолжал бормотать что-то невнятное и время от времени негромко хихикал. Олтмэн услышал, как он царапается в люк. Потом безумец издал разочарованный вопль, и удары возобновились.

Олтмэн отпустил лестницу, одновременно оттолкнулся от нее и приземлился на спину Торквата, испытав при этом дикую боль. Он попробовал извернуться поудобнее, но в тесноте прохода сделать это было непросто, к тому же Торквата сам пытался подняться, и в результате на короткий миг лицо и грудь Олтмэна оказались прижаты к лестнице. С громким криком он, собрав все силы, сумел оттолкнуться и придавить-таки Торквата к полу. Упершись плечом в лестницу, он снова попробовал перевернуться, и на сей раз ему это удалось. Торквата лежал на боку и судорожно пытался схватить металлический брус, который он выронил в суматохе и который теперь оказался прямо под ним.

Олтмэн ухватил безумца за волосы и силой впечатал лицом в пол. Торквата зарычал от боли и, сражаясь, как дикий зверь, попытался выскользнуть из-под навалившегося на него Олтмэна. Но тот обхватил его ногами, стараясь удержать на месте, и снова принялся бить головой об пол. Торквата удалось наконец добраться до бруса, он хотел его поднять, но рука была придавлена весом двух тел. Он изловчился повернуть голову, пытаясь посмотреть на

Олзмэна, и тот увидел сломанную скулу и поврежденный глаз, из которого обильно хлестала кровь. Он снова ударил Торквато головой об пол, потом еще раз, пока брус не выпал из ослабевших пальцев, а тело не обмякло.

Некоторое время Олзмэн просто лежал ничком на Торквато, держа его за волосы, и пытался восстановить дыхание. Затем, опираясь о стены, он перевернул напарника лицом вверх. Взору предстала малоаппетитная картина: нос и скула были сломаны, превратясь в кровавую кашу. Олзмэн нагнулся и поднес ухо ко рту Торквато. Тот, хотя и едва слышно, дышал.

«И что дальше? – задался вопросом Олзмэн. – Что мне с ним делать?»

Можно было, конечно, связать Торквато, как он проделал это с Хендрикомс, но существовала вероятность, что тому удастся освободиться. Главной проблемой, однако, представлялся недостаток кислорода. Поскольку установка рециркуляции была выведена из строя, оставшегося воздуха могло не хватить на время подъема даже одному человеку, не говоря уже о двоих.

«Могу ли я пойти на убийство? Так ли уж сильно мне хочется жить?»

Олзмэн еще раз прокрутил в мозгу все возможные варианты, но ничего иного придумать не смог. Вопрос стоял жестко: или он, или Торквато. Тот, убеждал себя Олзмэн, все равно бы погиб, если бы добился своего и ухитрился открыть люк, поэтому выходило так: либо умрут они оба, либо кто-то один.

Он перевел взгляд на окровавленное лицо напарника. Это сделал он. Да, возможно, у него не было выбора, но в любом случае ответственность лежит на нем. И тут Олзмэн понял, что находится в шаге от того, чтобы взять ответственность и за большее.

Он нагнулся и схватил Торквато за горло. Оно было липким от крови. Олзмэн подождал немного, а потом очень медленно начал сжимать руки.

Он рассчитывал, что все пройдет легко, что находящийся без сознания Торквато так и не придет в себя, просто тихонько скончается. Но уже через несколько секунд глаза напарника вдруг широко распахнулись. Олзмэн усилил хватку. Торквато неистово замолотил руками, нанося Олзмэну удары по плечам и спине. Он резко выгнулся, так что Олзмэн впечатался в стену прохода, но горло противника не отпустил, а только еще сильнее стиснул.

За несколько мгновений до конца Торквато вдруг совершенно ясно посмотрел на Олзмэна неповрежденным глазом – и столько было в его зоре мольбы, так отличался он от взгляда безумца, что Олзмэну пришлось отвернуться, чтобы не видеть этого. Постепенно сопротивление ослабевало, и наконец Торквато вовсе перестал шевелиться. Когда Олзмэн повернул голову и посмотрел на дело своих рук, глаза Торквато уже закатились. Он был мертв.

С трудом Олзмэн выбрался из прохода и спустился по стене на панель управления. Там он перекинул рычаги в противоположное положение, и батискаф начал медленно сдавать назад, прочь от артефакта. Постепенно аппарат выравнился, и тело Торквато, вывалившись из прохода, шлепнулось на пол.

Олзмэн спрыгнул с панели и занял место в кресле, чтобы управлять подъемом. Участок панели, где находилась кнопка высвобождения балласта, усилиями обезумевшего Торквато был весь смят и поцарапан. Батискаф начал подниматься. Балласт высыпался, но далеко не с такой скоростью, как рассчитывал Олзмэн. Существовала большая вероятность, что, достигнув определенного уровня, батискаф вообще перестанет двигаться вверх и повиснет. Олзмэну в этом случае грозила медленная смерть.

Он записал сообщение о помощи и запрограммировал передатчик непрерывно посылать его в эфир. В сообщении он просил отправить за батискафом спасательную команду и как можно скорее вытащить его на поверхность. Вот только уверенности, что послание достаточно быстро достигнет плавучей базы, у Олзмэна не было. Потом он записал вто-

рое сообщение, предназначенное персонально для Ады на случай, если ему не удастся выбраться. В нем он говорил, что любит ее и сожалеет, что все так вышло.

В кабине батискафа становилось непереносимо жарко. Олзмэну не хватало воздуха. Он подумал, что лучше всего заснуть, – во сне он будет меньше расходовать кислород. Еще неплохо бы лечь на пол – может, там будет легче дышать, – но Олзмэн просто сидел сгорбившись в кресле и не отрывал взгляд от того, что некогда было человеком по имени Торквато.

И тут он увидел, как Торквато пошевелил рукой.

Нет-нет, это невозможно. Он мертв.

Олзмэн развернул кресло так, чтобы иметь лучший обзор, и пригляделся к телу. Определенно, Торквато был мертв, он не двигался. Да и как бы он мог?

Рука снова шевельнулась.

– Привет, Олзмэн, – произнес Торквато.

– Ты умер, вот и ступай в мир мертвых, – заявил Олзмэн.

– Это не так просто сделать. Мне нужно, чтобы ты сперва кое-что понял.

– Что понял?

– Вот это.

И Торквато бросился на Олзмэна. Он налетел как коршун и сразу же принялся душить. Олзмэн попытался оторвать руки маньяка, но они намертво вцепились в его горло. Тогда Олзмэн, в свою очередь, также схватил противника за горло и сжал со всей силой, на какую был способен. А потом он потерял сознание.

Придя в себя, Олзмэн обнаружил, что держит за горло труп. Тело Торквато было твердым и холодным – он умер уже достаточно давно.

«Черт возьми, что происходит?» – с тревогой подумал Олзмэн.

Он попытался встать, чтобы убраться подальше от мертвеца, но не смог. Тогда он разжал пальцы, скатился с тела и просто лег рядом. Олзмэн надеялся, что до поверхности осталось уже немного, но определить точное положение батискафа у него не было возможности.

Внезапно он увидел нечто странное. Женщину. Она была очень похожа на Аду, но все же не Ада. Олзмэн убедился в этом, когда присмотрелся получше. Но возможно, это была ее мать – какой он запомнил ее при первой встрече, еще до того, как у женщины обнаружили рак.

«Но это невозможно. Мать Ады умерла. У меня снова начались галлюцинации, как прежде с Торквато».

– Майкл, привет, – сказала женщина.

– Вы не мертвая? – задал неуместный вопрос Олзмэн.

– Как же я могу быть мертвой, если сейчас с вами разговариваю?

На какое-то мгновение ему захотелось просто взять и поверить тому, что она говорит, но уже в следующую секунду Олзмэн почувствовал растущее в душе недоверие.

– Кто вы такая на самом деле? Почему мне кажется, что я вас вижу?

Мать Ады проигнорировала оба вопроса.

– Я пришла, чтобы передать вам послание. Насчет Обелиска.

– Что такое Обелиск?

– Вы знаете, что это. Вы уже много раз оказывались с ним рядом, но почему-то не поддались его влиянию.

Она скрестила указательный и средний пальцы и вытянула руку в направлении Олзмэна.

– Хвост дьявола, – произнес он. – Вы имеете в виду артефакт.

Женщина кивнула:

– Забудьте о нем. Обелиск опасен. Самое главное – его нужно оставить там, где он стоит.

– Черт, я вообще не понимаю, о чем вы, – раздраженно сказал Олзмэн. – Что я должен сделать с этим вашим Обелиском?

– Я говорю не о вас лично, – пояснила мать Ады и развела руки в стороны, – а обо всех людях. Какое бы решение вы ни приняли, последствия затронут всех.

Она задрала подбородок – очень похоже часто делала и Ада. Олзмэну показалось, что его голова сейчас не выдержит чудовищного внутреннего давления и взорвется, но тут же все прошло.

– Что за послание?

– «Слияние» означает «смерть». Вы не вправе поддаваться воздействию Обелиска. Вы не должны позволить ему инициировать Слияние.

– А что означает «Слияние»?

– Это значит, что вы начнете все с самого начала.

– С начала чего? И это касается только меня?

Женщина снова широко распростерла руки:

– Всех вас.

На короткий миг она стала так похожа на Аду, что Олзмэн по-настоящему встревожился.

– Майкл, я вас люблю и рассчитываю на вас. Прошу, помогите мне остановить его. Пожалуйста, сделайте это.

И так же неожиданно, как появилась, мать Ады исчезла. Олзмэн снова попытался встать на ноги, но не смог и упал. Все вокруг померкло, словно он смотрел на мир через туманную пелену. С каждой секундой становилось все темнее, а потом вдруг все разом исчезло.

44

Пришел в себя Олзмэн с кислородной маской на лице и в окружении людей в белом, похожих друг на друга как две капли воды. Лица их были скрыты хирургическими масками.

– Наконец-то, – произнес один из «масочников». – Он жив.

– Есть признаки повреждения мозга? – спросил его коллега.

Олзмэн попытался что-нибудь сказать, но язык не подчинился. Один из врачей положил руку ему на плечо. Это оказался Стивенс – Олзмэн узнал его по глазам.

– Просто расслабьтесь. Вам чертовски повезло, что вы остались живы.

Олзмэн закрыл глаза и проглотил слюну. Внезапно мозг пронзила ужасная мысль: что, если все это – просто очередная галлюцинация?

Он хотел пошевелить руками, но не смог. Открыв глаза, панически огляделся по сторонам.

– Он сбит с толку, – сказал один из врачей, – дезориентирован. Не знает, где находится. Что там говорила мать Ады?

«Вы не вправе поддаваться воздействию Обелиска. Вы не должны позволить ему инициировать Слияние».

Он должен всем рассказать.

– Обелиск, – прошептал Олзмэн.

Маркофф немедленно наклонился над ним.

– Обелиск, – с трудом повторил Олзмэн.

– Обелиск? – переспросил Маркофф. – Что это такое? Он бредит. Сделайте еще один укол.

Олзмэн качнул головой. Или попытался качнуть. Пошевелилась та или нет – Олзмэн не понял. Возможно, его молчаливое пожелание просто игнорировали. Он лежал и смотрел, будучи не в силах ничего сделать, как один из врачей наполняет шприц и выпускает струйку лекарства.

Олзмэн хотел заговорить, но из горла вырвалось только нечленораздельное бульканье.

– Олзмэн, все будет в порядке, – заверил его Стивенс и похлопал по руке. – Мы вам поможем, не волнуйтесь.

В этот момент он почувствовал в руке сильное жжение – это игла пронзила плоть, – но уже в следующую секунду боль исчезла, а рука онемела. Люди в белом еще некоторое время оставались в поле зрения, но вот они начали расплываться, закрутились в водовороте и наконец исчезли без следа.

Когда к Олзмэну в очередной раз вернулось сознание, в комнате находилось всего трое: Стивенс, Маркофф и еще один человек из ближайшего окружения Маркоффа, чьего имени Олзмэн не знал. Он был таким же крупным, как и его босс, – пожалуй, даже шире в плечах, с жестоким, безжизненным лицом. Они стояли рядом с кроватью, но разговаривали настолько тихо, что Олзмэн не мог разобрать ни слова.

Стивенс первым обнаружил, что пациент пришел в себя. Он кивнул в сторону кровати и что-то шепнул остальным. Те сразу же замолчали. Все трое, словно по команде, подошли и усталились на лежащего.

– Олзмэн, – нарушил молчание Маркофф, – вы все еще живы. Можно подумать, вы заколдованы.

Олзмэн собирался ответить, но Маркофф поднял кверху палец, требуя молчать. Он наклонился и сдвинул с лица Олзмэна кислородную маску.

– Вы в состоянии разговаривать?

– Думаю, да. – Олзмэн не узнал собственного голоса.

Он как будто принадлежал не ему. Или ему, но уже в преклонном возрасте.

– Стивенса вы помните, – продолжил Маркофф. – А это офицер Крэкс.

Олзмэн кивнул.

– У меня простая просьба. Я хочу, чтобы вы рассказали мне все-все.

Он так и сделал: поведал все – начиная с момента, когда Торквато внезапно на него напал, и заканчивая посетившими его галлюцинациями.

– Расскажите нам подробнее о галлюцинациях, – попросил Крэкс.

– А это имеет значение? Просто галлюцинации, и ничего более.

– Имеет, – заверил его Стивенс. – На самом деле это очень важный момент.

Олзмэну, который слишком устал, чтобы спорить с ними или что-то выдумывать на ходу, пришлось выложить все подробности. Когда он закончил, мужчины удалились в дальний угол и снова принялись шептаться. Олзмэн прикрыл глаза.

Он уже практически заснул, когда троица вернулась к кровати.

Несколько секунд они просто стояли, уставившись на Олзмэна. Стивенс начал было что-то говорить, но Маркофф взял его за руку и заставил умолкнуть.

– Я хочу, чтобы с этого момента вы рассказывали Стивенсу обо всем, – сказал Маркофф. – Как только у вас появятся сны, галлюцинации – все, что выходит за рамки обычного, вы должны будете немедленно его вызывать.

– Это же безумие, – пробормотал Олзмэн.

– Нет, – покачал головой Маркофф. – Вовсе нет.

А потом они ушли, оставив Олзмэна наедине с невеселыми думами. Он был растерян и напуган, как никогда в жизни.

Но несколько минут спустя дверь открылась, в комнату ворвалась едва не обезумевшая от горя Ада, и мысли Олзмэна потекли по другому руслу.

45

После того как Олзмэн едва не погиб в батискафе, его жизнь перевернулась. У него возникло ощущение, будто на привычный мир накладывается другой, призрачный. Он все чаще видел людей, которые – он точно это знал – уже умерли: отец, сестра, знакомый учитель, совершивший самоубийство, одноклассник, которого сбила насмерть машина. Они являлись Олзмэну, внешне почти ничем не отличаясь от настоящих, живых людей, и передавали неопределенные, ставящие в тупик послания. Одни выступали против Слияния, призывали поспешить и «сфокусировать внимание в нужном направлении» (как выразился один из «оживших» мертвецов), пока еще не слишком поздно. Другие вели речь о единстве и намекали Олзмэну, что время уже практически ушло, что он не использовал надлежащим образом данные ему возможности и не проявил желания учиться на собственных ошибках. Но и те и другие убеждали Олзмэна оставить Обелиск в покое.

Он рассказал Аде, что видел ее покойную мать. Из-за этой новости она поначалу сильно рассердилась, а после разрыдалась. Наконец, по прошествии нескольких часов, она попросила Олзмэна рассказать о встрече в мельчайших подробностях.

– Но зачем она явилась тебе? – недоумевала Ада. – Почему не мне?

Сутки спустя он проснулся посреди ночи и обнаружил, что Ада сидит на кровати и внимательно на него смотрит.

– Она приходила, – с сияющим лицом сообщила девушка. – Это было словно видение. И она была так же реальна, как ты или я. Она стояла вон там, возле двери.

– Что она тебе сказала?

– Что любит меня. Она сказала: нам нужно оставить Обелиск в покое, вообще забыть о нем. Он наверняка опасен. В любом случае он должен обладать огромными возможностями. Как ты думаешь, что это вообще такое?

Олзмэн сообщил ей все, что знал сам, описал, как Обелиск выглядит под водой.

– Все это взаимосвязано, – выслушав его, сказала Ада. – Истории, гуляющие по городу, видения, которые посещают всех нас, артефакт в центре кратера. Все это звенья одной цепи.

Она испытывала настоящий экстаз оттого, что увидела свою мать. Олзмэн понял: для девушки это было сродни сильному религиозному переживанию. Сам-то он отнесся к встрече с покойницей значительно проще. Остаток ночи Ада провела в приподнятом настроении, была возбуждена. Однако уже наутро ее состояние начало меняться. Она была подавлена и сильно не в духе.

– Ну почему она не может быть здесь все время? – вопрошала Ада. – Почему не может остаться со мной?

– Потому что это была не твоя мать. Да, она вроде на нее похожа, но это не она. Просто галлюцинация.

– Это была моя мать, – заявила Ада. И настолько уверенно прозвучал ее голос, что Олзмэн забеспокоился. – И она мне нужна. Я хочу, чтобы она вернулась.

И как раз когда Ада пребывала в наиболее угнетенном и апатичном состоянии, ее мать явилась снова. Олзмэн в этот момент находился в комнате, рядом с подругой, и также стал свидетелем ее появления. Правда, он увидел не покойную мать Ады, а свою умершую сестру. Впоследствии и Олзмэн, и Ада согласились: что-то произошло, но вот воспринимали и переживали они это по-разному. Им показали именно тех, кого они хотели бы видеть. Слова, сказанные пришельцами, тоже различались; говорили они в манере их реальных прототипов. Так или иначе, с некоторыми интерпретациями, речь их сводилась все к той же неизменной

теме – Слиянию, хотя покойные, казалось, не очень четко представляли, что оно собой представляет и как его не допустить.

Олтмэн отнесся к произошедшему с недоверием.

– Все это нереально, – пытался убедить он Аду. – Нами манипулируют, нас используют.

– Я верю своим глазам, – не соглашалась она. – Это было столь же правдоподобно, как и все, что я видела прежде.

Ада так хотела, чтобы ее мать вновь оказалась в мире живых, что не желала слушать возражений. Для Олтмэна являлось загадкой, что девушке предстает одна и та же галлюцинация (или видение, как называла это Ада) – в облике покойной матери, в то время как ему всякий раз являлся другой человек из тех, кто был некогда дорог. Возможно, все объяснялось просто: он был настроен слишком скептически, чтобы отнестись к появлениям покойников не как к иллюзии, поэтому против него каждый раз пытались изобрести что-то новенькое.

Как и было велено, Олтмэн рассказал Стивенсу о посетивших его галлюцинациях, не забыв упомянуть и видение Ады. Стивенс только покивал и записал его рассказ. Выглядел он неважно: явно был перегружен работой.

– И что, по-вашему, все это значит? – спросил Олтмэн.

Стивенс пожал плечами:

– Вы с подружкой не единственные, кто страдает галлюцинациями. С другими происходит то же самое – и таких случаев становится все больше. К ним приходят мертвецы, причем дорогие и близкие люди – те, кого нельзя не воспринимать всерьез. Некоторые, вроде вас, уверены: это просто галлюцинации. Другие, как Ада, полагают, что это нечто большее.

– Чем бы это ни было, оно хочет, чтобы мы что-то сделали. Но только не знает, как надлежащим образом рассказать.

– Это еще не все, – сообщил Стивенс, у которого случился редкий приступ откровенности. – Наш лазарет переполнен людьми, страдающими от душевных расстройств. Кроме того, число самоубийств возрастает с невероятной скоростью. То ли это нечто хочет, чтобы большинство людей сошло с ума или погибло, то ли информация, которую оно передает, в буквальном смысле уничтожает нас.

Олтмэн обратил внимание на то, какие произошли перемены с находившимися на борту плавучей базы людьми. Среди них росло ощущение, что вокруг творится неладное, причем такое, чего они не в силах даже приблизительно понять. Одни собирались кучками и рассказывали друг другу о собственных встречах с покойниками, рассуждали о том, что рухнула преграда, отделяющая наш грешный мир от небес. Другие только отмахивались от галлюцинаций и заявляли, что они – лишь порождение Обелиска и иницируются испускаемым им сигналом, что это похоже на наркотические видения. Третьи явно испытывали серьезные психические расстройства: они были дезориентированы, уходили в себя, некоторые впадали в буйство.

Олтмэн находился в лаборатории и пытался при помощи графиков понять, совпадают ли периоды его галлюцинаций с моментами, когда сигнал имеет наибольшую мощность. Внезапно через открытую дверь он увидел, как по коридору бегут люди.

Он вышел из лаборатории посмотреть, что происходит. В дальнем конце стоял, прижавшись к двери, ученый по фамилии Майер – один из тех, кого он практически не знал. В руке, в опасной близости от собственного горла, он держал лазерный скальпель.

– Майер, послушай, – попытался успокоить его коллега, – опусти скальпель.

– Не приближайся! – закричал Майер, его глаза бешено вращались в орбитах. – Стой, где стоишь! Ты с ними заодно, я знаю!

– С кем? Майер, опусти скальпель. Я уверен, мы сможем все спокойно уладить.

– Позовите охрану, – сказал кто-то.

Но Майер его услышал.

– Никакой охраны! – закричал он еще громче, потом внезапно метнулся вперед и отсек скальпелем два пальца с руки своего друга-ученого.

Тот завопил от боли и упал на пол. Майер медленно кружился на месте, размахивая скальпелем, пока все не отошли на безопасное расстояние. Тогда он снова поднес инструмент к горлу и прошипел:

– Слишком поздно. Мы все уже покойники или почти покойники. Нам не спастись. Убирайтесь скорее, пока не стали такими же, как они.

Никто не успел ничего сделать, как Майер быстрым, яростным движением полоснул себя по горлу.

Скальпель слегка прижег рану, и несколько мгновений крови не было, но зато потом она хлестнула обильной струей из перерезанной сонной артерии. Майер издал жуткий булькающий вопль, воздух со свистом пошел изо рта и трахеи. Самоубийца шагнул вперед и рухнул ничком.

Через несколько секунд в коридоре появились люди в форме. Они быстро накрыли тело простыней и вывели всех прочь.

– Что случилось? – спросил Олтмэн проходившего мимо лаборатории ученого.

– Майер свихнулся, – пояснил тот. – Поднял вдруг крик в лаборатории, что-то о конце света, сломал пипетку и воткнул ее в руку Вестерману. После этого схватил лазерный скальпель и выбежал в коридор.

– Но почему?

Мужчина недоуменно пожал плечами:

– Кто его знает... Вон как на прошлой неделе – охранник взял и пристрелил без всякой причины механика, а потом застрелился сам. Это просто случается.

У Олтмэна вошло в привычку останавливаться рядом с группами людей и прислушиваться к разговорам. Основной темой был Обелиск. Этим словом, которое Олтмэн впервые услышал во время одной из своих галлюцинаций, теперь называли объект практически все на судне. Он не знал, кто первым выдвинул идею, что Обелиск является творением инопланетной технологии, но, так или иначе, она быстро овладела умами, и теперь большинство исследователей придерживалось этой гипотезы. Очень много было разговоров о создателях Обелиска, о том, зачем его здесь поместили, что он собой представляет и, наконец, стоит ли его трогать или лучше оставить в покое.

Как-то Олтмэн шел из своей каюты в отсек для подводных лодок и вдруг обнаружил, что коридор перегородила группа из шести-семи человек, среди которых были как научные сотрудники, так и охранники. Один из них, пожилой ученый, что-то говорил остальным. При виде Олтмэна он умолк.

– Разрешите, – произнес Олтмэн и двинулся сквозь толпу.

Люди расступились, пропуская его. Все это выглядело странно. Олтмэн не сомневался, что помешал чему-то, но вот чему? Может быть, назревает мятеж?

Ответ пришел, когда он начал удаляться от группы. В этот момент ученый возобновил монолог:

– Вы должны освободить свою плоть и соединиться с божественной природой его конструкции...

Это вроде религиозного собрания, догадался Олтмэн. Наверняка какая-то безумная секта, а может быть, здесь собрались представители различных конфессий. Сам он не был религиозен. Только сейчас Олтмэн понял, что не видел на судне ничего напоминающего культовое сооружение. Кто эти люди? Он замедлил шаги и прислушался, пытаясь уловить в разговоре подсказку.

– Чтобы обрести себя, мы сначала должны себя потерять, – вещал новоявленный пророк. – В Слиянии наше единственное спасение. И я слышал его. Он шептал мне: если вы не сможете понять, что означает стать одним целым с Обелиском, вам не обрести вечную жизнь.

Олтмэн невольно вздрогнул при слове «Обелиск», – скорее, он ожидал услышать про какое-нибудь божество. Он зашагал быстрее и, лишь выйдя из коридора, осознал: только что ему довелось стать свидетелем зарождения совершенно новой религии, в основании которой лежал Обелиск. От этой мысли Олтмэну стало по-настоящему страшно.

В последующие дни Олтмэн все чаще слышал в разных местах разговоры на подобную тему, в том числе и от Ады. Их противоположные взгляды на происходившее вокруг Обелиска еще больше, чем нежелание Олтмэна перестать лезть везде и всюду на рожон, послужили причиной взаимного отчуждения. В течение буквально нескольких дней их взгляды на окружающий мир сделались диаметрально противоположными. В какой-то момент Олтмэн сообразил, что они стараются избегать общества друг друга. Он по-прежнему любил Аду, но чувствовал, что теряет ее, и не представлял, как вернуть былые отношения. Несмотря на это, он все же удивился, когда в первый раз увидел Аду в кругу сторонников нового религиозного движения.

– Мы можем поговорить? – Олтмэн выдернул девушку из толпы.

– Я пыталась с тобой говорить, но ты просто не увидишь свет.

– Это не разговор, – возразил Олтмэн, – а проповедь.

Они продолжали пикироваться, и Ада пригрозила, что уйдет от него. И пусть даже Олтмэн понимал: все бесполезно, их отношения заканчиваются, – он согласился, по крайней мере, выслушать девушку.

Теперь Олтмэн наконец ясно понимал истинный смысл новой веры. Ее последователи считали, что Обелиск имеет божественную природу, что он послан самим Господом на благо всему человечеству. «Мы должны в него верить, должны преклониться перед его волей, и тогда он исцелит нас. Он нас объединит, сделает свободными и совершенными». В нелегкое время всеобщей неуверенности и тревоги из-за таинственного артефакта эта причудливая мешанина из христианства и язычества давала людям опору. Олтмэн сообразил, что уже скоро возникнет новая проблема – когда все люди на судне разобьются на два враждующих лагеря, на верующих и неверующих. Как это уже произошло у них с Адой.

Поначалу люди Маркоффа игнорировали религиозные собрания, но со временем, когда они стали многочисленнее и оживленнее, охрана стала их разгонять – очевидно, по приказу сверху. Но эффект оказался прямо противоположным – встречи только участились. Для большинства запрет на проведение собраний являлся признаком того, что военные пытаются от них что-то скрыть.

Между тем подготовка к подъему Обелиска продолжалась. На плавучей базе по-прежнему царил возбуждение, но только теперь одни страстно желали ускорить события, других же терзали мрачные предчувствия. Олтмэн еще дважды совершал погружения в батискафе с целью проверить работу механизмов, присоединявших тросы к сети, которая теперь надежно окутывала артефакт. Оба раза он опускался на дно океана в одиночестве, и оба раза, находясь вблизи Обелиска, видел мать Ады. Она повторила то, что уже говорила прежде, но понятнее от этого смысл ее речей не стал.

– Где именно мы должны оставить Обелиск? – спросил Олтмэн.

– Пока Обелиск подчиняется здешним законам тяготения, он находится там, где должен находиться.

«Интересно, что означает эта чертовщина?» – подумал Олтмэн, а вслух спросил:

– Что будет с нами?

– Вы не должны изучать его, иначе станете жертвами Слияния, – заявила мать Ады. – Впрочем, возможно, уже поздно.

– Что будет значить для нас это Слияние?

– Вы наконец начнете все с самого начала.

– Да что это значит-то?

– Вы потеряете себя и превратитесь в одно целое.

Вернулся на базу он еще более сбитым с толку, чем прежде. В голову закралась мысль: что, если адепты новой религии правы? Что, если Обелиск имеет божественную природу? А может быть, это маячок, предназначенный указывать дорогу представителям инопланетной цивилизации, предвестник нашей гибели?

Но нет, он не из тех людей, кто легко принимает все на веру. Олзмэн не мог сказать, верит ли он в Бога, но он однозначно не являлся сторонником какой бы то ни было организованной религии.

Как-то поздно вечером, когда Олзмэн собирался ложиться спать, в дверь каюты постучали. Ада отсутствовала – возможно, просто скрывалась от него.

Он подошел к двери:

– Кто там?

– Филд. Впусти меня.

Филд? С какой стати он вдруг захотел увидаться? С тех пор как оба оказались на борту плавучей базы, они не очень-то ладили между собой.

Открыв дверь, Олзмэн обнаружил, что Филд явился не один, а с доброй дюжиной людей.

Он с недоумением воззрился на пришедших:

– Что все это значит?

– Нам нужно с тобой поговорить, – объяснил Филд. – Пожалуйста, разреши войти.

Поскольку ничего другого придумать Олзмэн не мог, он впустил их. Люди поочередно с серьезным видом прошли в каюту и почти заполнили ее. Одни сели на кровать, другие остались на ногах.

– Мы пришли просить, чтобы ты нас возглавил, – заявил Филд.

– Возглавить вас? Но в чем?

– Вы видели, – сказал один из пришедших.

Олзмэн не разглядел кто.

– Что видел?

– Обелиск, – ответил Филд. – Ты провел возле Него больше времени, чем кто-либо еще. Мы знаем, что произошло в батискафе. Он убивал других, но тебя всегда оставлял в живых. Мы знаем: Он разговаривал с тобой. Ты – избранный.

– Откуда вам известно, что происходило в батискафе? – поинтересовался Олзмэн.

– У нас есть братья не только среди обычного люда, но и много из числа приближенных к Маркоффу. Ты понимаешь больше, чем кто-либо другой. Ты должен стать нашим вожаком. Ты – наш пророк. Такова воля Обелиска.

– Так, давайте-ка уточним, – сказал Олзмэн. – Вы хотите, чтобы я возглавил вас как пророк вашей религии?

Одобрительный гул пронесся по толпе верующих. Олзмэну показалось, что время едва ли не остановилось, секунды тянулись мучительно. Он попятился и уперся спиной в стену.

– Это вас Ада надоумила?

– Пожалуйста, – взмолился Филд, – скажи нам, что делать!

– Ничем не могу помочь, – отрезал Олзмэн.

Разочарованный стон был ему ответом.

– Или мы недостойны? – не унимался Филд. – Что нам сделать, чтобы стать достойными?

– Знаешь, Филд, ты мне больше нравился, когда сидел по восемь часов в день за своим столом. Да и тогда, признаюсь, я был от тебя не в восторге.

– Ты поведешь нас, – сказал Филд. – Ты не можешь нас оставить.

– Слушай, я не верю в это ваше дерьмо.

Две дюжины изумленных глаз уставились на Олзмэна. Когда он снова посмотрел на Филда, на лице коллеги появилось хитрое выражение.

– Он нас испытывает, – провозгласил тот. – Да, это проверка.

– Я вас не испытываю, – холодно произнес Олзмэн.

Филд улыбнулся:

– Мы все понимаем. Еще не время. Мы будем наблюдать и ждать. Чтобы в нужный момент занять место рядом с тобой.

– Повторяю еще раз, – начал выходить из себя Олзмэн, – я не сторонник вашей веры.

– Но ты им станешь, – уверил его Филд, – я знаю. Возможно, ты пророк поневоле, но тем не менее – пророк. Мне было на этот счет видение.

– Сейчас еще не время, – повторил его слова Олзмэн. – Убирайтесь к черту!

Люди медленно покидали каюту, при этом каждый останавливался и дотрагивался до плеча Олзмэна или пожимал руку, словно эти действия могли принести удачу. У Олзмэна от этих прикосновений по телу побежали мурашки.

46

Олтмэн смотрел через иллюминатор батискафа, как роботы заканчивают присоединять тросы к опутавшей Обелиск сети. Тот стоял на дне морском и, хотя и напоминал пойманную в силки птицу, все же имел весьма внушительный вид.

«Вот она, причина всех моих проблем, – размышлял Олтмэн. – И ситуация только ухудшается».

С расстояния всего нескольких метров он видел, как натянулся толстенный трос, до того извилистой змеей убегавший наверх, в темноту и до самого буксира. ДУМы удалили значительное количество грунта по периметру основания Обелиска, но пока было неясно, удастся ли его выдернуть. В глубине души Олтмэн надеялся, что не удастся. Он затаил дыхание. Обелиск накренился, в течение мига Олтмэн был уверен, что сеть сейчас не выдержит и порвется. Она скрипела, медленно раскачивалась и наконец с громким скрежетом, странным образом искаженным толщей воды, вместе с артефактом двинулась к поверхности.

Олтмэн направил батискаф следом. Время от времени он передавал сообщения и указания на расположившиеся поблизости подводные лодки. Те в свою очередь ретранслировали их дальше – на базу. Первое время Обелиск крутился вокруг своей оси – вода свободно струилась мимо извивающихся «рогов», заставляя артефакт вращаться и создавая невидимый глазу водоворот в кильватере. Олтмэн смекнул, что в скором времени это может обернуться серьезной проблемой – если запутаются тросы, – поэтому он отдал команду притормозить подъем, и, когда скорость упала буквально до черепашье, вращение прекратилось. Теперь Обелиск двигался хоть и медленно, зато ровно.

«Вот так», – удовлетворенно подумал Олтмэн.

Обелиск неспешно скользил сквозь тьму. Только когда он находился уже на половине пути к поверхности, Олтмэн обнаружил, что не испытывает галлюцинаций. Кроме того, впервые за несколько последних месяцев не болела голова. Он проверил показания приборов и установил, что сигнал исчез примерно в то самое время, когда начался подъем артефакта.

«Наверное, мы его отключили, – предположил Олтмэн. – Вероятно, все делаем правильно и именно таких действий от нас ожидали. Может быть, он и подавал сигналы для того, чтобы мы его обнаружили и подняли на поверхность. Возможно, в этом и заключалось его предназначение».

На несколько секунд он успокоился, но потом его начали донимать вопросы, на которые пока не находилось ответов. Если дело обстояло именно так, как Олтмэн представлял себе, тогда в чем смысл всех этих галлюцинаций? И почему чем ближе люди находились к Обелиску, тем сильнее он на них влиял?

«Складывается такое впечатление, что он хочет удержать нас на расстоянии. И что общего со всем этим должны иметь предупреждения мертвецов о Слиянии?»

«Может статься, мы поступили правильно, – решил он, – а возможно, допустили очень и очень большую ошибку».

Уже недолго оставалось до того момента, когда Обелиск окажется на поверхности и его затащат в специальный отсек на грузовом судне.

Вода вокруг по мере подъема становилась светлее, и Олтмэн теперь видел артефакт четко, как никогда прежде. Оказавшись на свету, тот выглядел еще внушительнее – весь покрытый непонятными значками и врезавшимися в камень горизонтальными линиями. И по-прежнему Олтмэн не замечал никаких следов соединений или трещин. Обелиск производил впечатление монолита, сделанного из огромного цельного камня.

Когда расстояние до поверхности составило пятьсот метров, Маркофф отдал приказ остановить подъем.

– Что случилось? – спросил Олзмэн по аудиосвязи. – Эта остановка не предусматривалась планом.

– Мистер Олзмэн, я хочу поблагодарить вас за оказанную помощь, но участие глубоководного аппарата больше не требуется. Возвращайтесь в отсек.

– Что? Послушайте, Маркофф, я бы остался здесь. Если вы не возражаете.

В наушниках надолго воцарилось молчание, а потом с потрескиванием ожил экран и на нем появилось лицо Маркоффа.

– До этого момента вы были для меня неоценимым кадром. Теперь же рискуете превратиться в расходный материал.

– Что происходит? – повторил вопрос Олзмэн.

– Вас это не касается, – отрезал Маркофф.

Олзмэн открыл было рот, но тут же закрыл. Он прекрасно знал, что Маркофф способен без зазрения совести выпустить по батискафу торпеду. Возможно, сейчас самое время уйти на глубину и попробовать смыться.

Маркофф словно прочитал его мысли и добавил:

– Или требуется весомый аргумент, чтобы вы образумились? Например, как насчет вашей подружки?

На мгновение Олзмэн заколебался. В некотором смысле он уже потерял Аду после того, как она отдала всю себя служению новой религии. Когда она окончательно оставит Олзмэна, являлось лишь вопросом времени.

Но как бы то ни было, он все еще любил Аду и не смог бы жить с осознанием того, что стал причиной ее гибели. Он тяжело вздохнул, отключил связь и направил батискаф к поверхности. Висевший в гигантской металлической сети Обелиск скоро исчез позади. По пути вверх Олзмэну встретились три подводные лодки – они тащили новый мощный трос. Другой его конец, как заметил Олзмэн, уходил в громадный отсек плавучей базы, расположенный ниже ватерлинии. Вход в него был закрыт с самого начала экспедиции для всех, кроме людей из ближайшего окружения Маркоффа. Что задумал коварный Маркофф, Олзмэн мог только догадываться.

47

Едва выбравшись из батискафа, Олтмэн сразу же направился в отсек, в котором – он знал – должен был разместиться Обелиск. Отсек располагался в центре базы и являлся самым крупным из расположенных ниже ватерлинии. В него вели четыре входа, но три из них, как обнаружил Олтмэн, были намертво заварены. Перед четвертым, основным, уже находился пост из двух охранников. Олтмэн решил хитростью проникнуть внутрь.

– Ребята, мне сейчас нужно быть в отсеке, – заявил он охранникам. – Принимать Обелиск.

– У вас есть пропуск? – спросил первый охранник.

– Вход – строго по пропускам, – прибавил второй.

– Я его оставил в каюте. Понимаете, не хочется опаздывать. Давайте я потом принесу и покажу, идет?

– Без пропуска никому нельзя.

К ним несмело подошел один из ученых, взмахнул кусочком пластика, и охранники молча кивнули ему: проходи. Когда дверь отъехала в сторону, Олтмэн заглянул внутрь и увидел, что там расположен обычный шлюз. Ученый терпеливо дожидался, когда ему разрешат пройти дальше, а тем временем дверь вернулась на место.

– Пожалуйста, – предпринял Олтмэн еще одну попытку, – мне необходимо...

– Мы ведь уже объяснили, – прервал его старший. – Без пропуска входа нет. А теперь двигайтесь отсюда, не то моментально загремите в карцер.

Олтмэн медленно зашагал по коридору. Войти в отсек пока не удалось, но, возможно, получится хотя бы понять, что там происходит. Он переходил от одной лаборатории к другой, заглядывал в каждую и наконец обнаружил помещение с окном, которое выходило как раз в интересовавший его отсек.

Он подошел вовремя – в днище был открыт люк, и в нем появился Обелиск, его при помощи тросов медленно тянули внутрь. Но вот происходившего непосредственно в отсеке Олтмэн разобрать не мог. Каким-то образом стекло сделали частично непроницаемым, и все, что он видел, – это неясные движущиеся тени, а потом – смутно различимая громада самого Обелиска. Разглядеть подробности не удалось.

– Вот видишь, – радостно провозгласил Филд, – мы же говорили, что ты рано или поздно придешь к вере.

Но Олтмэн вовсе не принял веру. Он по-прежнему считал Филда и его единомышленников ненормальными, однако не собирался произносить это вслух. Обелиск находился на борту плавучей базы менее суток, но за это время на самой базе произошли значительные изменения. Еще до того, как Олтмэн вернулся из последнего подводного рейда, ряду исследователей объявили, что их участие в дальнейших работах не требуется, и они были отправлены на сушу, в научный центр «Дреджер корпорейшн». Последний, по слухам, в настоящее время превратился из исследовательского центра в своеобразный отстойник для ученых, надобность в которых у Маркоффа отпала, но он не хотел отпускать их далеко от себя. Среди отбывшей на материк партии была и Ада, поэтому Олтмэн не смог с ней увидеться и убедиться, что с девушкой все в порядке. Он подозревал, что и сам оказался бы в первых рядах «лишних» ученых, если бы только вернулся немного раньше. Так или иначе, Олтмэну велели собирать вещи; его должны были отправить на берег в составе следующей группы рано утром.

– Мне требуется помощь, – объявил Олтмэн, сжимая спрятанный в кармане фрагмент артефакта. – Обелиску от меня кое-что нужно. Я должен его увидеть.

Лицо Филда помрачнело.

– Он хорошо охраняется. Увидеть его будет очень непросто.

– Помнится, ты говорил, что среди верующих есть и люди из ближайшего окружения Маркоффа.

– Да, верно, – кивнул Филд, – но...

– Это важный момент, – поднял палец Олтмэн. – В противном случае я бы к тебе не обратился. – Он вынул из кармана керн и продемонстрировал Филду. – У меня в руке часть его. Это необходимо вернуть.

Филд протянул руку и осторожно дотронулся до камешка.

– Можно подержать? – спросил он с благоговейным восхищением.

Олтмэн молча протянул образец. Филд принял его в обе ладони, как новорожденного ребенка. Лицо его озарила такая радость, что Олтмэн даже немного испугался. Глядя на «реликвию», Филд принялся тихонько напевать то ли песню, то ли молитву – не разобрать слов, – а потом, с неохотой вернув керн, опустился перед Олтмэном на колени.

– Встань. И никому ни слова о том, что я собираюсь сделать.

Но Филд подняться не пожелал.

– Спасибо, что избрал меня, – склонил он голову. – Я сделаю все, что в моих силах, лишь бы помочь тебе восстановить целостность Обелиска.

Около трех часов ночи в дверь постучали. На пороге стояли Филд и человек в черной одежде – знак того, что он принадлежит к «внутреннему кругу» Маркоффа. Под мышкой незнакомец держал сверток. Олтмэн подумал, что вроде бы знает пришедшего.

– Генри Хармон, – представил его Филд. – Мистер Хармон, это Майкл Олтмэн.

– Я знаю, кто он, – сухо заметил Хармон. – Вы уверены, что это абсолютно необходимо?

Олтмэн кивнул. Хармон бросил ему сверток, в котором оказалась точно такая же одежда, как и на нем.

– Надевайте.

Олтмэн уставился на одежду.

– И как это поможет? – спросил он Хармона. – Разве меня не узнают?

– Все может быть, но они не попытаются нас остановить. Пока на вас форма, никто пропуск не спросит. Если у нас и возникнут проблемы, то после. Но придется рискнуть.

Олтмэн оделся, и они вышли из каюты.

Филд поплелся следом, но Хармон резко обернулся и покачал головой. Филд с выражением глубочайшего разочарования на лице вынужден был убраться восвояси.

Хармон сверился с часами.

– Там дежурят четыре охранника: два снаружи и два внутри. Все вооружены. Нам повезло: те, что внутри, – наши единомышленники. Хотя наверняка этого утверждать нельзя. Ну а другие двое – чужды вере. Сменяются они примерно через пятнадцать минут, и тогда уже наши не смогут помочь. Если мы задержимся дольше чем на десять минут, вполне вероятно, что один из охранников проявит любопытство и позвонит куда надо, чтобы удостовериться в наших полномочиях. Все понятно?

– Угу, – кивнул Олтмэн.

– Вот вам пропуск. Подделка, конечно, не идеальная, но охрана снаружи не станет его разглядывать. А те, что дежурят внутри, сделают все, как я им скажу.

Хармон оказался прав. Охранники снаружи, похоже, совсем не удивились, что кому-то взбрело в голову посреди ночи увидеть Обелиск. Они посмотрели на Хармона, потом скользнули взглядом по обоим пропускам и жестами разрешили войти. Дежурившие внутри охранники не удосужились сделать даже этого; когда Хармон с Олтмэном вошли в отсек, они тихо ретировались к противоположной стенке.

Глазам вошедших сразу предстал Обелиск. Вдоль стен был сооружен ряд мостиков, чтобы желающие могли рассмотреть с близкого расстояния любой участок поверхности артефакта. Массивный и грозный, он возвышался посреди отсека. Сейчас очертания не искажала вода, и Обелиск производил впечатление еще более огромного и неземного. Обелиск, казалось, излучал энергию.

А еще он был опасен.

В то же самое время в Олзмэне проснулся и решительно заявил о себе ученый. Перед ним находился уникальный объект, и ему не терпелось приступить к исследованию. Обелиск являлся продуктом невероятно развитой технологии – причем технологии, предшествовавшей человечеству.

Олзмэн достал эйчпод и включил видеозапись.

– Что вы делаете? – зашипел Хармон. – Никому не разрешается снимать Обелиск!

– Я за этим сюда и пришел.

– Но это запрещено!

Олзмэн только пожал плечами и перестал обращать на Хармона внимание. Пусть попробует помешать, если хочет. Сначала он заснял объект целиком, потом крупным планом запечатлел две ближайшие грани. Все это время он пытался найти место, откуда был вырезан лежавший сейчас в кармане керн, но так и не смог.

Ему казалось, что он только-только начал, когда Хармон схватил его за рукав и прошептал:

– Нам пора.

Олзмэн кивнул, сунул эйчпод обратно в карман и направился к выходу. Хармон шел за ним по пятам. Он коротко кивнул «своим» охранникам, и те заняли прежние места. Другим, дежурившим снаружи, он отдал честь.

– Скажите, зачем вам нужно было снимать его? – спросил Хармон по пути назад. – Я борюсь с желанием доложить обо всем начальству.

– Это важно, – ответил Олзмэн. – Поверьте мне. Вы сами все увидите.

Через пять минут он был уже в своей каюте и спешно складывал вещи. Фрагмент Обелиска он собирался прихватить с собой. Всю информацию с эйчпода Олзмэн на всякий случай переписал на флеш-карту и спрятал ее за подкладку куртки. Покончив со сборами, он лег на кровать и стал ждать.

Сон не шел. Едва Олзмэн закрывал глаза, как видел Обелиск, который внушительной громадой нависал над ним. Он был величественный и опасный; он что-то хотел от людей. Но почему же Ада поклонялась ему? Ведь поклонение означает только то, что ты отдаешь себя целиком в чью-то полную власть и рассчитываешь на милосердие. А Обелиск – Олзмэн угадывал это – вовсе не был способен на доброту.

Уже скоро, через час-два, в дверь постучат, его проводят на катер и отправят на берег, в центр «Дреджер корпорейшн». Олзмэн лежал, уставившись в темноту, и предавался размышлениям. По возвращении на материк он сможет обо всем забыть, сделать вид, что его больше не волнует судьба Обелиска, и предоставить Маркоффу возможность творить с артефактом все, что заблагорассудится, а сам потихоньку вернется к привычной жизни. Но был и другой вариант: он придумает, как тайком вынести видеозапись и показать ее всему человечеству; попытается сделать так, чтобы Обелиск превратился из игрушки для военных в объект совместного изучения специалистами из разных стран.

Первый вариант будет означать безопасность, возможность вести более или менее нормальную жизнь. Не исключено, что удастся восстановить отношения с Адой. Быть может, со временем, вдали от Обелиска и насылаемых им галлюцинаций, не преследуемая более

призраком умершей матери, она придет в себя, восстановит душевное здоровье. Все еще может наладиться. При условии, конечно, что военные не учинят ничего с артефактом.

Если выбрать второй путь, его могут ожидать серьезные опасности и даже смерть. Маркофф со своими бандитами не раздумывая прикончит и его, и Аду, если они превратятся, выражаясь языком Маркоффа, в расходный материал.

Но Олзмэн уже знал, какой путь выберет. Он всегда относился к числу людей, которые не ищут себе спокойной жизни. Теперь оставалось только придумать, как предать гласности все, что ему известно.

Маркофф просматривал файл за файлом в поисках хороших новостей, но пока ничего обнадеживающего не находил. Обелиск оставался безразличен ко всем попыткам вступить с ним в контакт.

Ученые испробовали уже все возможные способы, какие только пришли им на ум, провели множество экспериментов. Команда криптологов пыталась расшифровать загадочные символы, покрывавшие Обелиск, но, поскольку никто не имел представления, какую информацию они могут содержать, дело практически не сдвинулось с мертвой точки. На Обелиск пробовали воздействовать электрическим током – безрезультатно. Его подвергали облучению радиоволнами, микроволнами, электромагнитными волнами. Однако артефакт упорно не желал отзываться.

Или почти не желал. Обелиск, по сообщениям исследователей, снова испускал сигнал – хотя и очень слабый, но его все же можно было зафиксировать. Впрочем, одни ученые, работавшие с Обелиском, его замечали, а другие – нет. Как докладывал Маркоффу Стивенс, ученых, обнаруживших сигнал, начали посещать их мертвые родственники – так же, как это произошло на глубине с Олтмэном. Все они с различными вариациями пытались передать одно и то же послание. Смысл его сводился к тому, что Обелиск следует оставить в покое и не стараться использовать в своих целях. Ученые терялись в догадках, что все это может означать, поэтому они просто сообщали об увиденном и услышанном Стивенсу, а после принимались горячо обсуждать новости между собой. Одни говорили, что это предупреждение и нужно понимать его буквально: никто не смеет дотрагиваться до Обелиска, никто не должен пытаться постичь его тайны, в противном случае на свободу могут вырваться такие силы, которые никто не способен даже вообразить. Возможно, полагали другие, все дело в том, что люди еще не готовы, но как только они докажут, что достойны, Обелиск раскроет все свои секреты.

В лагере последних народу прибывало с каждым днем. Мистическая вера в Обелиск овладевала умами людей. Адепты новой религии собирались вместе при первой же удобной возможности и все больше разжигали в себе убеждение, что Обелиск служит вратами к вечной жизни и единению с божественным началом. Некоторые утверждали, что именно это и подразумевается под «Слиянием». До настоящего времени движение религиозных фанатиков сдерживалось военизированной охраной, однако Маркоффу стало известно, что и среди последних тоже объявились верующие. На горизонте замаячила реальная угроза потерять контроль над проектом.

Сейчас требовалось только найти какой-то простой способ овладеть силами, скрытыми в Обелиске. И сделать это нужно было быстро. Маркофф не сомневался: с помощью приобретенных новейших технологий откроется прямая дорога к неограниченной власти, фактически к единовластию на Земле, не говоря уже о Луне. И даже во всей Солнечной системе.

Но вот теперь группа религиозно настроенных ученых выступила с предложением ввести строгие правила насчет того, как следует изучать Обелиск. Допустимы, видите ли, могут быть только «почтительные взаимоотношения» с артефактом, и ничего такого, что могло бы ему навредить или заставить его думать плохо о человечестве в целом. «Нам нужно показать Обелиску, что мы его достойны, и тогда он станет нашим добрым наставником». Все это звучало как несусветная чушь, и Маркофф без малейших раздумий отверг просьбы адептов, но заставить людей молчать было не в его власти. Даже несмотря на то, что Маркофф категорически не принял выдвинутые предложения, в отношении находившихся на борту к Обелиску произошли ощутимые перемены. Похоже было, что большинство испытывает едва ли не священный трепет перед артефактом. Маркофф не мог скрыть изумления. Вокруг что-то

происходило, и ему это не нравилось – на самом деле он никогда прежде не сталкивался с подобными вещами. Необходимо было срочно искать выход из ситуации.

Он вызвал по видеосвязи Крэкса. Тот откликнулся практически мгновенно – очевидно, сидел перед монитором и ожидал звонка.

– Вам удалось ознакомиться с материалом? – спросил Крэкс.

– Да. Какие будут рекомендации?

– Однозначный отказ рассматривать любые предложения. Стоит нам начать, и уже не остановимся. Они просто психи, и нечего церемониться с ними.

– На этом дело не закончится, – заметил Маркофф.

– Возможно. Но у нас есть оружие, а у них нет.

– Хорошо. Не теряйте бдительности.

Через два дня на связь с Крэксом вышел охранник, дежуривший в отсеке с Обелиском.

– Сэр, здесь ученые, – запинаясь, доложил он. На заднем плане Крэкс слышал многоголосый гул. – Они протестуют и не хотят уходить.

– Заставьте их убраться, – бросил Крэкс.

– Сэр, это не так-то просто. Их здесь очень много. Мы вынуждены были вызвать подкрепление. Что нам делать?

– Ничего не предпринимать до моего прибытия, – приказал Крэкс и прервал связь.

К тому времени как он появился в отсеке со своими людьми, ситуация обострилась. Ученые, возглавляемые невысоким толстяком по фамилии Филд, окружили Обелиск. Они взяли за руки и пытались удерживать охранников на расстоянии. Последние стояли, опустив оружие. У многих был совершенно растерянный вид.

– В чем дело? – с ходу спросил Крэкс. – Что произошло?

– Вам нужно спросить вот его. – Один из охранников показал на Филда.

– Хорошо.

Крэкс вытащил из кобуры плазменный пистолет и подошел к стоявшему среди других ученых Филду:

– Что все это значит?

– Вы получили наши требования? – спросил Филд.

– Мы с ними ознакомились, но не приняли.

– Здесь мы для того, чтобы охранять Обелиск, пока вы их не выполните.

– Значит, бунт? Можете не сомневаться: для вас это плохо кончится.

Несколько человек переглянулись и зашушукались. Крэкс, правда, ожидал, что таких окажется больше. Филд вроде слегка занервничал, но голос оставался твердым.

– Мы делаем то, что считаем правильным.

– Правильнее всего будет разойтись по каютам.

– А вы тогда прислушаетесь к нашим просьбам? – спросил Филд.

Крэкс спокойно встретил его взгляд и сказал:

– Не задавайте вопросов о том, чего не понимаете. Я еще раз прошу вас покинуть отсек и разойтись по каютам.

Филд сглотнул слюну и покачал головой.

«Да, глядя на этого толстяка, и не скажешь, что он может быть таким непреклонным, – подумал Крэкс. – Вера творит с людьми удивительные вещи».

– Повторяю последний раз, – отчеканил Крэкс. – Больше упрашивать не буду.

Филд начал обильно потеть. Глаза его как будто потускнели, но выражение решимости их не покинуло. Он сжал губы в тонкую белую полоску и снова покачал головой.

Крэкс улыбнулся, приподнял пистолет и выстрелил Филду в ногу.

Толстяк, вопя от боли, кулем рухнул на пол, и в отсеке мгновенно воцарился хаос. Кто-то из ученых выстрелил, пучок плазмы пронесся совсем рядом со щекой Крэкса, подпалил ему волосы и угодил прямо в лицо стоявшему позади охраннику. Окровавленный и ослепленный, тот упал. Крэкс присел и выстрелил в ногу еще одному адепту. Вокруг занялась беспорядочная пальба.

Внезапно Крэкса осенила идея. Он направил пистолет прямо на Обелиск и нажал на спусковой крючок. На поверхности артефакта вспыхнуло и несколько секунд плясало голубое пламя.

Потом Крэкс метнулся к корчившемуся на полу Филду, опустился с ним рядом и повернул голову ученого, чтобы тот мог видеть Обелиск. А потом выстрелил еще раз.

– Нет! – пришел в неопикуемый ужас Филд. – Вы его повредите! Не стреляйте!

– Велите им прекратить! – крикнул в ответ Крэкс. – Велите им бросить оружие и сдаться, иначе я прикажу всем охранникам расстреливать эту штуковину.

И чтобы подтвердить серьезность намерений, он выпустил в Обелиск третий заряд.

Внезапно Крэкса захлестнула волна чудовищной боли. Голова, казалось, вот-вот взорвется. Он судорожно попытался вдохнуть. Со всеми, кто находился рядом, творилось то же самое. Филд заверещал, а потом закричал своим сторонникам, чтобы послушались его приказа, прекратили насилие и сложили оружие. Поначалу плохо соображавшие от боли люди ничего не поняли, но постепенно пришли в себя и застыли, словно остоленев. Крэкс зарычал и поднял руку, давая охранникам команду не стрелять.

Господи, как же у него трещала голова!

– Ради блага Обелиска мы должны сдаться, – обратился к коллегам Филд, кривясь от боли в ноге. – Опустите оружие, братья. Прекратите сопротивление.

С изумлением Крэкс наблюдал, как все беспрекословно подчинились Филду.

«Вот еще одно доказательство тому, – удовлетворенно подумал он, – что религия – опиум для народа».

В последующие двадцать минут охранники препровождали арестованных бунтовщиков в карцер, а подоспевшие медики оказывали помощь раненым. Четверо были убиты: два охранника и двое ученых. Крэкс приказал отнести тела в морг.

Крэкс улыбался. Такого веселья он не испытывал со времен военных действий на Луне. День выдался прямо-таки радостный. Еще бы голова не болела, и можно было бы сказать, что жизнь прекрасна.

49

– Снова началось, – сказал Олзмэн. – Импульс. Я уверен.

Он сжимал голову руками. Ада, очевидно, тоже страдала, но не так сильно. Она лишь рассеянно потирала лоб.

– Уверен?

– Да.

– Значит, я ее снова увижу? Мама придет?

Олзмэн отвернулся с разочарованным видом. Они с Адой находились на материке, в исследовательском центре, который, как они выяснили сразу же по прибытии, превратился в нечто наподобие лагеря для интернированных. Лаборатории опустели, в них остался лишь минимум необходимого оборудования. Из центра был только один выход на волю, и его днем и ночью, сменяя друг друга, охраняли те трое, что в свое время доставили Олзмэна на свидание с Маркоффом. Казалось, с тех пор прошли уже годы. Имена всех троих начинались с буквы «Т». Терри был тщедушного телосложения и очкарик, но постоянно таскал с собой крупнокалиберную пушку. Тим и Том, оба здоровые как лоси, были братьями и, вероятно, близнецами.

В первый же день Олзмэн предпринял попытку выйти за пределы центра, но его остановили. Он попробовал объяснить:

– Я только хотел...

– Никого не впускать, никого не выпускать, – прервал его очкастый Терри. – До тех пор, пока босс не отдаст другой приказ.

Когда он попробовал выйти в другой раз, дежуривший у дверей то ли Тим, то ли Том не стал ему ничего говорить, а просто втолкнул обратно. Когда же Олзмэн начал качать права, он незамедлительно получил кулаком в живот.

– Вали отсюда, – лаконично приказал то ли Тим, то ли Том.

Всего в центре было заперто человек двадцать, в том числе почти все ученые, работавшие прежде в Чиксулубе, за исключением Филда и почему-то Шоултера. Пытались продолжать исследования, которыми занимались на плавучей базе, но в отсутствие надлежащего оборудования это было невозможно. Поэтому они довольствовались тем, что сравнивали свои наработки и делились полученной информацией.

Многие, как и Ада, стали адептами нового учения. Большинство относилось к пастве Филда, и они с уважением поглядывали на Олзмэна, признав в нем пророка поневоле.

– Я избран Обелиском, – доверительно поведал ему ихтиолог по фамилии Агасси. – Не знаю почему, но это факт.

– Почему вы мне об этом рассказываете?

– Я знаю: вы говорите с ним. Спросите его обо мне.

И другие также подходили к Олзмэну в надежде получить благословение или знак свыше. Поначалу он пытался отговариваться, что это невозможно, что никакой он не пророк, но убедить глубоко веривших людей было практически невозможно. В итоге Олзмэн пришел к выводу: лучше с таинственным видом наплести им какую-нибудь ерунду или наскоро благословить, и тогда его скорее оставят в покое.

После разговора с Агасси стало ясно: этими людьми будет очень легко управлять. Так, он может сказать Агасси, что Обелиск поручил ему особую миссию и она заключается в повиновении Олзмэну. В центре находилось достаточно адептов, чтобы попробовать, играя на вере, выбраться с их помощью на волю. Однако Олзмэну тяжело было решиться на такой шаг. Если они сейчас предпримут попытку освободиться, возможно, и удастся одолеть стоя-

щего на часах у дверей одного из трех «Т», но прежде он может ранить или убить нескольких человек. Меньше всего Олзмэн хотел, чтобы на его совести оказались новые жертвы.

Скуд, хотя оборудования и материалов катастрофически не хватало, все же сумел, используя, в частности, позаимствованные из охранной сигнализации провода, собрать простенькую аппаратуру, которая могла, пусть и с высокой погрешностью, измерить мощность импульса. Замеры подтвердили: действительно, сигнал вновь стал четким и мощность его возрастала.

– Сказать точно, насколько он усилился, я не могу, – извиняющимся тоном пояснил Скуд. – Аппаратура слабовата.

– Хорошо, – сказал Олзмэн, – но даже с учетом этого вы можете утверждать, что он усилился?

– С этой аппаратурой ручаться не могу, – продолжал упорствовать Скуд.

Но, как оказалось, Олзмэну и не требовалось подтверждение шведа. Достаточно было посмотреть на перемены в поведении людей – одни замыкались, уходили в себя, другие, наоборот, становились вспыльчивыми и беспокойными, – а кроме того, он продолжал регулярно встречать призраков.

«Помоги нам! – умоляли они. – Помоги нам соединиться в одно целое!»

Олзмэн часами размышлял, что же он может сделать. Необходимо предать происходящее огласке, но как? Выбраться из здания невозможно.

И вот однажды глубокой ночью, прохаживаясь по коридору, он обратил внимание, что дежуривший у входной двери близнец разговаривает сам с собой. Тим (или Том) жестикулировал, обращаясь к пустому месту, потом протянул вперед винтовку и выпустил ее из рук. С громким лязгом она упала на пол, но здоровяк даже не обратил на это внимания. Он развернулся и припустил по коридору, не удостоив Олзмэна и взглядом. Выход на волю был свободен.

Олзмэн не колебался ни секунды. Он бросился к себе, сунул в карман бумажник, эйч-под, схватил Аду за руку, и они бегом направились к выходу. У дверей по-прежнему никого не было, ключ торчал в замке. Трясущимися руками он повернул ключ и распахнул дверь.

«А что, если это ловушка? – лезла в голову назойливая мысль. – Может, и ловушка, а может, мой единственный шанс».

Он перешагнул порог и побежал, волоча за собой не желавшую никуда уходить Аду. На бегу Олзмэн планировал дальнейшие действия: на машине или автобусе выбраться из города, потом – на самолет и в Североамериканский сектор. Нужно поторопиться, и, если удастся отсюда вырваться, он поведаст миру всю правду.

50

Тим стоял на посту и наблюдал за наружной дверью, когда перед ним появился отец. Явление не особенно удивило Тима, если не учитывать тот факт, что отец вот уже двадцать лет как умер, да и до того жил в нескольких тысячах миль отсюда.

– Тим, привет.

Отец курил трубку и был одет в неизменный свитер, который, казалось, вообще не снимал. Ну, иногда, быть может, и снимал.

– Папа, что ты здесь делаешь?

– Пришел повидать тебя.

– Папа, не нужно было этого делать. Зачем нарываться на неприятности?

– Тим, я о тебе беспокоился. О тебе и о твоём брате.

– Но почему? С Томом все в порядке, со мной тоже. Мы оба работаем, получаем хорошие деньги.

– Дело не в этом, – произнес отец и глубоко затянулся. – Тут, сынок, понимаешь, какая штука. Я даже не знаю, как это и сказать, но... ты уверен, что готов?

– Готов к чему?

– Сынок, раз ты спрашиваешь, значит не готов. А твой брат?

– Да я с ним об этом не разговаривал, – ответил Тим. – В общем-то, я даже не уверен, что понимаю тебя.

– Здесь скоро все изменится, вот в чем дело. В какой команде ты будешь играть, сынок? Окажешься ли ты в команде победителей? У тебя хороший бросок?

– Папа, я бы предпочел команду победителей, – горячо произнес Тим. – Хочется думать, что у меня хороший бросок.

– Но вот твой брат... Мне кажется, он выбыл из игры, такие дела. Ты готов его заменить?

– Том? – Тим повысил голос. – Что случилось с Томом?

– Не знаю, как правильнее объяснить... – начал отец. – В общем, разговаривали мы с ним, а в следующее мгновение он уже перестал мне отвечать. Он слушал одновременно и меня, и тренера противника. Думаю, он совершенно запутался. Вел себя точно как в детстве. Том всегда был склонен неправильно меня понимать. Но ты же не станешь так делать, Тим?

– Папа, где Том? Скажи мне, что случилось с Томом?

Но отец уже исчез, просто растворился в воздухе. А может быть, он по-прежнему находился здесь, только был сейчас у него за спиной. Он всегда стоял позади, вне поля зрения.

– Папа? – позвал Тим. – Папа?

Он беспокойно вышагивал туда-сюда, ни на мгновение не переставая думать о Томе. Том был старшим братом (он родился на девять минут раньше), и Тим неизменно относился к нему с уважением. И они всегда заботились друг о друге. Братья будто и не являлись полноценными личностями, если второй в этот момент отсутствовал. Словно в паре они были одним целым, а поодиночке вроде даже и не существовали, поэтому охранять одному выход из научного центра порой было очень тяжело.

Что сказал папа? Что Том перестал отвечать на его вопросы? Может быть, он просто рассердился на отца? Тим не понимал, как можно рассердиться на отца, ведь он был таким замечательным. Но вот Том прежде частенько сердился и иногда даже не разговаривал с папой. Может быть, так ведут себя все старшие братья?

Но если все не так просто? Вдруг случилось что-то еще? Он обязан пойти и убедиться, что с Томом все в порядке. В конце концов, разве Том в подобной ситуации не поступил бы

так же? А если он этого не сделает и после окажется, что с Томом что-то случилось, как он сможет когда-нибудь простить себя?

Оставалось только решить одну проблему. Его поставили сюда охранять вход, и нужно на время своего отсутствия найти кого-то, чтобы приглядел за дверью.

– Папа, – позвал Тим, – можешь мне помочь?

– Сынок, какие могут быть вопросы! – Отец был занят тем, что разжигал трубку. – Что для тебя сделать?

– Возьми вот это. – Тим протянул ему винтовку.

Отец не смог удержать оружие и выронил на пол. Но Тим не стал беспокоиться по этому поводу. Он подумал, что папа вполне может поднять винтовку позже, когда раскурит трубку.

– Если кто-нибудь приблизится, накачай его до отказа свинцом.

– Будет сделано, сынок, – оскалился в улыбке отец и помахал Тиму рукой.

«Да, сэр», – подумал Тим и поспешил по коридору на поиски Тома.

Нет, отец классный чувак, без базара, – он все прекрасно понимает. Далеко не каждому так везет с родителями.

Прежде чем увидеть брата, Тим почувствовал его запах – хотя сначала и не догадался, что запах имеет к нему отношение. Просто он учуял кровь и понял, что пахнет из их с Томом комнаты.

Тим пригнулся и на цыпочках вошел в комнату, каждую секунду ожидая нападения. Но никто на него не набросился.

Том лежал на кровати спиной к двери.

– Том, папа сказал: ты не захотел с ним разговаривать. Что-то случилось?

Том лежал молча.

– Том? – снова позвал Тим.

Но Том не только не отвечал, он еще и не шевелился. Тим подступил ближе и коснулся плеча брата.

Том по-прежнему никак не реагировал. Тиму вдруг стало тяжело дышать. Он потянул брата на себя, и тот перевернулся безвольной куклой. Тим с ужасом увидел, что горло Тома перерезано, а в руке он сжимает нож.

51

– Вы видели это? – спросил Стивенс.

Крэкс пришел вместе с ним и встал чуть сзади.

– Видел что? – уточнил Маркофф.

Стивенс подошел к головизору и включил запись.

– Передано буквально сию секунду. Посмотрите.

Все трое подошли к экрану, на котором транслировалось выступление Олзмэна на пресс-конференции. Внизу бегущая строка сообщала: «Ученый обвиняет военных в сокрытии фактов», а затем – «Существование внеземной цивилизации доказано». Олзмэн рассказывал на весь мир об Обелиске и экспедиции.

– Где это? – резко спросил Маркофф.

– В Вашингтоне.

– И как, черт его побери, он оказался в Вашингтоне? – обратился Маркофф к Стивенсу, а тот, в свою очередь, посмотрел на Крэкса.

Крэкс пожал плечами.

– Упущение охранников. Но это были не мои люди, – заявил он. – Наследие Таннера.

– ...Все данные, что объект является первым свидетельством существования внеземной жизни, – доносился с экрана голос Олзмэна. – Но его должны исследовать не военные. Нет, это работа для ученых из всех секторов. Специалистам со всего света необходимо объединиться и...

Олзмэн исчез с экрана, и его сменили изображения самого Обелиска. Запись была сделана в отсеке плавучей базы.

– Какого?.. Откуда у него эта запись? – спросил разъяренный Маркофф.

– Не знаю, – произнес Крэкс.

– Тогда найдите того, кто знает!

– ...Военные хотят сохранить все в тайне, – утверждал с экрана Олзмэн. – Они намерены единолично контролировать изучение Обелиска, чтобы, применяя инопланетные технологии, производить оружие. Этого нельзя допустить. Должно быть проведено всестороннее открытое исследование артефакта, чтобы определить его назначение и возможность использования.

Внизу экрана снова появилась бегущая строка. На этот раз текст был следующий: «Майкл Олзмэн: провокатор или ненормальный?»

Крэкс уже направлялся к двери, когда Маркофф велел ему остановиться. Стивенс что-то втолковывал боссу, но говорил он очень тихо, да и стояли оба довольно далеко, так что Крэкс не разобрал ни слова. Он увидел только, как Маркофф кивнул раз-другой.

– Отставить, – скомандовал Маркофф Крэксу. – Этим займетесь позже, когда вернетесь. А сейчас выясните, в каком отеле остановился Олзмэн, и любым способом устройте так, чтобы нам достался соседний с ним номер. Отберите трех человек. Мы должны быть в самолете пятнадцать минут назад. Необходимо устранить эту проблему немедленно.

Часть 6

Ад на свободе

52

День выдался бесконечно долгим: сначала пресс-конференция, после нее еще море вопросов, заданных в индивидуальном порядке. На пресс-конференции было немного легче, так как рядом сидела Ада. Правда, все ее мысли были сосредоточены на призраке матери, и она казалась не в себе. Когда же Олзмэна обступили с вопросами журналисты, он постарался отделаться общими словами. Да, имеет место инопланетный артефакт, который окрестили Обелиском. Да, он обнаружен в самом сердце Чиксулубского кратера в толще скальных пород, что позволяет выдвинуть гипотезу о его невообразимой древности – он вполне может оказаться старше человечества. Нет, это не шутка и не розыгрыш. Да, он убежден: военные пытаются скрыть сам факт существования Обелиска. Что известно (или неизвестно) правительству, он сказать не может.

Олзмэн не стал рассказывать о галлюцинациях. Ему хотелось избежать упоминания о том, что Обелиск, возможно, разумен. Кроме того, он не был до конца уверен, что источником галлюцинаций являлся именно Обелиск. Возможно, он просто служил их катализатором. Олзмэн не поведал журналистам о странном существе на берегу, не показал им знак «хвоста дьявола» и умолчал, что юкатанские майя издавна верили: глубоко под водами океана – именно в том месте, где обнаружен Обелиск, – находится хвост самого дьявола. Он быстро сообразил, что для большинства журналистов является не более чем забавным чудиком, бунтарем, которого они могут в качестве очередной диковины преподнести своим зрителям или слушателям. Их больше интересовала не сама история Олзмэна, а наличие в ней неувязок и слабых мест. Что, если видеозапись сфабрикована? Почему они должны принять на веру, что артефакт действительно имеет такие размеры, как утверждает Олзмэн, если рядом для сравнения не стоял человек? Вся запись могла быть просто сделана на компьютере. Это правда, что Олзмэн приехал в Чиксулуб по университетскому гранту? Тогда как получилось, что в итоге он стал работать на военных и долгое время провел на этом пресловутом плавучем острове? Не кажется ли вся история весьма похожей на отрывок из научно-фантастического романа?

Несколько человек, правда, задали Олзмэну более серьезные вопросы, а получив ответы, начали смотреть на него несколько иначе – они явно задумались об истинном смысле происходящего.

Вернулись Олзмэн с Адой в небезызвестный отель «Уотергейт» поздно, уже за полночь. На завтра было назначено множество интервью, а просьбы о встрече от журналистов все продолжали поступать на телефон. Кроме того, Олзмэну предстояло переговорить с адвокатом по поводу возможной подачи в суд иска к правительству. Общественное мнение, похоже, уже начало формироваться, оставалось только направить его в нужную сторону.

– У нас все получится, – сказала Ада, пока Олзмэн открывал дверь. – Маркофф не сможет единолично распоряжаться Обелиском. Теперь люди будут знать о его существовании, и все получат шанс приобщиться к его посланию.

Олзмэн не нашелся что ответить и потому промолчал. Они вошли в номер, Олзмэн включил свет и застыл на месте.

В одной из стен зияла огромная дыра, по всему полу были разбросаны куски штукатурки, а на стуле возле кровати удобно устроился не кто иной, как Маркофф собственной персоной.

– Приветствую вас, Олзмэн.

Олзмэн повернулся к двери, но обнаружил, что ему в лицо направлен пистолет с глушителем; другой был нацелен Аде в грудь. Одну пушку держал в руке Крэкс, вторую – незнакомый Олзмэну человек в форме. Еще два охранника притаились в глубине номера и сейчас выдвинулись вперед.

– Думаю, нет нужды говорить, что сперва я пристрелю вашу подружку, – сообщил Крэкс. – Поэтому – никаких криков, только вежливое молчание. Открывать рот будете, когда к вам обратятся. Все ясно?

Олзмэн кивнул.

– Пройдите в комнату и сядьте на кровать.

Они прошли внутрь, и их грубо подтолкнули к ложу. Крэкс уселся на стул на пороге ванной. Его пистолет был по-прежнему направлен на Олзмэна.

– Я полагаю, вы видели репортаж о пресс-конференции, – сказал Олзмэн.

– Закройте пасть! – рявкнул Маркофф. – Нашелся тут умник!

– Поздно, Маркофф, – тихо произнесла Ада. – Сделанного не воротишь.

– Олзмэн, давайте немного побеседуем, – проигнорировав Аду, продолжил Маркофф. – От разговора ведь никакого вреда не будет.

Олзмэн промолчал.

– Думаю, вы понимаете: безобиднее всего было бы отказаться от своих слов. Сзовите еще одну пресс-конференцию и объявите, что вы просто пошутили, не существует никакого Обелиска, нет никакого заговора, а вы стали жертвой невероятного розыгрыша.

– Нет, – твердо заявил Олзмэн.

– Если вы прислушаетесь к моим словам, мы сможем прийти к соглашению. Вам будет разрешено вернуться на базу и продолжить изучение Обелиска. – Олзмэн ничего не сказал, и тогда Маркофф добавил: – Конечно, у вас теперь будет полный доступ.

Полный доступ? Искушение согласиться было велико. Но конечно, Маркофф лгал. И, кроме того, Олзмэн уже зашел так далеко, что пути назад не существовало. Обелиском должны заниматься не одни военные, а ученые всего мира.

– Он не будет вам отвечать, – вставила Ада. – Он отвечает только Обелиску.

– Заткнись! – Маркофф сильно ударил ее по щеке.

– Не трогайте ее! – выкрикнул Олзмэн.

– Итак, Олзмэн, что скажете?

– Мне жаль, но я отказываюсь.

– Мне тоже жаль. Ну что ж, тогда вам придется отправиться с нами.

– Я так не считаю.

– Мы не спрашиваем, хотите вы или нет. Мы предоставляем вам право выбора: пойти с нами или умереть.

– Тогда убейте меня, – без колебаний ответил Олзмэн.

Маркофф холодно на него посмотрел:

– Можете назвать меня суеверным, но мне кажется, вы каким-то образом связаны с Обелиском. Я не хочу вас пока убивать. – Маркофф кивнул в сторону Ады, и Крэкс не спеша прицелился девушке в голову. – Но вот в отношении вашей подружки у меня нет никаких сомнений.

Олзмэн посмотрел на Аду. Она не выглядела испуганной, но это-то и заставило самого Олзмэна перепугаться не на шутку. Ада желала умереть и стать мученицей.

– Значит, выбор небогатый: или мы оба отправляемся с вами, или я один?

– В точку, – улыбнулся Маркофф. – У моего друга Крэкса приготовлено снотворное для вас обоих. – Он кивнул в сторону троих парней. – А эти brave ребята заделают дыру в стене, и вообще все здесь будет как новенькое. Все подумают, что вы просто перетрусили и решили смыться подальше.

– Вы настоящий мерзавец, – с отвращением произнес Олзмэн.

– На себя бы посмотрели, – парировал Маркофф. – А теперь будьте паинькой и примите лекарство.

53

Таким образом, Олзмэн вновь оказался на борту плавучей базы. Он был несколько удивлен тем обстоятельством, что его не убили, и ожидал какого-то подвоха. Опасался, что ему сохранили жизнь ради участи худшей, чем смерть, но мог лишь гадать, что с ним собираются сделать. Также он размышлял, получили ли пресс-конференция и его последующее исчезновение резонанс в мире, но вряд ли это возможно было узнать, пока он являлся пленником на судне.

Что касается Ады, то, очнувшись от наркотического забытья, Олзмэн обнаружил: ее нет рядом. Когда же он заявил, что хочет ее видеть, в ответ раздался смех.

– С ней все будет в порядке до тех пор, пока вы сотрудничаете с нами, – сообщил Крэкс.

Спустя несколько часов после пробуждения, все еще чувствуя себя как с похмелья, Олзмэн оказался в кабинете Стивенса. Врач сидел, опершись на подлокотники кресла и сцепив перед собой пальцы.

– Зачем меня доставили сюда? – спросил Олзмэн. – Почему я еще жив?

– Вы заинтересовали Маркоффа, – ответил Стивенс.

– Заинтересовал?

– Вы обладаете иммунитетом к воздействию Обелиска, в отличие от большинства ваших коллег. Маркофф пришел к выводу, что вы можете оказаться полезным для его проекта.

– И в чем состоит суть проекта?

Стивенс улыбнулся:

– Могли бы и сами догадаться. Вы целым и невредимым вернулись после нескольких погружений в батискафе, тогда как ваши напарники сходили с ума. Даже когда вы страдали головными болями или галлюцинациями, они не вызвали у вас приступов насилия или безумия, что, похоже, происходит с большинством других. Многие люди на борту испытывают перед вами благоговейный, почти религиозный трепет. И должен признаться, я и сам отчасти разделяю их веру.

– Это безумие, – сказал Олзмэн.

– Они считают вас пророком поневоле.

Олзмэн покачал головой:

– Обелиск опасен. Я в этом уверен.

– И тем не менее вы им очарованы, – произнес Стивенс и наклонился ближе к собеседнику. – Мы полагаем, вам известно что-то такое, о чем вы не говорите. – Он выдвинул ящик письменного стола и достал оттуда керн, вырезанный из Обелиска. – Это обнаружили у вас в кармане куртки, пока вы находились без сознания. Не желаете ли пояснить?

– Нет.

Стивенс покивал.

– Ну что ж, дело ваше. Если не желаете рассказать мне, то, возможно, захотите поговорить с Крэксом.

Но Крэкс, похоже, совершенно не был расположен к беседе.

– Вам известно, почему вы здесь? – сразу спросил он Олзмэна.

– Да, вы хотите узнать о том образце Обелиска.

– И не только. – Он подвел Олзмэна к креслу, на котором были закреплены кожаные ремни. – Садитесь.

– Зачем? И где Ада?

– Насчет Ады не волнуйтесь. Просто сядьте. – С этими словами Крэкс слегка толкнул Олзмэна в грудь, так что тот не удержался на ногах и упал в кресло. – Вот, а теперь я вас пристегну.

– В этом нет необходимости, – начиная паниковать, сказал Олзмэн. – Я никуда не денусь.

Но Крэкс покачал головой и стал закреплять ремни.

– Денетесь, еще как! Боюсь, мистер Олзмэн, вам сейчас придется нелегко.

– Что это значит: «придется нелегко»?

– Как вы себя чувствуете? – заботливо поинтересовался Крэкс, проверяя по очереди каждый ремень. – Нигде не жмет? Не слишком туго?

– Все в порядке, но...

Неожиданно Крэкс со всей силы затянул ремень, удерживавший левую руку Олзмэна, потом проделал ту же операцию с другой стороны. Олзмэн едва не вскрикнул от боли – с такой силой ремни врезались в его кожу.

– А как сейчас? – спросил Крэкс и вышел из каюты.

На несколько секунд Олзмэн остался один. Он попытался освободиться от ремней, но быстро понял, что это бесполезная трата сил. Тогда он решил опрокинуть кресло, разломать его. Но, попытавшись раскачаться взад-вперед, Олзмэн обнаружил, что кресло надежно привинчено к полу.

Вскоре вернулся Крэкс, он катил тележку на колесиках. На ней стоял поднос, покрытый белой тканью. Он подошел поближе и театральным жестом стянул белую тряпку. На подносе ровными рядами лежали разнообразные ножи и скальпели, а сбоку примостились кусачки. Крэкс медленно провел рукой над сверкающими металлическими предметами.

– Послушайте, мистер Олзмэн, вам не кажется, что проще было бы рассказать нам все и таким образом избежать неприятных последствий?

Олзмэн попытался было заговорить, но во рту внезапно пересохло.

Крэкс тем временем выбрал самый маленький из ножей.

– Предлагаю начать с малого и постепенно двигаться к большему, идет?

– Лучше не надо, – удалось наконец вымолвить Олзмэну.

– Для начала, мистер Олзмэн, всего несколько маленьких разрезов. Так оно сразу станет интереснее, и вы сможете оценить мое мастерство.

Он схватил указательный палец Олзмэна и двумя аккуратными взмахами ножа сделал на кончике два совсем неглубоких разреза. Поначалу тот ничего не почувствовал – только тепло. Но вот в пальце запульсировала боль, выступила капелька крови. Крэкс перешел к следующему пальцу, потом занялся третьим. Он наносил три-четыре ранки, едва ли глубже тех, какие бывают, когда порежешься о лист бумаги. Олзмэн видел, как на кончике каждого пальца появляются капли крови. Рука начала гореть, словно в огне.

– Мистер Олзмэн, мы с вами проведем здесь много-много дней. Нам предстоит очень близко познакомиться друг с другом.

Крэкс снова вышел из каюты. Олзмэн старался не смотреть на руку, не чувствовать пульсировавшую в ней боль, но ничего не мог с собой поделать. Он понимал: это надолго, придется вынести куда худшие страдания. Ему захотелось умереть.

Но вот вернулся Крэкс. В руке он держал чашку, полную соли.

– Мистер Олзмэн, слышали такое выражение: «Не сыпь мне соль на рану»?

Рука Олзмэна непроизвольно сжалась. Он закрыл глаза, но Крэкс ударил его по щеке:

– Вам захочется это увидеть.

Однако Олзмэн глаз не открыл.

В следующее мгновение рука запылала – Крэкс погрузил ее в соль. У Олзмэна перехватило от боли дыхание, и он еще крепче зажмурил глаза.

– Мелкая соль подходит лучше всего, – невозмутимо пояснил Крэкс. – В особенности это относится к морской соли. И она, конечно, йодированная. – Он отпустил руку жертвы. – Вот так. А теперь можете открыть глаза.

Олтмэн так и сделал. Свет в каюте показался ему ослепительно-ярким.

– Что вы хотите знать? – прохрипел Олтмэн сквозь стиснутые зубы.

– Все в свое время. Не надо торопить события. – Крэкс подошел к тележке и поставил на поднос чашку с солью. Потом он вернул на место ножик и застыл в задумчивости над набором инструментов для пыток. – Знаете, я люблю свою работу, – улыбаясь, сообщил он Олтмэну, выбрал нож побольше и вернулся к жертве. – Теперь сделаем разрез пошире.

Маркофф в одиночестве стоял на своем привычном месте на командной палубе. Случайный наблюдатель решил бы, что он глядит через иллюминатор на темные воды океана. На самом же деле Маркофф просматривал видеозаписи, сделанные в разных частях судна. Экраны располагались так, что увидеть изображение можно было из одной-единственной точки. Картинки текущих событий быстро сменялись перед глазами.

На борту что-то происходило. В отсеке с Обелиском царили смятение и неразбериха.

– Вот это поподробнее, – скомандовал Маркофф, и один монитор полностью переключился на трансляцию из отсека.

На экране охранники пытались успокоить толпу ученых, которые кричали и размахивали кулаками. Где же Крэкс? Он ведь должен следить, чтобы подобного дерьма не происходило! Но потом Маркофф вспомнил, что Крэкс «работает» с Олтмэном, и улыбнулся.

Дверь откатилась в сторону, и на пороге появился Стивенс. Несколько секунд он стоял и терпеливо ждал, пока Маркофф жестом не велел подойти.

– У нас проблемы, – признался Стивенс.

– Расскажите мне то, чего я еще не знаю.

– Эти верующие проявляют беспокойство. Каким-то образом они прознали, что Олтмэн снова на борту, и теперь требуют встречи с ним.

– Ни в коем случае. Я разрешил Крэксу немного с ним поработать.

– Если мы не позволим ему показаться перед толпой, то рискуем спровоцировать на судне еще один мятеж. Кроме того, Крэкс уже выведал у него достаточно. Он узнал, откуда и каким образом у Олтмэна оказался обломок Обелиска. Его не пришлось долго упрашивать. Я посмотрел видеозапись и проанализировал до мельчайших подробностей мимику Олтмэна. Сомневаюсь, что у Крэксы получится многое из него выжать. – Стивенс подошел чуть ближе и положил руку на плечо Маркоффа. – Я знаю, вы его ненавидите. Мы все ненавидим. Но его можно использовать.

Маркофф стряхнул руку.

– Он сыграет роль отвлекающего фактора, чтобы верующие успокоились, – пояснил Стивенс. – Он принесет нам больше пользы живым, нежели мертвым.

Маркофф немигающе уставился на Стивенса, но тот спокойно выдержал его взгляд.

– Откуда мне знать, что вы не один из них?

– Из кого? Из верующих? По-вашему, я похож на них?

– Ну хорошо, – решил Маркофф. – Используем Олтмэна. Заберите его у Крэксы. Но если что-нибудь случится, пеняйте на себя.

Когда в каюте показались два охранника, в дело пошел уже шестой нож. Олтмэна быстро и без всяких объяснений освободили от ремней. Руки и ноги горели от боли и кро-
воточили, раны были на спине и на бедрах, но в целом чувствовал он себя довольно сносно.

– Скоро мы снова увидимся, – пообещал Крэксы.

Охранники перевязали раны Олзмэна и чуть ли не бегом сопроводили в кабинет Стивенса, где и оставили их наедине.

– Лучше бы вы рассказали все мне, – заметил Стивенс. – Не забудьте об этом, когда в следующий раз окажетесь перед выбором.

– Да пошли вы...

– Я ведь могу в любой момент отправить вас обратно к Крэксу, – улыбнулся Стивенс. – Не забываете и об этом тоже.

На этот раз Олзмэн промолчал.

– Сейчас вы находитесь здесь по единственной причине: можете оказаться для нас полезным. На днях произошла стычка между верующими и их оппонентами. Были жертвы. Люди разделились на два лагеря. Если дела пойдут так и дальше, будут новые жертвы. Я бы хотел этого избежать. И думаю, вы способны помочь.

– Как?

– Эти адепты вам доверяют. Они могут вас послушаться.

– Импульс возобновился, – сказал Олзмэн. – Так что вряд ли конфликт между верующими и неверующими – самая большая ваша проблема.

– Не самая, – согласился Стивенс, – но и то и другое взаимосвязано. Так вот, вы находитесь здесь, а не с Крэксом и его ножами, потому что, по мнению Маркоффа, вы в состоянии исправить ситуацию.

– А если откажусь?

Стивенс пожал плечами:

– Тогда вас вернут Крэксу. Ну а станете своевольничать или попытаетесь поднять мятеж, я лично вас пристрелю. Но если вы сумеете урегулировать ситуацию, то тем самым убережете многих от гибели. И конечно, излишне предупреждать, что за вами будут круглосуточно наблюдать.

– Я хочу сначала поговорить с Адой.

Стивенс заколебался, но потом решительно покачал головой:

– Нет.

– Почему?

– Просто поверьте, что она в безопасности. Если все будет хорошо, я разрешу вам с ней побеседовать.

Адепты, среди которых он увидел Филда и многих других знакомых ученых, были счастливы возвращению Олзмэна. Филд и поведал ему о недавней перестрелке с военными, о том, что несколько человек погибло. Сказал и о том, что его самого ранили, но повязку на ногу трогать не стал.

– Должно быть, больно? – спросил Олзмэн.

Филд расплылся в счастливой улыбке:

– Без морфина я бы не смог ходить. Но это все ерунда, не такая уж я важная птица.

– Ну зачем же ты так о себе? – укоризненно произнес Олзмэн и погладил Филда по плечу, словно успокаивал безумца.

Филд покачал головой:

– Действительно – важно то, что начались перемены. Многие из нас уже погибли, многие сошли с ума. Но те, кто остался, – их ожидает другое будущее. – Он крепко ухватил Олзмэна за рубашку и притянул к себе. На лице Филда застыла жутковатая улыбка морфиниста, напоминавшая клоунскую гримасу. – Те из нас, кто остался, – произнес он драматическим шепотом, – верят.

– Ну, как скажешь, – пробурчал Олзмэн, пытаясь освободиться.

– Это Обелиск. Он говорит с нами. – Филд окинул Олзмэна пронизательным взглядом. – И с тобой он тоже говорил. После этого нельзя не обрести веру. Он отделяет агнцев от козлищ. Или уверуешь, или умрешь.

– Это безумие.

– Да? Ты посмотри, сколько людей погибло. А сколько сошло с ума? Разве это нормально? Ты можешь назвать другую причину?

– Есть и иные объяснения, – заметил Олзмэн. – Должны быть.

– Например? – поинтересовался Филд, и когда Олзмэн не смог ничего ответить, добавил: – Присоединяйся к Обелиску. Восприми послание о Слиянии. Будь вместе с нами.

Наконец Филд выпустил рубашку. Олзмэн отступил на шаг, стараясь не показать, насколько все услышанное вывело его из равновесия. Хорошенькая, черт возьми, перспектива: умереть, сойти с ума или стать религиозным фанатиком.

– Все больше и больше людей верят в нашу юнитологию, – с той же безумной ухмылкой заявил Филд.

Он неловко засунул руку за ворот и вытянул кожаный шнурок. На его конце болтался грубо сделанный символ: две металлические полоски переплетались и образовывали подобие Обелиска.

– Когда нам плохо, – продолжал Филд, – мы обращаемся к нему.

Он сжал талисман в кулаке, закрыл глаза и стал шепотом повторять одну и ту же фразу – будто ритуальное заклинание или молитву, – но так тихо, что Олзмэн не различил ни слова. Впрочем, ему и не хотелось ничего понимать. Он отвел взгляд от Филда и обнаружил, что большинство окружающих его ученых заняты тем же самым: они сжимали что-то в кулаке и с закрытыми глазами шептали свою непонятную молитву. Медленно, не поднимая шума, Олзмэн бочком выбрался из группы адептов и поспешил прочь из этого дурдома.

Отношения Олзмэна с остальными учеными претерпели радикальную перемену. Если раньше существовало четкое разграничение между специалистами из ближайшего окружения Маркоффа и «простыми смертными», то сейчас все, казалось, стремились работать вместе. Большинство ученых теперь считало, что необходимо спешить, – уверенность эта происходила главным образом из галлюцинаций, или, как их называли сами верующие, видений. Им казалось, что времени осталось мало.

Первые пару дней Олзмэн просто внимательно слушал. Один за другим исследователи подходили к нему и рассказывали, что удалось обнаружить за прошедшее время. У большинства на лицах застыло иступленное выражение – у кого религиозного фанатизма, у кого научного. И то и другое пугало Олзмэна.

Он слушал коллег, просматривал данные измерений – и постепенно убеждался в своей правоте: с самого начала он предположил, что цели Обелиска не имеют ничего общего с заботой о благополучии человечества. Но вот в чем тогда состоит его цель, этого Олзмэн пока сказать не мог.

Лежа ночью на кровати и гадая, где сейчас Ада, все ли с ней в порядке и не развеялся ли безумный религиозный морок, он обдумывал все, что узнал за день, и его волнение возрастало. Эти разговоры о Слиянии и вечной жизни, начавшиеся с галлюцинаций, не являлись такой уж ложью или вымыслом. Похоже было, что нечто, связанное с Обелиском, пытается передать его сообщение с помощью привычных человеку понятий. Для этого оно использует запечатлевшиеся в памяти людей воспоминания об умерших близких и создает их копии, неотличимые от живых оригиналов. Но что же это? Сам Обелиск? Неведомые существа, его создавшие? Некое проекционное устройство? Или нечто совершенно иное? Но что бы это ни было, в процессе передачи терялась какая-то существенная деталь, и в итоге никто не

мог уверенно сказать, чего же хочет Обелиск. Нервничая все сильнее, Олзмэн вызвал по видеосвязи Стивенса.

Несмотря на поздний час, по виду врача нельзя было сказать, что его разбудил звонок. Голос, как и всегда, ласкал слух собеседника.

– Олзмэн, – произнес он без тени удивления, – чем могу вам услужить?

– Вы не спите?

– Я последние дни мало сплю – слишком занят беседами с мертвецами.

– Мне нужно кое о чем поговорить. Дело касается Обелиска и тех посланий, которые он, похоже, пытается нам передать посредством галлюцинаций. Я не знаю, с кем еще могу посоветоваться.

– Продолжайте. Я и сам об этом размышлял.

– Все думаю, какова его цель. И считаю, нельзя ему доверять.

– Так-так.

– Я полагаю, – развивал свою мысль Олзмэн, – мы в положительном ракурсе воспринимаем послания Обелиска, потому что просто склонны верить в существование иной жизни, помимо нашей, и еще потому, что он обращается к нам устами близких людей.

– Очень похоже, – согласился Стивенс. – Вероятно, в этом и состоит его цель – убедить в его благих намерениях.

– Но если внимательнее прислушаться к тому, что сообщается во время галлюцинаций, и воспринимать это как послания инопланетного разума, передаваемые посредством знакомых человеку образов, и постараться отрешиться от того факта, что с нами говорят люди, которых мы знали и любили, тогда идея о Слиянии, о всеобщем единении приобретает совсем иной смысл.

– Ага, – кивнул Стивенс.

– Что, если Слияние подразумевает вовсе не вечную жизнь и не приобщение к божественному, а полное и безусловное подчинение? Что, если это «всеобщее единение» имеет более зловещий смысл: уничтожение индивидуальности и формирование стада?

– Что-то вроде колоний у некоторых насекомых, – подхватил Стивенс. – Каждая особь полностью подчиняется воле колонии; коллективный разум, контролирующий всех ее членов.

– Точно. А может быть, все еще хуже. Вдруг надо понимать Обелиск буквально? Вдруг он намеревается каким-то образом превратить все человечество в единый организм?

– Это уже совсем невероятно, – заметил Стивенс.

– Мы здесь столкнулись с неизведанным, и трудно говорить, что вероятно, а что нет. В любом случае Обелиск опасен. Быть может, нас ожидает впереди не светлое будущее, а всеобщее уничтожение.

– А отсюда проистекает важный вопрос, – негромко заметил Стивенс.

– Какой же?

– Не важно, чего мы ожидаем от Обелиска – то ли рассматриваем как возможный источник силы и могущества, то ли как объект религиозного поклонения или же предмет научного исследования, – но в действительности это мы используем Обелиск или он использует нас?

В первый раз за все время знакомства Олзмэн увидел, как на обычно невозмутимом лице Стивенса промелькнула чуть заметная тень тревоги. Он прикрыл глаза рукой, а когда через мгновение убрал ее, Стивенс снова сидел как ни в чем не бывало.

– Есть кое-что еще, – продолжал он. – Одним мертвые говорят о единении, другим – о том, что время уже приближается. Что бы это значило? И какое это имеет отношение к Слиянию? Может быть, Обелиск пробуждается и собирается покарать нас за то, что мы не проводим большую часть времени здесь?

– Не знаю, – покачал головой Олзмэн. – Возможно, все не так и ужасно, хотя я считаю, что как раз наоборот. Мертвецы ведут себя так, будто мы находимся у крайней черты. Причем мы ее уже, очевидно, переступили. Они говорят о Слиянии как о начале, но я не уверен, что это относится к нам. Может, это начало для самого Обелиска или для того – или тех, – кто его контролирует. Возможно, смысл Слияния в том, чтобы стереть человечество с лица земли и дать начало новому циклу, новому этапу непонятного процесса, частью которого мы, похоже, являемся.

– Если вы правы, человечество находится на грани исчезновения. Чем бы ни было это Слияние, оно будет означать конец жизни, которую мы знаем.

– Да, – подтвердил Олзмэн.

– И что нам делать?

– Его нужно остановить, но только не знаю как. Импульс возобновился, и если вернуть Обелиск на прежнее место, вряд ли это возымеет действие. Мы должны удовлетворить его, чтобы он на время успокоился и отстал от нас, но при этом мы не должны приблизиться к пределу, за которым начнется Слияние. Я не знаю, что еще можно сделать, только продолжать попытки расшифровать, пока еще не поздно, послание Обелиска. Возможно, когда это удастся, мы поймем, как вступить с ним в контакт.

– Но может, вы ошибаетесь – и Обелиск в самом деле обещает нам вечную жизнь, – предположил Стивенс.

– Да, могу и ошибаться, – признал Олзмэн, – но я так не думаю. Вы сами говорили, что количество самоубийств растет, число жестоких преступлений тоже. Некоторые люди испытывают такие сильные головные боли, что готовы в буквальном смысле разбить о стену голову, лишь бы прекратились мучения. Все койки в лазарете заняты, и тем не менее на каждом шагу можно встретить людей, которые что-то бессвязно кричат и идут не зная куда. Некогда уважаемые ученые разрисовывают стены кают собственным дерьмом. По-вашему, это похоже на вечную жизнь?

– Ну, это может быть всего лишь промежуточным этапом, – вздохнул Стивенс. – Вы слышали о пари Паскаля?

– Это еще что?

– Блез Паскаль – философ, живший в семнадцатом веке. Сейчас его уже почти забыли, хотя один из первых уничтоженных в боях на Луне кораблей носил как раз его имя. Так вот, пари Паскаля гласит: поскольку существование Бога не может быть аргументированно доказано, люди должны жить так, будто Он существует. Ведь если Его нет, терять нам практически нечего, зато можно получить все, если Бог все-таки есть.

– Но какое это имеет отношение к...

– Я как раз к этому подхожу. У меня есть два варианта: принять вашу версию или же допустить, что Обелиск на самом деле преследует интересы людей, стремится сделать нашу жизнь лучше. Если я поверю вам, тогда получается, что человечеству, скорее всего, в ближайшем времени наступит конец, а мне придется провести оставшиеся дни в бесплодных попытках разрешить неразрешимую задачу. Если же согласиться с тем, что Обелиск стремится сделать нас лучше, – что ж, тогда я буду шагать, полон надежд, вперед, к своему спасению.

– Господи, да вы же стали одним из них, – поразился Олзмэн.

– А как вы думали, почему я убедил Маркоффа отпустить вас? И я должен пожелать вам всего наилучшего. Если окажется, что вы были правы, а я ошибался, тогда, надеюсь, вы сможете понять Обелиск и найти способ спасти всех нас. Если же вы ошибаетесь, а я – нет, тогда своей верой я достигну всего-всего.

– Но так не бывает, – возразил Олзмэн. – Вы не можете просто взять и уверовать.

– Вероятно, вы не можете. А я могу. И надеюсь, что вы ошибаетесь.

Стивенс протянул руку и отключил связь.

Как обнаружил Олзмэн, точку зрения Стивенса разделяли многие из находившихся на борту, хотя мало кто мог размышлять столь же здраво, как врач, и лишь некоторые были последовательны в своем поведении – большинство умудрялось смотреть и не видеть никакой опасности. Развивая мысль о том, что Обелиск опасен, Олзмэн рисковал вызвать негодование коллег, а то и нечто похуже. Даже если бы ему и поверили, скорее всего, людей охватило бы чувство страха и депрессия, а это могло негативно сказаться на их способности продолжать исследования.

Нет, ему придется разыграть свой собственный скромный гамбит, «пари Олзмэна». Он будет делать вид, что согласился с постулатами новой религии, будет вести себя так, словно все его мысли и действия направлены единственно на исполнение воли Обелиска, а в последнюю минуту, после того как разузнает достаточно, чтобы одолеть его, совершит поворот на сто восемьдесят градусов. Если он одержит верх, тогда, наверное, жизнь продолжится, как и раньше. Если же проиграет, это будет, скорее всего, означать его конец и, возможно, гибель человечества.

Перспектива представлялась не очень радужной, но другой у него не было.

54

Революционный прорыв в понимании сущности и назначения Обелиска совершил Шоултер. Именно он первым высказал предположение, что покрывающие артефакт символы есть не что иное, как машинный код, соответствующий ДНК, а сам Обелиск является отображением последовательности нуклеотидов в ее спирали.

Ученые рьяно приступили к расшифровке кода. Следующий прорыв совершил радиоастроном по имени Гроте Гуте. Он предположил, что испускаемый Обелиском сигнал следует понимать как передачу генетического кода. Филд лично проследил, чтобы обе версии достигли ушей Олзмэна.

Шоултер с группой исследователей после тщательного изучения символов смогли получить генетический профиль, который, как он поведал Олзмэну, был поразительно похож на профиль человека.

– Значит, существа, похожие на людей, – резюмировал Олзмэн.

– Не исключено, – кивнул Шоултер. – Возможно даже, не просто похожие, а в точности как люди. Я лично полагаю, что на Обелиске записан генетический код наших предков.

– То есть он записывает наш генетический код. И что?

– Не только записывает. Мы считаем, что он еще и передает его, и целенаправленно изменяет, хотя и незначительно, генетическую структуру человеческих особей. Фактически именно таким образом и могло возникнуть человечество.

Олзмэн не знал, что и сказать. Мысль о том, что человеческая жизнь возникла не в результате естественного хода эволюции и не является Божьим даром, а появилась благодаря загадочному Обелиску, казалась ужасной.

– Но зачем ему транслировать нам наш же генетический код? – спросил Олзмэн. – Человечество ведь давно уже возникло. Какой в этом смысл?

– Вы говорили с Гроте Гуте? У него проблема. Ради бога, сходите побеседуйте с Гроте.

Так Олзмэн и поступил. Немецкий ученый не оправдал его ожиданий: это был невысокий и очень худой человек с абсолютно лысой головой. Выглядел он совершенно беззащитным и даже беспомощным. Гуте, похоже, поджидал Олзмэна.

– Да, – кивнул немец, – герр доктор Филд говорил мне о вас. Вы ведь один из нас, верно? – Олзмэн не подтвердил и не опроверг его предположения, но Гуте и без того продолжил: – Вы хотите знать об импульсе. Любопытствуете, смогли ли мы расшифровать сигнал. Наверное, герр доктор Шоултер что-то вам рассказал?

– Да, – кивнул Олзмэн.

– Похоже, мы смогли расшифровать сигнал. Но у нас есть затруднение.

– Что за затруднение?

– Я и мои сотрудники разобрались в сигнале и думаем, что поняли правильно. Мы понимаем, что это код, и знаем, что он собой представляет. Герр доктор Шоултер полагает, что он тоже расшифровал сигнал, и он также считает, что прав. Затруднение состоит в том, что мы получили различные результаты. Он думает, что этот код – следующий шаг на пути эволюции человека. Я придерживаюсь мнения, что это нечто совершенно другое, не сопоставимое ни с одним известным видом. Сейчас я свожу вместе все свои данные, чтобы можно было тщательнее изучить код.

– Вероятно, кто-то из вас ошибается, – заметил Олзмэн.

– Вероятно. А может быть, зашифрованный в сигнале код отличается от того, что записан на Обелиске. – Гуте наклонился и пристально посмотрел Олзмэну в глаза. – Я должен вам кое-что сказать. Я целиком принял новую веру, вы не должны в этом сомневаться. Но я также и ученый. Я внимательно просмотрел результаты герра доктора Шоултера и тща-

тельно проверил свои. Наши расчеты правильные. Если Обелиск был началом человечества, то ему не надо сейчас заново посылать эту информацию. И тем не менее он ведет передачу и сообщает при этом неизвестный генетический код. Может быть, он и передает сейчас сигнал, но нельзя исключить, что это искаженный сигнал и искаженный генетический код. Может быть, этот Обелиск запустил процесс вырождения.

– Вы о Слиянии?

– Но может быть, он просто сбился, – продолжил Гуте. – Мы обязаны попытаться понять его. Мы должны поработать с ним.

– Но что, если именно в этом и заключается его предназначение?

Гуте вытащил из-под рубашки и сжал в кулаке изображение Обелиска.

– Нет-нет, Он не может замышлять такое, – горячо произнес немец. – Обелиск находится здесь ради нас. Он просто сбился. – И ученый с надеждой посмотрел на Олзмэна.

Олзмэн кивнул и, не говоря ни слова, удалился.

«Меня окружают психи, – не удержавшись, подумал он. – Психи и фанатики».

Однако вечером того же дня Олзмэна начали одолевать сомнения. Что, если этот Гуте прав? Вдруг Обелиск просто сломан? Может быть, его удастся исправить, если вернуть на место вырезанный керн.

«Но это сушая нелепица, – сообразил Олзмэн. – Он ведь передавал сигнал еще до того, как я взял образец».

Он лежал, уставившись в потолок, и тут ему в голову пришла другая мысль:

«А что, если тогда Обелиск передавал другой, правильный, сигнал?»

Он понял, что не сможет заснуть, если хотя бы не попытается найти ответ.

Олзмэн разбудил Шоуолтера и объяснил, что хочет сделать.

– Уже пробовали. Нет никакой разницы.

– Но может быть...

– Отсутствующий фрагмент не является таким уж важным, – объяснил Шоуолтер. – Собственно, ни один отдельно взятый фрагмент не является важным. Обелиск представляет собой высокоорганизованную самовоспроизводящуюся структуру – точно так же, как, например, моллюск наutilus, который способен к репликации даже во время передвижения. И если какие-то его части сломаны или повреждены, он все равно работает. Наверное, единственный способ вывести Обелиск из строя – это разрушить его целиком, обратить в пыль.

В расстроенных чувствах Олзмэн вернулся в постель. Итак, счет один – ноль в пользу Обелиска. Он вовсе не поврежден или, по крайней мере, поврежден не в привычном людям смысле. Следовательно, он функционирует именно в таком режиме по другим причинам. И деятельность его направлена то ли на благо человечества, то ли на уничтожение.

55

Герр доктор Гуте трудился много часов подряд. Вместе со своими сотрудниками он разработал формулу искусственной нити ДНК, а потом при помощи нанотехнологий сконструировал ее в натуре и приступил к тщательному изучению, чтобы убедиться в своей правоте. Конечно, сделано все было грубо и едва ли могло служить предметом гордости, однако в усердии Гуте нельзя было отказать. Если бы только удалось запустить процесс тиражирования ДНК, он смог бы методом экстраполяции получить представление о структуре первоначальной нити, о цели мутации и выяснить, поврежден Обелиск или действует целенаправленно.

Сотрудники Гуте постоянно находились рядом с ним. Немного расслабиться удалось только после того, как искусственно полученная ДНК была введена в почти полсотни клеток эмбриона овцы, и туда же для стимуляции процесса деления был добавлен катализатор. Теперь оставалось терпеливо ждать: сработает или нет. В первый раз за несколько последних часов Гуте посмотрел на сотрудников и, увидев, что все выглядят уставшими и даже изможденными, а некоторые едва держатся на ногах, отправил их отдыхать.

Герр доктор Гуте и сам намеревался вздремнуть, вот только он ничуть не устал. Он не мог даже вспомнить, когда в последний раз ощущал усталость, хотя не спал уже несколько суток.

Поэтому он никуда не пошел, а остался один в лаборатории. Удобно устроившись на стуле, сидел неподвижно и ждал. У Гуте возникло странное чувство, будто он перешел в качественно новое состояние; казалось, у него больше никогда не возникнет потребности в сне. И в этом – он не сомневался – заслуга Обелиска.

Размышляя таким образом, он непроизвольно сунул руку за ворот, вытянул талисман и зажал в кулаке.

Придет ли она сегодня? Если Гуте будет сильно-сильно о ней думать, придет ли она?

И вот она вышла прямо из стены и направилась к Гуте. Поначалу она казалась не более чем размытым изображением, но Гуте сильнее сжимал талисман, концентрировал свою мысль, и фигура начала меняться. Призрачная аура, окружавшая ее, исчезла, и она стала самой собой: высокая, стройная, с милым личиком, которое, правда, портил небольшой шрам над левой скулой.

– Я скучала по тебе.

– И я по тебе скучал.

Она улыбнулась, и струйка крови вытекла изо рта – всего лишь несколько капель. Гуте постарался не обращать на это внимания. Если не считать крови, ему понравилось, как она улыбнулась.

– Чем ты сейчас занимаешься?

– Провожу эксперимент. Пытаюсь понять объект, который вернул тебя к жизни.

– Как это приятно. Но я бы хотела, чтобы у тебя ничего не вышло.

– А я бы хотел вернуть прошлое и поговорить с тобой, когда ты была жива.

– Да, знаю.

– Когда ты умерла, я решил, что надежды больше нет. Но вот ты снова здесь, и я говорю с тобой.

– Я ведь всего лишь проекция твоего сознания. Ты это прекрасно понимаешь. Ты сам мне говорил. Я просто образ, созданный на основе твоих воспоминаний.

– Да, – кивнул Гуте, – но выглядишь ты совсем как настоящая.

Она снова улыбнулась, на этот раз шире, и кровь заструилась по щеке на подбородок. Тогда, двадцать лет назад, именно такой он ее и нашел. Он даже не знал, как ее зовут. И

тогда, и сейчас он не понимал, что же произошло с девушкой. Когда в далеком прошлом обнаружил ее, она была мертвее некуда.

– Ты не должен... – начала она, но вдруг ее фигура заколебалась и вскоре вовсе исчезла.

Гуте вздохнул. Ему ни разу еще не удалось проникнуть глубоко в суть послания Обелиска – он, в отличие от коллег, слышал очень мало. По его мнению, причина заключалась в страстном, ярко выраженном желании увидеть девушку.

Гуте заглянул в автоклав и поразился увиденному: все сорок клеток во всех сорока боксах размножились. Случай был беспрецедентный. Столь же поразительной была скорость, с которой происходило размножение, – он никогда не сталкивался ни с чем подобным. С начала эксперимента прошло всего несколько часов, а образец уже был виден невооруженным глазом.

Следующий час он провел, наблюдая за процессом размножения, и в конце концов каждый из сорока боксов кишел бледно-розовой субстанцией, которая более всего напоминала биологическую ткань. Может быть, стоит взглянуть поближе? Почему бы и нет – образцов ведь масса. Не будет ничего плохого, если он посмотрит на один вблизи.

Гуте открыл бокс и пропустил через него слабенький электрический разряд. Розовая субстанция отдернулась, словно ощутила его. Возможно, и в самом деле почувствовала.

Он перевернул бокс и вытряхнул содержимое на стол. Ткань совершала волнообразные движения. Гуте взял скальпель и аккуратно разрезал ее на две части. Они разошлись, но уже в следующее мгновение ученый с удивлением увидел, как половинки потянулись друг к другу и срослись в одно целое, на поверхности не осталось даже следа.

«Невероятно», – подумал Гуте.

Он продолжал экспериментировать с необычной тканью, когда прямо над стойкой вдруг возникло лицо его бабушки. От испуга он даже подпрыгнул на месте.

Конечно, Гуте любил бабушку, но это не сравнить с той любовью, что он испытывал к девушке. Или, возможно, все дело заключалось в том, что девушку он знал совсем-совсем немного и потому его любовь была чистой и непорочной. Чувства, которые он испытывал по отношению к бабушке, были гораздо сложнее. После смерти родителей она забрала маленького Гуте к себе. Она хорошо относилась к внуку, но была уже в преклонном возрасте, сварливая и раздражительная, и порой совершала поступки, которые Гуте с трудом мог понять. А однажды – он уже чуть подрос – бабушка просто исчезла. Еще тогда Гуте догадывался: с ней, наверное, что-то произошло, она не по собственной воле ушла – возможно, ее даже убили. Но все же в глубине души он затаил обиду на бабушку за то, что она не вернулась.

– Чего ты хочешь? – спросил он по-немецки.

– Разве так положено здороваться с родной бабушкой? – укоризненно заметила гостья.

Говорила бабушка на английском с сильным акцентом, хотя Гуте понимал: будь она реальной, прикрикнула бы на него на родном немецком.

– Прости. Думаю, ты пришла, потому что девушка не смогла мне о чем-то рассказать. Я люблю тебя, ты же знаешь.

– Не только это.

И старушка протянула ему конфету в целлофановой обертке. Она всегда при жизни угощала внука сладостями. Гуте хотел взять конфету, но рука свободно прошла через нее.

– Настало время. Ты узнал слишком много. Настало время.

Время для чего? Потеряв давным-давно бабушку, он словно утратил часть самого себя – и вот теперь старушка снова здесь. И в то же время не здесь. Гуте ее видел и слышал, но не мог дотронуться или почувствовать ее запах. И вся его жизнь была сплошной чередой потерь: сначала умерли родители, потом исчезла бабушка. В конце концов все, что осталось у Гуте, – это лаборатория, единственная на всем белом свете вещь, на которую он мог положиться. Лаборатория еще никогда его не подводила.

– Ты меня слушаешь? – Бабушка нетерпеливо щелкнула пальцами. – Понимаешь, что я тебе говорю? Ты должен немедленно прекратить свои исследования!

Прекратить исследования? Гуте почувствовал, как в нем нарастает гнев. Впрочем, бабушка никогда не понимала его, что бы он ни пытался делать, – так почему же он удивляется, что она не понимает его сейчас?

– Но я занят чрезвычайно важной работой. Я на пороге открытий, которые превосходят человеческое воображение.

– То, чем ты занимаешься, опасно. Поверь, дитя мое: я говорю это ради твоего же блага. Обелиск уничтожит тебя. Ты должен остановиться, пока еще не поздно.

У Гуте на глаза навернулись слезы. Как можно прекратить исследования? Что еще, кроме работы, есть у него в жизни?

«Нет, ведь на самом деле это не она», – убеждал он себя. Обелиск просто позаимствовал ее облик и голос. Почему он не успокоился, воссоздав образ девушки? Да, Гуте любил ее, но она никогда ему не принадлежала, он не мог так же сильно скучать по ней, как тосковал по бабушке. И теперь Обелиск пытался им манипулировать, хотел сыграть на чувствах Гуте к бабушке, чтобы заставить прекратить исследования.

– Пожалуйста, уходи, – попросил он, пытаясь не смотреть на старушку. – Довольно.

– Довольно? – Ее голос сорвался на крик, терзая нервы Гуте. – Ты должен меня выслушать. Это крайне важно.

Он застонал, не в силах более это выносить. Гуте закрыл уши руками, но все равно слышал бабушкин голос. Он стал качать головой взад-вперед и запел во всю силу легких. Но бабушка все говорила и говорила – правда, что именно, он разобрать не мог. Она просто стояла на месте и говорила, не желая уходить.

Гуте закрыл глаза, а ее голос продолжал жужжать в ушах. Что же теперь делать? Он так устал, ему нужно отдохнуть. Но как заставить старуху убраться?

В замешательстве он напомнил себе, что на самом деле бабушка – не более чем плод воображения. Его фантазия. Если просто прекратить думать, она может исчезнуть. Нужно лишь отключиться, и тогда все будет хорошо.

В ящике стола лежал шприц с новенькой иглой. Чтобы его достать, Гуте пришлось убрать руки от ушей, и немедленно поток произносимых бабушкой слов ворвался в мозг.

– Гроте, нет! – закричала она. – Немедленно прекрати эти глупости! Ты совсем ничего не понял. Ты только сделаешь себе хуже.

Гуте вздрогнул. Ему необходимо принять снотворное. Вот оно – лежит на столе.

– Гроте! Неужели ты не видишь? Именно этого и хочет от тебя Обелиск! Ты ошибаешься, поверь мне. Остановись и выслушай меня!

– Отстань, – пробормотал Гуте.

Он насадил иглу и стал набирать в шприц снотворное. Жидкость оказалась более густой, чем он ожидал, так что шприц наполнялся медленно. Слушая непрерывную бабушкину болтовню, Гуте перетянул руку, похлопал по набухшей вене и поднес к ней иглу.

– Гроте, зачем ты это делаешь? – воскликнула бабушка.

– Мне нужно поспать, – объяснил Гуте и надавил на поршень. – Всего лишь несколько часов сна.

Руку точно обожгло огнем, и она начала зудеть. Бабушка, на которой теперь лица не было, подняла на внука горестный взгляд.

– Думаешь, ты ввел себе снотворное? – Она покачала головой и отшатнулась, в ее глазах застыл ужас. – Это совсем другое. Ты только что ускорил наступление Слияния. Теперь поспеши к Обелиску. Вокруг него есть мертвая зона, которая остановит начавшийся внутри тебя процесс. Пойди туда и покажи всем, что с тобой случилось. Предостереги их. Необходи-

димо убедить их оставить Обелиск в покое. Нужно попытаться предотвратить Слияние, пока еще не слишком поздно. Гроте, поверь, очень важно убедить их. Очень-очень важно.

И бабушка постепенно исчезла.

Гуте вздохнул от облегчения и на некоторое время расслабился. И тут вдруг его осенило: бабушка говорила все это вовсе не с целью его поддеть. Она сказала чистую правду. «Господи!» – подумал он и, уставившись на опустевший бокс, на использованный шприц, сообразил, что именно ввел себе в вену. Гуте перевел взгляд на руку и увидел, как вена шевелится, точно живая; нечто чужое, проникшее внутрь, совершало странные волнообразные движения.

Он потянулся и нажал тревожную кнопку. Хотел спокойно дождаться прибытия помощи, но обнаружил, что не может усидеть на месте. С ним что-то происходило, в организме начались изменения. Рука зудела и постепенно немела, волнообразное движение усилилось и распространялось по всему телу. Нужно немедленно бежать, увидеть Обелиск, поговорить с ним. Обелиск его спасет – так сказала перед исчезновением бабушка.

Гуте пулей вылетел в коридор и помчался, постепенно углубляясь в недра базы. Выла сирена тревоги, выскакивали изумленные, ничего не понимающие люди. Он промчался через две лаборатории, в которые имел пропуск, потом побежал коридором с прозрачными стенами – за ними снаружи билась вода.

В конце находилась дверь, ведущая в отсек, где стоял Обелиск. Перед входом дежурили два охранника.

– Разрешите мне пройти.

– Извините, профессор Гуте, – сказал охранник, – но объявлена тревога. Разве вы не слышите?

Его напарник странным тоном поинтересовался:

– А что у вас с рукой?

– Это я включил сигнал тревоги. Поэтому-то мне нужно туда попасть. Это все рука, – пробормотал Гуте. – Мне нужно поговорить с ним о руке.

– С кем поговорить? – подозрительно спросил охранник, и оба взяли оружие на изготовку.

– С Обелиском, идиот! – не выдержал Гуте. – Я хочу услышать, что со мной случится!

Охранники обменялись взглядами. Один что-то быстро произнес в микрофон переговорного устройства, второй взял ученого на мушку.

– Так, профессор, успокойтесь. Вам совершенно не о чем волноваться.

– Вы ничего не понимаете!

Тем временем возле входа в отсек уже собирались недоумевающие люди.

– Пожалуйста, мне нужно просто его увидеть! – умолял охранников Гуте.

– Что у него с рукой? – спросили за спиной.

А рука у Гуте перекрутилась – будто ему отрезали кисть, повернули на сто восемьдесят градусов и снова пришили. Теперь что-то происходило, менялось не только в самой руке, но и в плече и в груди.

Он хотел объяснить, но смог издать лишь каркающий звук. В коридоре по-прежнему завывала сирена. Гуте сделал шаг, и один из охранников закричал. Гуте вытянул перед собой изменившуюся руку, и оба стража отпрянули, устранившись с пути ученого.

– Буду стрелять! Буду стрелять! – завопил один, но так и не выстрелил.

А Гуте уже оказался у самой двери и вставил магнитный пропуск в считывающее устройство. В этот момент в ногу ему ударила пуля, но для Гуте это не имело никакого значения, он едва ли почувствовал боль. Дверь открылась, и он проскочил в проем.

В отсеке никого не было – только он сам и Обелиск. Гуте направился к артефакту, но раненая нога вдруг отказалась повиноваться. Он упал и на локтях и коленях двинулся вперед. Полз, пока не коснулся поверхности Обелиска.

Всякое шевеление в руке вроде бы стихло. Лучше ему не становилось, но и хуже тоже не было. Обелиск помогал! Обелиск останавливал превращение! Гуте с облегчением вздохнул и тут же поморщился от острой боли в ноге.

Он останется здесь, под защитой Обелиска, пока не выяснит, что же с ним приключилось. Тогда он соберет своих людей, и вместе они придумают, как ему помочь. В самом крайнем случае Гуте согласится на ампутацию руки.

Сирену наконец выключили, и Гуте сразу стало легче думать. Он попросит, чтобы все его лабораторное оборудование перенесли сюда, в отсек, – тогда можно будет продолжить исследования. Он пошевелил раненой ногой и скривился от боли. Краешком глаза Гуте увидел, как открылась боковая дверь. Он повернулся и узнал вошедшего, это был один из начальников, тот самый человек с жестоким лицом, который командовал охраной. Как же его зовут? Точно – Крэкс! Вот он как раз и поможет Гуте переместить лабораторию. А еще он любезно привел с собой много рослых, сильных парней. Они все способны ему помочь.

Гуте как раз открывал рот, чтобы обратиться к пришедшим, но тут Крэкс поднял пистолет и проделал во лбу ученого аккуратную дырочку.

– Это было совсем не обязательно, – произнес за его плечом Маркофф.

– Забавно, – хмыкнул Крэкс. – Мне никогда не приходило в голову, что вы настолько щепетильны.

– Я не щепетилен. Но его нужно было оставить в живых для медицинского обследования.

Крэкс пожал плечами.

Маркофф холодно взглянул на подчиненного:

– Передайте тело для изучения. И будьте очень осторожны, а то вы, кажется, уже начали думать, что являетесь незаменимым. Еще десять минут назад у вас для этого были некоторые основания, но не сейчас.

Он резко повернулся и вышел прочь.

Крэкс проследил за ним взглядом. Он испытывал смешанные чувства по отношению к Маркоффу: и презрение, и страх. Через несколько секунд он также направился к двери.

– Заберите тело, – скомандовал он охранникам. – Отнесите его в одну из лабораторий и оставьте там. – Потом он обернулся к толпе зевак. – Кому из вас приходилось делать вскрытие? – Почти все присутствующие подняли руки. Крэкс наугад отобрал троих. – Проведете полное исследование тела и доложите, что с ним случилось.

Он протолкался через редющую толпу и исчез за поворотом коридора.

56

Тело Гуте начало меняться вскоре после того, как охранники уложили его на носилки и вынесли из отсека, но, поскольку оно было прикрыто простыней, никто ничего не заметил. Из-под материи доносились треск и хруст, но охранники посчитали, что это скрипят от тяжести носилки, или же приписали странные звуки шарканью собственных ботинок.

Как и велел Крэкс, они отнесли тело Гуте в ближайшую лабораторию и, не снимая простыни, переложили на стол. Трое ученых, отобранных для проведения вскрытия, двигались чуть позади. Они шептались между собой и не выпускали из рук иконки с изображением Обелиска. После того как охранники удалились, ученые гуськом прошли в лабораторию.

– Нужно связаться с Филдом, – сказал один из них. – Ему будет интересно.

– Сейчас его вызову, – кивнул другой и включил комлинк.

Из-под простыни донесся чавкающий звук, а за ним хруст – будто сломалась кость. Простыня зашевелилась.

– Что это? – спросил ученый.

– Да просто тело коченеет, – уверенно заявил его коллега.

– По-моему, звуки были слишком странные.

– Филд, приветствую, – произнес в микрофон третий.

На экране возникло серое от усталости лицо Филда.

– Хидеки, чего тебе нужно так поздно?

Из-под простыни снова послышался треск – на этот раз еще более отчетливый. Очертания тела заметно изменились.

– Что там у вас такое? – спросил Филд.

– Подождите минутку, – сказал Хидеки.

– Это не просто трупное окоченение, – заявил его коллега.

– Вы правы, – подтвердил другой.

Втроем они медленно приблизились к столу. Самый смелый протянул руку, схватил простыню и бросил на пол.

То, что предстало взору ученых, уже мало напоминало человека. Голова оставалась на месте, но теперь ее окружало полотно деформированной плоти – прежде это были плечи. Существо (язык не поворачивался назвать его доктором Гуте) было живо и слегка шевелилось: то, что осталось от грудной клетки, часто вздымалось и опускалось. Ноги атрофировались, а руки, напротив, удлинились. Туловище сделалось плоским, а ребра и кожа, казалось, вытянулись в стороны так, что образовали подобие крыльев между запястьями и тем, что оставалось от лодыжек, – больше всего это напоминало тело ската манти. Существо имело нездоровый до тошноты цвет. Глубоко запавшие глаза сверкали странным светом.

– Профессор Филд, вы видите? – дрожащим голосом спросил Хидеки.

– Что это?

– О господи! – простонал один из ученых.

Снова раздался треск, и тело продолжило изменяться. Остатки лица опали и практически исчезли, за исключением сверкающих глаз и рта, который теперь представлял собой просто узкую щель. Она стала расширяться, и из нее полезли многочисленные щупальца или усики, больше всего напоминавшие конечности насекомого. Руки и ноги сморщились, а на их месте проросли искривленные костяные образования. Существо издало пронзительный крик и задержалось, пытаясь встать.

Филд закричал ученым, чтобы они быстро убирались. На судне вновь заревела сирена. Профессор Хидеки Исимура кинулся из лаборатории с одной только мыслью: убежать как можно быстрее и как можно дальше.

Двое других ученых застыли на месте, от страха не в силах сделать и шага.

– Бегите! – безостановочно кричал им Филд. – Бегите!

Но они не шевелились. Тем временем существо перевернулось, село на столе и свесилось через край. Оно хрипло дышало, плоть вздымалась и опускалась.

Один из оставшихся в лаборатории ученых негромко вскрикнул и бросился к двери. Кошмарная тварь прыгнула на бегущего человека, окутала, уподобясь капюшону, его плечи и голову и с хлюпающим звуком прижалась к лицу. Несчастный завопил от ужаса, но очень скоро крик захлебнулся. Замерев в своей каюте, Филд наблюдал на мониторе, как со звуком разрываемой плоти существо выпустило странной формы хоботок и через глазницу вонзило его глубоко в череп. Хоботок сразу же запульсировал, словно втягивал жидкость.

Коллега несчастного скорчился в углу, закрыл лицо руками и застонал.

– Бегите же! – снова заорал Филд, но ученый не обратил на него никакого внимания.

Жертва атаки монстра неподвижно лежала на полу. Тварь втянула хоботок и медленно отползла. Прошла минута – возможно даже, какие-то секунды, – и тело ученого затряслось и начало меняться. Филд безмолвно наблюдал, как кожа изменила цвет на темно-лиловый, почти багровый. С мокрым хлопком разорвалась плоть, и из верхней части спины выступили наружу широкие костяные лезвия. Руки внезапно скрылись в грудной клетке, и кисти с деформированными пальцами теперь, казалось, росли прямо из брюшной полости. Волосы осыпались, глаза глубоко запали, уши, словно сделанные из воска, съехали вниз по лицу и там соединились с шеей.

Существо медленно встало и заковыляло к двери в коридор.

Оставшийся в живых ученый сидел скрючившись в углу и скулил. Тварь, еще недавно бывшая доктором Гуте, потащилась к нему, неуклюже переваливаясь. Вот она подобралась ближе и прыгнула. Филд протянул руку и выключил монитор, чтобы не слышать предсмертных криков несчастного.

57

Он спал и видел во сне, как идет по пустынному берегу, держа за руку Аду.

– Майкл, скажи мне...

– Что?

– Ты меня любишь?

Он не знал, что ответить, и потому промолчал. Да, конечно, он любил Аду, в этом не было сомнений, но он не знал, как сильно она изменилась, насколько они отдалились друг от друга.

– Я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделал.

– Что именно?

– Я хочу ребенка.

– Ты серьезно?

Ада кивнула:

– Да, мне это нужно. И потом – ребенок нас сблизит.

В этот момент в сон ворвался далекий, но назойливый звук. Поначалу он был едва-едва слышен, но с каждой секундой делался все громче и громче. Ада продолжала говорить как ни в чем не бывало, однако он уже не различал ее слов. Потом и Аду, и пляж начала поглощать наползающая темнота, весь сон стал распадаться на кусочки, и наконец Олзмэн проснулся.

Звук был слышен и наяву. Кто-то снова включил тревожную сирену. Олзмэн вскочил с кровати, быстро оделся и вышел в коридор. Там не было ни души. В комнате запиликал комлинк.

– Олзмэн? Олзмэн, это Филд. Ты у себя?

Он вернулся в каюту и включил монитор:

– Здесь я.

– Случилось что-то ужасное, – дрожащим голосом произнес Филд. Его лицо было блее мела. – Я видел это, но с трудом верю собственным глазам. Это невыразимо чудовищно. Олзмэн, спасайся, и как можно скорее.

– Успокойся, Филд. Объясни, что стряслось.

– Оно вырастило мечи. Просто вырастило их из своей спины, как...

На заднем плане послышался крик. Филд повернулся, и Олзмэн увидел, что в его руке зажат пистолет. Связь прервалась.

Теперь крики раздавались уже в коридоре. Олзмэн подошел к двери и, высунув голову, увидел мчавшегося в его сторону ученого.

– Эй, что произошло? Подождите минутку. Да стойте же!

Но человек не остановился, только крикнул на бегу:

– Они повсюду! В них стреляют, а им хоть бы что.

Он повернул за угол и скрылся из виду.

«Я еще сплю», – подумал Олзмэн. Он зажмурился и помотал головой, а когда снова открыл глаза, обнаружил, что ничего не изменилось. По-прежнему откуда-то доносились вопли, но теперь к ним прибавились выстрелы.

Олзмэн кинулся назад в каюту и огляделся в поисках оружия. Ничего. Не задерживаясь, он выскочил в коридор и быстро зашагал в том же направлении, куда убежал ученый. Свернул за угол и обнаружил, что дальнейший путь перегороден поставленным набок большим лабораторным столом. Олзмэн пошел вперед, и тут же грянули выстрелы, пули ударились в стену рядом с его головой.

– Не стреляйте! – крикнул он, поднимая руки. – Это я, Олзмэн.

За баррикадой раздались крики, и стрельба прекратилась. Из-за стола высунулась рука и поманила Олзмэна. Он быстро подошел, ловко переброшил туловище через преграду и оказался на той стороне.

– Олзмэн, – хлопнул его по плечу Шоултер, – как хорошо, что они не добрались до вас.

– Кто не добрался? Объясните, что происходит.

– Точно не знаю. – Глаза ученого нервно бегали из стороны в сторону. – Я видел только одного, но мне хватило. Это настоящее чудовище. На месте рук и ног у него что-то вроде костяных лезвий, а передвигалось оно, словно гигантский паук. Голова болталась, будто привязанная, глаза уставились в пол, но все равно оно, казалось, видело нас. Я не знаю, кем была эта тварь, но на ней болтались остатки одежды, значит прежде она была человеком. Но теперь, дьявол ее заberi, в ней не осталось ничего человеческого. Олзмэн, здесь случилось что-то ужасное.

– Все ясно. – Олзмэн оглянулся.

Одного из товарищей Шоултера он знал – кажется, его звали Уайт. Третий член маленькой группы был ему незнаком.

– Держите. – Шоултер протянул Олзмэну винтовку. – Забрал у охранника, которому оторвали голову. Не знаю, правда, поможет ли. Эти твари, когда в них стреляешь, не хотят дышать.

Олзмэн взял оружие.

– И много осталось в живых?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Шоултер. – Нас четверо, считая вместе с вами. Вероятно, некоторые охранники. Мы видели также нескольких ученых.

– Я совсем недавно общался по видео с Филдом, так что он тоже еще жив. Наверное, все началось здесь, внизу. Может быть, в верхней части судна все по-прежнему спокойно.

– А может, и нет, – заметил Шоултер.

– Надо связаться с Филдом. Скажите, пусть идет к шлюзу, закроет люк и дожидается с той стороны. Мы пробьемся к выходу, и тогда он нас выпустит.

Шоултер повторил указание третьему члену своей команды, малому по имени Питер Ферт. Тот вытащил эйчпод и стал вызывать Филда.

Из дальнего конца коридора прилетел чудовищный рев, и следом из-за поворота шаркающей походкой вышло... нечто. Ростом оно было приблизительно со взрослого человека, но руки казались руками ребенка. Вырастали они при этом из живота твари. Из верхней части спины торчали два соединенных между собой костяных лезвия, похожие на крылья некой чудной птицы без оперения. Кожа у существа была испещрена пятнами и сочилась гнусного вида жидкостью. До людей донесся слабый запах гниющего мяса. В целом тварь имела человекоподобные очертания, но Олзмэн никогда бы не догадался, что она раньше была человеком, если бы к груди не прилипли клочья военной формы.

– Вот дерьмо, – прошептал Олзмэн.

– Ферт, продолжай вызывать Филда, – негромко приказал Шоултер, – а мы задержим этого урода. Да, ребята, и постарайтесь по возможности не палить по стенам. Не хватало нам растратить без толку все патроны.

Олзмэн взглянул на Уайта и заметил: тот так крепко сжимал в руках винтовку, что побелели костяшки пальцев.

Тварь медленно ковыляла по коридору к баррикаде. Вдруг она замерла, потом издала рык и с воплем бросилась на людей.

– Огонь! – воскликнул Шоултер.

Все трое выстрелили одновременно. Пули немного замедлили продвижение твари, но непохоже было, чтобы серьезно ей повредили. Она продолжала идти к людям. Олзмэн тщательно прицелился в голову и три раза подряд нажал на спусковой крючок. По крайней мере

две пули из трех попали в цель – в стороны полетели ошметки плоти и брызнула кровь, – но существо, казалось, не обратило на это внимания.

Через мгновение оно достигло баррикады и полезло на стол. Люди, пригнувшись, продолжали стрелять, стараясь не подпустить к себе чудовище, но оно с удивительной легкостью пробралось невредимым через град пуль и атаковало Уайта.

Тот заорал благим матом и кинулся бежать. Костяные лезвия глубоко вонзились в спину бедолаги, и из ран хлынула кровь. Тварь тесно прижалась к Уайту, словно к любовнику, и наклонилась, намереваясь укусить за шею.

Смотреть на происходящее было ужасно. Уайт трепыхался, словно вытянутая из воды рыба, и дико визжал. Подобный визг Олзмэн слышал лишь однажды, когда кролику выстрелили в голову, но он еще какое-то время жил и испытывал чудовищную боль. Тварь, издавая неразборчивое бормотание и исходя слюной, продолжала яростно кусать жертву; она размахивала головой так, что во все стороны летели ошметки плоти и брызгала кровь.

Первым побуждением Олзмэна было бежать прочь от кошмара наяву. Остановила его только промелькнувшая в голове мысль: «Если я не убью тварь, то буду следующей жертвой».

Он подобрался, насколько было возможно, вплотную, приставил ствол винтовки к шее монстра и выстрелил четыре раза подряд. Выпущенные в упор пули практически оторвали голову от туловища, и тварь все же выпустила горло несчастного Уайта. Но, даже почти лишившись головы, она продолжала шевелиться.

– Да можно вообще уничтожить этих гадов? – в отчаянии воскликнул Олзмэн.

Рядом крикнул Шоултер. Он приставил дуло пистолета вплотную – так же как Олзмэн – к месту, откуда выросло костяное лезвие, потянул за спусковой крючок, и кошмарная конечность оторвалась.

– Есть! – закричал Олзмэн. – Получил, урод!

Он, в свою очередь, опустил ствол винтовки и трижды выстрелил. Нога существа подвернулась. Оно накренилось набок и наконец рухнуло, увлекая за собой Уайта. Олзмэн перепрыгнул через баррикаду и обрушился на лежащую тварь. Он стрелял и яростно топтал ногами оставшиеся конечности до тех пор, пока они не превратились в кровавое месиво и он не решил, что тварь более не опасна. Даже теперь Олзмэн не был уверен, что она мертва, но можно было, по крайней мере, не опасаться нападения.

Потрясенный, он отступил в сторону. Ботинки и брюки до колен блестели от крови, грудь и руки также были ею забрызганы. Уайт еще дышал, хотя пребывал в шоковом состоянии. Спина представляла собой сплошное кровавое месиво. Олзмэн присел рядом и несколько раз ударил его по лицу, чтобы привести в чувство. Уайт моргнул, а потом глаза заволокло пеленой. Он был мертв.

– С ним все в порядке? – спросил Шоултер.

Олзмэн открыл рот и попытался сделать Уайту искусственное дыхание, вдохнуть жизнь в мертвое тело. На губах он ощутил вкус крови.

Шоултер коснулся его плеча:

– Оставьте его.

Олзмэн поднял взгляд и покачал головой. Едва он повернулся, чтобы снова поднести губы ко рту мертвеца, как услышал треск и увидел, что тело Уайта забилося в конвульсиях.

Олзмэн выпрямился и отпрянул в сторону. Лежавшего на полу мертвеца била крупная дрожь, он дергался и корчился. А потом начал меняться.

Круглыми от ужаса глазами Олзмэн наблюдал за происходящим и изо всех сил старался не поддаваться панике.

– Что же это за чертовщина?

– Он изменяется, – отозвался Шоултер. – Теперь он один из них.

- Давайте убираться отсюда на хрен! – крикнул Олзмэн.
- Боюсь, перед этим нужно еще кое-что сделать.
- Что же?
- Мы должны быть уверены, что оно не станет нас преследовать.
- Олзмэн кивнул и крепко сжал губы.
- Вы имеете в виду... – сказал он через несколько секунд.
- Нам придется расчленить тело, – кивнул Шоултер.

Двое мужчин стояли рядом, тяжело дышали и смотрели на залитый кровью пол коридора, на раскиданные куски тел твари и частично превратившегося Уайта.

«Я никогда не стану таким», – подумал Олзмэн.

По тому, как Шоултер быстро отвел взгляд в сторону, Олзмэн догадался: коллега испытывает похожие чувства. Еще он подумал, что теперь у него появился богатый материал для гораздо более жутких ночных кошмаров, чем те, что преследовали его раньше.

– Я связался с Филдом, – сообщил Питер Ферт. – Насколько он может судить, все эти твари пока находятся только на нижних уровнях. Он попытается добраться до шлюза и закрыть его. Потом будет ждать, когда мы выйдем на связь.

– Если мы хотим туда прорваться, нам понадобится другое оружие. От винтовок толку никакого, – сказал Олзмэн. – Пули этих гадов не берут, они едва-едва могут замедлить их продвижение.

– И что вы можете предложить? – поинтересовался Шоултер.

– Нужно по дороге прочесать лаборатории, а также подсобные помещения. Будем искать любые предметы, которыми можно отрубить тварям конечности, иначе их не остановить.

В первой же лаборатории они обнаружили ручной плазменный резак – с удаленным предохранителем он мог превратиться в подходящее для ближнего боя оружие. Шоултер забрал у мертвого охранника лазерный пистолет и при помощи найденных в соседней лаборатории инструментов отрегулировал ширину луча таким образом, что теперь им можно было нарезать живое существо ломтями. Питер Ферт отыскал лазерный скальпель и настроил его, чтобы одним ударом отсечь, скажем, кисть руки.

– Не факт, что их это остановит, – мрачно заметил Олзмэн.

– Меня в первую очередь беспокоит, как бы разрубить эти лезвия, – отозвался Ферт. – Если удастся, я буду чертовски рад.

– Ну хорошо. В конце концов, что нам терять? Пошли.

58

– Крэкс, у вас есть две секунды на то, чтобы объяснить, что, черт подери, происходит. Маркофф махнул рукой в сторону висевших над пультом управления экранов – на них передавались объемные изображения из различных частей плавучей базы. На судне царил хаос. Вот коридор перегородил поставленный на попа стол, а за ним притаились, сидя на корточках, ученые и охранники. Вот в шею мужчины впилося зубами ужасное существо – нечто среднее между гигантским пауком и ожившим воплощением смерти с косой. Еще один экран показывал сцену чудовищной бойни: по всему коридору были в беспорядке разбросаны куски человеческих тел. А вот целая группа человекоподобных тварей стояла на одном месте и в нерешительности покачивалась взад-вперед.

Крэкс, похоже, находился в шоке. Он обильно потел, глаза метались в разные стороны.

– На нас напали. Какие-то монстры. Я не знаю, кто они или что.

– Да кто они такие, на хрен, и как попали на борт?

– Я даже не представляю, – признался Крэкс. – Никогда не видел подобного.

– Мне они кажутся знакомыми, – заговорил Стивенс. – Вы ничего не заметили?

– Знакомыми? – переспросил Маркофф и перевел взгляд на один из мониторов. – Да, пожалуй, я понимаю, что вы имеете в виду.

– Вот этот, – продолжил Стивенс, – был Молиной. Можно догадаться по тому, что осталось от лица. Кроме того, на всех болтаются лохмотья.

– Они были людьми? – спросил пораженный Крэкс.

Стивенс кивнул:

– Правда, сейчас они уже определенно не люди.

– И что это значит? – задал вопрос Маркофф.

– Я только что выслушал рассказ Хидеки Исимуры, астрофизика, – доложил Крэкс. – Он первым повстречался с одним из этих существ, – точнее, людей было трое, но только он остался в живых. Исимура перепуган до смерти, мне пока мало удалось из него вытянуть. Однако он непрерывно повторяет имя Гуте. Я думал, просто бредит, но если эти твари раньше были людьми, то возможно, что Гуте стал первым превратившимся.

– Я же говорил, что вы поторопились, не надо было его убивать, – бросил Маркофф. – Где этот Исимура? Я хочу с ним поговорить.

– Он здесь, готов к эвакуации. Сэр, нам нужно убираться отсюда.

– Я не люблю убегать от схватки, – заявил Маркофф.

– Но здесь мы имеем дело не с людьми, – сказал Крэкс. – В голову этой твари выпускаешь две-три пули, а она продолжает идти. Отрываешь ей начисто башку, но она все равно идет и идет.

– Это невозможно.

Крэкс покачал головой.

– Как вы думаете с ними сражаться?

– Значит, применим тактическую хитрость: якобы отступим, а сами тем временем перегруппируем силы. Я думаю, на пути к великим открытиям люди часто сталкиваются с подобными препятствиями.

– Сэр, это не простое препятствие, – произнес Крэкс. – Это катастрофа.

Маркофф холодно улыбнулся:

– И сколько их уже, по-вашему? Сто? Двести? Даже если все или почти все превратились в этих мерзких тварей, это сущая ерунда по сравнению с великой конечной целью. Просто небольшая помеха. Вы не успеете и оглянуться, как мы продолжим операцию.

– Вы шутите?

– Предлагаю воспользоваться камерами, установленными по всему судну, – сказал Маркофф. – Надо настроить их так, чтобы они передавали картинку на спасательный катер. Не вижу причины, почему нам не следить за происходящим. Мы сможем узнать много полезного для себя.

– Но вы же не думаете на самом деле...

– Обелиск существует, – холодно произнес Маркофф. – Если мы его упустим, кто-то другой обязательно воспользуется подарком. С потерями, которые мы уже понесли и еще понесем, можно смириться.

– Сэр, мы ведь эвакуируемся? – напряженным голосом спросил Крэкс.

– Вы уже достаточно четко обозначили свою позицию, мистер Крэкс. Мы со Стивенсом будем готовиться к эвакуации. А вот что делать с вами, я пока еще не решил.

– Но вы же не собираетесь оставить меня здесь?

– Именно собираюсь. Я вам уже говорил: незаменимых людей нет.

– Крэйг, – сказал Стивенс своим негромким приятным голосом, – оставлять Крэкса здесь не имеет никакого смысла. Он принесет нам гораздо больше пользы живой, нежели мертвый. Если вы решите наказать его, вы тем самым накажете и нас.

Маркофф на мгновение задумался, а потом произнес:

– Да, вы всегда рассуждаете здраво. А вы, Крэкс, хотя бы приготовили для нас безопасный маршрут отхода?

– Да, сэр, – с готовностью заявил Крэкс. – Массовое бегство еще не началось. Если мы отправимся прямо сейчас, то успеем.

– Хорошо, – кивнул Маркофф. – Ведите нас.

59

– А что Маркофф? – спросил Олзмэн.

– А что с ним такое? – вопросом ответил Шоултер.

– Какие у него соображения обо всем этом?

– Не знаю. Я пытался выйти с ним на связь, но безуспешно. Может быть, он уже мертв.

– Я бы этому очень удивился, – хмыкнул Олзмэн.

Они шагали вперед через служебные помещения. Сначала зашли в аппаратную, а уже оттуда через герметичную дверь проникли непосредственно в лабораторию. По дороге люди увидели еще нескольких тварей, но удалось избежать встречи со всеми, кроме двух. Этих же они удачно изрубили в капусту, не понеся при этом потерь. В первой лаборатории все было как всегда, ничего необычного они не обнаружили. Когда же Олзмэн открыл дверь в следующую, он сразу понял: что-то здесь не так.

А потом он увидел. Из воздуховода на пол стекала странная на вид субстанция. Она уже широко расползлась по полу и, казалось, слилась с ним в единое целое.

Олзмэн показал на нее резаком:

– Оно начинает распространяться. Просачивается через вентиляцию.

Через несколько секунд лампы замигали, а потом погасли; осталось гореть лишь аварийное освещение. Лаборатория погрузилась в полумрак.

– Подбираются к системе электроснабжения, – сказал Шоултер. – Нам лучше потопиться.

Они уже почти дошли до входа в следующую лабораторию, когда услышали, как что-то (или кто-то) шевелится в системе воздуховодов под потолком. На глазах у людей расположенная прямо над ними решетка люка отлетела в сторону и нечто рухнуло на палубу, чудом никого не задев.

Оно не имело формы и пульсировало. Больше всего это напоминало холмик, который периодически опадал и словно растекался по полу, превращаясь в лужицу тягучей жидкости. Оно медленно перемещалось по палубе и оставляло за собой будто кислотой выжженный шипящий след. Все, к чему оно прикасалось, либо засасывалось внутрь булькающей массы, либо обдиралось до голого металла. Пока оно неспешно перекатывалось по полу, Олзмэн периодически различал внутри человеческий череп, а однажды даже заметил нечто похожее на смеющееся лицо.

– И как можно отрезать конечности у того, что вообще не имеет ни рук, ни ног? – срывающимся голосом спросил Ферт.

Существо медленно двигалось к людям – не то привлеченное голосами, не то руководствуясь какими-то своими резонами. Агрессивности оно, впрочем, не проявляло. Вот тварь проползла мимо – люди почувствовали себя в ловушке, – и Олзмэн задумался: а что же это вообще такое? Существо оставляло за собой голую палубу, сдирая с нее все подчистую. Не в силах сдвинуться с места и понимая, что времени у них практически нет, Олзмэн мог только смотреть. Существо уничтожало все на своем пути, живое и мертвое, и Олзмэн не удивился бы, если бы обнаружил, что при этом оно увеличивается в размерах. Насколько оно может увеличиться? Есть ли вообще пределы его роста? Не поглотит ли оно в конце концов весь мир?

– Нам нужно возвращаться, – сказал Шоултер.

Олзмэн кивнул, и все трое направились к двери, через которую прошли раньше. Ферт уже собирался ее открыть, но Олзмэн остановил товарища.

– Не спешите, – произнес он шепотом. – Я что-то слышал.

Он приложил ухо к двери – да, с той стороны кто-то находился. Судя по царапающим звукам и невнятным стонам, существо это явно не было человеком.

«Что же теперь делать?» – лихорадочно думал Олзмэн, пока его взгляд метался по лаборатории в поисках спасения.

Может, если они будут достаточно проворны, удастся пробежать мимо твари. Или же нужно просто выскочить и напасть на то, что ждет за дверью. Постараться уничтожить или хотя бы ранить тварь до того, как она сама набросится на них.

Тут Олзмэн заметил, что Ферт тычет куда-то пальцем. Он посмотрел в том направлении: на стене, рядом с ползающей тварью, висел баллон с водородом, и к его концу была привинчена горелка.

Обрадованный Олзмэн снял баллон, до упора открутил насадку, зажег горелку и настроил так, чтобы та давала струю пламени предельной длины. Опустив импровизированный огнемёт почти до самого пола, Олзмэн направил струю на тварь.

Там, где его касалось пламя, существо занималось огнем, поверхность покрывалась черными пузырями. В других местах оно отдергивалось от огня и пыталось отодвинуться подальше. Олзмэн подошел, продолжая поливать тварь струей из горелки. От поднимавшегося к потолку едкого дыма запершило в горле. Но даже несмотря на значительные повреждения, существо продолжало ползти; горящие и обожженные участки плоти складывались и бесследно исчезали в его сердцевине. Но теперь, по крайней мере, оно двигалось в другом направлении.

– Я могу удерживать его на расстоянии, – крикнул Олзмэн товарищам, – но не уничтожить!

Ферт собирался что-то ответить, как вдруг дверь с грохотом слетела с петель. Продолжая размахивать «огнемётом», Олзмэн кинул быстрый взгляд через плечо и увидел, как Ферт отсекает лазерным скальпелем костяное лезвие. Шоуолтер пятился и непрерывно палил из пистолета; с полдюжины тварей угрожающе выставляли мечеобразные конечности и неуклюже надвигались. Ферт оказался в самой их гуще, твари окружали его, и бедолаге приходилось напрягать все силы, чтобы выбраться на свободу. Но противников было слишком много. Олзмэн увидел, как одно из чудовищных созданий резко припало мордой к шее Ферта. Тот завопил и стал отчаянно отбиваться. Наконец ему это удалось. Он ударил тварь кулаком, а потом распорол ей пасть скальпелем, но ее место тут же заняла другая. Ферт снова заорал, а через мгновение чудовище оторвало ему голову; безжизненное тело кулем повалилось на палубу.

Два монстра были уничтожены, еще один покалечен. Рука и нога у него не действовали, однако он передвигался ползком и при этом угрожающе шипел. Шоуолтер со всей силы наступил на него.

Итак, осталось три. Олзмэн выпустил последнюю струю пламени в ползающую тварь, повернулся и вытащил плазменный резак. Одно из существ как раз со свистом опускало костяное лезвие на спину Шоуолтера, но Олзмэн успел вовремя: резак отсек конечность почти впритык к туловищу. Лезвие другой твари глубоко вспороло ему руку, и Олзмэн едва не выпустил оружие. Чертыхаясь, он все же сумел удержать резак и двумя яростными взмахами отрубил чудовищу обе ноги. Лазерный луч из пистолета с шипением пронесся рядом с его головой и отсек последнему из монстров верхнюю конечность. Не обратив на это внимания, тот с жутким криком прыгнул вперед, проскочил мимо Олзмэна и налетел на Шоуолтера.

Ученый оступился, пистолет выпал у него из рук и выжег на стене неровную линию. В смертельном объятии Шоуолтер и атаковавшее его существо упали назад, прямо на расплазавшуюся тварь.

Олтмэн немедленно зажег горелку и бросился на помощь, но было поздно. Тварь моментально поглотила Шоултера, и несчастный просто исчез, растворился в непрерывно шевелящейся, пульсирующей массе. Как ни странно, существо с костяными лезвиями постигла та же судьба: и оно было поглощено быстро и безвозвратно, хотя, вероятно, состояло в родстве с ползучим ужасом.

Олтмэн придавил каблуком последнее из созданий, которое еще шевелилось, а потом выпустил целый фонтан огня на копошившуюся тварь. Та дернулась и отпрянула достаточно далеко, чтобы Олтмэн проскочил мимо к спасительной двери.

«Вот и все, – подумал Олтмэн. – Я остался один».

Было очень трудно удерживаться от чувства, что идти вперед бессмысленно. Конец виделся неизбежным: одна из этих тварей схватит его и разорвет на куски.

И все же Олтмэн продолжал идти. Он теперь хромал, хотя и не мог припомнить, когда именно и как повредил ногу. В лаборатории он обнаружил аптечку первой помощи и перевязал раненную в схватке руку. Довольно часто приходилось останавливаться и отгонять огнем проклятого ползающего монстра.

Однако Олтмэну везло. Пробираясь по едва освещенным аварийными лампами коридорам, он встретился с пятью обладателями костяных лезвий. Ни разу твари не попадались ему больше чем по двое, и все в таких местах, где не имели возможности загнать Олтмэна в угол или окружить. Справиться с одной-единственной тварью проблем не составило, но вот когда они атаковали парами, приходилось значительно тяжелее. Как только все закончилось, Олтмэн не удержался от мысли, что, если бы хоть раз луч прошел чуть выше или, наоборот, чуть ниже, какая-нибудь гадина добралась бы до его шеи.

А потом он увидел Аду. Не живую – ее голографическое изображение сквозь бурю помех проступило на эйчпode.

– Майкл, ты видишь?

– Ада, ты?

– Да, я. Пока все в порядке, но не знаю, что они собираются со мной делать. Майкл, если слышишь меня, пожалуйста, поторопись.

– Ада, ты где? – крикнул Олтмэн.

Но Ада его, похоже, не слушала. Она протянула руку в сторону, изображение на экране задрожало, исчезло на короткое время, потом восстановилось.

– Майкл, ты видишь?

И запись пошла по второму кругу. Однако увиденное послужило для Олтмэна вполне достаточным стимулом, чтобы двигаться дальше.

По мере продвижения на верхние уровни плавучей базы страшных тварей встречалось все меньше. От одних он просто прятался, остальных же убивал, стараясь действовать как можно тише, чтобы не привлечь внимания других монстров.

Тем не менее Олтмэн очень удивился, когда обнаружил, что до заветного шлюза остался всего один коридор. Появилась слабая надежда, что удастся выбраться живым.

Но сначала предстояло справиться с серьезной проблемой. Впереди маячила фигура существа еще более жуткого, нежели все прежние; его образовали сразу несколько трупов. Оно напоминало паука; мечеподобные конечности, характерные для прочих тварей, служили ему ногами. Ног этих было семь. Собственно тело состояло из изогнутых и частично сросшихся и переплетенных между собой туловищ. С одного бока болтались две головы, – казалось, они вот-вот отвалятся.

Олтмэн притаился за дверью и принялся рассматривать ходячий кошмар. На нижней части тела пульсировал желто-черный бугор – подобие опухоли.

«Беги быстрее и режь его на ходу», – мысленно скомандовал он себе. Не самый лучший план, но ничего другого придумать все равно было нельзя.

Довольно долго он стоял в нерешительности; потом наконец сделал глубокий вдох и ринулся в атаку.

Существо мгновенно развернулось в сторону бегущего человека, зашипело и поспешило навстречу. Костяные конечности громко цокали по полу коридора.

Олтмэн не успел подобраться достаточно близко, чтобы пустить в ход резак, поскольку произошло из ряда вон выходящее. Одна из свободно болтающихся голов вдруг оказалась наверху, а потом оторвалась от тела и полетела прямо на Олтмэна. Она ударила его в грудь и выпустила множество мускулистых щупалец, которые немедленно начали сжиматься на шее.

«Вот черт!» – воскликнул про себя Олтмэн, отшатнулся назад и попытался оторвать щупальца. Паукообразная тварь продолжала резво двигаться к нему. Вторая ее голова теперь тоже оказалась наверху, намереваясь сорваться в полет вслед за первой. Олтмэн изо всех сил бил рукояткой резака набросившуюся на него голову, и наконец та чуть-чуть ослабила хватку. Этого оказалось достаточно, чтобы Олтмэн смог вздохнуть, а потом просунуть руки между щупальцами и своей шеей. И вот он оторвал их вместе с «самостоятельной» головой.

Она еще попыталась ползти вверх по руке в надежде снова добраться до шеи, но Олтмэн крепко держал ее за извивавшиеся щупальца и не отпускал. Теперь его атаковала и вторая голова, но Олтмэн ловко сбил ее при подлете первой и растоптал в бесформенную массу. Первую же голову он швырнул в стену, а затем развалил пополам плазменным резак-ком.

А паукообразная тварь уже подобралась вплотную. Олтмэн отсек кончик одной лапы, но существо тут же поднялось на три задние и атаковало его четырьмя другими. Олтмэну удалось успешно отразить удары двух лап и уклониться от третьей. Он даже успел отсечь резак-ком часть четвертой конечности, но увернуться уже не смог и получил чувствительный удар в грудь, упал и несколько мгновений не в силах был даже вздохнуть.

Тут же тварь нависла над Олтмэном и стала пристраиваться поудобнее, чтобы покончить с ним. Олтмэн отсек одну ногу, потом другую, но существо, похоже, этого даже не заметило. Он с размаху врезал твари ступней, следом нанес удар кулаком, быстро отполз чуть назад, выхватил плазменный пистолет и – зная, что толку от этого будет немного, но надеясь хотя бы выиграть время – открыл огонь.

Лазерные импульсы поражали ноги существа, со свистом проникали в плоть, но остановить его не могли. Вот оно снова нависло над Олтмэном. Он пнул его уже двумя ногами и на этот раз добился успеха: тварь пошатнулась и, не удержав равновесия, опрокинулась.

Пока она барахталась и пыталась подняться, Олтмэн снова заметил пульсирующую желто-черную опухоль и выстрелил в нее.

Опухоль взорвалась, и Олтмэна отбросило назад, в дверной проем. На какое-то время он оглох. Существо разлетелось на несколько частей, одна из которых оказалась «самостоятельной» и направилась к Олтмэну. Он с трудом поднялся, шагнул вперед и рассек ее резак-ком пополам.

От взрыва стены коридора содрогнулись и пошли тонкими трещинами. Олтмэн на дрожащих ногах исследовал стены – не образовался ли проход наружу? – но они пока держались.

Прихрамывая и ощущая звон в ушах, он доплелся до конца коридора и замолотил кулаками в запертый люк шлюза. Ответа с той стороны не было.

– Это Олтмэн! Впустите меня!

Никакой реакции не последовало, и тогда Олтмэн сообразил, что можно поступить проще. Он достал эйчпод и вызвал Филда. В следующее мгновение люк отошел в сторону, и Олтмэн ввалился в проем.

– Олзмэн! – Филд одной рукой крепко сжимал иконку с изображением Обелиска, в то время как другой закрывал люк шлюза. – Слава Обелиску, ты пришел, а то я уже начал терять надежду.

– Где Ада? – первое, что спросил Олзмэн.

– Полагаю, ее по-прежнему держат на материке. Я не видел ее несколько дней.

– Но она выходила со мной на связь. Она была здесь.

– Мне очень жаль, – произнес Филд, – но я ее не видел.

«Может, это был Обелиск? – подумал Олзмэн. – Да, но как такое возможно? Ведь Обелиск передает изображения только умерших людей, а Ада жива».

И тут кровь застыла у него в жилах. До Олзмэна наконец дошло то, что он знал уже некоторое время – после того, как увидел ее во сне. Ада была мертва.

Филд схватил его за рукав:

– Нужно уходить. Не знаю, сколько мы сможем удерживать их взаперти.

– Где Маркофф? – спросил Олзмэн.

– Понятия не имею. Должно быть, он уже собрал вещички и смотался с судна. А может, он мертв. Лично мне все равно.

Олзмэн кивнул.

– Нам придется вернуться, ты же понимаешь, – сказал вдруг Филд.

– Что?

– Сейчас отправимся за помощью, а потом вернемся. Мы должны убедиться, что они не вырвутся оттуда. Необходимо защитить Обелиск.

Олзмэн следовал за Филдом вверх по лестницам, через ряд открытых отсеков, а затем по изгибающемуся коридору в центральный купол. Наконец они зашли в лифт, чтобы подняться на самый верх, но тот не сдвинулся с места.

– В чем дело? – спросил Олзмэн.

Филд покачал головой:

– Очевидно, мощности аварийного питания недостаточно. Придется подниматься самим. Идите первым.

Олзмэн закинул за спину плазменный резак и начал взбираться вверх по приставной лестнице, Филд лез следом. Лестница была узкой, расстояние между ней и стеной – маленьким, и Олзмэн очень быстро устал. Измотанный до предела недавними приключениями, он, чтобы не упасть, вынужден был сосредоточиваться каждый раз, когда ставил ногу на ступеньку. Филд, впрочем, чувствовал себя ничуть не лучше: он так тяжело, с такими хрипами дышал, словно вот-вот потеряет сознание.

– Эй, ты как? – не оборачиваясь, спросил Олзмэн.

– Жить буду, – пошутил Филд и хотел добавить что-то еще, но словно поперхнулся и резко замолчал.

Олзмэн поглядел вниз и увидел, что Филда душит нечто напоминающее беловато-серую змею или ожившую кишку. Одним концом оно крепко прицепилось к лестнице, вторым плотно обмоталось вокруг горла Филда. Бедолага пытался оторвать существо от шеи, одновременно стараясь удержаться за перекладину. Олзмэн закричал и начал спускаться на помощь коллеге. Тот отпустил перекладину, чтобы сражаться с тварью обеими руками.

Олзмэн находился уже совсем близко, он стал доставать резак, собираясь разрубить тварь пополам, но была одна проблема: Филд не держался за лестницу. Если он атакует тварь, Филд полетит вниз.

– Филд! – крикнул Олзмэн. – Хватайтесь за лестницу.

Но тот его, похоже, не слышал. Лицо бедняги побагровело, а из ушей сочилась кровь. Олзмэн вытянулся в струнку и со всей силы припечатал каблуком хвост твари, которым она прицепилась к лестнице. Тварь забилась под его ногой, но Филда не отпустила. Потом она резко дернулась, и вдруг голова Филда оторвалась от шеи, точно виноградина от ветки, и с глухим стуком упала на палубу далеко вниз. Обезглавленное тело, ударяясь то о стену, то о лестницу, камнем полетело вслед.

Олзмэн наблюдал, как тварь, извиваясь, быстро юркнула вниз. Оказавшись на палубе, она, не останавливаясь, такими же змеиными движениями заскользила к труп Филда. С ужасом и отвращением Олзмэн увидел, как она проткнула живот и, трансформировав один свой конец в подобие копыя, проникла под кожу. Медленно, вихляя туловищем из стороны в сторону, она проталкивалась в тело Филда. Живот его постепенно раздувался все сильнее, и наконец, изогнувшись в последний раз, существо полностью исчезло внутри трупа.

Олзмэна чуть не вырвало. Он крепко держался за перекладину и некоторое время просто смотрел вниз. Мог бы провисеть еще неизвестно сколько, но тут его как громом поразила мысль: «А что, если здесь есть и другие подобные гады?» Затравленно оглядываясь по сторонам, Олзмэн заставил себя продолжить подъем.

Наконец он добрался до люка, распахнул его и вылез на верхнюю палубу. Потом закрыл за собой крышку и тщательно проверил запоры. Олзмэн очень надеялся, что никаким существам не под силу их открыть, хотя стопроцентной уверенности не испытывал.

Олзмэн начал спускаться по сделанным в боковой стеклянной стене купола узким ступенькам. Они вели к лодочной площадке, о которую беспрерывно бились волны. Почти все моторки отсутствовали, осталась лишь одна. Олзмэн отвязал швартовы и забрался в нее.

Мотор завелся с пол-оборота. Только тогда Олзмэн наконец почувствовал, что у него действительно есть возможность выбраться из этого кошмара, есть шанс спастись.

Но потом он вспомнил о Филде. О Филде, который погиб, потому что не убежал, а дождался Олзмэна.

«Сейчас отправимся за помощью, а потом вернемся, – сказал он. – Мы должны убедиться, что они не вырвутся оттуда».

«Ну уж нет, – подумал Олзмэн, – с меня хватит. Я никуда не собираюсь возвращаться».

Внезапно он почувствовал, что находится в лодке не один. Кто-то был рядом, буквально за спиной, вне поля зрения. Олзмэну стало страшно. Он представил себе, как поворачивается и видит Филда. Голова его на месте, но еле-еле держится на шее и может отвалиться в любой момент.

– Привет, Олзмэн, – произнес кто-то.

– Филд, отстань от меня.

– Ты вернешься за мной?

Только теперь Олзмэн сообразил, что голос не совсем похож на голос Филда.

– Филд, ты умер. Я не могу за тобой вернуться.

– А как насчет меня?

Нет, говорил точно не Филд. Теперь это был женский голос. Он повернул голову и увидел Аду.

– Ада, где ты? Кто тебя убил?

– Я здесь, вот она. Майкл, ты мне нужен. Ты должен довершить начатое.

Олзмэн покачал головой:

– Нет, ты не Ада. Ты галлюцинация.

– Майкл, ничего не закончилось. Всем угрожает серьезная опасность. Ты должен остановить Слияние.

– Что такое Слияние?

– Ты видел Слияние. Ты должен его остановить.

И Ада исчезла. Олзмэн включил передачу и до упора втопил ручку газа. Будь он проклят, если понял, чего именно хотела от него Ада. Что оно хотело.

– Я не вернусь сюда, – убеждал он себя. – Не вернусь.

Но он уже чувствовал, что вернется.

60

Когда Олтмэн причалил у пирса в Чиксулубе, его там уже поджидали. Это оказался не кто иной, как Чава, местный парнишка, который поведал ему и Аде о найденном на берегу трупе. Он стоял в тусклом свете лампы и весь дрожал. Возле него переминался с ноги на ногу городской пьянчужка – тот, что потерял свое имя.

– Я знал, что вы появитесь здесь, – сказал Чава, когда Олтмэн привязал моторку к пирсу. – Мне сказала бруха. Она хоть и мертва, но все же сказала мне. Она просила передать, чтобы вы возвращались назад.

– Я не хочу возвращаться.

– Вы должны, – просто сказал Чава. Его глаза при этом были чистыми и невинными. – Вы нужны ей.

– А вы что здесь делаете? – обратился Олтмэн к пьянице.

Тот был трезв или, по крайней мере, казался таковым. Он сложил пальцы в знак «хвост дьявола».

– Единственный способ одолеть дьявола, – заговорил он, – принять его в себя. Вы должны открыться перед ним. Вам придется научиться думать так же, как дьявол.

– У меня на это нет времени. Мне нужно найти помощь.

– Конечно, – сказал Чава. – Мы пойдем с вами.

Олтмэн зашагал прочь с пирса. Старик и мальчик направились следом. Когда стало ясно, что Олтмэн двигается в сторону здания, принадлежавшего «Дреджер корпорейшн», Чава нагнал его и попытался удержать.

– Там вам не найти помощи, – заявил мальчик.

Олтмэн молча стряхнул его руку и пошел дальше – прямо к воротам. Когда он оглянулся, то увидел, что Чава и пьяница его больше не преследуют. Они неподвижно стояли на пыльной дороге.

– Мы будем ждать вас здесь! – крикнул Чава вслед.

Олтмэн поднес магнитную карточку к считывающему устройству у ворот, и те открылись. Он пересек пустое пространство, подошел к входу в здание и снова поднес карточку – на этот раз безрезультатно.

Он постучал, потом нажал кнопку звонка и стал ждать. Ожидание затянулось надолго. Наконец мигнул и включился расположенный на уровне лица дисплей, и на нем материализовалось черно-белое изображение Терри.

Он сдвинул очки на кончик носа и уставился на Олтмэна.

– Я бы хотел войти, – сказал тот.

– Мне жаль, но в данный момент вход закрыт для всех.

– Это важно. На плавучей базе творится черт знает что. Нужно принимать меры.

Олтмэн услышал прямо за дверью голос, настолько тихий, что он не смог разобрать ни слова. Терри повернулся и посмотрел влево.

– Это один из них, – сообщил он невидимому собеседнику. – Не знаю, кто именно. Забыл его фамилию. Кажется, Олтер.

Он умолк, а другой голос в это время опять пробурчал что-то неразборчивое.

– Да, он. Олтмэн. – Терри внимательно прислушался к словам неизвестного, а потом повернулся к Олтмэну. – Можете заходить.

– С кем вы разговаривали? – спросил Олтмэн.

– Ни с кем. Не беспокойтесь об этом.

– Мне нужно знать, что я буду в безопасности.

– Будете-будете, – после секундного замешательства уверил его Терри. Однако смотрел он при этом в сторону, и Олзмэн понял: Терри лжет.

Когда Терри открыл дверь, Олзмэн уже почти добрался до ворот и продолжал шагать, даже не думая оборачиваться.

– Эй, постойте! Куда вы?

– Извините, но я тороплюсь.

– У меня пистолет! – крикнул Терри. – Не вынуждайте стрелять в вас.

Олзмэн остановился.

– Вот так. А теперь будьте паинькой, повернитесь и возвращайтесь сюда.

Олзмэн послушался. Он медленно развернулся и пошел к зданию. Терри стоял вразвалочку и небрежно держал в руке пистолет. Предохранитель, как заметил Олзмэн, был снят.

– Что это у вас? – спросил Терри, скосив глаза на плазменный резак.

– А что вообще происходит? – вопросом на вопрос ответил Олзмэн. – Сначала вы меня не пускаете, а потом чуть ли не силой тащите.

– Исполняю приказы, – объяснил Терри. – Вы должны войти внутрь и оставаться там. А эту штуковину лучше бросьте. – Он кивнул на резак.

– Чьи приказы? – проигнорировал его слова Олзмэн.

Терри молча пожал плечами.

– Я не хочу туда идти, – сказал Олзмэн, маленькими шажками продвигаясь вперед. – Сначала мне нужно закончить одно дело.

– А я не хочу в вас стрелять, но выстрелю. Бросьте эту штуку и поднимите руки вверх.

Вдруг позади загремели ворота – кто-то в них стучался. Терри перевел взгляд на источник шума всего на мгновение, но Олзмэну хватило и этого. Он ринулся вперед и нанес удар по руке, державшей пистолет. Раздался выстрел, пуля чиркнула по забору, но все же Терри не выпустил оружия, а, напротив, снова поднял его, чтобы прицелиться в Олзмэна. Но и тот не зевал. Олзмэн включил плазменный резак и выбросил его перед собой. Лезвие из чистой энергии, как сквозь масло, прошло через руку, и кисть, продолжая сжимать пистолет, шлепнулась на землю.

Терри был слишком шокирован, чтобы сразу осознать случившееся. Он тупо стоял, уставившись на обрубок руки. Потом, широко раскрыв глаза, он шагнул назад, набрал полную грудь воздуха и завопил от боли.

Олзмэн счел за лучшее не задерживаться. Он развернулся и побежал, стараясь не прислушиваться к жутким крикам раненого Терри. Как только он выскочил из ворот, к нему присоединился Чава. Они побежали рядом.

– Я решил постучать, чтобы отвлечь его, – пояснил мальчик, – и вот вы здесь.

– Спасибо, парень, ты мне здорово помог. А где тот старик?

– El Borracho?⁹ Ему пришлось уйти. Он изнывал от жажды.

Олзмэн бежал по улице в сторону моря, Чава не отставал. Что же теперь? Он остановился и склонился над мальчиком:

– Я должен уничтожить дьяволов. Вроде того, что ты видел на берегу.

– Я помогу вам, – сказал Чава. – Вместе мы справимся.

– Нет, – решительно заявил Олзмэн. – Это тебе не игрушки. Ты не можешь пойти со мной. Я найду оружие и отправлюсь один.

Мальчик немного подумал и улыбнулся:

– Вы пойдете со мной. Не отставайте.

⁹ Пьяница (исп.).

Чава повел его по лабиринту улиц в бидонвиль и еще дальше – туда, где к городку подступали джунгли. В лесу он отыскал по одному ему ведомым приметам дерево, положил на него руку и через пару секунд осторожно двинулся в определенном направлении. При ходьбе он почти не сгибал ноги и с силой ударял пятками о землю. Вскоре звуки шагов изменились, и мальчик остановился.

– Здесь, – сообщил он и указал себе под ноги.

Потом Чава присел на корточки и стал отгребать землю. Вскоре на поверхности появилось стальное кольцо, а затем и деревянная крышка люка около двух футов шириной и шести длиной. Жестом он попросил Олтмэна поднять ее.

Олтмэн положил резак, нагнулся и потянул за кольцо. Заскрипев на несмазанных петлях, крышка откинулась, и под ней обнаружилась выложенная камнями прямоугольная яма, смахивавшая на могилу. Половина ее была заполнена гладкоствольными ружьями и винтовками – Олтмэн насчитал их с дюжину, – с другой стороны лежали топоры, кувалды, металлические клинья, мачете, канистра с бензином и старинная цепная пила.

– Можете брать что угодно, – торжественно произнес Чава, – но потом все нужно будет вернуть на место. Это вещи моего отца.

– И чем же занимается твой отец? – поинтересовался Олтмэн.

– Ну, он делает это ради людей. Он... – Несколько секунд мальчик мучительно подыскивал нужные слова и наконец вспомнил: – Он экологический партизан.

– Хвала Господу, что на свете есть зеленые, – пробормотал Олтмэн.

Он взял пилу и проигнорировал все остальное оружие, чем привел мальчика в замешательство.

– Эти чудовища... – широко раскрыв глаза, промолвил он. – Они деревья?

Олтмэн хотел объяснить все как есть, но, начав, внезапно понял, насколько трудно будет рассказать, что же в действительности произошло за последнее время, поэтому он просто кивнул и сказал:

– Да, деревья.

Но такой ответ породил новые трудности.

– Как деревья могут быть чудовищами? – хотел знать Чава.

– Это нелегко объяснить.

– И какие именно деревья? – допытывался мальчик.

Он шел следом за Олтмэном и сыпал испанскими названиями.

Но Олтмэн не обращал на него внимания. Он уже почти добрался до причала (Чава по-прежнему тащился позади), когда в кармане запищал эйчпод. Олтмэн нажал кнопку приема, и на экране возникло лицо Крэкса.

– Олтмэн, привет.

Он сбросил вызов. Через мгновение снова раздался звонок. Олтмэн не хотел разговаривать, но понимал, что Крэкс будет названивать до тех пор, пока он не ответит. Не останавливаясь, он нажал кнопку.

– С вашей стороны не очень-то разумно было поступать так с Терри, – слышался голос Крэкса. – Я бы мог арестовать вас.

– Но мне почему-то кажется, что вы не собираетесь этого делать, – предположил Олтмэн.

– Возможно, и нет, – признал Крэкс. – Но должен сказать: по-моему, вы перегнули палку. Мы просто хотели с вами поговорить.

– Вы хотели не просто поговорить. Вы собирались удержать меня там.

– Это для вашего же блага. Не валяйте дурака, Олтмэн. Вернитесь.

– Нет.

– Олтмэн, а как насчет вашей подружки? Насчет Ады? Из-за нее вы вернулись бы?

Олзмэн остановился:

– Дайте мне с ней поговорить.

В первый раз за все время хладнокровие слегка изменило Крэксу.

– Прямо сейчас она недоступна, – сказал он.

– Конечно недоступна, ведь она мертва.

– Не дурите, Олзмэн. С чего это ей быть мертвой?

– Она начала мне являться, – объяснил Олзмэн. – Или это вы ее убили, или она покончила с собой. Так как было дело, Крэкс?

– Но эти галлюцинации ничего не значат, – продолжал убеждать его Крэкс. – Она жива.

Олзмэн снова двинулся к причалу.

– Тогда покажите мне Аду. Если я ее увижу, я вернусь.

– Я уже сказал: сейчас это невозможно. Вы должны мне просто верить. Жизнь девушки в ваших руках.

Но Олзмэн уже добрался до причала.

– До свидания, Крэкс, – сказал он, прервал соединение, а потом и вовсе выключил эйчпод.

Он загрузил в лодку инструмент и запрыгнул сам. Чава попытался проскользнуть следом, но Олзмэн остановил мальчика:

– Оставайся здесь. На моей совести уже достаточно трупов.

61

Олтмэну хватило времени на раздумья, пока он вел лодку по волнующемуся морю и брызги соленой воды падали на лицо.

«Я ненормальный, – так он говорил себе поначалу. – Не надо возвращаться. Мне повезло, что я выбрался оттуда живым».

И действительно, он бы остался на берегу – если бы Ада была жива. Но теперь Олтмэн не видел никакой причины, чтобы возвращаться на материк. Он чувствовал, что должен покончить с кошмаром.

Потом он вспомнил слова, что сказал ему на причале старый пьяница.

«Единственный способ одолеть дьявола – принять его в себя. Вы должны открыться перед ним. Вам придется научиться думать так же, как дьявол».

И как, интересно, думает дьявол? Или, в данном случае, как думает Обелиск?

Олтмэну пришло в голову, что если кому и суждено это узнать, то только ему. Он много раз видел Обелиск, выжил, находясь от него в непосредственной близости, даже тогда, когда тот излучал в полную силу. Обелиск снова и снова обращался к нему с помощью наведенных галлюцинаций.

Что там он говорил в самый последний раз, воссоздав образ Ады?

«Майкл, ты мне нужен. Ты должен завершить начатое».

Но, как и большинство из того, о чем вещали призраки, смысл послания было очень трудно уловить. Раньше, во сне, все казалось куда более конкретным. Но действительно ли это Обелиск говорил с ним, или же то был просто сон? А может, даже что-то иное? Сон казался далеким откликом галлюцинации.

Но возможно, таким образом с ним пытается говорить его подсознание? Как там в точности сказала Ада?

«Я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделал, – так она сказала тогда. – Я хочу ребенка. Мне это нужно. И потом – ребенок нас сблизит».

Был ли сон явлением того же порядка, что и галлюцинации? Может, это совсем иное – отнюдь не подсознание Олтмэна, а другая сила? Что имела Ада в виду, когда говорила, что хочет ребенка? Возможно ли, что эти существа – люди с базы, превращенные после смерти в монстров, – являются потомством Обелиска? Ну, пожалуй, можно говорить и так, если Олтмэн прав и чудовищная мутация стала следствием излучаемого Обелиском кода. Но – опять-таки если он не ошибается – сон, в котором к нему обращалась Ада, посетил его еще до того, как появились эти твари, кем бы они в конце концов ни оказались. На самом деле он, наверное, видел сон сразу же после появления чудовищ, хотя об их существовании узнал только несколько минут спустя, когда его подняла на ноги корабельная сирена.

Может быть, нужно понимать сон буквально? Что, если именно этого и требовал Обелиск – чтобы его воспроизвели, сделали копию? Может быть, если он убедит Обелиск, что он, Олтмэн, понял, что способен его воспроизвести, все придет в норму?

«Как просто», – подумал Олтмэн.

Но тут же на него навалились сомнения. Он базировал свои рассуждения на увиденном сне, а тот не очень-то согласовывался с тем, о чем непрерывно твердили призраки. Это могло ничего не значить или вообще оказаться чем-то иным, другой силой, которая пыталась им манипулировать. Допустим, он прав, но кто сказал, что, если он в точности выполнит пожелания Обелиска, все действительно вернется в норму? Может быть, станет только хуже? Вдруг Обелиск абсолютно не заинтересован в выживании рода человеческого, а рассматривает его лишь как средство ускорить конец?

«Интересно, когда наступит этот конец, – подумал Олзмэн, – мы все еще будем нужны Обелиску или же он просто прихлопнет нас, не раздумывая, как мух?»

«А если мы оказались в самой настоящей ловушке, откуда нет выхода, и человечество при любом раскладе обречено на гибель?»

Олзмэн покачал головой. Эти рассуждения никуда не приведут. Он должен использовать свой шанс. Но с чем ему доведется столкнуться, какой нелегкий выбор принять – этого он не знал.

«Пари Олзмэна», – невесело усмехнулся он.

В любом случае ключ ко всему лежит в Обелиске. У Олзмэна не оставалось иного выбора, кроме как вернуться к Обелиску, – и не важно, что или кто встанет у него на пути.

Почти совсем стемнело. Впереди неярко светились лампы аварийного освещения плавающей базы. Скоро он окажется на борту. Скоро он или найдет ответы на все вопросы, или умрет.

Часть 7

Конец света

62

Олзмэн не успел открыть крышку люка, как услышал шум изнутри, топот множества ног, а через стекло увидел мелькавшие внизу неясные тени.

«Ну что ж, начнем безнадежное дело». С этой мыслью Олзмэн открыл люк и проник внутрь.

Он спустился по лестнице всего на несколько ступенек, когда на него набросились. Олзмэн дернул плечами и успел мельком увидеть атаковавшее его существо, прежде чем оно налипло ему на лицо. Это была человеческая голова, но растянутая и эластичная, как резина, и в окружении извивающихся щупалец. Тварь моментально принялась душить Олзмэна.

Он ничего не видел. Попытался сбить существо рукояткой плазменного резака, но оно только сильнее сжало щупальца. Олзмэн ударился лицом несколько раз о ступеньку, но существо не отпусало.

«Вот дерьмо! – подумал Олзмэн. – Мне конец».

Вслепую он нащупал свободной рукой кнопку включения резака и нажал ее. Потом медленно поднял инструмент, стараясь не распороть собственное лицо, и... едва не разрезал поручень лестницы. Олзмэн был близок к потере сознания. Он попробовал снова и на этот раз поднес резак совсем близко к лицу. Почувствовал, как лезвие вонзилось в плоть монстра. Тварь ослабила хватку; Олзмэн наконец стряхнул ее с себя, та ударилась о ступеньку прямо перед ним и полетела, кувыркаясь, вниз.

Хуже всего было то, что, пока тварь падала, он успел увидеть ее физиономию и узнал ее. Хотя она и была красного цвета, сильно деформированная, Олзмэн не сомневался: некогда она принадлежала Филду. Он смотрел, как существо, ударяясь о перекладины лестницы, летит все дальше, и у него возникло чувство, будто он собственными руками убил Филда.

Олзмэн восстановил дыхание и продолжил спуск.

Аварийное освещение отбрасывало по сторонам неясные тени, и Олзмэн видел, как среди них двигаются какие-то существа. Он слышал шум, совсем неподалеку. Через несколько секунд его источник как будто приблизился. Кто-то полз вверх по стене рядом с лестницей. Олзмэн пригляделся внимательнее – тщетно. Некоторое время он провел в неподвижности, вслушивался в окружающие звуки, но ничего не слышал.

«Может, это всего лишь мое воображение».

Но стоило Олзмэну сделать следующий шаг, он снова уловил тот же звук, а посмотрев вниз, заметил, как там промелькнула извивающаяся тварь с мускулистым телом – похожая на ту, что оторвала голову несчастному Филду. В следующее мгновение она исчезла с другой стороны лестницы. Олзмэн пытался снова ее отыскать, на секунду увидел и опять потерял из виду. Звук, однако, теперь приблизился.

Он крепко ухватился одной рукой за перекладину и стал ждать.

Где же тварь?

И тут Олзмэн увидел – всего в нескольких футах внизу; серое туловище практически сливалось с металлической лестницей. Один конец отделился и закачался из стороны в сторону, словно змея перед факиром, в поисках живой плоти. Внезапно тварь стрелой метнулась вверх и разом обвилась вокруг ноги Олзмэна.

Атака была столь стремительной, а тварь такой сильной, что он едва не свалился с лестницы; пришлось повиснуть на одной руке, в то время как обе ноги болтались в воздухе. Он попытался взмахнуть плазменным резаком, чтобы разрубить тварь, но расстояние до нее оказалось слишком большим – нужно было опустить вторую руку ниже, но в этом случае он упал бы. Тварь тем временем задрожала, плотнее обвила ногу, а потом начала медленно пробираться от лодыжки и выше. Олзмэн отчаянно пытался нащупать второй ногой опору, и наконец ему это удалось. Он изо всех сил подтянулся на пальцах, ощутил адскую боль в ступне, но освободил-таки руку и ухватился за перекладину ниже. Теперь он мог дотянуться. Олзмэн одним взмахом перерезал монстра пополам, по сторонам брызнула мерзкого вида субстанция, и существо полетело вниз.

Голова кружилась, и он покрепче ухватился за лестницу. Он мог бы провисеть так, прижавшись головой к холодному металлу перил, целую вечность, если бы не почувствовал монотонное сотрясение. Приближалось что-то еще. Так и не придя в себя, Олзмэн посмотрел вниз. По лестнице карабкались две твари. Эти оказались человекоподобными – из тех, у которых за спиной росли костяные лезвия. Они хватались за перекладины торчавшими из животов ручонками, а лезвия при этом бешено рассекали воздух.

Отчаянно работая руками и ногами, Олзмэн полез вверх, на тот уровень, с которого спустился. Каждую секунду он помнил, что кошмарные существа ползут за ним по пятам. Казалось, еще чуть-чуть, и их лезвия настигнут и отсекут ему ноги.

Внезапно он обнаружил, что добрался до нулевого уровня, и, тяжело дыша, встал на колени. Потом перекинул перевязь с плазменным резаком за спину и снял цепную пилу отца Чавы. Расставив дрожащие ноги на ширину плеч, Олзмэн потянул за шнур. С первой попытки пила не завелась. Со второй, впрочем, тоже. Одно из преследовавших существ тем временем уже почти выбралось на поверхность: над краем платформы показались сперва кончики лезвий, а затем и жуткая голова. Олзмэн в третий раз изо всех сил рванул шнур, и пила наконец включилась. Он прибавил оборотов, а потом наклонился и опустил ее на существо, почти выкабавшееся на платформу. Кровь брызнула во все стороны, и Олзмэн в одно мгновение стал красным с ног до головы.

Держа в руках ревущую пилу, Олзмэн отошел от лестницы. Сейчас он находился в большом, тускло освещенном помещении. Есть ли здесь другие твари?

Олзмэн медленно двинулся в сторону коридора, который должен был вывести его к шлюзу. Повсюду на стенах, особенно возле вентиляционных отверстий, виднелись куски плоти. Они казались живыми. Олзмэн пнул один такой комок, но тот не отреагировал. Тогда он наступил, но, похоже, не причинил никакого вреда.

Олзмэн уже почти добрался до двери в лабораторию, когда на него с диким, буквально дьявольским криком набросилась очередная тварь. В темноте он не успел сразу ее разглядеть, это было просто стремительно несущееся пятно. Олзмэн добавил оборотов, выставил пилу перед собой и увидел наконец очередное порождение преисподней.

Оно оказалось самым ужасным из всех, какие попадались прежде. Увидев пилу, чудовище с шипением быстро отскочило назад. Челюсть раздавалась в стороны, зубы выросли и заострились, вся плоть была изодрана на куски. Руки превратились в подобие клешней, туловище утолщалось спереди и сужалось сзади. Существо имело всего одну, но чрезвычайно мускулистую ногу; вторая вытянулась и усохла, превратясь в хвост, который мотался туда-сюда; на конце изгибались истончившиеся пальцы.

Тварь отскочила на несколько шагов в сторону, подобралась и прыгнула. Олзмэн попытался на лету отрезать ей голову, но преуспел не много: цепь пилы быстро наскочила на что-то твердое, инструмент вырвался из рук, едва не вывихнув ему плечо. Из шеи твари толчками выплескивалась жидкость и заливала Олзмэну грудь. Голова склонилась набок, но

существо по-прежнему угрожающе рычало и пыталось передними конечностями добраться до человеческой плоти. Олзмэн потянулся за оброненной пилой, но понял, что не достать, – впрочем, он не был уверен, что получится снова ее завести. Он удачным пинком отшвырнул тварь от себя. Она медленно закружилась вокруг него (голова болталась, как пустой мешок), а потом снова устремилась в атаку. Ослепшая, она промахнулась и врезалась в стену левее того места, где стоял человек. Олзмэн в это время непослушными пальцами пытался снять и включить плазменный резак. Тут тварь прыгнула, повалила Олзмэна прямо в отвратительно вонявшую субстанцию, покрывавшую палубу, и сразу же, отпрянув назад, нависла над ним. Олзмэн перекатился на бок, но совсем освободиться не смог: своими когтями тварь проткнула рубашку, плечо и пришила его к палубе, как насекомое.

Наконец Олзмэн сумел включить резак. Одним ударом он отсек удерживавшую его конечность. Существо неуклюже зашаталось над ним на оставшихся двух, и Олзмэн, не теряя времени, отрубил вторую лапу. Тварь рухнула на палубу.

Он отпихнул ее подальше и, шатаясь, отступил. Поврежденное плечо уже горело огнем. Олзмэн медленно обошел поверженное существо, выбирая подходящий момент, чтобы одним резким движением отсечь оставшуюся ногу, и тут оно сделало удивительную вещь. Существо поставило на палубу ногу, но, вместо того чтобы опереться на нее и прыгнуть на противника, перевернулось всем телом и повалилось на рудиментарную ногу-хвост. Так оно и осталось лежать без движения, балансируя на недоделанной конечности, только нога втянулась обратно, словно у чудовищного паукообразного.

«Должно быть, сдохло», – устало подумал Олзмэн.

Он осторожно подошел ближе, но тварь не шевелилась. Наклонившись, он тихонько дотронулся до нее плазменным резак. В следующее мгновение нога стремительно распрямилась, ударила Олзмэна в грудь и отшвырнула к стене.

Несколько секунд он, оглушенный, пролежал без движения. Было трудно дышать; казалось, на грудь навалилась немыслимая тяжесть. Постепенно Олзмэну удалось сесть. Тварь лежала на прежнем месте на своем хвосте, втянув под туловище убийственную ногу.

«Вот ведь сука!» – подумал Олзмэн, подобрал пилу и, держась подальше от недобитого монстра, направился к двери.

В лаборатории за дверью царил настоящий хаос: все было разбросано и перевернуто вверх дном. Здесь произошла бойня – повсюду валялись целые тела и их части. Олзмэн аккуратно, стараясь ни до чего не дотрагиваться, пересек лабораторию и вышел во вторую дверь.

Следующее помещение оказалось практически нетронутым, отчего Олзмэн занервничал еще сильнее. Он миновал расположенный в центре стол и оказался в аппаратной. Техника по-прежнему работала на аварийном питании, и Олзмэн подсоединился к системе видеонаблюдения.

Он быстро просмотрел картинки со всех камер, к которым открылся доступ, и практически всюду были эти твари. На одном изображении он увидел шлюз, соединявший верхние и нижние палубы. Люк был не заперт, из него вылетали искры. Между шлюзом и помещением, где сейчас находился Олзмэн, – буквально через одну каюту от него – ползала тварь. Возможно даже, это была та самая, которую он уже видел, но в таком случае она очень сильно увеличилась в размерах, продолжая на глазах расти. Она медленно продвигалась вперед и поглощала все на своем пути – совершала Слияние.

«Черт! – подумал Олзмэн. – Туда дороги нет».

Он запросил систему о других возможных путях, но таковых не оказалось. Судно специально сконструировали таким образом, что проникнуть из верхней части в нижнюю

можно было лишь в одном месте. До тех пор пока там торчит эта ползающая дрянь, вниз ему не попасть.

Если только...

«Если только я не проберусь туда по воде», – осенило Олтмэна.

Он вывел на экран изображение отсека для подводных судов. Добраться бы до него, тогда он сможет попасть и внутрь. Интересно, на какой он сейчас глубине? Двадцать метров? Далековато придется плыть, да и давление воды там окажется приличным. А когда он там окажется, нужно будет проникнуть в отсек, закрыть за собой вход и потом ждать, пока насосы откачают воду. Если всего этого окажется недостаточно, чтобы его убить, с задачей наверняка справится холодная вода.

В это мгновение картинка на мониторе дернулась и пропала, а вместо нее появилось черно-белое зернистое изображение человека.

– Кто здесь? – спросил он. – Кто находится в системе?

Лицо казалось смутно знакомым. Олтмэн припомнил, что этот человек сопровождал его в походе в отсек с Обелиском. Как же его фамилия? Что-то связанное с гармонией. Да, верно. Хармон. Генри Хармон.

Он подключил видеоразъем, чтобы Хармон тоже мог его видеть.

– Хармон? Это Олтмэн. Вы живы?

– Я уже думал, что, кроме меня, никого не осталось, – с облегчением вздохнул тот. – Я так рад вас видеть.

– Где вы?

Хармон растерянно посмотрел по сторонам, будто на мгновение забыл, где находится.

– В отсеке с Обелиском, – сказал он наконец. – Я уже думал, что попал в ловушку, но по какой-то причине эти гады не приближаются к Обелиску. Я так рад, что не один остался в живых.

– Я приду к вам.

– Это невозможно, – заявил Хармон. – Вы не успеете сделать и нескольких шагов, как они разорвут вас в клочья.

– Сделаете мне одолжение? – попросил Олтмэн. – Можете открыть двери отсека для подводных судов? У вас имеется доступ?

– Конечно. Но зачем?

– Просто откройте их и держите открытыми. Через них я проберусь к вам. Да, и еще одна просьба.

– Говорите.

– Соберите в системе все возможные данные об Обелиске. Состав, размеры, строение, характер сигнала – в общем, все.

– Хорошо, – кивнул Хармон. – Хоть будет чем себя занять.

– Мне кажется, я догадался, чего хочет Обелиск, – сказал Олтмэн. – Я буду это знать, когда окажусь там. Если получится.

Хармон что-то еще говорил, но Олтмэн уже отключился. Он покинул лабораторию и зашагал назад – в том направлении, откуда пришел. Он заглядывал подряд во все каюты, чуланчики, кладовки в поисках баллонов с кислородом или гидрокостюма, но ни того ни другого найти не смог. Придется рискнуть и нырять так. Олтмэн оценивающе посмотрел на пилу. Ее вряд ли можно было назвать идеальным оружием. Когда она наскочила на кость (или что там было у этой твари), то едва не убила самого Олтмэна. Да и в любом случае он не мог взять ее с собой: после пребывания в воде она перестанет работать. Другое дело – плазменный резак. Он, вероятно, короткое подводное путешествие перенесет.

В одной из кладовок Олтмэн обнаружил два пятнадцатиметровых мотка веревки. Накинул их на плечо и вновь принялся карабкаться по лестнице, возвращаясь к люку.

63

Он спустился с купола на лодочную площадку. Ветер усилился, и о нее разбивались волны. Вход в отсек для подводных судов находился ниже и чуть левее. Олзмэн подошел к дальнему краю платформы и посмотрел вниз.

Да, вот он. Олзмэн даже различил свечение, пробивавшееся через открытый люк ангара.

Потом он связал вместе две найденные веревки и затягивал узел до тех пор, пока окончательно не убедился в его надежности, после чего тщательно измерил длину. Ремень, на котором висел плазменный резак, он прочно прикрепил двойным узлом к концу веревки, а другой конец быстро затянул вокруг швартовой тумбы. Потом аккуратно опустил веревку с резак в воду. Она постепенно скрылась в глубине; видимыми оставались лишь несколько метров у поверхности. Олзмэн разделся до пояса и тщательно размял мышцы, одновременно обдумывая предстоящую операцию.

Он знал, что у него есть всего один шанс. Как только он нырнет в море, обратного пути уже не будет. Либо он доберется до отсека, либо утонет.

Сделав несколько энергичных вдохов-выдохов, Олзмэн нырнул, выпуская воздух через нос. Ориентируясь по веревке, он погружался вертикально вниз с максимальной скоростью, на какую только был способен. Быстро росло давление, и у Олзмэна возникло ощущение, будто голову засунули в тиски. Ему казалось, что он плывет невероятно медленно, что находится всего лишь в нескольких метрах от лодочной площадки.

Он продолжал плыть, стараясь, чтобы гребки были ровными, одинаковой силы, а сердце не поддавалось панике и отстукивало привычный ритм. В ушах глухо стучала кровь, и с каждой секундой стук делался все медленнее и медленнее. Ему кажется или движения рук и ног теперь тоже замедлились?

Наконец Олзмэн увидел огни. Он приближался к отсеку для подводных судов.

«Нет, – приказал он себе, – не смотри. Сосредоточься на цели. Просто плыви себе дальше».

Запротестовали легкие – они хотели получить хоть поток воздуха, которого здесь, конечно, не было. Олзмэн издал булькающий звук и едва не втянул носом и ртом воду. Казалось, он уже почти не продвигается. Но вот показался плазменный резак, покачивавшийся на конце веревки, подобно неясной тени во тьме. Сердце подпрыгнуло в груди от радости, но в то же мгновение в глазах померкло, и Олзмэн подумал, что сейчас потеряет сознание.

Он уже добрался до резака и крепко обхватил рукоять, но вдруг сообразил, что не сможет взять оружие с собой. Ему не доставало воздуха, не хватало сил. Придется, как ни грустно, оставить его здесь.

Он бросил резак. Посмотрел в сторону и в нескольких метрах увидел открытый вход в отсек. Олзмэн отпустил веревку и поплыл к нему. Внезапно он совершенно отчетливо осознал, что ничего не выйдет. Да, он может добраться до отсека, но вот сил на то, чтобы закрыть за собой ворота, а потом еще и дожидаться, когда насосы откачают воду, уже не хватит. Все было бессмысленно.

Однако что-то заставляло Олзмэна не сдаваться и плыть. Он проник в отсек и направился к ведущей в глубины судна двери, когда вдруг увидел над головой вспышку, и его ослепило. Из всех сил работая руками и ногами, он стал поспешно подниматься – настолько быстро, что не рассчитал и ударился головой о потолок, да так, что чуть не потерял сознание. Но зато здесь, в самом углу, оставалось небольшое количество воздуха. Олзмэн прижался лицом к потолку и стал жадно дышать; вода плескалась у самого рта.

Он держался на плаву, пока дыхание не пришло в норму, а сердце не перестало отчаянно колотиться. Теперь порядок. Да, все будет хорошо.

Окончательно успокоившись, Олзмэн снова нырнул и поплыл. Однако устремился не к рычагам, при помощи которых закрывались ворота в отсек, а мимо них – наружу. На мгновение почудилось, будто он заблудился, потерялся в бесконечном океане. Он решил уже, что выбрал неверное направление, но тут перед глазами мелькнула веревка, и Олзмэн догадался: он просто ищет слишком высоко. Он посмотрел вниз и наконец увидел то, что искал.

Он подплыл к плазменному резаку, схватил его и тут же двинулся в обратный путь, к входу в отсек, волоча за собой веревку. Она напилалась водой, так что плыть было тяжело; казалось, он почти не продвигается к цели. Он даже подумал, не бросить ли, к черту, резак, но внезапно его посетила лучшая мысль. Олзмэн повернулся, включил его и просто перерезал лишнюю веревку.

Оружие было слишком тяжелым, и грести он мог только одной рукой. Более того, резак так и норовил утянуть Олзмэна на дно. Вот он добрался до корпуса судна, чуть ниже входа в отсек, ощутил легкую панику и вынужден был отчаянно замолотить ногами, чтобы подняться выше. К тому времени, когда ему наконец удалось ухватиться за края ворот и неимоверным усилием втащить туловище внутрь, Олзмэн чувствовал себя почти таким же измотанным, как и после первого заплыва. Он швырнул резак в угол и быстро поплыл к рычагам, управлявшим воротами отсека.

Нажал один и зафиксировал его в таком положении. Замигали лампы аварийного освещения. Олзмэн увидел, как медленно, но ровно ворота отсека закрываются. Он поднялся выше, чтобы глотнуть воздуха, но заветный воздушный карман не обнаружил. Куда же он подевался? Олзмэн поплыл вдоль потолка и в итоге нашел его. Тот был размером буквально с его кулак – едва ли этого достаточно, чтобы добраться ртом и носом. Олзмэн все же сделал вдох, а потом быстро выдохнул – карман стал больше. Внизу раздавался приглушенный толщей воды лязг входивших в пазы ворот, а следом – тихий стук включившихся насосов.

Уровень воды в отсеке начал стремительно понижаться. Вот уже голова Олзмэна целиком оказалась над водой. Он судорожно глотнул воздуха и тут же отключился.

– Майкл... – услышал он знакомый голос. – Майкл, вставай.

Олзмэн открыл глаза. Перед ним стоял отец.

– Встань, прошу тебя. Сколько раз я должен повторять?

– Еще минутку, папа. – Голос Олзмэна звучал непривычно глухо, будто доносился изда-
лека.

– Я сказал: сейчас. Поднимайся, а не то вытащу из постели.

Олзмэн не шевелился. Отец принялся его трясти. Он застонал и покачал головой:

– Папа...

– Живо вставай!

Отец теперь кричал, приблизив рот к лицу Олзмэна; тот даже чувствовал винные пары.

– Поднимайся!

Он очнулся, лежа лицом вниз, частично свесившись с опоясывавшего весь отсек мостика. Олзмэн мог смело назвать себя счастливым. Пришлось долго откашливаться и выплевывать воду, но это было намного лучше, чем плавать безвольной куклой посередине отсека.

Он подтянулся, уселся поудобнее, прислонившись спиной к стене, – надо было прийти в себя. Через некоторое время он поднялся на ноги, подошел к краю мостика и прыгнул в воду.

Свой верный резак Олзмэн найти не сумел. Должно быть, с ним что-то случилось. Возможно, он отвязался, пока еще не закрылись ворота, и выскользнул в открытый океан. Короче говоря, пропал.

Олтмэн выскочил из воды, несколько секунд восстанавливал дыхание, держась за край мостика, а потом нырнул снова. На этот раз он искал тщательнее и нашел. Резак заклинило между бумом и стенкой, и Олтмэн не видел его, пока не подобрался вплотную.

Олтмэн вытащил оружие и снова вынырнул на поверхность, подтянулся на руках и вскарабкался на мостик. Там он растянулся на решетке и полежал, тяжело дыша и пытаясь справиться с силами.

Когда он встал, ноги все еще дрожали, а нервы были на взводе. Он смахнул ладонью капли воды с висевшего на стене переговорного устройства и соединился с отсеком, в котором находился Обелиск.

– Слушаю! – В голосе Хармона звучали панические нотки. – Слушаю вас!

– Это я, Олтмэн.

Хармон скосил глаза на экран.

– Олтмэн, – вздохнул он, – а я тут сижу гадаю, живы ли вы. Ведь вы живы, правда? Это не видение? Вы как-то странно выглядите.

– Я жив, и я не видение. Просто слегка промок.

– Где вы?

– В отсеке для подводных судов. Неподалеку.

Хармон кивнул и развернул свой экран так, чтобы изображение было видно Олтмэну.

– Вы находитесь здесь, – сказал он, и на схеме появилась красная точка. – Все очень просто. Сперва идете по этому коридору с небольшим уклоном. Потом сворачиваете в другой и проходите мимо двух лабораторий. Затем еще один коридор, и вы здесь.

– А что находится между вами и мной? – спросил Олтмэн.

– Рядом с Обелиском все чисто, – сообщил Хармон. – К Обелиску они не приближаются. Если сможете добраться до последнего коридора, считайте, что спасены. Но до того, пожалуй, придется попотеть.

И Хармон показал Олтмэну картинку, изображавшую коридор в непосредственной близости от отсека для подводных судов. Камера медленно двигалась, охватывая гору труб и порхающую над ними адскую тварь, напоминавшую летучую мышь. Потом изображение сменилось «метелью».

– Это снято непосредственно перед тем, как камера была уничтожена, – объяснил Хармон. – Что творится там сейчас, можно только гадать.

Картинка поменялась. Теперь на экране появились изображения сразу с двух камер. Обе запечатлели лаборатории. В одной находилась паукообразная тварь вроде той, какую Олтмэн убил прежде, – только у этой имелась третья голова, а вдоль спины тянулся ряд шипов. В другой лаборатории на полу лежали два существа с костяными лезвиями – возможно, мертвые.

– А это онлайн-трансляция. Я бы посоветовал вам идти мимо лабораторий как можно тише. Коридор же этот, как и следующий, вроде бы пуст.

Олтмэн тяжело вздохнул и сказал:

– Хорошо. Продолжаю безнадежное предприятие.

Олтмэн самую малость приоткрыл дверь тамбур-шлюза и осторожно выглянул наружу. В коридоре было сумрачно. Часть ламп аварийного освещения мигала, другие же и вовсе погасли. Но, судя по мелькавшим в темноте неясным теням и шелестящим звукам, Олтмэн понял: твари здесь.

Вдруг из коридора в щель между дверью и стеной стремительно проникла рука, схватила Олтмэна за запястье и с невероятной силой потащила через проем в коридор.

По крайней мере, Олтмэну сперва показалось, что это была рука. Когда же он предпринял отчаянные попытки от нее избавиться, то сообразил, что это и не рука вовсе, а скорее

пучок сухожилий, вытянувшихся и затвердевших как камень. Он потянулся за плазменным резак, но понял, что в тесном пространстве ничего не получится. Монстр усилил хватку и едва не оторвал Олзмэну руку. Тот попробовал тянуть назад, но не на что было опереться. Не зная, что еще предпринять, Олзмэн пнул рычаг механизма, открывавшего дверь.

Как только дверь отворилась на достаточную ширину, ожившие сухожилия с удвоенной силой потащили Олзмэна из тамбура. Коридор было не узнать: стены и пол покрывали слои органики. У Олзмэна возникло чувство, будто он оказался внутри кишечника. Он размахнулся и опустил резак на удерживавшие его сухожилия, но лезвие проникло недостаточно глубоко. Сухожилия дернулись, но продолжали тащить его по коридору. Олзмэн закричал от боли, ударил снова, и на этот раз удачнее.

Раздался громкий рев. Моток сухожилий быстро заскользил вперед и исчез в отверстии вентиляционной шахты. Отрубленный кусок крепко держался за руку, хотя и перестал держаться. Чтобы освободиться от взбесившейся плоти, Олзмэну пришлось осторожно разрезать его на несколько частей.

Он очутился будто в кошмарном сне. Повсюду, куда ни глянь, были кровь и куски мяса – каждую секунду приходилось опасаться, что они свалятся на голову. Олзмэн понимал: он слишком перенервничал, ему надо передохнуть, успокоиться, иначе твари одолеют. Но как можно отдыхать, когда тебя окружает настоящий ад?

Сжимая зубы от боли и оступаясь, он шагал вброд через стоявшую в коридоре зловонную жижу и думал только о том, чтобы ненароком не задеть покрытые плотью стены и потолок. Дорогу впереди перегородил труп. Олзмэн хотел отпихнуть его ногой в сторону, но едва коснулся тела, труп зашипел и бросился на него. Олзмэн отскочил назад, поскользнулся, и в следующее мгновение тварь уже налетела, пытаясь отрубить голову костяными лезвиями, которые она до этого удачно прятала под водой. Он приподнял колени, повернулся и увидел, что чудовище нависает над ним, а слюнявый рот находится всего в нескольких сантиметрах от его горла. С трудом Олзмэну удалось просунуть руки между своим телом и туловищем монстра, чтобы удерживать его на расстоянии. Тварь зашипела, а потом заверещала от разочарования, сильнее оперлась на лезвия и попыталась все же дотянуться зубами до горла. Из рта у нее так несло, что Олзмэна едва не вырвало.

Крякнув, он со всей силы оттолкнул тварь в сторону, перевернулся и схватился за резак. В следующее мгновение существо снова нависло над Олзмэном, но теперь он был при оружии и одним взмахом отрубил лезвие. Тем не менее тварь продолжала наступать, размахивая оставшимся лезвием и культей. Олзмэн перехватил резак и нанес мощный удар, способный расколоть голову. Тварь наступала. Он уклонялся в разные стороны и периодически наносил удары. Наконец ему удалось полностью отсечь культю, а следом и часть второго лезвия. Тварь забила ногами, наполовину погрузившись в отвратительную жижу, и остановилась.

Только тогда, едва успев перевести дух, Олзмэн почувствовал, что кто-то подбирается к нему сзади. Он вскочил на ноги, повернулся, но слишком поздно – костяное лезвие вонзилось в руку, заставив выронить резак. Он закричал и открытой ладонью сильно ударил тварь в грудь. При соприкосновении с мертвой плотью раздался неприятный шлепок. Тварь покачнулась и немного отступила, так что у Олзмэна хватило времени нагнуться и, морщась от боли, подобрать оружие. Существо снова бросилось в атаку, и Олзмэну, чтобы не попасть под удар, пришлось отступить в сторону. Смертоносные лезвия просвистели над самой головой, и в этот момент Олзмэн с силой лягнул тварь.

Тварь упала прямо на Олзмэна, и на мгновение, пока он бултыхался в грязи, придавленный тяжестью гниющей вонючей плоти, у него вдруг появилось чувство, будто он уже умер и все это происходит с ним не наяву, будто он попал в свой персональный ад за все те грехи, что совершил при жизни. Резак застрял где-то между ним и навалившимся сверху

чудовищем. Оно вгрызалось в плечо Олтмэна и норовило добраться до горла, одновременно пытаясь опереться на лезвие, чтобы вторым нанести смертельный удар.

Олтмэн нажал на кнопку включения резака, молясь, чтобы в нем еще оставался заряд, и направил лезвие вниз. Оно прыгнуло у него между коленями. Олтмэн резко поднял оружие, вгрызаясь в пах твари, и медленно повел кверху, разваливая мертвое тело надвое. Наконец половины упали по обе стороны от лежавшего Олтмэна, но ему еще пришлось подняться и топтать каждую, пока они не перестали шевелиться.

Шатаясь, он выпрямился. Из раны лилась кровь. Олтмэн оторвал от рубашки подол и неуклюже перебинтовал руку. Кровотечение импровизированная повязка, конечно, не останавливает, но, по крайней мере, замедлит. На какое-то время этого достаточно.

«Осталось два коридора, – подумал Олтмэн. – И все».

Он дошел до конца, и там ему пришлось срезать со стены наросшую растительность, чтобы добраться до считывающего устройства. Он поднес карточку, и дверь благополучно открылась.

Олтмэн заглянул в новый коридор. Хармон оказался прав: здесь, похоже, ни одного монстра. С одной стороны расположены две двери, ведущие в лаборатории. Надо только прошмыгнуть мимо них потихоньку, и тогда он будет в безопасности.

Олтмэн вступил в коридор и медленно двинулся вперед. Ботинки, перепачканные в зловонной жиже, издавали при ходьбе хлюпающие звуки. За закрытой первой дверью кто-то шевелился. Олтмэн затаил дыхание и почти неслышно прошел мимо. Вот он уже приблизился ко второй двери. Из-за нее также доносились непонятные звуки: похрустывание, а потом низкий протяжный вой. Он чуть ускорил шаги и миновал эту дверь.

Олтмэн уже почти добрался до прохода в следующий коридор, когда позади раздался звук открывающейся двери. Он не тратил времени на оглядки и выяснение, из какой лаборатории выбралась тварь, а быстро поднес карточку к сканирующему устройству и взмолился, чтобы дверь открылась побыстрее.

Низкий вой повторился, на этот раз громче и ближе. Дверь пошла в сторону, и Олтмэн, не дожидаясь, когда она распахнется целиком, проскользнул через образовавшуюся щель в последний коридор. На ходу он кинул быстрый взгляд назад и увидел трехголовую паукообразную тварь. Она просто стояла в дальнем конце и смотрела на человека. От другой подобной, с которой Олтмэн уже встречался, ее отличали шипы на спине – на его глазах они выпрямились и затвердели. Один шип вдруг выстрелил в направлении Олтмэна и врезался в стену рядом с его головой. Все три перевернутые головы зашипели в унисон, но сама тварь не сдвинулась с места. А потом дверь наконец закрылась.

Он добрался до заветного входа и включил комлинк.

– Кто это? – раздался голос Хармона.

– Дядя Билли заглянул на чашечку чая, – ответил Олтмэн.

– Олтмэн? Откуда мне знать, что это именно вы?

– Давайте, Хармон, открывайте.

– Нет, – заявил тот. – Вы должны сказать такую вещь обо мне, которой не знает никто, кроме вас. Кроме вас настоящего.

Он что, спятил?

– Эй, Хармон, я недостаточно хорошо вас знаю. Мне нечего вам сказать.

– Тогда извините, но я не могу открыть. – И Хармон прервал связь.

Олтмэн снова включил комлинк. Когда Хармон ответил, он крикнул:

– Не разъединяйтесь! Включите видео и убедитесь, что это я.

Хармон послушался. Олтмэн увидел его взволнованное лицо и скошенный на экран взгляд. Одной рукой он сжимал какой-то предмет, который носил на шее.

– Не знаю, – медленно проговорил Хармон. – Видеозапись можно подделать.

– У вас паранойя, – без обиняков заявил Олзмэн и в следующее мгновение понял, что в действительности так оно и есть. Обелиск превращал Хармона в параноика. Но потом он вспомнил, что Хармон – из числа адептов новой религии.

– Послушайте, – быстро сказал Олзмэн, – вы же сами говорили, что эти твари не могут приблизиться к Обелиску. Если это правда, то я никак не могу быть одним из них. Иначе как бы я сюда добрался? Обелиск защитит вас, если вы в него верите. Во имя Обелиска, откройте дверь.

Хармон одарил его долгим мрачным взглядом, смысла которого Олзмэн не понял, потом повернулся и выключил видеопередачу. Через мгновение отворилась дверь. С поднятыми руками Олзмэн медленно прошел внутрь отсека.

– Это вы, – облегченно произнес Хармон. – Хвала Обелиску!

64

– Я знал, что вы придете! – возбужденно выпалил Хармон. – Просто знал!

Олтмэн заметил, что тот обильно потеет. Речь Хармона была бессвязной, голос то был ровным и лишенным всяких эмоций, то взлетал до панического крика. Человек явно пребывал не в себе.

– Вообще-то, я связался с вами и сказал, что иду сюда, – заметил Олтмэн.

– Нет! – Хармон теперь едва не кричал. – Вы ничего мне не говорили! Я знал!

– Успокойтесь. Откуда вам известно, что я остался один?

– Вы единственный, кто пришел, – с обезоруживающей простотой ответил Хармон. – Это должны были быть вы, потому что вы остались один. Другие все умерли.

Олтмэн медленно покивал. Он подумал, что можно обратить непоколебимую веру Хармона в Обелиск себе на пользу. И тогда Олтмэн сможет осуществить задуманное.

– Я пришел сюда, – заговорил Хармон, – и потом увидел, что они не могут ко мне приблизиться. Я догадался почему. Обелиск хочет, чтобы я был здесь. Да, я сомневался в Обелиске, но я ошибался. Обелиск защищает меня. Он любит меня.

– И меня, – прибавил Олтмэн.

– Да, и вас, – согласился Хармон. Он схватил Олтмэна за руку. Его ладонь горела, словно в лихорадке. – Вы верите?

– Конечно, – пожал плечами Олтмэн. – Почему нет?

– А вы поняли мое послание? – спросил безумец и уставился на Олтмэна, ожидая ответа.

– Послание получено, – ответил Олтмэн.

Хармон улыбнулся.

– Я просил вас собрать кое-какую информацию, – напомнил Олтмэн. – Сделали?

Хармон кивнул на экран головизора.

Олтмэн просмотрел несколько файлов; часть он уже видел прежде, другие оказались незнакомыми. Одна запись демонстрировала изнутри тот самый, первый, батискаф. Видео было снято после того, как аппарат подняли на поверхность. Кое-что Олтмэн уже видел на записи, переданной в эфир Хеннесси, а кое-что собственными глазами – правда, только через окошко иллюминатора. Пока на экране одно изображение медленно сменялось другим, Олтмэн обратил внимание, что намалеванные безумцем кровавые каракули повторяют символы Обелиска. Впрочем, он тут же заметил, что идут они не в том же порядке и не в той последовательности, как на Обелиске. И если прежде эти непонятные значки казались Олтмэну просто наглядным признаком безумия Хеннесси, теперь пришла догадка: Хеннесси хотел что-то выразить, и в его писанине должен содержаться смысл.

Кроме того, в подобранных Хармоном материалах присутствовали анализ строения и состава Обелиска, сотни интерпретаций транслируемых им передач, многочисленные спекуляции и неподтвержденные теории. Была здесь и информация о различных генетических кодах, которые прочитали, изучая передачи Обелиска, Шоултер и Гуте. Коротко говоря, файлов было собрано такое количество, что Олтмэн физически не смог бы не то что изучить их все, а даже бегло просмотреть. Здесь были тысячи и тысячи страниц текста и рисунков и многие часы видеозаписей. Что из этого важно, а что нет? Как ему с этим поступить? С чего начать?

Хармон сидел скрючившись на полу, возле стула, и не отрываясь смотрел на Обелиск.

– Видели вы когда-нибудь подобное? – спросил он Олтмэна.

– Нет.

– Он хороший. Я могу с уверенностью сказать: он любит нас. Я, когда к нему прикоснулся, ощутил любовь.

– Вы что-то почувствовали? – уточнил Олзмэн.

– Я ощутил любовь! – выкрикнул Хармон, раздраженный тем, что его не понимают. – Он любит нас! Дотроньтесь сами и убедитесь!

Олзмэн покачал головой.

– Дотроньтесь! Дотроньтесь! – не унимался безумец.

Тогда Олзмэн, не зная, как еще успокоить Хармона, встал, прошел через отсек и коснулся Обелиска.

Любви он не ощутил; почувствовал нечто другое, что нельзя было назвать собственно чувством. Сначала ему почудилось, что он снова, за короткий временной промежуток, испытывал все прежние галлюцинации; будто пережил все видения, которые посетили каждого на этом судне, и они смешались, наслоились одно на другое. Из-за этого уловить какой-то смысл не представлялось возможным; накладываясь друг на друга, образы создавали сплошное поле помех. Однако за этой мешаниной картин Олзмэн разглядел то, чего не замечал прежде. Он понял, что источником галлюцинаций являлся не Обелиск, а нечто иное, причем играющее не на стороне Обелиска. И это что-то крепко засело у него в мозгу. Целью галлюцинаций было защитить людей, но миссия окончилась неудачей: процесс начался. Теперь все, что оставалось Олзмэну, – это постараться удовлетворить Обелиск, чтобы тот остановил процесс, – но при этом не усугубить ситуацию и не сделать полное и окончательное Слияние неизбежным.

А потом вдруг сознание прояснилось, и за беспорядочным скоплением галлюцинаций Олзмэн смог разглядеть сам Обелиск. Казалось, будто изменения претерпела структура мозга, все связи установились заново и электрический ток побежал по другим направлениям – все было сделано для того, чтобы он понял. Он вдруг почувствовал, что может увидеть строение Обелиска как бы изнутри, способен полностью его понять и оценить. Понимание этого наполнило его голову, и в ней вспыхнул пожар, а потом вновь обретенное знание хлынуло наружу через трещины в черепе и увлекло Олзмэна за собой.

Когда он опомнился, Хармон сидел рядом и гладил его по голове. На лице безумца застыла блаженная улыбка.

– Вот видите?! – воскликнул он, заметив, что Олзмэн открыл глаза. – Видите?

Олзмэн отпихнул его в сторону, встал, быстро прошел к компьютерному терминалу и уселся за клавиатуру. Руки, казалось, зажали собственной жизнью: они порхали над клавишами быстрее, чем работал мозг. Одновременно он составлял в голове общий план. Открывал один файл за другим, возвращался к предыдущим и только спустя некоторое время с испугом осознал, что набрасывает схему для изготовления нового Обелиска. Чертеж был сделан кое-как, оставалась еще уйма нерешенных вопросов, куча загадок, которые предстояло разгадать, но от фактов было никуда не деться: он создавал чертеж Обелиска.

– Что это? – стоя у него за спиной, спросил Хармон. – Что происходит?

– Я постиг его замысел, – ответил Олзмэн. – Мне и раньше так казалось, но все же пришлось помучиться, чтобы догадаться, что это значит. Теперь я все понимаю.

Он работал еще некоторое время – как долго, трудно было сказать. Голова кружилась, пальцы болели. Закончив, обернулся к Хармону:

– Мне нужна ваша помощь.

– В чем именно?

– Я хочу, чтобы вы помогли мне как можно подробнее перевести то, что я здесь натворил, а потом передали эту информацию Обелиску.

Хармон посидел за компьютером, не спеша пролистал файлы. Внезапно он поднял голову, и в первый раз за все время Олзмэн не увидел в его глазах признаков безумия.

– Это Обелиск, – с благоговением произнес Хармон. – Вы поняли его – точно как она вас просила.

Олтмэн кивнул.

– Вы хотите, чтобы я передал Обелиску его собственное изображение?

– Да.

– Хвала Обелиску, – сказал Хармон, а потом прибавил: – Хвала Олтмэну.

У Олтмэна мурашки побежали по коже, когда его фамилия прозвучала в подобном контексте, но он ничего не сказал. Работа, которую он проделал, была еще очень далека от совершенства, для ее окончания требовались многие годы, но, к счастью, он успел вполне достаточно, чтобы остановить процесс Слияния.

Им пришлось потратить несколько часов и предпринять не одну попытку передачи на различных волнах, пока связь наконец не установилась. Обелиск отреагировал коротким, но мощным энергетическим импульсом, а потом затих так же неожиданно, как начал испускать сигнал.

– Что с ним случилось? – испуганно спросил Хармон.

– Отдыхает. Мы сделали то, чего он от нас хотел. Мы спасли мир.

65

После того как все закончилось, Олзмэн еще долго сидел неподвижно и размышлял. Зачем Обелиск хотел воспроизвести себя? Что бы случилось, сделай он это? Что вообще происходит? И если галлюцинации или видения шли не от Обелиска, а были направлены против него, то где искать их источник? И кто стоит на стороне людей: Обелиск или его таинственный оппонент?

Он по-прежнему не доверял Обелиску. Когда дотронулся до него, то не почувствовал никакой любви – нет, это было совершенно иное, это было полнейшее равнодушие к человечеству. Люди для Обелиска служили лишь средством приближения конца. Каким должен стать этот конец, Олзмэн сказать затруднялся, но сейчас он, как никогда, был уверен, что люди для Обелиска не представляли никакой ценности, являлись просто неизбежным промежуточным этапом на пути к чему-то иному. Когда будет построен новый Обелиск – а Олзмэн не сомневался, что именно это и было целью артефакта, – что случится тогда? Да, он оставил Слияние, но, возможно, тем самым одновременно проторил путь к открытию, которое в итоге приведет человечество к еще худшей доле.

«И опять же, – напомнила о себе сомневающаяся половина Олзмэна, – ты рискуешь ошибиться. У тебя, быть может, обыкновенная паранойя».

Что, если любовь, которую ощутил Хармон, когда дотронулся до артефакта, была отражением его собственных чувств, истового религиозного преклонения? Может быть, то равнодушие, которое испытал Олзмэн, вовсе не было присуще артефакту, а явилось отражением его собственного отношения к окружающему миру?

Олзмэн сидел и размышлял, сидел и размышлял, но так ни к чему и не пришел. Как теперь быть? Что, если он, дав Обелиску желаемое, тем самым невольно подписал человеческой расе смертный приговор?

– Нам пора, – сказал он Хармону. – Обелиск хочет, чтобы мы ушли.

– Откуда вы знаете?

– Он мне так сказал.

Хармон кивнул, после чего подошел к артефакту и прикоснулся губами. Он уже не выглядел параноиком, не был таким нервным и раздражительным – несомненно, благодаря тому, что Обелиск перестал испускать сигнал, – однако он по-прежнему веровал.

– Куда мы идем?

– В центр управления, – ответил Олзмэн. – У меня там остались кое-какие дела, а потом можно убратъся отсюда.

Он не знал в точности, чего ожидал, – пожалуй, надеялся, что после того, как Обелиск прекратит передачу, твари потеряют силу, падут замертво, может, даже рассыплются в прах. Но ничего подобного не случилось. Когда они покинули отсек, прошли по коридору и открыли дверь в дальнем конце, паукообразная тварь по-прежнему маячила там, дожидаясь своей жертвы. Возможно, теперь она двигалась не так проворно, но явно была настроена уничтожить их обоих.

При виде ужасного создания решимость Олзмэна осуществить задуманное только возросла.

Когда тварь заметила людей, конические шипы на спине вздыбились. Олзмэн схватил Хармона за руку и затащил под прикрытие двери. Шипы сорвались со спины, просвистели по коридору и воткнулись в стену.

Олзмэн высунулся посмотреть, что монстр предпримет дальше. Все три головы отделились от туловища и теперь мчались в их сторону.

Олтмэн нащупал кнопку включения плазменного резака.

– На вашем месте я бы остался здесь, – сказал он Хармону и вышел в дверной проем.

Взмахом резака он отделил первую голову от щупалец, на которых она передвигалась. Голова, не переставая гримасничать, отскочила в сторону, срикошетила о стену, и пришлось раздавить ее ботинком. Резким движением Олтмэн поднял свое оружие и поразил вторую голову, когда та уже готовилась броситься на него с потолка. После этого Олтмэн вынужден был отступить за дверь – тварь выпустила в его сторону очередной заряд смертоносных колючек.

Последнюю голову пришлось отрывать от Хармона. Каким-то образом ей удалось проскользнуть мимо незамеченной, и она как пиявка присосалась к человеческому горлу. Олтмэн узнал об этом, только когда бедняга в отчаянии схватил его за руку и начал трясти. Он повернулся, увидел, что лицо напарника уже побагровело, и, подумав: «Ну нет, хватит», развалил голову пополам, чудом ухитрившись при этом не поранить Хармона.

Тот закашлялся и потерял горло.

– Хвала Олтмэну, – выдавил он хриплым шепотом.

– Прекратите! Олтмэн не хочет, чтобы его восхваляли.

Он снова выглянул из-за двери. Существо теперь двигалось к ним, паучьи ноги грохотали по полу. Олтмэн повернулся к Хармону и поднес палец к губам, а сам прижался спиной к стене.

Олтмэн отчетливо слышал, как тварь приближается, но из-за гулявшего по коридору эха не мог определить, на каком расстоянии она находится. Вот чудовище замерло, и, похоже, совсем близко. Олтмэн ожидал, что тварь проникнет в соседний коридор, однако она по каким-то соображениям поступила иначе: развернулась и потопала в противоположном направлении.

«Вот черт! – подумал Олтмэн. – Далековато для внезапной атаки».

В следующую секунду он вылетел из-за двери и бросился вдогонку.

Тварь развернулась с удивительной быстротой и умудрилась не запутаться в многочисленных ногах. Олтмэн отсек ближайшую конечность и тут же кинулся на пол, потому что спина чудовища оцетинилась и оно выпустило свои смертоносные шипы. Он отрубил еще одну ногу с той же стороны и сам едва не лишился ступни, когда тварь со всей силы опустила на пол одну из оставшихся ног. Еще удар – и она, потеряв равновесие, завалилась на бок. Олтмэн принялся методично расчленять существо, стараясь на этот раз не попасть по черно-желтому наросту.

Он вернулся за Хармоном, и они продолжили путь. Двери обеих лабораторий были открыты. Проходя мимо второй, они увидели двух тварей с костяными лезвиями. Монстры двигались по кругу, словно исполняли диковинный танец. Впечатление было такое, что Обелиск, прежде чем замолчать, передал команду, которую существа понять не сумели, их программа дала сбой – и теперь они были вынуждены повторять одни и те же бессмысленные движения. Олтмэн почел за лучшее не привлекать к себе внимания, а потихоньку прошмыгнуть мимо. Если твари его и заметили, они никак этого не показали.

Вместо того чтобы направиться прямо в отсек для подводных судов, Олтмэн и Хармон свернули в боковой коридорчик, который, то поднимаясь, то опускаясь, должен был привести их в командный центр. Вскоре им повстречались еще две твари с лезвиями. Они, перегородив проход, совершали такие же бесцельные телодвижения. Но стоило только Олтмэну дотронуться до одной плазменным резаком, как обе бросились на людей. Хармон развернулся и, вопя от ужаса, помчался назад по коридору. Олтмэн отрубил ноги одной твари, но не успел повернуться, как вторая накинулась на него. Она обхватила лезвиями Олтмэна, притянула к себе и, застонав, начала терзать его плоть. От попавшей в рану жидкости, выделяемой из мертвой пасти, шею моментально охватило огнем. Олтмэн вонзил резак в грудь твари,

разрубил туловище, отсек ноги, однако верхняя половина продолжала упорно за него цепляться. Первый монстр, хоть и лишенный ног, приблизился, опираясь на лезвия, и попытался вскарабкаться по ногам Олзмэна. Он попробовал оторвать от шеи присосавшуюся голову первой твари, но безуспешно. Резак заклинило.

Тогда он вдавил кнопку до упора и медленно потянул оружие вверх. Сначала подалось туловище, потом он чуть повернул резак и отсек одно из лезвий. Наконец Олзмэну удалось стряхнуть тварь с себя. Он топтал монстров, пока они не перестали шевелиться.

Потом он ковылял по коридору, пока не наткнулся на Хармона.

– Идем, – устало бросил Олзмэн.

По своей карточке Олзмэн не мог попасть в командный центр, но Хармон имел необходимый допуск. Внутри было пусто, ни одной твари – вероятно, из-за того, что Обелиск находился прямо над головой. Олзмэн прошел к панели управления и обнаружил то, что искал.

Он ввел в компьютер последовательность команд, но ничего не произошло. Он ввел еще раз.

На экране высветилась надпись:

ПОДТВЕРЖДАЕТЕ ПЕРЕХОД НА РУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ? (ДА / НЕТ)

ДА.

ВВЕДИТЕ КОД ДОСТУПА.

– Хармон, у вас есть код доступа?

– Зачем он вам? Что вы хотите сделать?

– Не я хочу, – ответил Олзмэн. – Обелиск.

После короткого раздумья Хармон назвал код. Олзмэн ввел его, и тут же включилась сирена.

ЗАПОЛНЕНИЕ ВОДОЙ НАЧНЕТСЯ ЧЕРЕЗ 10:00 МИНУТ. ОТМЕНИТЬ КОМАНДУ? (ДА / НЕТ)

– Что вы сделали? – воскликнул Хармон.

НЕТ.

На экране начался обратный отсчет времени.

ВЫ МОЖЕТЕ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ ОТМЕНИТЬ КОМАНДУ, НАЖАВ «НЕТ».

За спиной вскрикнул Хармон.

– Что вы делаете? Что вы делаете? – повторял он как заведенный.

Олзмэн схватил его за шиворот и потряс.

– Отправляю корабль на дно.

На лице Хармона появилось обиженное выражение. Казалось, он сейчас разрыдается.

– Зачем? – простонал он.

– Чтобы защитить Обелиск, – солгал Олзмэн. – Он неспроста находился на глубине. Там он был в безопасности. И еще мы уничтожим всех этих тварей. Уверяю вас, Хармон, именно так мы должны поступить.

– Необходимо остановить отсчет, – вымолвил Хармон.

– Нет.

– Тогда это сделаю я.

– Нет, – повторил Олзмэн и поднес резак к лицу Хармона. – Или вы со мной, или я вас убью.

Давление в отсеках уже менялось. Они вышли в коридор и увидели бежавшую по полу струйку воды. Процесс затопления шел медленно, и его еще можно было остановить. Олзмэн знал, что необратимым он станет только по истечении десяти минут.

Хармон поначалу был в ярости, а потом залился слезами. Постепенно слезы сменились всхлипываниями, а затем плач и вовсе стих. В какой-то момент Олзмэн даже подумал, что Хармона придется убить, но тот в конце концов успокоился и разрешил вести себя по коридорам.

Олзмэн взглянул на часы и сказал:

– У нас мало времени. Я не знаю, сколько еще осталось тварей на верхних палубах и как быстро я смогу с ними справиться. Нам придется уходить через отсек для подводных лодок.

– Я не знал, что там еще остались подводные аппараты, – проговорил Хармон.

– А их там и нет.

– Тогда как же...

– Мы поплывем, – объяснил Олзмэн. – Я заполню отсек водой и отопру ворота. Как только увидите, что они открылись, выплывайте наружу и как можно быстрее гребите к поверхности. Там висит веревка, хватайтесь за нее. По ней выберетесь на лодочную площадку. У меня там пришвартована моторка. Я последую за вами.

С широко раскрытыми от страха глазами Хармон кивнул.

Они двинулись в путь. Олзмэн пошел впереди, все время держась начеку. На судне наверняка еще оставались живые твари, но он их пока не видел. Тем не менее он каждую секунду ожидал, что вот сейчас кто-нибудь внезапно появится из вентиляционного отверстия или позади откроется дверь и его атакует монстр. Однако пока обходилось. На самом деле такое обманчивое спокойствие было даже хуже. Оно постоянно держало Олзмэна в напряжении, заставляло ежесекундно оглядываться по сторонам. Скопившаяся внутри энергия искала себе выхода, но не находила.

Когда они оказались у входа в отсек, до назначенного срока оставалось две минуты. Вода в коридоре доходила уже до колен, и когда Олзмэн попытался открыть дверь, у него ничего не вышло. Он перевел режим открывания на ручной, и тогда только удалось сдвинуть створку на расстояние, достаточное, чтобы проникнуть внутрь. Вода из коридора устремилась в отсек вслед за ними.

Олзмэн попытался закрыть дверь, но на это не хватало сил. Пока же дверь остается открытой, невозможно запустить механизм заполнения отсека водой. Он позвал на помощь Хармона, но тот стоял столбом и смотрел вниз с мостика. Пришлось в конце концов прикрикнуть на него и пригрозить, что он будет оставлен на съедение тварям. Только тогда он опомнился, и вдвоем: Олзмэн за рычагами управления, а Хармон – навалившись на дверь – им удалось перекрыть вход в отсек.

– Когда вода станет прибывать, всплывайте, – велел Олзмэн. – Держите голову на поверхности, пока не достигнете потолка, а как вода начнет накрывать, ныряйте и выбирайтесь наружу. Поняли?

Хармон ничего не ответил.

Олзмэн слегка ударил его по щеке и крикнул:

– Поняли?

На этот раз Хармон кивнул.

Отсек начал заполняться. Первое время Хармон безучастно наблюдал, как прибывает холодная вода и кружится у его ног. Олзмэн уже подумал было, что он так и собирается стоять с опущенной головой, пока не утонет. Но вот вода дошла Хармону до груди, тот сделал судорожный глубокий вдох и отчаянно заработал руками-ногами.

– Не забудьте, – крикнул Олзмэн и поплыл сам, – поднимаетесь до потолка, ныряете, выбираетесь наружу и дальше вверх, к поверхности! Но не торопитесь.

Олзмэн старался дышать медленно и ровно. Вода кружилась бурунами и пенилась, и стоило усилий удержаться на поверхности. Он искал глазами Хармона, но за того, похоже,

волноваться не стоило. Дважды он, правда, полностью скрывался из виду, но почти сразу выныривал обратно.

Вот уже голова Олтмэна задела потолок. Он посмотрел вверх и, ухватившись обеими руками за решетку, сделал пяток глубоких вдохов. А затем вода накрыла его с головой.

Он нырнул, в несколько гребков подплыл к панели управления и открыл наружные ворота. Хармон был уже у выхода. Он колотил в металлическую стену, спеша выбраться из отсека. Как только образовалась достаточно широкая щель, он мигом нырнул в нее и исчез. Олтмэн быстро последовал за ним.

Вода оказалась намного темнее, чем в предыдущий раз. Олтмэн почти вслепую проби-
вался вперед, пытаясь как можно скорее добраться до поверхности. От излишнего усердия он развернулся и ударился о корпус судна, но быстро отплыл в сторону и стал выгребать
наверх.

Подъем выдался не таким тяжелым, как спуск, но все же непростым. Велико было искушение ускориться, но Олтмэн знал: в этом случае его могут ожидать сильные спазмы, судороги и даже смерть. Поэтому он поднимался не торопясь, не забывая при этом, что запас воздуха в легких стремительно уменьшается; сердце билось все медленнее и медленнее. Когда голова Олтмэна оказалась наконец над водой, у него было такое чувство, будто легкие горят огнем. В небе висел серпик луны, который давал достаточно света, чтобы осмотреться. Олтмэн оглянулся, увидел мельком лодочную площадку – но где же Хармон? Он покрутил головой, однако никого не заметил.

– Хармон! – изо всех сил крикнул он.

Потом оттолкнулся ногами, стараясь как можно выше выпрыгнуть из воды. Он бы все равно не увидел спутника, но тут площадка качнулась на волнах и немного опустилась, и по другую ее сторону Олтмэн заметил покачивавшуюся голову.

Он подплыл к площадке, взобрался на нее по лесенке и, с трудом удерживая равновесие на норовившем уйти из-под ног полу, прошел к дальнему краю. Судно тем временем кренилось набок. Слышно было, как вода с грохотом заполняет плавучую базу, хотя, возможно, к шуму воды примешивались и другие звуки. Судно от носа до кормы стонало и скрипело из-за неравномерной нагрузки на продольные и поперечные балки.

– Хармон! – снова крикнул Олтмэн.

Но Хармон не отзывался – возможно, просто не слышал зова в шуме крушения. Олтмэн нырнул, подплыл к напарнику и коснулся его плеча:

– Хармон! Шевелитесь!

Бедняга был в прострации – должно быть, получил сильный шок. Олтмэн похлопал его по щекам и потянул за собой. Хармон пытался шевелить руками и ногами, но делал это как будто во сне, и Олтмэну пришлось изрядно потрудиться, чтобы вытащить его на площадку.

Площадка уже накренилась и, увлекаемая тонущим судном, наполовину погрузилась в воду. Олтмэн затащил Хармона в лодку, опустил на скамейку и забрался сам. В следующее мгновение раздался громкий скрип, и площадка целиком скрылась под водой. Веревка, которой была пришвартована моторка, туго натянулась, а сама лодка сильно наклонилась, угрожая перевернуться в любую секунду. Олтмэн нагнулся над узлом, пытаясь распустить его дрожащими пальцами, но тот не поддавался. Он в отчаянии осмотрелся в поисках ножа или другого режущего предмета, но ничего не нашел. На корме лежал якорь. Олтмэн схватил его и принялся что было сил бить острой частью по швартовой тумбе, пытаясь освободить моторку.

Лодка тем временем накренилась еще сильнее, она едва не зачерпывала морскую воду.

– Передвиньтесь на дальний край! – крикнул Олтмэн Хармону, но оторваться от работы, чтобы посмотреть, послушался ли тот, не мог.

Он продолжал наносить яростные удары якорем.

Внезапно лодка дернулась назад, и Олзмэна бросило на борт. Он с трудом поднялся на ноги и только тогда обнаружил, что и тумба, и веревка исчезли, что он все-таки добился своего.

Моторка закружилась на месте. Послышался громкий чмокающий звук – это плавучая база начала быстро погружаться. Олзмэн прыгнул за штурвал, врубил двигатель и до упора вдавил ручку газа. Лодка рванулась, но не в ту сторону, куда следовало: она направилась прямо к исчезающим под водой стеклянным куполам. Олзмэн вывернул штурвал, но этого оказалось недостаточно. Они угодили точно в водоворот, образовавшийся вокруг тонущего судна.

Олзмэн не пытался резко сменить курс и выбраться из воронки, вместо этого он повернул и медленно повел лодку по ее краю. Самый верхний купол покачнулся на волне и в следующее мгновение полностью исчез из виду. Штурвал дернулся в руках, но Олзмэн держал его крепко, стараясь не смотреть в сторону и не поддаваться панике. На мгновение лодка перестала слушаться, и Олзмэн испугался, что сейчас они нырнут под воду следом за судном или же перевернутся, но, к счастью, все обошлось.

Он нажал на газ и оглянулся. Под водой еще виднелась верхняя часть огромного судна, и можно было разглядеть многочисленные вспышки и искры – повсюду происходили короткие замыкания, плавучая база умирала. А через несколько секунд темные волны полностью скрыли идущее ко дну судно. Олзмэн по большой дуге заложил вираж и направил моторку к Чиксулубу.

Едва он подумал, что надо бы проверить состояние Хармона, как вдруг понял: тот стоит за спиной. Он повернулся и тут же, получив якорем по голове, оказался на днище лодки.

– Вы мне лгали, Олзмэн. Обелиск вовсе не хотел, чтобы его утопили. Вы не любите Обелиск, вы его ненавидите.

Он попытался сказать «нет», но изо рта вырвалось лишь мычание.

Хармон наклонился над ним, грубо схватил за руки, свел их вместе и начал связывать веревкой.

– Я думал, вы мне друг, – продолжал Хармон. – Я думал, вы тоже верите. Но если вы действительно верите, то почему же у вас нет этого? – Он дотронулся до висевшей на шее уменьшенной копии Обелиска. – Не надо было доверяться вам.

«Я же спас тебя, – подумал Олзмэн, – хотя мог оставить подыхать».

– Теперь я найду того, кто может по-настоящему помочь, – заявил Хармон и взялся за штурвал.

Олзмэн лежал между скамейками, глаза покрылись поволокой. Теплая жидкость стекала по щеке и проникала в рот. Он попытался слотнуть ее и только тогда сообразил, что это кровь. Еще через минуту он понял, что это его собственная кровь.

«Ничего страшного, – подумал Олзмэн, – я бывал и в худших переделках».

Он попробовал пошевелить руками, но обнаружил, что не чувствует их. Впечатление было такое, будто тело отделилось от головы.

«Я просто отдохну минутку-другую, – убеждал он себя. – А потом освобожусь от этих чертовых веревок».

Он лежал, и чувства одно за другим покидали его. Все вокруг словно окуталось туманом, а потом Олзмэн и вовсе перестал что-либо видеть. Он прислушивался к мотору, но тот постепенно затихал. Он чувствовал, как лодка качается на волнах, но вскоре и это ощущение притупилось, как будто все происходило не с ним. Так он и лежал, ничего не видя, не слыша и не чувствуя. Казалось, мир вокруг него растворился. Олзмэн попытался сосредоточиться на вкусе крови, наполнившей рот, но вскоре впал в забытие.

Эпилог

1

А потом все вернулось. Началось с крошечных, словно острие булавки, вспышек света в темноте, на пределе видимости. Он пытался угадать, то ли они приближаются, то ли удаляются, но наверняка сказать не мог. Он смотрел на них очень долго (или ему казалось, что долго), пока они снова не исчезли.

Темнота. Все просто и понятно. Но появились и ощущения. Он чувствовал тело. Свое тело.

«Я умер, – подумал Олзмэн. – Это ад».

Долго ничего не происходило, а после вновь появились крошечные пятнышки света. На самом деле Олзмэн не заметил, когда они появились. Он просто знал, что они там есть уже некоторое время. Он стал наблюдать. Пятнышки медленно увеличивались в размерах и, кроме того, двигались по направлению к Олзмэну. Внезапно они вспыхнули нестерпимо ярким светом.

Вещи вокруг постепенно обретали очертания. Вот он разглядел тонкую серебряную коробочку, из которой как раз и исходил свет. Олзмэна окружало что-то розовое, и мало-помалу он сообразил, что это человеческая рука.

– Реакция слабая, – услышал он ровный голос. – Увеличьте дозу.

Он почувствовал жжение в теле (где именно, не понял) и неожиданно обнаружил, что может пошевелить мышцами лица.

«Где я?» – хотел спросить Олзмэн, но изо рта вместо слов вырвалось только нечленораздельное мычание.

– Ну вот, – произнес другой голос.

Свет отодвинулся в сторону, и Олзмэн увидел лицо, наполовину скрытое хирургической маской. Позади маячили и другие лица – всего, наверное, полдюжины.

– Где я? – удалось наконец выговорить Олзмэну.

– Вы живы, – услышал он ответ, приглушенный маской, – и это все, что вам необходимо знать.

Олзмэн попытался пошевелить рукой, но понял, что та удерживается ремнями. Привязанной оказалась и вторая рука, а также ноги. Он выгнул спину и попробовал освободиться от пут.

– Ну-ну, – произнес человек в маске, – вы не сможете разорвать ремни. Просто расслабьтесь. – Он повернулся и сказал одному из стоящих позади «масочников»: – Сходите за Маркоффом. Передайте, что Олзмэн очнулся.

Должно быть, он снова отключился, а когда открыл глаза, увидел, что возле кровати стоят и рассматривают его три человека. Это были Крэкс, Маркофф и Стивенс.

– Олзмэн, примите мои поздравления, – заговорил Крэкс. – Вы, кажется, все еще живы. Голос Олзмэна, когда он заговорил, был хриплым, горло саднило от напряжения.

– Вы убили Аду.

– Нет, – покачал головой Крэкс, – Ада сама себя убила. У нее начались галлюцинации, и в итоге она перерезала себе горло. Она была недостаточно сильной. Она оказалась недостойной.

– Недостойной? – переспросил Олзмэн.

– Нам нужно поговорить, – сказал Маркофф.

Олтмэн сузил глаза и настороженно посмотрел на него.

– Мы уже побеседовали с вашим приятелем Хармоном, – сообщил Крэкс. – Он рассказал обо всем, что произошло.

– Вы утопили Обелиск, – вступил в беседу Стивенс. – Зачем вы это сделали?

– Он был опасен, – еле слышно произнес Олтмэн.

– Он не опасен, – возразил Крэкс. – Он божественен.

– Вы ненормальный.

– Нет, он прав, – сказал Стивенс. – Боюсь, что мы все втроем пришли именно к такому заключению.

Олтмэн чуть повернул голову к Маркоффу. Даже это легкое движение причинило ему боль.

– Как вы можете верить в его божественность после того, что видели собственными глазами?

Маркофф растянул губы в широкой неприятной улыбке:

– Он является творцом жизни. Я видел собственными глазами, как он берет мертвую плоть и оживляет ее.

«Может, он на самом деле не верит во всю эту чушь, – подумал Олтмэн. – Или делает вид, что верит, чтобы склонить остальных на свою сторону. Как я проделал с Хармоном».

– Да, но что за жизнь? Это же просто чудовищно!

– Возможно, у него произошел сбой, – предположил Стивенс. – Но в целом Обелиск вполне нормален. Все, что от нас требуется, – это привести его в порядок.

– А если не получится, то создать новый Обелиск, – прибавил Маркофф.

– В общем, – заговорил Стивенс, – все указывает на то, что миллионы лет назад именно он создал жизнь на Земле. И если теперь в наших руках окажется нормально функционирующий Обелиск, он позволит нам возвыситься над телесной оболочкой. Он укажет путь к вечной жизни.

– Нет! Нет! Все совсем не так. Вы ошибаетесь, – прошептал Олтмэн. – Он не давал сбой. Он просто делал то, для чего и был предназначен, – уничтожал нас.

– Тогда почему он прекратил работу? – спросил Стивенс. – И почему сделал это после того, как вы стали передавать ему его собственный код, показав тем самым, что поняли, как его воспроизвести?

– Откуда вам это известно?

– Неужели вы думаете, мы покинули базу и не позаботились о том, чтобы записать происходящее на ней? – насмешливо проговорил Крэкс.

Но Олтмэн только покачал головой:

– Вы ошибаетесь. Он нас уничтожит.

– Обелиск намерен нам помочь, – заявил Стивенс. – Хармон рассказал о выводах, к которым вы пришли: Обелиск хочет, чтобы его скопировали. Он был испорчен и наверняка знал об этом. И он хочет, чтобы мы воссоздали его, тогда он будет способен нам помочь. Но мы еще и усовершенствуем технологию. Мы не просто построим новый Обелиск, который будет нормально работать, мы сделаем его лучше. – Он склонился к Олтмэну, и тот ощутил на лице горячее дыхание и заметил в глазах блеск фанатизма, который контрастировал со спокойным видом. – Где-то в иных мирах наверняка должны быть и другие Обелиски. Они поведут нас вперед. А пока нужно как можно лучше понять этот Обелиск и создать его дубликат.

– И вы очень многое для этого сделали, – заметил Маркофф.

– Но он ведь утонул, – с отчаянием произнес Олтмэн.

– Он и раньше находился глубоко под водой, но мы подняли его на поверхность. Вы сами это прекрасно знаете. Своими действиями вы лишь ненадолго отсрочили неизбежное – на несколько недель, может, месяцев.

– Но у вас нет результатов исследований. Вода и давление наверняка все уничтожили. Вам придется начинать с нуля.

Крэкс покачал головой:

– Эх, Олзмэн, до чего же вы наивный.

– Помните Хармона? – спросил Маркофф. – Как вы думаете, чем он был занят, пока находился в отсеке с Обелиском? Записывал всю накопленную информацию. Потом он вынес диски, ни один файл не пропал. Если бы вам пришлось в голову проверить его карманы или если бы вы просто оставили его там помирать, это значительно отбросило бы нас назад. Но вы не сделали ни того ни другого. Вы слишком доверчивы, Олзмэн. У нас есть все, что необходимо.

– У нас также имеются результаты исследований Гуте, – прибавил Стивенс. – Из них мы сможем узнать, что же случилось с Обелиском и как исправить повреждения. Пока вы лежали без сознания, мы провели первые эксперименты: синтезировали и воспроизвели ДНК этой твари. Здесь у нас есть герметичные, высокой степени биологической защиты лаборатории. Мы приняли гораздо более серьезные меры безопасности, чем Гуте, хотя в его безрассудном поведении, похоже, виноваты галлюцинации.

– И надо признать, – сказал Крэкс, – наблюдая, как вы справляетесь с тварями, мы многое узнали о том, как их контролировать. Без вас мы бы не смогли далеко продвинуться в этом направлении.

– Вы совершаете чудовищную ошибку, – прошептал Олзмэн. Он очень устал и был абсолютно беспомощен. Но в скором времени все может перемениться. Нужно только набраться сил, и тогда он сделает все возможное, чтобы остановить Маркоффа и его клику. – Если вы продолжите, это будет означать конец человечеству. Может, не сразу, но довольно скоро.

– На это мы и надеемся! – воскликнул Стивенс. – Если мы продолжим исследования, то в конечном счете перейдем на следующую ступень эволюционного развития. Мы больше не будем людьми – мы станем лучше.

– Прощайте, Олзмэн, – сказал Маркофф. – Вы были достойным противником, но в этот раз проиграли.

После того как Маркофф с подручными покинули комнату, врач, провожавший их до двери, подошел к коллеге и шепнул ему что-то на ухо. Тот кивнул, наполнил лекарством шприц для подкожных инъекций и сделал Олзмэну укол в руку. Мир заволокло серым, а потом он отключился.

2

Когда Олзмэн пришел в себя, он обнаружил, что по-прежнему привязан ремнями к кровати. Он был один в маленькой комнате, очень напоминавшей камеру. Он попробовал освободиться от ремней, но они держали крепко.

Олзмэн спал, просыпался и снова проваливался в сон. Время от времени приходила медсестра и меняла висевшую возле кровати капельницу. В голове постоянно пульсировала боль. Один раз медсестра достала из кармана зеркальце и поднесла к лицу Олзмэна.

Голова была сплошь обмотана бинтами, и Олзмэн с трудом себя узнал.

– Вот, смотрите, – заговорила сестра и показала на макушку, – этим местом вы и ударились.

– Ударился?

– Да. Это был несчастный случай. Вы поскользнулись и упали.

– Это не был несчастный случай.

Она улыбнулась:

– После травмы головы немудрено и напутать.

– Нет, – уверенно заявил Олзмэн, – я точно знаю, что со мной произошло.

Улыбка сразу же показалась насквозь фальшивой.

– Мне не разрешено разговаривать с вами, – сказала сестра. – Таковы правила.

И она медленно вышла из комнаты.

Через несколько минут дверь открылась, и на пороге появился врач со шприцем.

Когда Олзмэн очнулся в следующий раз, он оказался уже в другом месте; оно не было похоже на камеру, хотя таковой и являлось. С головы сняли повязки, но он нащупал большую шишку и затягивающуюся рану. Ремни исчезли, Олзмэн лежал на полу. Он неуверенно поднялся на ноги. Мышцы от длительного бездействия стали совсем вялыми.

Комната была целиком белая, без малейших украшений – ничего такого, за что зацепился бы взгляд. Посередине одной из стен имелась небольшая дверь. Высоко под потолком, вне досягаемости, висела камера. В углу находился санузел и рядом с ним – раздаточное окно.

Олзмэн подошел к двери и заколотил в нее кулаками.

– Эй! – крикнул он. – Кто-нибудь! Эй!

Он прижался к двери ухом, но ничего не слышал. Немного подождал, потом снова постучал и покричал. И опять тишина. Он постучал еще. Безрезультатно.

Тянулись часы, за ними дни. Единственным доносившимся извне звуком был металлический лязг, когда кто-то невидимый подавал в щель пищу. Олзмэн никак не мог определить, когда ее принесут в следующий раз, и засечь момент, как это происходит. Просто раздавался металлический лязг – и пища оказывалась на своем месте. Пустые контейнеры он складывал в углу, и постепенно их скопилось внушительная куча.

Олзмэну казалось, что он остался последним человеком на Земле. Он чувствовал, что сходит с ума.

Он все больше погружался в себя и все меньше интересовался тем, что происходит в окружающем мире.

Потом стали появляться мертвецы, один за другим приходили составить ему компанию. Все люди, в чьей смерти он видел свою вину, являлись, садились рядом и судили Олзмэна. Ада и Филд, Хендрикс и Хэммонд и другие, которых он не мог узнать... Были только он, его больная совесть и мертвецы.

А когда он в очередной раз пришел в себя, то обнаружил, что находится уже не в комнате-камере, а сидит в кресле за большим столом. Руки были пристегнуты к подлокотникам. Напротив сидели Маркофф и Стивенс.

– Привет, Олзмэн, – сказал Маркофф.

Он ничего не ответил. Было очень удивительно и почти невыносимо находиться в комнате вместе с живыми людьми. Он даже не мог поверить, что это происходит наяву.

– Олзмэн! – Стивенс щелкнул пальцами. – Эй, Олзмэн, мы здесь.

– Вас здесь нет. Это галлюцинации.

– Нет, – сказал Стивенс, – мы на самом деле здесь. Но даже если нас и нет, что будет плохого, если вы с нами побеседуете?

«Он прав, – вяло подумал Олзмэн. – Что в этом плохого?»

Но потом он вспомнил Хеннесси, который умер оттого, что прислушивался к галлюцинациям; Хендрикса, который умер оттого, что прислушивался к галлюцинациям; Аду, которая умерла оттого, что прислушивалась к галлюцинациям. И таких было много. На глаза навернулись слезы.

– Что это с ним? – спросил Маркофф.

– Мы его сломали, – ответил Стивенс. – Говорил же я, что вы слишком увлеклись. Олзмэн, мы настоящие. Как нам доказать?

– Вам это не удастся.

– Стивенс, ну сделайте же что-нибудь. Очень весело глядеть на него такого.

Стивенс нагнулся над столом и отвесил Олзмэну звонкую пощечину, потом еще одну. Олзмэн поднял руку и дотронулся до щеки.

– Почувствовали? – чуть насмешливо спросил Стивенс.

Ощутил он удар или это только показалось? Олзмэн не знал. Но необходимо было сделать выбор: заговорить с ними или игнорировать.

Он колебался так долго, что Стивенс (или воображаемый Стивенс) ударил еще раз.

– Ну?

– Да, – сказал Олзмэн, – возможно, вы настоящие.

И как только он произнес это, Маркофф и Стивенс словно стали более реальными. Интересно, если бы он настаивал, что они – галлюцинации, возымели бы его слова такой же эффект? Может, тогда эти двое просто исчезли бы?

– Вот так-то лучше, – заметил Маркофф. Глаза его загорелись.

– Где Крэкс?

Маркофф небрежно махнул рукой:

– Крэкс допустил непростительную ошибку и стал не нужен. Но мы, Олзмэн, пришли поговорить о вас.

– А что со мной?

– Нужно решить, что с вами делать, – объяснил Стивенс. – Вы доставили нам кучу неприятностей.

– Этот фортель в Вашингтоне, – сказал Маркофф, – был с вашей стороны большой подлянкой. Мне хотелось убить вас тогда.

– Почему же не убили?

Маркофф взглянул на Стивенса:

– Возобладало хладнокровие. Но, как показало время, решение было ошибочным.

– Я первый готов это признать, – вставил Стивенс.

– После того как вернулись, вы повели себя не лучше. Вмешивались в ход опытов, своими действиями наносили огромный материальный ущерб, делали все возможное, чтобы помешать нашим исследованиям. После того как на базе разразился кризис, я подумал: ну, теперь твари разорвут его на части и он превратится в им подобного, а я буду валяться дома,

жевать попкорн и конфеты и наблюдать за происходящим по головизору. Но и этого не произошло. Вы взяли и потопили исследовательское судно стоимостью много миллионов долларов.

– Мы готовы были вас прикончить, когда вытащили вместе с Хармоном из лодки, но Маркофф хотел, чтобы ваша смерть стала особенной, – сказал Стивенс.

– Да, особенной, – подтвердил Маркофф.

– Вы оба ненормальные.

– Вы повторяетесь, – поморщился Маркофф. – Придумайте что-нибудь новенькое.

– Хотите услышать о наших планах?

– Нет, – качнул головой Олзмэн. – Отведите меня в камеру.

Стивенс не обратил внимания на его слова.

– Как только разгадаем секрет Обелиска, как только создадим новый Обелиск, мы поделимся своими знаниями с человечеством. А до того дадим людям лишь самое общее представление о том, что всех ждет в будущем, – чтобы они были готовы.

– И вот тут нам пригодитесь вы, – вставил Маркофф.

Стивенс кивнул:

– Да, при таком раскладе вы станете нашей козырной картой. Нам недостаточно просто верить. Поскольку речь идет о спасении человека как вида, необходимо распространять нашу веру. А как лучше всего это сделать? Основать официальную религию. Таким образом, когда настанет подходящее время, люди будут готовы.

– Всем вовсе не обязательно знать в точности, что происходит, – продолжил Маркофф. – На самом деле даже лучше, если подробности будут известны лишь немногим из нас, только внутреннему кругу. Всегда должна присутствовать некоторая тайна, и людей нужно посвящать в нее медленно, постепенно. Власть должна быть сосредоточена в надежных руках.

– Но я уже рассказал все людям, – вспыхнул Олзмэн. – Я выступил с разоблачением. Они все узнают.

– Да, рассказали, – согласился Стивенс. – Спасибо вам за это. В сущности, о чем вы поведали? Что правительство скрывает от широких масс некую информацию. Подумайте хорошенько. Мы просмотрели все записи, прослушали все интервью, которые вы дали прессе. Вы сами себе противоречили: то утверждали, что Обелиск представляет угрозу, то заявляли, что его необходимо изучать. Поэтому аргументы звучали неубедительно. Мы можем выставить ваши слова в любом выгодном для нас свете. К тому времени, когда мы с вами покончим, ваша глупая выходка не только не будет для нас помехой – вас еще станут почитать как святого. Вы, Олзмэн, первым поведали миру про Обелиск. Вы фактически заварили всю эту кашу. Люди без труда поверят, что именно вы основатель новой религии.

– Я никогда с этим не соглашусь, – заявил Олзмэн, чувствуя, как в груди зарождается страх.

– А мы никогда и не говорили, что нам нужно ваше согласие, – рассмеялся Маркофф.

– Как и любой пророк, вы представляете для нас большую ценность мертвым, чем живым, – сказал Стивенс. – Если будете мертвы, ваша личность обрастет легендами, и мы позаботимся, чтобы это были правильные легенды. А вы уже ничего не сможете сделать. Вы станете более великим, чем при жизни. Мы сочиним про вас мифы, напишем священные книги. Отбросим все, что нам не нравится в вас, и создадим идеального пророка. Ваше имя навечно будет связано с церковью юнитологии. Вы войдете в историю как ее основатель.

– А всем нам это позволит остаться в тени и довести дело до конца, – прибавил Маркофф. – Должен признать, мне доставляет удовольствие мысль о том, что вы возглавите движение, которое так упорно пытались уничтожить. Знаете, по сравнению с этим причиненные вами беды кажутся не столь и значительными.

– Вам это так просто не сойдет с рук.

Маркофф улыбнулся, показав зубы.

– Вы же не можете искренне так считать, – сказал Стивенс. – Конечно же, у нас все получится.

– Вы больше не представляете никакой ценности, Олзмэн, – объявил Маркофф. – Ваше тело мы решили принести в дар науке и приготовили для вас весьма неприятную смерть.

– Вас это, несомненно, заинтересует, – сообщил Стивенс. – На основе модифицированного генетического материала, полученного Гуте, мы вырастили особь и теперь очень хотим, чтобы вы с ней встретились. Для ее создания мы использовали комбинацию тканей от трех различных человеческих трупов. Особь получила имя в честь одной из своих составляющих. Мы зовем ее Крэкс. Результат вышел – и, я уверен, вы с этим согласитесь – весьма впечатляющим.

Олзмэн попытался броситься на них через стол, но добился только того, что перевернулся вместе с креслом. Беспомощный, он лежал, уткнувшись лицом в пол.

Маркофф и Стивенс встали, подняли его с пола и снова усадили.

– Кстати, Крэкс солгал, что не убивал вашу подружку, – доверительно сообщил Маркофф. – Как там ее звали? Впрочем, думаю, это не имеет значения. Главное, что он убил ее. Очень был несдержанный человек. Из-за этого и пришлось пустить его в расход.

Олзмэн ничего не сказал.

– Теперь у вас появилась мотивация, – заметил Стивенс. – Мечь. Убейте Крэкса и тем самым отомстите за смерть Ады. Из этого должно получиться отличное шоу. – Он ухмыльнулся. – Кажется, здорово придумано? Вроде бы неплохой способ уйти из жизни. Кто бы мог желать большего?

– Вы, быть может, думаете, что мы собираемся оставить вас совсем беззащитным, – прибавил Маркофф. – В таком случае вы ошибаетесь. Мы приготовили вам оружие. – Он достал из кармана ложку и сунул ее в кулак Олзмэна. – Ну вот, теперь вы готовы. Удачи.

Не произнеся больше ни слова, Маркофф и Стивенс встали из-за стола и покинули комнату.

3

Камера, в которую швырнули Олзмэна, представляла собой круглое помещение около шести метров в диаметре. Его провели через герметически закрывавшуюся дверь и оставили одного, сжимающего в руке смехотворное оружие. Ждать пришлось долго. Олзмэн потратил это время с пользой: заточил края ложки о стену, чтобы «оружие» стало чуть более серьезным.

Над камерой находилось второе помещение, такое же по размеру и форме, предназначенное для наблюдателей. Стекланный потолок нижней комнаты являлся одновременно полом верхней. Сквозь стекло Олзмэн видел Стивенса и Маркоффа. Они, улыбаясь, пили шампанское и с интересом посматривали вниз.

«Одно дело, если тебя просто убьют, – думал Олзмэн, – и совсем другое – умирать, зная, для каких низких целей используют твоё имя после смерти. Лучше уж жить, как тот пьянчужка, у которого больше нет имени».

Его размышления прервала откатившаяся в сторону вторая дверь камеры. За ней открылся темный коридор. Олзмэн остался на прежнем месте, возле двери, через которую его привели. Он ждал, когда появится кошмарная тварь. Но ничего не происходило.

«Жизнь – это ад, – подумал Олзмэн. – Ты можешь все делать правильно, можешь водить смерть за нос, а потом один неверный шаг, и все поггло».

Очевидно, таковы законы жизни. По крайней мере, его собственной.

Внезапно донесся чудовищный гнилостный запах. Олзмэна чуть не вырвало.

Потом он услышал громкое шарканье, и через несколько секунд показалась тварь.

Двигаясь по коридору, она задевала стены. Несмотря на жуткий вид, она явно была прежде человеком – или людьми. Из хитинового панциря торчала удлинившаяся и раздробленная нога; на морде трепетали напоминавшие пальцы щупальца, а в центре дрожащего живота имелся большой нарост, который был похож на застывшее в немом крике лицо Крэкса.

Вот тварь целиком протиснулась в камеру и громко заревела.

«Господи, – в ужасе подумал Олзмэн, – пусть это окажется галлюцинацией! Пусть это будет просто сон! Боже, дай мне проснуться!»

Он смежил веки, а когда снова открыл глаза, чудовище никуда не делось. Оно зарычало и бросилось в атаку.

Благодарности

Эта книга не состоялась бы без Фрэнка и Ника Мерреев, которые в нужное время предоставили мне прекрасное место для работы. Я должен поблагодарить их, а также «Le Trèfle Rouge» и всех замечательных людей, работающих в студии компьютерных игр «Visceral Games/EA», за то, что доверили мне перенести на бумагу отличную игрушку в жанре НФ-хоррор. И особую признательность хочу выразить моему редактору, Эрику Раабу, за его неизменно превосходную, хоть и неблагодарную работу.